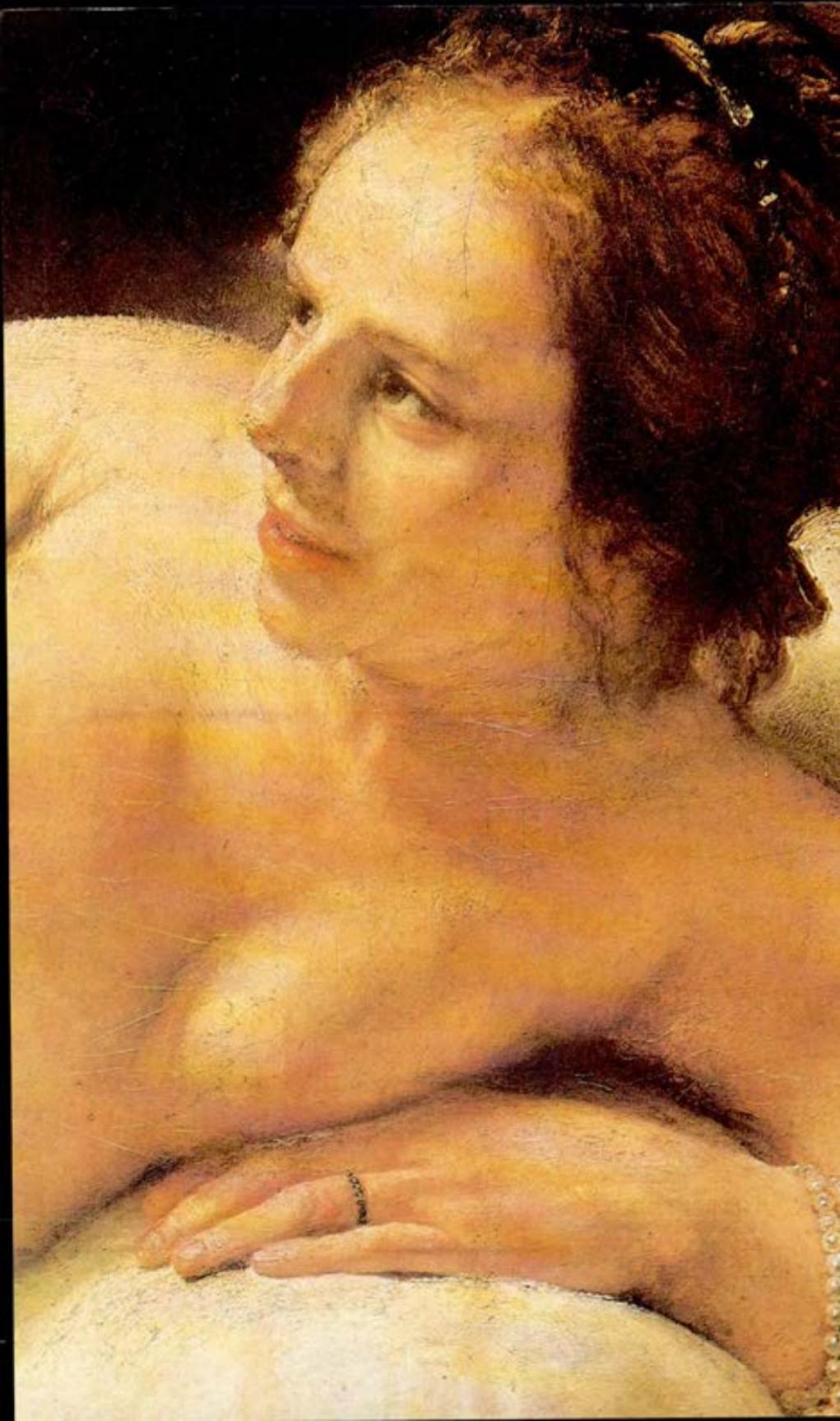

СИОНА

ISSN 0131 - 6656

1'95 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор

МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,

зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

СЕРГЕЙ ПОПОВ,

зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,

главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

Художественно-

технический редактор

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.10.94.

Подписано к печати 17.11.94.

Формат 84×108½.

Бумага «Газетная». Печать оф-

сетная. Усл. л. л. 15,54. Усл. кр.-

отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-

раж 93 200 экз. Заказ № 1808.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Рег. № 166.

Учредитель — коллектив

редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-

ращаться в издательство «Пресса».

257-28-30, 257-41-03.

1 (1563) ЯНВАРЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1995.

195

104 ПРОЗА

Николай Леонов

МЕНТ УХОДИТ Криминальная повесть

208

Эд Макбейн

ТОЛКАЧ Детектив

26 ПОЭЗИЯ

Николай Тряпкин

4 ВРЕМЯ И МЫ

Сергей Баймухаметов

КУСАЧИЙ ДРУГ

30

Валентин Осипов

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА ШОЛОХОВА Хроника
без легенд

80

Владимир Анисимов

ДЕШЕВИЗНА

173

Дмитрий Семеник

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА Беседа с экстрасен-
сом Юлией Воробьевой

18 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ? Конкурс
знатоков отечественной словесности

88

Эмиль Верхарн

РЕМБРАНДТ

178

Геннадий Красников

ПАРИЖ ЗАПОМНИЛ ЕЕ ИМЯ

Марк Алданов 182

ИНОСТРАННЫЙ МИНИСТР

198 ЮМОР

СМИРНОВ и К°

281

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

На 1-й обложке: рисунок ИГОРЯ СМИРНОВА.
(Читайте стр. 198)

Николай Карамзин.

«О МОСКОВСКОМ МЯТЕЖЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»

«Через несколько минут отворились кремлевские ворота, и народ увидел сего несчастного: палач вел его; судья уголовный держал в руке приговор к смерти. Мятежники не дали совершившемуся законному обряду казни и с лютостью растерзали человека, некогда для них страшного...»

Боб Томас.

«ПРЕСТУПНЫЙ МАСКАРАД» Боб Томас — американский писатель, работающий в жанре детектива. В предлагаемой вашему вниманию повести автор. Он отказывается от традиционного хеппи-энда и выносит на суд читателя образ главной героини — одновременно и преступницы, и жертвы, вызывающей не только осуждение, но и сострадание. Криминальный сюжет повести строится на событиях обыденной жизни: семейный конфликт между сестрами-близнецами приводит к тому, что Эдит Филлипс оказывается в ловушке, из которой нет выхода...

295

АНОНС

Кусачий друг

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

Фото ИГОРЯ ГНЕВАШЕВА

4

Бэмби и китайцы

В пятидесятые годы заметным событием в жизни Москвы было рождение в зоопарке маленького бегемотика, названного Бэмби. Почти все газеты и журналы страны писали о нем. А уж московские особенно. Вообще в те годы, вплоть до семидесятых, интерес к животным был чем-то вроде моды, сильного увлечения. Со страниц газет не сходила постоянная рубрика «В московском зоопарке», народ туда валом валил. Среди заядлых посетителей зоопарка был и Тариэл Габидзашвили, мальчик из артистической семьи, ученик художественной школы для особо одаренных детей, что в Лаврушинском переулке. Правда, ходил он туда вроде бы с учебной целью, на этюды. Но виданное ли дело, чтобы человек из школы сбежал не в кино или на

пляж, а в зоопарк, к зверям. До самого призыва в армию у Тариэла была одна жгучая мечта — завести собаку. Только кто же позволит такое в коммуналке?

Как ни странно, мечта его сбылась в армии. Попал он служить в Заполярье, работал в клубе, художнику в армии всегда найдется теплое место. Вместе с заведующим клубом и завели они собак на задворках. Все солдаты в увольнение рвутся в город, а Тариэл берет собак и — в тундре. Перед демобилизацией написал родителям: если хотите, чтобы домой вернулся, принимайте меня вместе с собакой... Мишкой звали кобеля, добрый он был, спокойный и умный.

С послевоенным устройством на работу у Тариэла не было проблем: люди, знакомые друг другу по зоопарку, указали ему верное место, Всесоюзный Зооцентр на подмосковной станции Планерная. Зооцентр занимался распределением

нием и перевозкой всякого разного зверя по заповедникам и зоопаркам страны и мира. Должность называлась зверовод-проводник, и первый рейс у Тариэла был с бегемотом Бэмби, старым знакомым еще по школьным годам. Отправляли Бэмби в Китай, и Тариэл с Сашей Щегловым сопровождали его до Петровска-Забайкальского, холили и лелеяли в пути. В одном эшелоне с Бэмби шли в Китай сцепки новеньких тепловозов, платформы с новенькими же грузовиками ГАЗ-51. Сильно дружили тогда наши государства. Но железо-то не требовало ухода в пути, а вот Бэмби приходилось трудно. Хоть и занимал он целый товарный вагон, а ванны-то нет. На станциях Тариэл и Саша, выбиваясь из сил, флягами натаскивали в вагон центнеры воды, чтобы хватило на дальний перегон. Как только на гиппопотамьей шкуре выступал пот крупными бисеринками — зна-

чит, надо поливать, окатывать Бэмби водой. Ну, понятно, чистить ему пасть после еды. Бэмби умный, поев, раскрывал пасть, похожую на черную пещеру. На воле-то чисткой занимаются птицы, а здесь — Саша с Тариэлом. Руками вытаскивали застрявшие между зубов ключья сена и прочего продукта, а потом с размаху окатывали пасть ведрами воды. Бэмби блаженствовал, он вообще спокойный был и покладистый. Только один раз, когда на какой-то станции пьяный железнодорожник полез посмотреть его поближе, бегемот заволновался и чуть было не разворотил вагон: видно, запах сивухи на дух не выносил.

В Петровске-Забайкальском, дочиста отдраив вагон и до блеска отмыв Бэмби, передали они зверя китайцам. А сами приняли от них встречный транспорт. Там были леопардовые кошки, китайские аллигаторы, виверры — зверушки, похожие одновременно на куницу и на енота, водяные оленята, чудные звери, точь-в-точь как наши косули, но только наполовину меньше. Однако и копытца при них, и глазки, и хвостик. Необыкновенные животные, живые игрушки. Так вот, крокодилы были как мумии, только чуть душа в них теплилась, остальные звери заросли грязью и навозом так, что чуть ли не в потолок уже упирались спинами. Неделю отмывали вагон и зверей Саша с Тариэлом. Вот тогда-то Тариэл, несмотря на горячую межгосударственную дружбу, в китайцах очень сильно разочаровался.

Собака с наскальных рисунков

Это — хортая борзая. Все знают длинношерстных русских псовых или русских борзых. Хортая бор-

Репетиция.

зая — гладкошерстная. Ее ближайшие родственники — азиатские борзые тазы и тайганы. Но если русские борзые — национальное достояние, порода культивируется, специалисты следят за ней, то хортаки оказались чуть ли не беспризорными. Гладкошерстные борзые распространены в южно-русских степях, они — верные помощники чабанов в Калмыкии, Ставрополье, на Кубани. Старые чабаны собак понимают, ведут породу. Но в последнее время появились там сотни скорохватов, как называет их Тариэл, — людей, что идут в чабаны на два-три года, на машину заработать, а там — трава не расти. Вот они-то и могут сгубить породу, потому что им все равно, кто из собак на ком женится.

Самое удивительное в этой истории то, что крупнейший питомник по разведению чистокровных хортых борзых находится не где-то на юге России, а в Москве. Мало того, на территории Ботанического сада Московского государственного университета. И ведут породу только два человека — Тариэл Габидзашвили с верным помощником Олегом Угловым.

Как попал Тариэл в МГУ — особый случай. В Зооцентре на Планерной он проработал недолго. Как-то приехал туда директор «Центрнаучфильма» Шубин и сразу же приметил способного парня. Талант общения со зверями — большая редкость, и потому понятно, что Шубин тотчас же переманил Тариэла к себе на студию, где вскоре Тариэл стал дрессировщиком и по сути, и по должности. Даже карьеру сделал со временем, назывался главным дрессировщиком. Его медведицы, лисы, волки, кошки, ястребы, собаки снимались в сотнях научно-популярных и в десятках художественных фильмов — от «Тиля Улен-

шпигеля» до «Наримана Нариманова». Довольно быстро Тариэл стал человеком самостоятельный, выкупил зверей в личное пользование и работал на «Мосфильме» вольным дрессировщиком, участвовал в съемках по договору. На студии его зверям отвели место на задворках, рядом с пиротехническим складом.

А поскольку звери всегда находятся под опекой ученых людей, то Тариэл познакомился в те годы с биологами из МГУ, из Института морфологии животных. Они-то и пригласили его на работу в университет.

Официально он числится собаководом. Обязанность — охранять довольно обширный и богатый редкой растительностью Ботанический сад МГУ от варваров, кому нет ничего сладче, чем сорвать и загубить диковинное дерево или цветок. Испокон веков стражу здесь несли собаки. И сейчас любой, кто проходит по Мичуринскому проспекту, может увидеть, как бегают они вдоль железной изгороди. Только это не полудикие псы, а изящные хортые борзые, которые, между прочим, никогда не набрасываются на злоумышленника или придурука-подростка, если тот перелезет через забор, а только лишь остановят, задержат до прихода хозяина.

Конечно, после «главного дрессировщика» должность вроде бы незавидная. Но зато твердый официальный статус и полная свобода. Тариэл практически хозяин на этой громадной территории, у него здесь есть все для нормальной, спокойной работы и жизни. Это ведь не то что приживала в уголке «Мосфильма», на птичьих правах. А здесь, хочешь сниматься в фильмах — твоя воля, хочешь держать своих зверей — держи на здоровье. И Тариэлу такие условия по душе, и ученым со студентами

польза, потому что всегда под рукой есть животина для наблюдений.

Вот и живет почти два десятка лет Тариэл со своими подопечными чуть ли не в центре Москвы. А то, что разводит он здесь не каких-нибудь других собак, а именно хортых борзых, тоже не случайность, а сознательный выбор Тариэла. В первую и единственную очередь потому, что интересно. Считается, что первая собака была приручена на территории Средней Азии двенадцать тысяч лет назад. Всем известны изображения собак на наскальных рисунках, на древнеегипетских папирусах.

Так вот, азиатские тазы, тайганны и южнорусские хортые борзые — точь-в-точь те самые собаки с древних рисунков. Реликтовые звери.

Микуша

Медведица Микуша — самая давняя подруга Тариэла Габидзашвили. Он, работая после армии в Зооцентре, встречал ее из Архангельска, отправлял на базу «Центрнаучфильма», а когда сам пришел на студию, сразу же взял Микушу к себе. И вот уже третий десяток лет они неразлучны, отмечают юбилейные даты. На последнем торжестве за накрытым столом Микуша восседала в наполненной водой ванне, поскольку было очень жарко, а Тариэл — в венке из виноградных гроздьев и листьев... Конечно, бывает, что они ворчат, обижаются друг на друга, но почти никогда не ругаются. Может, потому, что характером схожи.

Микуша, как и Тариэл, от природы одарена немалой силушкой, но умеет точно соразмерять ее, когда вздумает пошутить.

Как-то, когда Микушу перевозили из Голицына в Москву, остановил их на дороге постовой ГАИ, решил поближе познакомиться с диковинным путешественником. Взобрался на колесо грузовика, лицом вплотную к клетке и начал разговоры разговаривать, чуть ли не руки в клетку просовывать. Микуше это быстро надоело: ни конфет, ни печенья... Другая на ее месте могла бы и цапнуть когтистой лапой, ударить. Но только не Микуша. Она молниеносным движением, сверху вниз, надвинула милиционеру фуражку на лицо, мягко толкнула его так, что он плавно сел на асфальт.

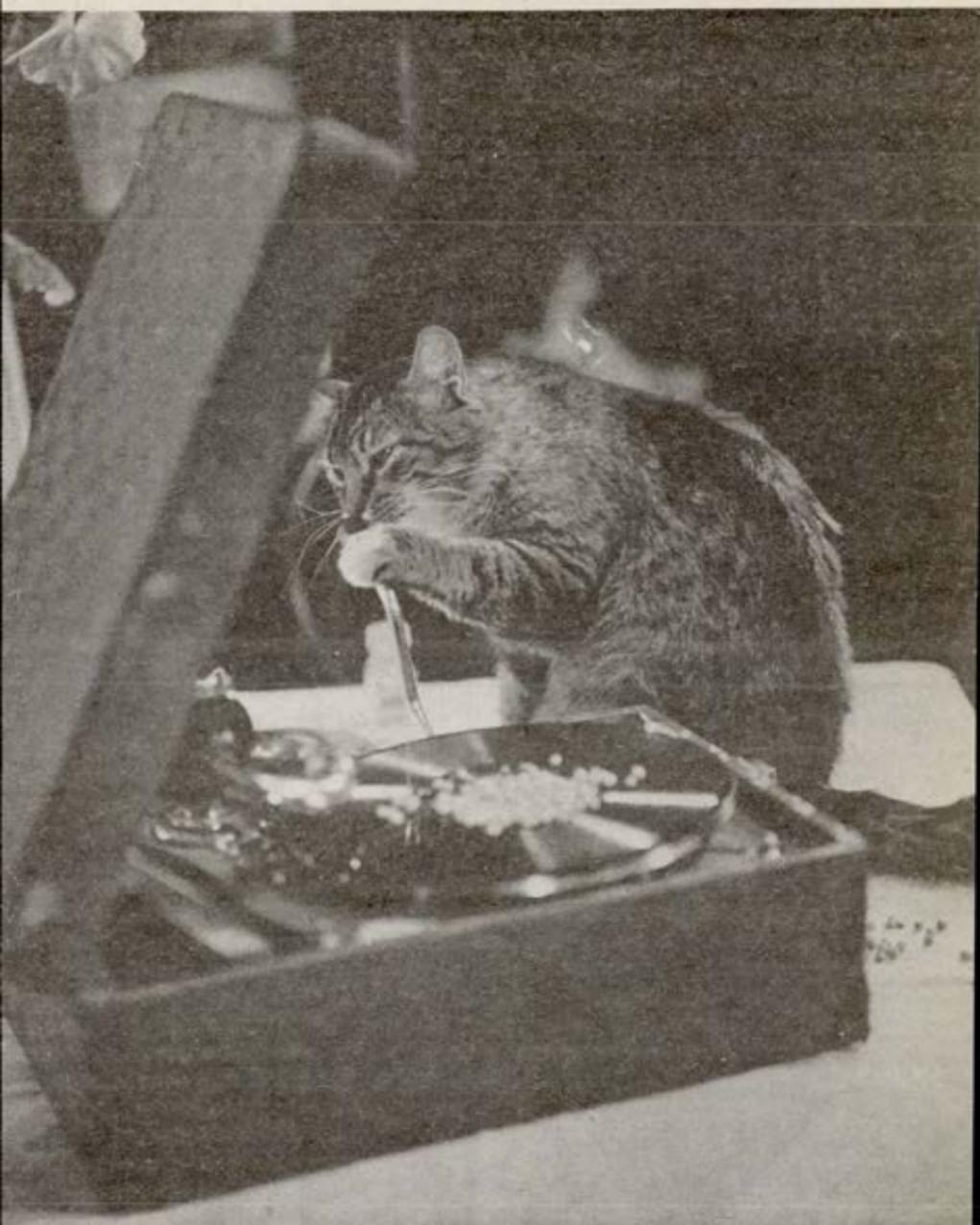
Примерно то же самое было и на съемках фильма «Сказка о царе Салтане». Народу там много, да все люд праздный, любопытствующий. И есть на что посмотреть: на одном холме шатры царя Салтана, на другом — Гвидона. Но больше всего досужих зрителей толпилось, конечно, у клеток со зверями. Пока конфеты и печенье давали, Микуша терпела. Но одна из любопытных девиц была уж очень настойчива, к тому же без угощения. Вот Микуша изловчилась, зацепила одним коготком недавно вошедший в моду сплошной купальник без бретелек и вмиг оставила девицу в чем мать родила перед глазами многочисленной публики.

Тариэл уверен, что Микуша шалила и шалит совершенно сознательно, уж он-то знает и видит, какие огоньки загораются в этот момент в глазах медведицы.

И вот эта веселая, добрая медведица играла в «Злом духе Ямбую», одном из знаменитых фильмов семидесятых годов, роль свирепого медведя-людоеда. Так сыграла, что навела ужас на всех зрителей. Как-то приезжал сюда, в Ботанический сад, на стажировку молодой зверовод из Киргизии.

«Микуша, и про меня не забудь...»

Любимая пластинка.

И Тариэл Варламович предложил ему не мотаться в общежитие и обратно, а жить здесь, в домике, возле клеток с медведями. Но после первой же ночи стажер отказался: мол, не могу, как услышу медвежий рев, так сразу вспоминаю фильм «Злой дух Ямбуя»... И тогда Тариэл показал ему, кто был тем самым людоедом из Ямбуя. После чего стажер успокоился.

А действительно, как можно было заставить доброго ласкового зверя играть роль свирепую роль? Ну, у дрессировщиков свои профессиональные тайны и нечего распространяться о них, тем более что неизвестно, кто и какими воспользуется. Но про одну уловку рассказать можно. Помните, как медведь-людоед разносит по бревнышку сруб, чтобы добраться до спрятавшегося там человека? Так вот, на съемках в срубе пряталась Анюта Шубкина, тогда еще не кандидат биологических наук, а просто лаборантка из Института морфологии животных имени Северцева. Причем пряталась не просто так, а со сковородкой только что поджаренной яичницы. А яишенку Микуша любит. Впрочем, и Анюту тоже.

Фенька

Другое дело — медведица Фенька. Она почти ровесница Микуше, но выросли они по-разному. Микуша с пеленок в особом мире, где люди и звери работают, связаны негласным договором. А Фенька была живой игрушкой в одной московской семье. Когда подросла, стала неудобной, ее отдали в цирк на Цветном бульваре. Там с ней немало помучились. Со зверями, с пеленок не знающими закона, всегда много хлопот. Поначалу она жила в квартире клоуна на Кропоткинской, так ее гулять водили только тогда, когда в полном со-

ставе собиралась команда силовых акробатов.

В общем, через некоторое время оказалась она в руках Тариэла. Научилась, работала и работает. Но ухо с ней надо держать востро. Особенно на съемках, где всегда шумно, бестолково. К тому же киношники не понимают... Им кажется, что если все актеры послушны их воле, то то же относится и к зверям. В Баку, на съемках фильма «Нариман Нариманов», они вдруг поставили осветительную аппаратуру, которой не было на репетициях. И сколько ни твердил Тариэл, что медведица сразу же отреагирует на изменение в обстановке, его не послушали.

Как только включили осветительные аппараты, Фенька буквально обезумела, принялась мотать по площадке старику поводыря-актера. Подоспел Тариэл и перехватил повод. Но медведица уже не слушалась и его, потащила по песку, ударила о камень. Тариэл выпустил повод, к счастью, Фенька не боянила, никого не тронула и прыжком влетела в свою клетку, села там на зад, оскалившись.

Тариэл знал, что подходить к ней уже бесполезно. Ладно, что съемочный день пропал, но никто ведь не знает, не откажется ли она вообще сниматься в сцене, мало ли что в голове у зверя творится. Но положение спас Топуш, верный друг Тариэла, помесь казской овчарки с московской сторожевой. Увидев непорядок, оценив ситуацию, он влетел в клетку и несколькими ударами грудью буквально вытолкал медведицу на площадку. Осветительную аппаратуру убрали, и Фенька под приглядом Топуша сделала все, что положено актрисе.

Второй режиссер благодарил чуть ли не со слезами: «Спасибо, ребята, съемочный день спасли».

Взаимность...

На что Тариэл буркнул: «А мы-то при чем, благодаря Топуша»...

Топуш

Топуш долгие годы был ангелом-хранителем Тариэла. В самом прямом смысле слова. Во всех экспедициях, на всех съемках он был рядом. Жизнь спасал хозяину. Ведь та же медведица Фенька одним ударом лапы может невзначай снести голову, а за ней, за Фенькой, Топуш следил безотрывно, глаз не спускал. Уж он-то сразу чувствовал малейшие изменения в ее настроении. И чуть что вылетал вперед, с разгона бил ее грудью и усаживал на зад; такой силищи пес был. И добродыни неимоверной. Наверное, противников своих он мог легко задавить и растерзать, но не трогал их никогда: только ударит грудью, съебет с ног — и все.

Однажды он один управился с тремя волками. Пусть и волки были свои, из группы Тариэла, но все-таки волки... Не только управился, а спас жизнь операторам.

Тут опять же причиной всего была самодеятельность киношников. Им как-то в голову не приходило, что зверь, даже если он дрессированный, признает только хозяина. Перед всеми остальными у него никаких обязательств нет, табу на них не распространяется.

Дело было на съемках фильма «Земля Санникова». Снимали финальную сцену, в которой главный герой (его играл Владислав Дворжецкий) добирается до Большой земли, в изнеможении падает в снег и его окружают волки. Дублером Дворжецкого был Тариэл. Лежит он, уткнув лицо в снег, а волки его обнюхивают. Вдруг чует он, что волков нет, ушли куда-то. Перед этим Тариэл всех разогнал по вагончикам, наказал

не высываться, а операторы должны были вести съемки с крана и только с крана. А тут они, решив сделать другой план, опустили кран и снимают с земли. И, естественно, тут же, на земле, все и толпятся. А волки, во главе с волчицей, бегут. Понятно, не сразу на них, а как бы чуть в сторону. Операторы не осознают, что сейчас будет. Тариэл вскочил, но, поняв, что не успевает, крикнул ассистенту в кузове грузовика: «Пускай Топуша!» И вовремя. Волчица, развернувшись, бросилась на людей, но Топуш уже вылетел на встречу, сбил ее и придавил к земле. Другие волки налетели на него сзади и сбоку, но Топуш, не отпуская волчицу, отбивал их ударами бедер. Тут подоспел Тариэл, поймал сброшенные с машины ошейники и усмирил волков.

После этого случая Владислав Дворжецкий тоже решил завести собаку. Но просил щенка только от Топуша.

Выдренок Серега

Будучи в командировке в Калининграде, Тариэл услышал, что в одном доме живет маленький выдренок, собака нашла на охоте. Сосунок еще, без мамы, пропадает. Все командировочные Тариэл потратил на него, жил на макаронах, зато приехал домой с маленьким пушистым зверьком за пазухой. Обрадовал маму-пенсионерку. Как они ухитрялись прятать выдренка от соседей по коммуналке, сейчас даже и представить невозможно. Однако умудрялись.

Зверек чистоплотный, ходил в керамический горшок из-под цветов. Достаточно было один раз горшок ему подставить — и все, сразу понял.

Слава Богу, готовую рыбу он есть умел. А вот плавать и уж тем

более ловить — нет. Ведь зверей мамы учат, как жить на этом свете. У маленького выдренка и мамой, и папой стал Тариэл. Надевал Тариэл куртку с поясом, прятал за пазуху Сережу, тот обвивался вокруг него — и отправлялись они на электричке за город. Если что надо — высунет мордочку усатую. Тариэл даст ему палец, он начинает сосать и засыпает.

На речке, на чистом ручье, Тариэл насаживал на леску купленную рыбку, водил по реке, учил охотиться. Научил. Если мелкая рыбешка попадалась, Серега там же, в воде, на спину перевернувшись, съедал ее. А если крупная, весомая добыча, выносил на берег и складывал к ногам хозяина. Или, что больше всего любил, запускал в какую-нибудь лужицу и только потом гордо смотрел на хозяина: ну, как я? «Молодец, Серега!» — хвалил его Тариэл и давал награду: хлеб с маслом любил Сережа, яичко вареное, мясцо сырое уважал, спелую вишню, сливы, яблоки, иногда свежую морковку. Потом, на удивление, ему по вкусу пришли мандарины и апельсины. С чего это — непонятно. Кислоты нужны были, витамины. Но в основном, конечно, рыба, килограмма два в сутки. И мяса сырого граммов триста. Особенно курятинку сырую любил.

Когда Серега окреп, поехал он с хозяином на остров Врангеля, сниматься в главной роли в одной из работ «Центрнаучфильма». Они там вдвоем охотились: Тариэл брел по галечной косе, а Серега — по разводьям среди льда. Если Тариэл сверху видел вытаявшие во льду омутки, бросал мелкий камешек. Серега, понимая сигнал, тут же уходил на глубину, на разведку, на добычу. Вытаскивает рыбину: поймал. Если позволит ему есть, он охотиться не будет. Но и просто так забрать нельзя: по

рукам треснет — мол, кто ловил, ты или я? Значит, надо чем-то угостить, отвлечь. В общем, на родном Севере Серега сам себя обеспечивал: за сезон съемок заматерел, мощным зверем стал.

Однажды в середине лета на острове Врангеля грязнул снежный буран, намело зеленовато-голубые сугробы с метр высотой. Серега буквально ошелел от счастья. Вначале под снег забивался, туннели там прокладывал, а потом научился кататься с горки. Разбегался на коротких лапках изо всех сил, убирал лапки, вздымал головку с курносым носом и усами и летел вниз по снежному склону, как лыжа, сверкая черными круглыми глазами. Видно было, что зверь радуется! Тариэл, обзавидавшись, и сам пробовал так кататься, но чуть шею не свернул. В робе ведь далеко не укатишься, а у выдры — мех. Не случайно же северные люди лыжи мехом подбивают...

Был Сергей и на Юге, на съемках фильма «Сказка о царе Салтане». Там он приспособился на хлебничать, или, по-нынешнему говоря, рэкетом занялся. Услышит на берегу свист лески, треск спиннинговой катушки — бегом туда. Как увидит рыбешку на крючке, подбегает к рыбаку, обнимает его ногу двумя лапами, приподнимается, задирает круглую усатую башку: мол, давай, делись добычей с братом меньшим...

Серега, как и Микуша, любил пошалить, подшутить над кем-нибудь. Однажды шли они человечье-звериной компанией по южному берегу, смотрят сверху, а в тихой зеленовато-прозрачной бухточке благостно плещется белый-белый человек, балетмейстер съемочной группы. Вдруг видят, в воде появился Серега, который только что был рядом с ними. Бесшумно подплывает к балетмейстеру и аккуратно, нежно опускается

мокрым меховым телом ему на спину... Что там было, какой крик — можно не пересказывать.

А в подмосковных ручьях и речках, в изобилии богатых бутылками, консервными банками и прочей дрянью, любил найти консервную банку с выбитым, выпавшим дном, надевал ее на шею и гордо выходил на берег, подняв голову: полюбуйтесь, какое украшение, хорош я, а?

А в остальном был зверь серье-
зный, на охоте не допускал никакого легкомыслия. Если попадал на незнакомое озеро или речку, не бросался в нее очертя голову, как бы ни соскучился по вольной воде, а вначале долго и методично обследовал окрестности, ширину, глубину, отмели — и только потом начинал резвиться.

Спал он забавно: на боку, за-
крыв глаза лапой...

«Шкурный» интерес
(на съемках фильма
«Земля Синникова»).

17

Другая жизнь

Чужая судьба, особенно такая необычная, непохожая на наши с вами, всегда вызывает много вопросов. Но ответить на них не дано никому, кроме самого Тариэла. Я же, не делая нескромных попыток сказать что-либо о нем, замечу только одно. Посмотрите на Тариэла, на тех, кто всю жизнь свою

проводит среди детей природы. Об их характере — о простоте, доброте, открытости я не говорю, это само собой разумеется. Я не о том. Посмотрите на них: вы никогда не угадаете их возраста. Это другие люди.

Разумеется, у Тариэла Варламовича Габидзашвили есть и иная жизнь, в которой он такой же, как мы с вами. Есть у него семья, комната в коммунальной квартире на Башиловке. Но там он почти не бывает, дни и ночи проводит здесь, на питомнике. Как он говорит, отсюда-то всегда можно домой позвонить, узнать, как там и что. А с Башиловки не узнаешь, что со зверями, с собаками. Измучавшись только, лучше уж здесь... А, на мой взгляд, Тариэла просто невозможно представить в комнатах городской квартиры, пусть даже это не коммуналка, а просторные хоромы. Не входит он туда, не помещается. Ему не тесно только под открытым небом.

И, наверное, он-то, с его знанием характеров, норова зверей, с его умом и способностями давно мог закончить какой-нибудь заочный институт, вести научную работу, книги писать. Но это был бы уже другой человек, другая судьба. А о своей же судьбе Тариэл Варламович говорит очень просто: «Я самый счастливый человек на свете, потому что всю жизнь занимался только тем, что мне интересно».

Это его точные слова. Одно к одному.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ

18

Решительно ответить на этот вопрос, строго говоря, невозможно: знание в этом смысле — категория весьма относительная, и, конечно, правомернее поставить вопрос иначе: насколько вы знаете русскую литературу? В этом, собственно, и заключен необходимый любому творческому соревнованию «спортивный» интерес нового нашего конкурса.

Причин, побудивших предложить его читателям, несколько, но прежде всего неожиданно-оптимистические результаты конкурса прошлого — знатоков мировой живописи, которые не только подтвердили значительный интеллектуальный уровень читателей, но и, что более важно, неизбывную потребность в творчестве, в общении с прекрасным, особенно драгоценную в наше прагматически-унылое время.

На этот раз мы предлагаем вниманию читателей 60 не очень известных отрывков из очень известных произведений русской литературы. Но, прежде чем решиться отвести конкурсу несколько страниц в трех номерах журнала, мы должны были задать себе вопрос: «Не много ли, не отпугнет ли участников объем предстоящей работы?»

Ответ, однако, оказался до чрезвычайности прост и решил сам собою уже в ходе поиска цитат: даже просто

читать строки шедевров русской литературы — чувствовать плавный звук русской речи, ощущать мерное дыхание русской фразы, наслаждаться ослепительной красотой русского слова, наконец, оживлять в памяти впечатления от когда-то прочитанного, угадывать манеру, стиль, руку писателя и такими извилистыми, но увлекательными путями доискаваться в конце концов отгадки — само по себе уже эстетическое наслаждение, и, скажите, кому из рожденных в России занятие это покажется излишне продолжительным? Во всяком случае, сотрудник, составлявший задания, признался, что на себе почувствовал, как нескорая и непростая эта работа — отбор лучшего из лучшего — действовала на него целительно-очищающе, как глоток из родника после городского водопровода, как вдох настоящего на хвое воздуха среди удушья московского Садового кольца. И стоит ли сомневаться, что миниатюрная эта, но в известном роде все же хрестоматия по русской литературе сама по себе будет полезной каждому читателю «Смены», независимо от того, решится ли он принять участие в состязании. Участником его — и, подчеркиваем это, на равных — может быть каждый читатель. Подобно тому, как высшее образование отнюдь не определяет интеллигентность, так и здесь вступают в силу категории, не зависящие ни от диплома, ни от рода занятий, и речь идет только о степени начитанности, памяти и, конечно, о приверженности, а говоря проще, любви к национальным духовным ценностям, тем самым, в которых русская литература, бесспорно, первенствует.

Итак, 60 отрывков из произведений русских писателей распределены в трех турах конкурса. Участники должны попытаться дать наибольшее число правильных ответов. За каждый правильный ответ, который должен включать в себя точное название произведения, а также имя и фамилию автора, будет начисляться одно очко. Победители будут определены по наибольшей сумме набранных очков во всех трех турах и соответственно тому награждены призами — подарочными изданиями и собраниями сочинений русских писателей, а также дипломами «Смены». О результатах мы сообщим в декабрьском номере журнала.

Ответы на вопросы январского тура с пометкой «На конкурс «Знаете ли вы русскую литературу?» следует отправить в редакцию до 15 апреля (срок отправки — по почтовому штемпелю).

Желаем успеха.

Первый тур

1

Маша хорошо знает русскую литературу — вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попреременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика.

2

...Вот в губернском правлении, гражданских и казенных палах совсем другое дело: там, смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Фрачишка на нем гадкий, рожа такая, что плонуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси к нему: «это, говорит, докторский подарок»; а ему давай пару рысаков, или дрожки, или бобер рублей в триста. С виду такой тихонький, говорит так деликатно: «одолжите ножичка починить перышко», а там обчистит, только одну рубашку оставит на просителе.

20

3

Помню поездки к обедне, в Рождество.

Тут все было необычайно, празднично: кучер в желтой шелковой рубахе и плисовой безрукавке на козлах тарантаса, запряженного тройкой; отец с свежевыбранным подбородком и по-городскому одетый, в дворянском картузе с красным окольшем, из-под которого еще мокро чернеют по-старинному, косицами начесанные от висков к бровям волосы, мать в красном, легком платье со множеством оборок; я, напомаженный, в шелковой рубашечке, с праздничной напряженностью в душе и теле...

В поле уже душно, жарко, дорога среди высоких и недвижных хлебов узка и пылит, кучер барственno обгоняет мужиков и баб, тоже наряженных и тоже едущих к празднику.

4

Событие, рассказ о котором ниже сего предлагается вниманию читателей, трогательно и ужасно по своему значению для главного героического лица пьесы, а развязка дела так оригинальна, что подобное ей даже едва ли возможно где-нибудь, кроме России.

Это составляет отчасти придворный, отчасти исторический

анекдот, недурно характеризующий нравы и направление очень любопытной, но крайне бедно отмеченной эпохи тридцатых годов совершающегося девятнадцатого столетия.

Вымысла в наступающем рассказе нет никакого.

5

Еще далеко было до солнца, еще в темноте скрипели и пищали возы, в немногих магазинах со скроготом отворялись двери и ставни, еще безжизненно-холодны были огромные окна дворцов и особняков.

Но по темным, с редкими пятнами тускнеющих фонарей улицам торопился уж мелкий чиновный люд. В подвалах, на чердаках, в общарпанных бедных домах загорались слабые желтые огни, и свет из окон сквозь замороженные стекла туманно падал на снег, а по лиловому небу летели первые черные галки и все в одну сторону, все молча. И колебался над городом — далеко и близко, явственно, густо и отдаленно, еле различимо, — колебался ровно и ритмично колокольный звон: звонили к заутрене.

Чуть ли не к десяти часам взошло наконец солнце, и поднималось оно медленно — свирепо-холодное, дымное, к десяти часам утра только засияли под ним розовым серебром купол и колонны Исаакия, замглилась тусклой иглой Петропавловская крепость, неестественно выпрямился Медный всадник, восстал Зимний дворец, и бросила на Дворцовую площадь тень свою шестерка коней на арке Главного штаба.

Солнце взошло будто затем только, чтобы взглянуть, не исчезла ли, не рассыпалась ли прахом за ночь великолепная столица. И, увидев, что не исчезла, тут же подернулась мглой облаков. Так начинался этот ослепительный с утра и тотчас померкнувший зимний петербургский день.

21

6

В недостроенном доме на Варварке, внизу которого был питейный дом, слышались пьяные крики и песни. На лавках у столов в небольшой грязной комнате сидело человек десять фабричных. Все они, пьяные, потные, с мутными глазами, напруживаясь и широко разевая рты, пели какую-то песню. Они пели врозь, с трудом, с усилием, очевидно, не для того, что им хотелось петь, но для того только, чтобы доказать, что они пьяны и гуляют. Один из них, высокий белокурый малый в чистой синей чуйке, стоял над ними. Лицо его с тонким прямым носом было бы красиво, ежели бы не тонкие, поджатые, беспрестанно двигающиеся губы и мутные и нахмуренные, неподвижные глаза. Он стоял над теми, которые пели, и, видимо, воображая себе что-то, торжественно и угловато размахивал над их головами засученою по локоть белою рукой, грязные пальцы которой он неестественно старался растопыривать. Рукав его чуйки беспрестанно

спускался, и малый старательно левою рукой опять засучивал его, как будто что-то особенно было важное в том, что эта белая жилистая махавшая рука была непременно голая. В середине песни в сенях и на крыльце послышались крики драки и удары. Высокий малый махнул рукой.

— Шабаш! — крикнул он повелительно.— Драка, ребята! — и он, не переставая засучивать рукав, вышел на крыльцо.

7

У нас, русских, вообще говоря, никогда не было глупых надзвездных немецких и особенно французских романтиков, на которых ничего не действует, хоть земля под ними трещи, хоть погибай вся Франция на баррикадах — они всё те же, даже для приличия не изменятся, и всё будут петь свои надзвездные песни, так сказать, по гроб своей жизни, потому что они дураки. У нас же, в русской земле, нет дураков: это известно; тем-то мы и отличаемся от прочих немецких земель. Следственно, и надзвездных натур не водится у нас в чистом их состоянии. Это всё наши «положительные» тогдашние публицисты и критики, охотясь тогда за Костанжоглами да за дядюшками Петрами Ивановичами и сдуру приняв их за идеал, навыдумывали на наших романтиков, сочтя их за таких же надзвездных, как в Германии или во Франции. Напротив, свойства нашего романтика совершенно и прямо противоположны надзвездно-европейскому, и ни одна европейская мерочка сюда не подходит.

8

Отсутствие мое из ада, мудрый и ученый Маликульмульк, есть главнейшая причина моего молчания. Я принужден был более двух месяцев пробыть в Париже. Тебе известно, что со времен великолепного Агриппы, открывшего людям тайну вызывать нас против воли на тот свет, нередко мы принуждены бываем, оставя мрачное наше жилище, исполнять их повеления.

Некоторый стихотворец, коего обстоятельства были в великой расстройке, принужденным себя нашел страшнейшими заклинаниями призывать нас к себе на помощь. Вельзевул, услыша томный голос сего питомца муз, приказал мне осведомиться немедленно, чего он желает. Исполняя сие повеление, представ я пред него в виде таможенного сборщика.

9

Вошел человек лет тридцати пяти, несколько сутулонатый, курчавый, смуглый, с лицом неправильным, но выразительным и умным, с жидким блеском в быстрых темно-синих глазах, с прямым широким носом и красиво очерченными губами. Пластие на нем было не ново и узко, словно он из него вырос.

Он проворно подошел к Дарье Михайловне и, поклонясь коротким поклоном, сказал ей, что он давно желал иметь честь представиться ей и что приятель его, барон, очень сожалел, что не мог проститься лично.

10

Главным, так сказать, основным свойством этой женщины было изумительное лукавство. Она хитрила постоянно, каждую минуту,— по-видимому без всякой надобности, а как бы по инстинкту, по тем же побуждениям, по каким воробей чирикает или таракан шевелит усами. Она хитрила со мной, с лакеями, с портье, с торговцами в магазинах, со знакомыми; без кривляния и ломания не обходился ни один разговор, ни одна встреча. Нужно было войти в наш номер мужчине,— кто бы он ни был, гарсон или барон,— как она меняла взгляд, выражение, голос, и даже контуры ее фигуры менялись. Если бы вы видели ее тогда хоть раз, то сказали бы, что более светских и более богатых людей, чем мы, нет во всей Италии. Ни одного художника и музыканта она не пропускала, чтобы не налгать ему всякого вздора по поводу его замечательного таланта.

— Вы такой талант! — говорила она сладко-певучим голосом.— С вами даже страшно. Я думаю, вы должны видеть людей насквозь.

И все это для того, чтобы нравиться, иметь успех, быть обаятельной! Она просыпалась каждое утро с единственной мыслью: «нравиться!». И это было целью и смыслом ее жизни.

23

11

Когда появлялась Ольга Вячеславовна, в ситцевом халатике, непричесанная и мрачная, на кухне все замолкали, только хозяйственно прочищенные, полные керосина и скрытой ярости, шипели примусы.

От Ольги Вячеславовны исходила какая-то опасность. Один из жильцов сказал про нее:

— Бывают такие стервы со взведенным курком... От них подальше, голубчики...

С кружкой и зубной щеткой, подпоясанная мохнатым полотенцем, Ольга Вячеславовна подходила к раковине и мылась, оказывая из-под крана темноволосую стриженную голову. Когда на кухне бывали только женщины, она опускала до пояса халат и мыла плечи, едва развитые, как у подростка, груди с коричневыми сосками. Встав на табуретку, мыла красивые и сильные ноги. Тогда можно было увидеть на ляжке у нее длинный поперечный рубец, на спине, выше лопатки, розово-блестящее углубление — выходной след пули, на правой руке у плеча — небольшую синеватую татуировку. Тело у нее было стройное, смуглого, золотистого оттенка.

Все эти подробности хорошо были изучены женщинами, насе-

лявшими одну из многочисленных квартир большого дома в Зарядье.

12

Слава Богу! Все стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки, Лена течет излучинами, и ямщики, чтоб не огибать их, едут через мыски и *зашки*, как называют небольшие слободки. В деревнях по улице бродят лошади: они или заигрывают с нашими лошадями, или, испуганные звуком колокольчиков, мчатся, что есть мочи, вместе с рыжим поросенком в сторону. Летают воробы и грачи, поют петухи, мальчишки свищут, машут на проезжающую тройку, и дым столбом идет вертикально из множества труб — дым отечества! Всем знакомые картины Руси! Недостает только помещичьего дома, лакея, открывавшего ставни, да сонного барина в окне... Этого никогда не было в Сибири: и это, то есть отсутствие следов крепостного права, составляет самую заметную черту ее физиономии.

13

24

Наружность князя соответствовала его нраву. Отличительными чертами более приятного, чем красивого лица его были простосердечие и откровенность. В его темно-серых глазах, осененных черными ресницами, наблюдатель прочел бы необыкновенную, бессознательную и как бы невольную решительность, не позволяющую ему ни на миг задуматься в минуту действия. Неровные взъерошенные брови и косая между ними складка указывали на некоторую беспорядочность и непоследовательность в мыслях. Но мягко и определенно изогнутый рот выражал честную, ничем не поколебимую твердость, а улыбка — бесприязычательное, почти детское добродушие, так что иной, пожалуй, почел бы его ограниченным, если бы благородство, дышащее в каждой черте его, не ручалось, что он всегда постигнет сердцем, чего, может быть, и не сумеет объяснить себе умом. Общее впечатление было в его пользу и рождало убеждение, что можно смело ему довериться во всех случаях, требующих решимости и самоотвержения, но что обдумывать свои поступки не его дело и что соображения ему не даются.

14

Приятный для Прохора Порфирича субъект пробуждался в понедельник в какой-то совершенно неизвестной ему местности. Только самое тщательное напряжение разбитой «после вчерашнего» головы приводило его к заключению, что это или архиерейская дача, за пять верст от города, или Засека, за четырнадцать верст, или, наконец, родная улица и жена со слезами, упреками или поднятыми кулаками. Успокоившись

насчет местности, бедная голова мастерового успевает тотчас же проклясть свое каторжное существование, дает самый решительный зарок не пить, а опохмелиться. Такое богатство мыслей совершенно не соответствует внешнему виду мастерового: на нем нет ни шапки, ни чуйки, куда-то исчезли новенькие «коневые» сапоги, но почему-то уцелела одна только «жилетка». Мастеровой понимает это событие так: около него возились не воры-разбойники, а, быть может, первые друзья-приятели, которые, точно так же, как и он, проснулись с готовыми лопнуть головами и такие же полураздетые или раздетые совсем. Тот, кто оставил на мастеровом «жилетку», думал так: «Чай, и ему надо похмельться чем-нибудь!»

15

В 1833 году, декабря 21-го дня в 4 часа пополудни по Вознесенской улице, как обыкновенно, валила толпа народу, и, между прочим, шел один молодой чиновник: заметьте день и час, потому что в этот день и в этот час случилось событие, от которого тянется цепь различных приключений, постигших всех моих героев и героинь, историю которых я обещался передать потомству, если потомство станет читать романы, — итак, по Вознесенской шел один молодой чиновник, и шел он из департамента, утомленный однообразной работой, и мечтая о награде и вкусном обеде — ибо все чиновники мечтают! — на нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель со старым бобровым воротником, черты лица его различить было трудно, причиною тому козырек, воротник, — и сумерки; — казалось, он не торопился домой, а наслаждался чистым воздухом морозного вечера, разлившего сквозь зимнюю мглу чистые розовые лучи свои по кровлям домов, — соблазнительным блистанием магазинов и кондитерских; порою подняв глаза кверху с истинно поэтическим умилем, сталкивался он с какой-нибудь розовой шляпкой и, смущившись, извинялся; коварная розовая шляпка сердилась, — потом заглядывала ему под картуз и, пройдя несколько шагов, оборачивалась, как будто ожидая вторичного извинения; — напрасно! молодой чиновник был совершенно недогадлив!.. но еще чаще он останавливался, чтоб поглазеть сквозь цельные окна магазинов или кондитерской, блестящей чудными огнями и великолепной позолотою. Долго, пристально, с завистью разглядывал различные предметы, — и, опомнившись, с глубоким вздохом и стоической твердостью продолжал свой путь; — самые же ужасные мучители его были извозчики (...)

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

Сосновая прогалина,
Густая можжевелина.
Сухой ольхой завалена
Глубокая расщелина.

За лесом, за окрайкою —
Полынь-трава заглохшая.
А за грачиной стайкою —
Речонка пересохшая,

Речонка пересохшая,
Девчонка передрогшая,
А с ней — коза на привязи,
От дождиков промокшая.

А в поле за откосами,
В густой осенней раздымы,
За мертвыми покосами
Едва проглянут озими.

Избенки не заселены,
А льны нигде не стелены,
Задвори запустырены,
Окошки не побелены.

И вновь грачишки стайками
Старнют рожь замокшую.
А речка за окрайками —
Все так же пересохшая.

Все так же вся изрытая,
Убитая, размытая...
Земля моя пустынная
И песенка забытая.

ПРЕДДВЕРИЕ

Хорек женился на крысе,
А крыса взяла хорька.
И сделал хорек Алисе
Презент в четыре ларька.

И жизнь потекла на диво,
Сияют она и он.
За каждую склянку пива
Запрашивают миллиён.

А в дальней предвечной сфере,

Где зреет новейший снег,
Господь открывает двери
К тебе, двадцать первый век.

Господь, не тяни за скобы,
Так страшен грядущий двор!
Его породили злобы,
Его изготовил вор.

Хорек женился на крысе,
А крыса взяла хорька...
Сплетем же венок Алисе:
Желанная цель близка.

ДРЕЗИНА

Ах, добавь еще хоть капельку бензина
В мой сифончик, Аполлончик дорогой!
Ибо вспомнилась еще одна картина,
Что не славилась ни мною, ни тобой.

Ах, дрезина! Да не с водки и не с чина,
А с того ли, брат, сурьезного пути...
Это было в ту военную годину,
Что пришлось нам и проехать, и пройти.

Это было, брат, за дальними лесами,
Это было, брат, на Северной Двине.
Перед длинными ночными поездами
Разгребали мы снежок на полотне.

Помогали старушонкам при посадке
Да глущили из крапивы табачок.
Примерзали к сапожонкам наши пятки,
Только шапки наши были на бочок.

И пускай они все рыбы, а не куны,
Это было нам, признаться, ни к чему...
И возникло раз такое полнолунье —
С водокачки разглядел бы Кострому.

Да открылся, видно, северный баллончик,
И такой-то вдруг морозец поднажал!..
Пропустили мы последний эшелончик,
Что по стыкам с перестуком пробежал.

Только-только я изладил самокрутку,
Только слюнка превратилась в леденок,—
Прокричала вдруг диспетчерская будка:
«Эй, ребята! Поглядите на восток».

Пораскинулась железная путина

*В серебристо-бесконечных полосах.
И стоит, глядим, машина не машина,
А какая-то блоха на колесах.*

*То ли старая жестянка иль фанера —
С морозюги не сумел я разобрать.
А четыре офицера-кавалера
Так и ухают в печенку или в мать.*

*Упираются руками и ногами,
Чтобы как-то подтолкнуть свой драндулет:
«Эй, давайте-ка, ребятки, вместе с нами!
Приглашаем вас на воинский обед.*

*Помогите нам пробиться с этой клячей
На ближайший придорожный городок...»
Подтянули мы штаншки для удачи,
Р-разом взяли, да еще один разок!*

*И — пошли, пошли, поехали, поплыли,
Эх, кати ее, кати ее, кати...
Густохвойные леса нас окружили,
Даже лоси появились на пути.*

*Пропотели в сапожонках наши пятки,
Прыгал зайчик у стального полотна.
Подбирали мы сосновые початки
И, как белочки, лущили семена.*

*Пробежит над нами снежная воронка,
Задымится лунной пылью бугорок...
Разлюбезная устюжская сторонка!
Разлюбезный заволоцкий ветерок!..*

*Исполать тебе за дружеский бензинчик,
Ах, бутончик, Аполлончик дорогой!
Принимай-ка вот еще один гостинчик,
Расцелую, коль появится другой.*

ПРИЗНАНИЕ МОЕГО ДРУГА

*Так уже сбывается,
Горе не беда.
Сердце просыпается
К лучшему всегда.*

*Не могу порадовать,
Старый кадровик:
За ворот закладывать,
Каюсь, не отвык.*

Заложу по совести —

*Дьяволу не брат,
А в итоге повести
Сам себе не рад.*

*Целый день колотится
Муха об стекло...
Только вдруг воротится
Рифма под стило.*

*Подвернется, шустрая,
Вырвется куплет,—
Квасом да капустою
Станет мил обед.*

*И стоит — качается
Цветик у ручья...
Так вот получается
Песенка моя.*

==

*За фольклором, за фольклором!
За гитарным перебором!
За гармошкой, за рожком!
То в телеге, то пешком.
Через поле, через плесы,
То ли к бабам на покосы,
То ли к старым старичкам,
Что сидят по кабачкам.
Ой, томят, бывало, душу
То ли песней про Катюшу,
То ли хором у гумна:
«Широка моя страна».
И с каким же интересом
Шел я полем, шел я лесом!
И не знал я до сих пор,
Что я сам себе фольклор.*

29

==

*Развалилась моя вселенная,
Разомкнулась моя орбита.
И теперь она не вселенная,
А пельменная Джона Смита.*

*И не звездною путь-дорожкою
Пролетает моя потешка,
А под чьей-то голодной ложкою —
Заблудившаяся пельмешка.*

ВАЛЕНТИН ОСИПОВ

САЙНАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

ХРОНИКА БЕЗ ЛЕГЕНД

30

ШОЛОХОВ – СТАЛИН: НАЧАЛО...

Письменный след знакомства Сталина с Михаилом Шолоховым я обнаружил в 1929 году.

Кто из них кто к этому времени?

Один — всевластный вождь — правитель ВКП(б) и всей страны в возрасте: в конце года состоятся всенародные торжества по случаю 50-летия.

Писателю 24 года. Выпустил две книги рассказов и первые две книги «Тихого Дона». Запись в анкете: член Российской ассоциации пролетарских писателей.

Сталин. Портретов в литературе и в иных жанрах пока не видно. Но об этом уже сожалеют. В открытую. В какой-то раппойской поэме прочитал: «Художники, певцы, поэты, Заказ эпохи налицо: Еще не зарисован Сталин, Калинин песней обойден...»

Шолохов. «Невысокий, по-мальчишески тонкий, подобранный, узкий, глаза смотрели чуть усмешливо, с задорцем: «Хе-хе!.. Дескать... вижу...» Громадный выпуклый лоб, пузом вылезший из-под далеко отодвинутых назад светлокурчавых, молодых, крепких волос. Странно было, на мальчишеском теле — этот свесившийся пузом лоб... Голова стройно на стройной шее, и улыбка играет легонькой, насмешливой, хитроватой казац-

М. А. Шолохов
с женой
Марией Петровной.
1924 г.

кой... Резко, точно очерченные, по-азиатски удлиненные, иссиня-черные глаза, смотрели прямо, чуть усмехаясь, из-под тонко, по-девичьи, приподнятых бровей... И волосы были мягкие, как у ребенка. И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: «Дескать, знаю, знаю, брат, вижу тебя насквозь». Этот портрет я разыскал в архиве. Он пера Александра Серафимовича.

1929-й: ЗНАКОМСТВО (заочное)

Год этот для молодого писателя как трудный и неизведанный подъем на крутую вершину — впоследствии первым книгам «Тихого Дона» закончил третью, политически самую смелую и опасную.

На этом восхождении вместо подстраховочной веревки колючая проволока: для рук редко когда гладко, все шипы.

...Январь. Журнал «Октябрь» начал печатать продолжение «Тихого Дона», Сталин пока не стал читать. Зря. В нем незабываемый для него 1919-й, ведь воевал неподалеку, в Царицыне. Упустил возможность поискать себя в романе или своего лютого врага Льва Троцкого. Троцкий в ссылке, но совсем скоро будет изгнан из страны.

...Февраль. Еще главы. По-прежнему Сталину не до романа. Проводит пленум ЦК — произносит доклад «Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии». Бухарин уничтожается за то, что выступает против «военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Еще значимое дело — пишет письмо известному тогда писателю Биль-Белоцерковскому. В письме к радости всем рапповцам и в наставление цензорам и редакторам строжайшее предупреждение Михаилу Булгакову, а значит, всем, кто пишет о гражданской войне: «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление». Еще неотложное дело. Сталин вместе с Лазарем Кагановичем встречаются с группой украинских писателей. И тут-то завязывается преинтереснейший для совместной биографии Сталина и Шолохова узелок — для Шолохова горестный на долгие десятилетия. Вождь произносит имя Федора Панферова. Хвалит его только появившийся роман о коллективизации «Бруски». Рекомендует читать. И другие — последующие — части этого сочинения не оставят без внимания и поддержки.

...Март. В самом конце месяца Сталин увидел в «Правде» «Открытое письмо». На 4-й странице, зато выделено. А. Серафимович, А. Фадеев, Вл. Ставский, весьма приближенный к ЦК руководитель РАПП Л. Авербах и драматург Вл. Киршон воспользовались центральным органом партии, чтобы заступиться за беспартийного Шолохова:

«В связи с тем заслуженным успехом, который получил роман пролетарского писателя «Тихий Дон», врагами пролетарской диктатуры распространяется злостная клевета о том, что роман Шолохова является якобы plagiatом с чужой рукописи, что материалы об этом имеются якобы в ЦК ВКП(б) или в прокуратуре (называются также редакции газет и журналов)...

Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опроверже-

нии. Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для всех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей...»

Поможет ли это заступничество?

...Апрель. В конце месяца почтальон принес Шолохову очередной номер «Октября». И на вот тебе подарок ко дню рождения! Нет продолжения романа. Писатель потрясен, читатели удивлены — в предыдущем номере черным по белому: «Продолжение следует». Прорапповский журнал перенес «продолжение» на 1932-й.

Шолохов тотчас смекнул, почему нет продолжения. Запомнил на всю жизнь. Как-то стал мне рассказывать, что к чему и что от чего:

— В этих главах Малкин фигурирует. Я вывел его под настоящей фамилией. Пусть знает народ, как он проводил рассказывание. Но он в это время стал каким-то крупным деятелем в ОГПУ... Пронюхал, черт, о романе со своим именем. Правда глаза колят... Он в гражданскую действовал под командой Сырцова. Этот Сырцов был военкомом в Вешенской. И в этом случае мне хода нет — Сырцов летом 1929 года избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), станет Председателем Совнаркома РСФСР. Наверное, Малкин с ним объединился против романа. Им поперек горла воспоминания об уничтожении Дона под предлогом борьбы с белоказачеством.

Шолохов с Малкиным познакомился. Встреча состоялась по выходе книги.

— Чего это ты там про меня наплел? — сказал Малкин и снисходительно похлопал по плечу.

— Жаль, что я главу про тебя уничтожил. Надо было всю правду рассказать, — ответил ему писатель.

Не обойдет Сталина злополучная для Шолохова задержка романа. Минует год, и он встрияет в нее вполне по-сталински.

...Истинно первая строчка в заочное свидание Шолохова и Сталина обозначается 1919 годом. Апрель — заседание Оргбюро ЦК ВКП(б). Сырцов от имени Донбюро выступает с докладом «О положении дел на Дону, о казацком восстании в Вешенской и других округах». В протоколе значится те, кто заседал — в их числе И. В. Сталин. Еще запись: «Тов. Сырцов предлагает по отношению к южному контрреволюционному казачеству проводить террор; заселять хутора выходцами из Центральной России». Stalin защищает точку зрения Донбюро.

Шолохов через 10 лет не только разбередит юношескую память, но и для «Тихого Дона» станет знатоком истории Вешенского восстания. Пишет Максиму Горькому: «Количество расстрелянных казаков (б. выборные станичные атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры — 400 с лишним человек».

Вдруг в такой черной жизни лучик — светлый. Фильм затеян

по «Тихому Дону». Режиссеры Иван Правов и Ольга Преображенская. Мелехова сыграет Андрей Абрикосов из Реалистического театра, впоследствии станет до чрезвычайности знаменитым, получит звание народного артиста. Кто Аксинья? Шолохов узнает о необычном: на эту роль пригласили без кинопроб двадцатилетнюю Эмму Цесарскую. Увиделись — по-русски широколицая и чуть полноватая, с доверчивыми круглыми глазками, жизнерадостная красавица совсем не высокого росточка. Уже известна. Два года тому сыграла в фильме этих же режиссеров «Бабы рязанские». У него был шумный успех. В 1993 году разыскали от тех лет четыре шолоховских письма. Обращения как стрелка барометра: «Дружице», затем «Эммушка» или «Песнь моя», но было и так — «Лихо ты мое...». Лихо и пришло.

...Надвигалась темной тучей страшная беда. Навидался за весну, что стало твориться на Дону — Донщине. Набрякло — пишет той, что помогала пристроить в издательстве первую книгу романа, Евгении Григорьевне Левицкой: «Мое молчание объясняется тем, что я вот уже две с лишним недели как мотаюсь в поездках... Все это не по делам литературным, но весьма важным...» Не до романа. Снова за письмо. 18 июня отправляет его в Москву. Пока писал — надеялся.

Двадцатью днями позже, 9 июля, Сталин тоже усаживается за письмо — наконец прочитал «Тихий Дон» и вот делится мнением: уделил Шолохову несколько строчек.

Сталин, однако, писал не Шолохову. Шолохов тоже писал не Сталину.

Сталин прочитал письмо Шолохова в те же летние дни. Шолохов прочитает письмо Сталина через 20 лет.

То, что письмо Сталина не Шолохову, оно от этого своей убойной силы не потеряло. Оно превратилось в мину замедленного действия. Но и Шолохов писал отнюдь не славицу-здравицу Сталину.

Вождь не смог простить вторжение писателя в закрытую для кого-либо тему недалекой истории. Писатель не смог смолчать, увидев, что в стране начинает набирать силу.

«...Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет, — невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством».

...Середняк уже раздавлен. Беднота голодаает.

...Им (незаконнообложенным) не давали документов на выезд в Край или Москву, запретили почте принимать телеграммы во ВЦИК.

...Слали Калинину телеграммы, просили, униженно выпрашивали, а оттуда лаконичные стереотипные ответы: «Дело Ваше передано на рассмотрение округа». В телеграмме Калинину они прямо сказали: «Нас разорили хуже, чем нас разоряли в 1919 году белые».

...Верно говорит Артем: «Надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит

о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка».

...Писал краевому прокурору. Молчит, гадюка.»

Было как от траурного колокола и такое: «О себе что же? Не работаю... Подавлен. Все опротивело».

Кому же всем этим доверился Шолохов? Левицкой... Уже немолодая женщина — ей, как и Сталину, почти 50. Старая партийка. Ее дядя — видный народоволец, основатель советской школы биохимии, академик Алексей Бах. Старший брат проходил по процессу Германа Лопатина. Второй брат ссыпался по открытой приверженности Чернышевскому. Муж-революционер погиб в 1919-м. Работала в ЦК, затем в Московском горкоме. С писателем из Вешенской познакомилась, когда заведовала отделом в издательстве «Московский рабочий», — дала рукописи едва кому известного провинциала высокую оценку... Они сдружились. Возраст не помеха. Через десятилетия Шолохов посвятит ей «Судьбу человека». Письмо из Вешек... Мудрая женщина посчитала своим долгом передать его Сталину. Слегка сократила и передала.

Сколько же всего в одном этом совестливом письме! Разоблачение бездушной системы — она начинала пронизывать все и вся: от Кремля до хутора. Предостережение — что с бездушием к народу нельзя, нельзя, нельзя. К тому же выразил — рискованно — свое единомыслие с Артемом Веселым. Вряд ли Stalin, читая письмо, кротко позабыл, как ЦК в этом году принял осудительное постановление о рассказе «Босая правда». В 1937-м Веселого арестовали.

Что же ответил вождь, прочитав письмо из Вешек?

— Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. — Таков ответ. Не напрямую Шолохову, конечно. Писал Молотову — значит, указание для всей страны. Пренебрег мнением писателя.

Прочтем и отзыв Сталина о «Тихом Доне»: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подглкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?»

Редакторы 30-х годов о мнении Сталина — полно или неполно — узнали своевременно. Потому-то с первого своего книжного издания «Тихий Дон» кровоточил от многих политических изъятий. В шрамах читался он — трудно поверить — и посейчас, а одна глава — о Малкине — так и сгинула уничтоженной.

Сталин не воспротивился продаже романа. Не примкнул и к обвинениям в plagiatе. Но и не запретил избиение. Может, думал, что вешенец дрогнет, что примется сам себя принуждать переделывать по ретивым подсказкам?

1927 год — В. Ермилов, один из столпов раппovской критики, о книге шолоховских рассказов: «Отклонение от стиля пролетарской литературы...»

1928 год — в ростовском журнале «На подъеме» о «Тихом Доне»: «Неясно проглядывает пролетарская литература...»

Писатель хлебнул тогда всякого. О том, как жилось в эту пору,

можно узнать по воспоминаниям: «Небольшая мрачная комната, одна треть которой перегорожена тесовой стенкой. В первой половине работают кустари-сапожники, рассевшись вокруг стен и окон на низких чурбаках. Стучат молотки, кто-то напевает, двое переругиваются, четвертый насвистывает. За перегородкой узкая комнатушка, где живут Шолохов с женой Марией Петровной. В комнате — койка, простой стол и посудная тумбочка».

Едва ли лучшие условия творить, когда вернулся на Дон и стал жить у тестя, в Букановской. Чтобы писать в уединении, устроился у кузнеца в комнатке, почти что в подвале: из кузни бухи-звоны от молота с молотками и шип-вздохи от мехов, а здесь перо поскрипывает...

Болезнь еще. Сохранилось такое из этого года письмо: «...Горько сожалею, что не остался в Москве. Надо бы полечиться в Институте, а то ведь мотает меня лихоманка до сей поры. Каково? Скоро ветер будет с ног валить. Чем черт не шутит, издохну помаленечку, и осиротеет «Тихий Дон».

К болезни — безденежье. Одно к одному в черной череде. Письмо: «Подумываю о том, как бы махнуть в Москву, но это «маханье» стоит в прямой зависимости от денег — вышлешь ты их — еду, а нет — тогда придется отложить до осени, вернее, до такой возможности, какая даст заработать. Если рассказ устроишь, то постараюсь взять гонорар, и, если можно, полностью, потому что деньги нужны до зарезу...»

Рядом заботливая красавица смуглнянка. В детстве полное благополучие, а взяла и пошла за начинающего писателя с неизвестным будущим, за душой которого ни кола, ни пристойного двора в Каргинской, ни постоянной копейки, а вот теперь, выходит, еще и политически неблагонадежная личность...

«А ТЫ НЕ БЕЛЫЙ ОФИЦЕР?»

В августе 29-го журнала «Молодая гвардия» напечатал: «У нас делаются вредные и ненужные попытки приписать роман Шолохова к пролетарской литературе...»

На комфракции РАППа обсуждают «Дело» Шолохова. Он беспартиен, но уже старый член этой ассоциации. И вот ему за это — «идеализация кулачества и белогвардейщины... «Тихий Дон» парализует партийные документы, с которыми подходишь к казаку...». И даже так: «Роман — это воспоминание белогвардейца».

...Сентябрь. А. Фадеев, едва став редактором «Октября», выступает на заседании РАППа — здесь дискуссия по «Тихому Дону»: «...Я сказал (Шолохову. — В. О.), что это нужно выкинуть ко всем чертям, у тебя эти места не удались». Хорошо, что стенограмма сохранилась — можно судить о накале страсти по репликам: «Правильно! Правильно!» Что же затребовал Фадеев? 30 глав выбросить из 3-й книги. А это и рассказ казака-старовера о репрессиях по почину комиссара Малкина, и саморазоблачительные требования Штокмана... Фадеев настаивал на спрямле-

нии образа Мелехова — то подбавить «белой» краски, то «красной».

В этом же месяце ростовская комсомольская газета ввязлась. С чем она? Шолохов пишет Левицкой:

«...На меня свалилось очередное «нечастье». Один литературный подлец (это мягко выражаясь), сотрудник краевой комсомольской газеты «Большевик смена», летом был в Бешках, собрал сплетни, связав с моим именем, и после пильняковского дела выступил в газете с сенсационными разоблачениями по моему адресу.

...Меня автор этой гнусной статьи обвинил в пособничестве кулакам, в уплате налога за тестя, б. атамана, и еще черт знает в чем... Откуда у меня могут быть гарантии, что через неделю с таким же правом и с той же ответственностью не появится еще что-либо в этом духе; и мне снова придется надолго бросать работу и бегать, бегать по учреждениям, редакциям; доказывать, что я подлинно не верблуд.

...Столько у меня развелось «доброжелателей», что не прдохнешь.

...У меня еще, помимо всех этих неприятностей, семейная нерадость — больна малярией дочь.

...Как говорят станичники: «Жизня, жизня, когда ты похужеешь?»

Уж сколько выстрелов по Шолохову в одном только 1929 году.

Для впечатлительной писательской души после каждого — надолго — раны. Шрамы же на всю жизнь.

Что может быть страшнее, когда творец начинает бояться своего же пера, двоит сознание, большие думает о том, как будут вчитываться в им рожденную рукопись не читатели, а цензоры и иные политконтролеры. И в Шолохова начали вбивать такую раздвоенность. Читаю его письмо Фадееву — в октябре: «Только ты за перо, а нечистый тут как тут: «А ты не белый офицер? А не старуха за тебя писала романишко? А кулаку помогаешь? А в правый уклон веруешь?»

Сталин под борьбу с инакомыслием подвел теоретическое обоснование. Летом 1930 года на XVI съезде ВКП(б) заявил: «Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления...»

Шолохов уже уловил, как осуществляется это самое «наступление». Пишет Левицкой: «ГПУ выдергивает казаков и ссылает пачками. Милостью ее (ГПУ) тишина и благодать».

Шолохов доброволен в своем порыве вступить в партию. В этом году принят кандидатом. Надо знать: он отклонил предложение ретивого вождя рапповцев Авербаха дать рекомендацию. Фадеев заметил, когда выступал на комфракции РАППа: «Возьмите Либединского и Шолохова. Можно их объединить? Вы чувствуете у Либединского, даже когда он ошибается, что это ошибки коммуниста, что это писатель-коммунист, что книга, где он не ошибается, ваша, коммунистическая. У Шолохова вы видите, что это элемент переделывающийся, крестьянский или казачий, что идеология его другая, не ваша». Тяжко писателю. Ему бы погрузиться целиком в будущий роман, но нет — бьют и бьют по нему. Получает письмо из Москвы: «Вчера в нашем клубе выступал Гладков и на заданный ему вопрос о Михаиле

Александровиче ответил — с кислой миной, что да, хороший писатель, хороший, но не наш; не пролетарский, а крестьянский и при этом хорошо описывает зажиточных крестьян, богатых казаков...»

Шолохов увлеченно и споро пишет будущую «Поднятую целину». Читаем его письмо Левицкой: «Пишу новый роман о том, как венценосные, к примеру, казачки входили в сплошную коллективизацию в 1930 г. и как они жили и живут в колхозах. Уже написал 5 п. л. вчистую и много «не вчистую».

Сталин все держит под контролем. Догадываюсь, что ему рассказали в самом конце года, что Горький пригласил к себе в Италию в Сорренто Шолохова, Артема Беспалого и еще одного писателя. Но поездка без удачи. Доехали только до Берлина. Дальше путь закрыт: итальянцы не дают визу. Ждут...

Как жили в Германии, узнаю из письма Шолохова актрисе Эмме Цесарской: «...Много тут всего, страшное изобилие, задыхаются в перепроизводстве, а... скучно. И хочется домой. Работать хочу, Эмма. Девушки тут красивые. Большинство молодежи, — чудесный народ! Здоровый, сильный, складный! Эти дни мы мотались как черти. Много видели. Неизмеримо большие не видели. Пока еще нет итальянских виз, поедем по Германии. В Гамбург, Лейпциг, в Пурскую область и видимо — на несколько дней в деревню». Выделю далее следующие строчки: «Мне особенно хочется посмотреть немецких «единоличников».

Хочется домой... Странно для человека — молодого, — у которого возможность первый раз побывать в Европе. Что же тянет писателя домой? Ответ в этом же письме: «В Москве задержусь. А потом в район сплошной коллективизации. Страшно хочется посмотреть, как там и что. Дико и немыслимо жить здесь после того, как половину сознательной жизни прожил в условиях Дона советского. Так крепка эта пуповина, соединяющая меня с ним. Что обрвать ее — не оборвешь».

Мир тесен. Здесь, в Берлине, в торгпредстве, увидел доброго знакомца — Ивана Клейменова, мужа дочери Левицкой. В эти берлинские дни Клейменов улучил мгновение и сфотографировал станичника — европееца: мягкая — модная тогда — шляпа, красивое пальто, белая рубашка и трубка...

25 лет исполнилось Шолохову в 1930 году. И вот подарок — награда ко дню рождения — Фадеев, редактор «Октября», останавливает напечатание очередной части «Тихого Дона». Причины? Они узнаются по одному из весенних писем — идеология! Политика! Образ Мелехова! Читаю: «И пусть Фадеев (он же «вождь» теперь) не доказывает мне, что «закон художественного произведения требует такого конца (чуть выше было написано: «Делать Григория окончательно большевиком я не могу». — В. О.), иначе роман будет объективно реакционным». Тон его письма безапелляционен. А я не хочу, чтобы со мной говорили таким тоном».

В декабре из-под пера Шолохова письмо Цесарской. Прочитаем его в извлечениях. Ему тяжко, а в письме такое: «Сегодня получил твое письмо, какие-нибудь пять часов назад, и вот сейчас оно так выглядит, будто я его через фронты пронес... От

твоего письма, знаешь ли, будто на меня милым ветром обдонским пахнуло. А знаешь ты, как пахнет ветер в степи в июле? Чуть, чуть слышен горьковатый и сладостный привкус сухой польни в мощном запахе разнотравья. Хорошо и тягостно вспоминать в прокуренной комнате о тебе, и о степном ветре, и о дорогах, исхоженных и изъезженных за мою недолгую жизнь...

Вернулся из Гамбурга. Сырым утром пошли в порт. В «Свободной гавани» серая туча мачт парусников, огромные пароходы, туман и соленый запах моря. На борту близкого заокеанского парохода стоит негр-матрос, смотрит на пристань, на город в мутной мгле. Подумалось мне и стало... грустно... Не хочу больше ездить по Европам — обрыдло».

1931-й: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Шолохов из всех сил пишет-пашет новый роман о колхозизации.

Вдруг в склоненную над столом спину удар. Рассказал о нем в январе Левицкой: «Сижу я себе и развиваю «дикие» темы. Шестую часть (речь о «Тихом Доне». — В. О.) привезу («назло врагам») в конце января или первых числах февраля. Я хочу попросить Вас вот о чем: в последней «Лит. газете» в статье о «Настоящем» есть упоминание всколызь о статье... под заглавием: «Почему Шолохов понравился белогвардейцам?» Будьте добрыньки — если нельзя прислать мне этого номера «Настоящего», перепечатайте статью и пришлите. Очень интересно, чем же я «понравился» белым, в освещении левых сибиряков. Если можно, то пришлите поскорей».

Сталин — что? Для него главное революция в народном хозяйстве. Колхозизация... Произносит речь, в которой обнадеживает: «Мы организовали колхозы и дали крестьянам возможность жить по-человечески».

Примет ли Шолохов это утверждение на веру?

Не примет! Бездарные, а главное, бездушные исполнители директив из Центра губят Дон: не заготовлены корма для скота, скот истощен — как сев проводить? То первые зарницы грядущего голода...

В муках января. Решился писать Сталину. 16 января ушло письмо: «Тов. Сталин! В колхозах целого ряда районов Северо-Кавказского края создалось столь угрожающее положение, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам...»

Дальше 4 страницы текста с обличением, как донская власть губит скот. Выписывают некоторые извлечения:

«...Сколько грозно положение, судите по следующим цифрам: в колхозе «Красный Маяк» Миллеровского района (колхоз считается примерным!) из 63 лошадей издохло 12. Ездят только на 4, остальные лежат. В Новопавловском колхозе Кашарского района в 1-й бригаде из 180 лошадей, насчитывавшихся осенью 30 г., к 12 января этого года осталось 67 лошадей, 113 издохло. Не лучше и в остальных бригадах.

...Колхозники морально подавлены, и надо видеть лица их, когда они тянут трупы лошадей мимо дворов единоличников, у которых скот не дохнет и не поднимается за хвосты.

...Несколько строк о мясозаготовках: из глубинных районов скот перебрасывается к станции, стельных коров, быков и овец гонят в одном гурте. Быки бьют коров, и те «скидывают», телятся на шляхах, в степи, зачастую за 10—20 верст от жилья, разумеется, издыхают на прогоне.

...Телят растягивают вместе с детишками в хате, от детишек отрывают молоко теленку, и наоборот. Вам понятно, конечно, какое воздействие на психику колхозника производит вид дохнувшего по дорогам скота».

Заканчивал письмо: «По слободам ходят чудовищно разжиревшие собаки, по шляхам валяются трупы лошадей. А ведь зима не дошла и до половины».

Ответ не последовал.

Нет покойной жизни станичнику из Вешек. Гложет боль душевная. Кому довериться? Пишет Левицкой. Пишет Горькому.

...Из письма Левицкой: «Получил от Панферова письмо. 6 ч. не удовлетворила некоторых членов редколлегии «Октября», те решительно запротестовали против печатания, и 6 часть пошла в культпроп ЦК. Час от часу не легче, и таким образом 3 года...»

Панферов, ЦК! Биография Шолохова «обогащена» фамилией любимца Сталина.

В письме довесок — тяжкий. «Ко всем этим огорчениям (здоровье семьи не в счет) привесилось одно: ГИХЛ не платит мне денег, влез я в долги, заимодавцы (в том числе и финанс检атор) меня люто терзают. А я настолько беден, что не имею денег даже на поездку в Москву...»

...Из письма Горькому: «Некоторые «ортодоксальные «вожди» РАППа, читавшие 6-ю ч., обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию... Желание уничтожить не классы, а казачество...» Еще исповедь о значимости своего романа: «Я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, т. к., не давши этого, нельзя вскрыть причин восстания. А так, ни с того ни с чего не только не восстают, но и блоха не кусает». Шолохов видит, что роман уничтожается по всем направлениям: «У некоторых собратьев моих, читавших 6-ю часть и не знающих того, что описываемое мною исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против 6-й части. Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворенного в жизнь... непременным условием испытания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занято то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то 3/4 нужно выбросить...» Привел Горькому пример: «У меня есть такая фраза: «Всадники (красноармейцы), безобразно подпрыгивая, затряслись на дра-

гунских седлах». Против этой фразы стоит черта, которая так и вопит: «Кто?! Красноармейцы безобразно подпрыгивали? Да разве можно так о красноармейцах?! Да ведь это же контрреволюция?..»

Шолохов нуждается в помощи. Прочитаем же одно из писем той поры: «У меня убийственное настроение, не было более худшего настроения никогда. Я серьезно боюсь за свою дальнейшую литературную участь. Если за время опубликов. «Тихого Дона» против меня сумели создать три крупных дела и все время вокруг моего имени плелись грязные и гнусные слухи, то у меня возникает законное опасение: «А что же дальше?» Если я допишу «Тих. Дон», то не при поддержке проклятых «братьев»-писателей и литерат. общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне... Ну, черт с ними? А я все же таки допишу «Тихий Дон»! И допишу так, как я его задумал. Теперь много рук тянутся «исправлять» и покровительственно трепать меня по плечу, а тогда, когда я болел над «Доном» и попрашивал помочь, большинство рук отказались поддержать меня хоть немного».

Горький всколыхнулся защищать. Пишет тому, кто напуган «Тихим Доном», — Фадееву: «Я, разумеется, за то, чтоб напечатать... Шолохов — очень даровит, из него может выработаться отличнейший советский литератор, с этим надо считаться».

Июль 1931 года — встреча Сталина и Шолохова. Догадываюсь, что Горький организовал встречу с вождем не с легким сердцем. Сам никак помочь вмешательством в дела издателей уже не может. Потому передает рукопись вождю. Вождь прочитал и дает согласие на встречу. Он любит встречаться с писателями в доме Горького. Об этом условились и на этот раз.

Шолохов так рассказывал мне, как она происходила:

«Сидели за столом. Горький все больше молчал, курил да жег спички над пепельницей. Кучу целую за разговор нажег.

Сталин задал вопрос: «Почему вы так смягченно описываете генерала Корнилова? Надо его образ ужесточить».

Я ответил: «Поступки Корнилова вывел без смягчения. Но действительно некоторые манеры и рассуждения изобразил в соответствии с пониманием образа этого воспитанного на офицерском кодексе чести и храброго на германской войне человека, который субъективно любил Россию. Он даже из германского плена бежал».

Сталин воскликнул: «Как это — честен?! Он же против народа пошел! Лес виселиц и моря крови!»

Должен сказать, что эта обнаженная правда убедила меня. Я потом отредактировал рукопись».

Шолохов взялся за очередную сигарету и продолжил:

«Сталин новый вопрос задал: «Где взял факты о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южфрона по отношению к казаку-середняку?»

Слушаю писателя, и представилось, что он после этого вопроса не мог не вздрогнуть-насторожиться. Видно, в этот миг и ухватил тигриный взгляд всевластного собеседника. Stalin — проницательный читатель. Не остыла его память на политику рас-

казачивания в гражданскую, то есть на истребление крестьян-середняков под предлогом борьбы с богатеями и с белоказачеством.

Шолохов: «Я ответил, что роман описывает произвол строго документально — по материалам архивов. Но историки, — сказал, — эти материалы обходят и гражданскую войну показывают не по правде жизни. Они скрывают произвол троцкистов, тех, кто обрушил репрессии на казаков. Троцкисты разрушили союз советской власти с середняком. Троцкий проявил нероломство. В этом трагедия казачества...»

Оценим политическую отвагу 26-летнего писателя. Он обвинил власть, а не народ, победителей, а не побежденных! Это только с недавних пор стали рассуждать обо всем этом вслух.

Шолохов продолжал:

— В конце встречи Stalin произнес: «Некоторым кажется, что третий том романа доставит много удовольствия тем нашим врагам, белогвардейщине, которая эмигрировала». И он спросил меня и Горького: «Что вы об этом скажете?» Горький сказал: «Они даже самое хорошее, положительное могут извращать, чтобы повернуть против советской власти». Я тоже ответил: «Для белогвардейцев хорошего в романе мало. Я ведь показываю полный их разгром на Дону и Кубани...» Stalin тогда проговорил: «Да, согласен. Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию...»

Насыщен 1931 год литературными заботами:

— Шолохов споро пишет роман о раскулачивании и коллективизации. Придумал ему название — жестокое: «С потом и кровью». Об этом засвидетельствовал секретарь Вешенского райкома партии Петр Луговой: «Придя как-то днем в райком, Шолохов сообщил, что написал несколько глав новой книги о колхозной жизни и отоспал их в Москву печатать. Название этой книги, сказал он, будет «С потом и кровью». Я несколько удивился такому названию и сказал об этом. Он смущенно улыбнулся, но не изменил своего намерения.

— В марте секретариат РАППа утверждает Шолохова членом редакколлегии «Октября».

— До Вешек донеслось: кинофильм «Тихий Дон» не пустили к зрителям. Приговор таков: «казачий адюльтер», «любование бытом казачества» и еще все в этом же запретном духе. Его создателей — режиссеров — исключили из профессионального союза.

И такая примета года: «Миша, а ты все же контрик. Твой «Тихий Дон» ближе белым, чем нам». Я когда услышал эти несколько расстрельных слов начальника ОГПУ Ягода в пересказе Шолохова, так не удержался и вздрогнул, хотя писатель произносил их спокойно. Ягода — отдадим ему должное — вполне профессионально уловил в романе то, что разглядел в нем и Stalin и еще долго будут углядывать множество сверхдиагностических критиков-рапповцев. А забыл ли Ягода о связи Шолохова с «врагом народа»: ГПУ тремя годами раньше расстреляло Харлампия Ермакова (он — один из прототипов Григория Мелехова), в «Деле» Ермакова письмо Шолохова с просьбой встре-

титься. Не должен бы запамятовать — его, Ягоды, рука начерта-
ла резолюцию на приговоре: «Исполнение дождить».

...Написана «Поднятая целина». Шолохов передает ее в жур-
нал «Октябрь» и в газету «Правда».

Ему очень хочется дать жизнь новому роману через главную
газету ЦК. Но здесь толкают к исправлениям. Читаем новогод-
нее письмо из Вешек: «Сижу и работаю, как гад. Сегодня еду,
а во втором куске «Целины» нужно сделать ряд исправлений.
Сижу, правлю...»

Жаль, не узнать, каких же исправлений потребовали. Впрочем, зря старается: «второй кусок» в январе так и не появился.

Все в жизни Шолохова начиналось сызнова. «Тихий Дон»
корежат, «Поднятую целину» корежат. Это вслед газете журнал
«Октябрь» насторожился и потребовал исправлений.

Шолохов отказал. Подумал, что лучше передать рукопись
в «Новый мир». Но и здесь препятствия — позже так рассказы-
вал:

«Редакция журнала «Новый мир» в конце 1931 года (когда
я предложил им роман) потребовала от меня изъятия глав
о раскулачивании. Все мои доводы решительно отклонялись».

Грубо обошлись акушеры-редакторы даже с названием. (На-
помню: авторское — «С потом и кровью».) Пишет Левицкой: «На
название до сих пор смотрю враждебно. Ну, что за ужасное
название! Ажник самого иногда мутит. Досадно».

И вот что пришло в раздумья: если считать письмо с неприя-
тием названия авторской волей, то почему бы не решиться
начать отныне печатать «Поднятую целину» хотя бы с подзагла-
вием «С потом и кровью», а в сноске же или в комментариях
объяснить историю его появления.

1932-й: «НЕ РОВЕН ЧАС — ПРИШЬЮТ МНЕ...»

Как бы то ни было, «Правда» в январе 1932 года напечатала
отрывок.

Сим подтолкнула «Новый мир». Он до этого упорствовал: не
давал ходу рукописи, ибо боялся сцен раскулачивания.

Почему же газета так смела?

— Пришлось обратиться за помощью к Сталину, — рассказы-
вал мне Шолохов. — Прочитав в рукописи «Поднятую целину»,
Сталин сказал: «Что там у нас за путники сидят? Мы не
побоялись кулаков раскулачивать — чего же бояться писать об
этом! Роман надо печатать».

Циничное признание! Чудовищное откровение! Но разве од-
новременно не оценка обличительной смелости-небоязни рома-
ниста?

Из писем Шолохова:

«Свиреп я, как никогда! с 5 № «Октября» я сызнова и по
собственному почину прекращаю печатание «Тих. Дона». Заре-
зали они меня во 2 №...» — так писал Левицкой. Это он о том,
что ретивые октябристы с зазубренными перьями наперевес
ненадменно покорежили несколько глав: сократили, к примеру,

сцены расстрела казаков и похорон Петра Мелехова.

«В январе наладил печатание 3 кн. «Тихого Дона», но это оказалось не особенно прочным, печатать с мая не буду (причины изложу Вам при встрече). Все эти дела (а тут еще возня с новой вещью)...» Таково письмо Серафимовичу о судьбе сразу двух романов, где приписка о возне — о «Целине».

Еще опасливое: «Боюсь, как бы меня и дальше с «Целиной» не подрезали».

Аграрная политика партии... На Дону по-прежнему плохо. Приходит мысль писать Самому — Сталину. Точку в письме поставил 20 апреля. С кровью в сердце Шолохов пишет, что ЦК затеял обобществить весь — 100 процентов — рабочий скот и почти всех овец и свиней. Письмо велико, потому только извлечения:

«Тов. Stalin! Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок на 1932 г.

...План по крупному скоту надо будет выполнять целиком за счет стельных или отелившихся коров.

...С первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление: коров начали запирать в сараи, постоянно держать под замком, а покупающих встречать с кольями. Продавать последнюю корову (во всем районе на 13 629 хозяйств на 12 февраля было только 18 двухкоровных хозяйств) никто не изъявлял желания, тогда на собраниях сельхозкомиссии стали просто обязывать того или иного колхозника сдать корову. Колхозники отказались от добровольной сдачи, тогда соответственно перестроились и сельсоветские работники: покупка коровы обычно производилась таким порядком: к колхознику приходило человек 7—8—12 «покупателей», хозяина и хозяйку связывали или держали за руки, тем временем остальные из «покупателей» сбивали замок и на рысях уводили корову. По хуторам происходила форменная война — сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки).

...Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе не уверенно. И если Вешенский райком ВКП(б) и молчит, то, по-моему, только потому, что в прошлом году, когда крайком предложил сдать на мясо 3 тыс. рабочих быков, райком вздумал ходатайствовать о снижении, то получил от крайкома выговор».

Не ответил Stalin.

Сентябрь. Ax, какая радость у писателя: «Поднятая целина» наконец-то напечатана в «Новом мире».

Откликается ли Stalin? Откликнулся. Из Сочи. Здесь отдыхает и вот нашел время на чтение — повторное. Пишет 7 июня Кагановичу: «В «Новом мире» печатается новый роман Шолохова «Поднятая целина». Интересная штука! Видно, Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он — писатель глубоко добросовестный: пишет о вещах, хорошо известных ему».

Поразительно: Сталин скрыл этот свой отклик-отзыв. Никогда больше ничего о «Целине» — ни в речах, ни письменно. И Каганович помалкивал... Почему же оценка стала тайной? Уверен в одном: это никак не случайность!

ТОСТ...

В октябре 1932 года — выделю этот месяц в особую главку — дом Максима Горького на Малой Никитской снова сводит Сталина и Шолохова.

Вождь и кое-кто из членов Политбюро — Молотов, Ворошилов и Каганович — пожелали встретиться-побеседовать с писателями. Они придумали вместе с хозяином дома пригласить тех, кто смог бы поддержать идею создать Союз писателей. Тут и Фадеев, и Катаев, и Леонов, и Сейфулина, и М. Кольцов, и Багрицкий, и Маршак... И Панферов. Хорошо, что один из них — критик и литературовед Корнелий Зелинский — за перо. Оставил просторные записи. Их держали в запрете до 1991 года. В 1993-м я нашел вариант. Он хранится в секретном фонде Суслова за 1949 год.

Красиво причудливое по архитектуре и убранству жилище Горького. Оно ему подарено, когда приехал из Италии, а до революции было владением знаменитого богача-мецената Рябушинского. Взошли вожди со Сталиным во главе по изящно украшенной и ласково изогнутой лестнице на второй этаж. Хорошо в гостиной — и просторна, и уютна деревянными стенами, картинами, скульптурами. Двери широко распахнуты. Сие не случайно. Не все вместились, а слышать-видеть хочется. Зелинский пишет: «Писатели расположились всюду: и в кабинете, и в проходах, и в библиотеке...»

Горький и Stalin пригласили говорить-выступать. Stalin не равнодушен: «Из-под бровей товарищ Stalin быстро и внимательно оглядывал присутствующих...» Выступал писательский люд по-разному. Кое-кто по-подхалимски.

Мне — понятное дело — интересны две персоны: Stalin и Шолохов. Вчитываюсь в записи и начинаю жить тем днем и ощущать, как внимали ораторам правитель и писатель. У того и другого, разумеется, свои душевные переживания или строгий расчет, когда слушают. Я из записок Зелинского выбрал самые еретические речи.

...Владимир Зазубрин: «Пошел сравнивать Сталина и Муссолини в предостережение тем, кто хочет рисовать вождей, как членов царской фамилии». Что Stalin? Зелинский отметил: «Stalin сидит насупившись». Что Шолохов? Напомню: ему не нужны ничьи предостережения — из-под его пера имя Stalina не появилось в «Тихом Доне» и далее по доброволию не появится. Напомню: Зазубрина не стало в мрачном 1938-м.

...Лидия Сейфулина: «С неожиданной для многих резкостью выступила она против предложения Горького о введении некоторых бывших рапповских руководителей в Оргкомитет...» Напомню: Шолохов давно уже терзаем этой неистово-крикливой брати-

ей. Что Сталин? Доверимся Зелинскому: «Раздался шум, протестующие голоса. Но товарищ Сталин поддержал Сейфулину:

- Ничего, пусть говорит.
- Мое время уже истекло.
- Мы попросим продлить...

Потом Сталин стал изрекать такое, что не могло бы не зачаровать большинство, а неистовых рапповцев ввергнуть в страх:

— «Пущать страх», отбрасывать людей легко, а привлекать их на свою сторону трудно. За что мы ликвидировали РАПП? Именно за то, что РАПП оторвался от беспартийных, что перестал делать дело в литературе. Они только «страх пущали». А «страх пущать» — это мало. Надо «доверие пущать». Кто-то, подбодренный добротою вождя, рискнул на остроту: «Если ЦК нас не выдаст, Авербах нас не съест».

Сталину в эти минуты верили. Верил ли он сам себе? Не верил. 30 октября изумленные читатели из числа писателей прочитали в «Правде»: в оргкомитет введены и Авербах, и Ермилов.

Коварен вождь, но сладкоречив. Пелена с глаз ниспадала не сразу. Надо было ждать еще 3–4 года, чтобы уразуметь: страх или доверие пущает Сталин.

...Критик Иван Макарьев. Шолохову он близок: былой земляк. Что Сталин? «Сталин во время выступления Макарьева встает и выходит покурить». Трагична судьба: в конце 30-х будет посажен. Что Шолохов? Попытается спасать.

Писателям с вождем интересно. Зелинский отметил это: «Спрашивают о встречах товарища Сталина с Эмилем Людвигом, с Бернардом Шоу...»

Вождю же о Шолохове беседовать интересно — явно выделил его: «беседуют о «Тихом Доне» Шолохова». Замечу: «Сталин разбирает образ Григория Мелехова».

Тут Горький приглашает к столу — огромна столовая, длинен и широк стол. Вешенец не выходит из внимания — Зелинский пишет: «Вспоминают, что еще не говорил Шолохов». Да, осечка, да в присутствии Сталина! «Но Шолохов не собирается выступать». Застенчив? Гордец? Выражает отказом несогласие с тем, что навязано на встрече к обсуждению? Зелинский ушел от опасной задачи дать ответ. Выразился уклончиво: «Обстановка в самом деле уже иная... Идет ужин». Но даже и в этой замете виден не холуйский характер.

Сталин, уверен, запомнил отказ подняться — ни тебе тоста за вождя, ни предложений, как помочь ЦК провести съезд достойно.

Зелинский рискует обрисовать облик Сталина: «В лице появляется нечто хитрое. Пожалуй, тигриное». И Шолохов не откажет себе в остром желании написать точно такое же, только более живописное, напомню, в романе «Они сражались...».

Еще о Шолохове: «Писатели собираются пять. Фадеев уговаривает Шолохова спеть с ним вдвоем. Шолохов смущен. Рядом с высоким Фадеевым Шолохов кажется маленьким. Он стоит в тесной шерстяной рубахе, с голой, стриженою, большой головой

и неловко улыбается. Он ищет, как избежать общественного внимания. Фадеев запевает один».

« — Выпьем за самого скромного из писателей, за Мишу Шолохова! — кричит Фадеев, который уже сам изрядно выпил».

Что Сталин? Поразительный порыв, тут же перешедший в хладнокровное изречение: «Сталин снова встает с бокалом в руке — за Шолохова! Да, я забыл еще сказать вам. Человек перерабатывается самой жизнью. Но и вы помогаете переделке его души. Это важное производство — души людей. Вы инженеры человеческих душ. Вот почему выпьем за писателей и за самого скромного из них, за товарища Шолохова!»

Каково вешенцу — тост за него! А еще, если вдуматься: как это понимать, что его имя в связи с важным изречением? Оно звучит из уст вождя как пожелание прежде всего ему...

Шолохов не оставлен без внимания и после тоста: «Сталин часто искал глазами Шолохова, и когда пил за его здоровье, и раньше, когда беседовал об образе Григория Мелехова».

У Зелинского далее важное свидетельство о том, кто же в числе самых, самых первых указал-приказал видеть в Мелехове «отщепенца» и «врага народа».

«Мелехова, — говорил Сталин, — нельзя считать типичным представителем крестьянства. Белые генералы не могли назначить командовать дивизией крестьянина без офицерского чина. А у казаков это могло быть. Спросим про казаков у Шолохова...»

Что же Шолохов? Невероятное запечатлел Зелинский: «...Шолохова рядом не оказалось».

Итак, Шолохов не вписал себя в историю ни тостом во здравие вождя, ни придворным пением, ни желанием низкопоклонно выслушивать приговор любимому герою. И даже не воспользовался милостью подольше посидеть рядом с вождем...

Стоит добавить о несколько отдаленном итоге встречи со Сталиным: почти каждый четвертый ее участник погиб в лагере или был расстрелян. И еще одна жертва: критики-обвинители после приговора от Сталина проводили Мелехова только по одной статье — враг и отщепенец, ибо не типичен для казачества...

ГОЛОДОМОР

К концу года Шолохову становится не до литературы. Беда особая: смертная для земляков — надвигалась на Дон. Голодомор! Знал ли вождь о нем? Почему такой вопрос? Лишь центральные газеты и главный партийный журнал «Большевик» — ни слова о голоде. Вчитываясь в речи-доклады самого Сталина — ни слова.

Знал. Одному из тех, кто осмелился на заседании Политбюро начать было рассказывать о голоде, грозно кинул: «Не лучше бы вам оставить посты секретаря обкома и ЦК КПУ и пойти в Союз писателей: будете сказки писать, а дураки будут читать...»

Попал пальцем в небо. Именно писатель — Шолохов! — придется говорить правду о голоде.

И, может, Сталину вспомнилась в тот миг на заседании чита-

ная рукопись «Поднятой целины». В ней Шолохов обозначил первую чернинку антонова огня...

Сталин читал рукопись в конце 1931 года. Голод вполз на юг страны в зиму 1932 года. Что же в романе о голоде? Половцев пишет в Гремячий Лог: «Нами получены достоверные сведения о том, что ЦК большевиков собирает среди хлеборобческого населения хлеб, якобы для колхозных посевов. На самом деле хлеб пойдет для продажи за границу, а хлеборобы, в том числе и колхозники, будут обречены на жестокий голод».

Сталин через 3—4 месяца начнет пресекать — решительнейше! — расплазание сведений о голоде. За слово о голоде надлежит приговор — «контрреволюционная агитация».

Шолохов в романе: «По хутору поползли слухи, что хлеб собирается для отправки за границу, что посева в этом году не будет».

Так это, увы, так: не преувеличил, не придумал...

4 апреля ушло в Москву пре огромное письмо, на 15 страниц. Это вторая попытка писателя раскрыть глаза вождю-правителю на то, что переживает Донщина.

«Т. Сталин! Вешенский район наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и пытаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями».

Шолохов не елозит пером — оно с прямым прицелом выявить виновников: «Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство».

Но если бы только Ростов. Шолохов вывел фамилию Молотова — второй человек в партии. В письме приводятся оправдания одного из краевых деятелей: «На совещании с секретарями крайкомов Молотов заявил: «Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют в перегибах...» Шолохов осудил эту установку.

Письмо без никаких околичностей о том, что вело к беде: «Вместо намечавшихся по балансу 22 000 тонн хлебозаготовок он (секретарь крайкома — В. О.) предложил сдать 53 000.

Сталин узнает, что дальше неминуемо последовало: «Сбалансировали же за счет снижения нормы натуральной выдачи и за счет беспощадной урезки фуражи и фондов, из коих полагалось выдавать сельским специалистам: врачам, агрономам, учителям и пр.».

Письмо обнажило, как стали защищать себя обреченные на голод:

«...Колхозник рассуждал так: «В 1931 г. план мы выполнили с напряжением, и весной на семена занимали у нас. А теперь вместо обещанного в мае снижения придется платить в два с половиной раза больше. Значит, хлеб заберут весь до зерна. Надо запасаться!» Воровали на покосе, на гумнах, всюду! И не только воровали, но и плохо работали...

...При сочувственном молчании остальных одна из бабенок мне объяснила: «План в нонешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь за границу уплывает. Через то мы с ленцой и работаем, не спешим копны сушить... Нехай пашеничка трошки подопреет. Прелая-то она за границу не нужна, а мы и такую поедим!»

Вождь узнает, как крайкомовские сатрапы взялись за дело: «Овчинников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!»

Кровь... Дрова... Шолохов обрек кремлевского читателя на длительную пытку читать и читать о зверствах. Велик перечень жутких свидетельств — почти 50 абзацев о том, как искали, отбирали хлеб у приговоренных к голоду. Вот некоторые из них:

«...В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма?»

...Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь—февраль.

...В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

...В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывали крыши домов, разваливали печи, понуждали женщин к сожительству.

...В Солонцевском колхозе в помещении комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

...Подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадыхенных, потом на ремне вел их к реке, избивал, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

...Массовое избиение колхозников и единоличников».

И еще, еще! Вешенец нашел для Сталина злодеянную статистику: «По Вешенскому району: 1. Хозяйств — 13 813; 2. Всего населения — 52 069; 3. Число содержавшихся под стражей, арестованных органами ОГПУ, милицией, сельсоветами и пр. — 3128; 4. Из них приговорено к расстрелу 52; 5. Осужден по приговорам Нарсуда и по постановлениям коллегии ОГПУ — 2 300; 6. Исключено из колхоза хозяйств — 1 947; 7. Оштрафовано (изъято продовольствие и скот) — 3 350 хозяйств; 8. Выселено из домов — 1 090 хозяйств».

Еще цифры, от которых веет могильным холодом: «Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца».

Шолохов рискнул на такой сопоставительный отсыл в историю, что только бесчувственному не вздрогнуть: «Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне». Так вот этакое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым приме-

нением технических средств и с большей изощренностью».

Проникнуться бы в тайную тайных восприятия Сталиным этих строк... На самом деле вздрогнул от смелости новоявленного Короленко? Возмутился попыткой обобщать в укор партии и советскому строю? Поиздевался над наивной попыткой разбудить его, И. В. Сталина, державную совесть?

Читает дальше, и по-прежнему отчаянно отважны строки: «Если все, описанное мною, заслуживает внимания ЦК — пошлите в Бешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачать всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые бы по-настоящему расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиение и надругательство, но и те, кто вдохновлял на это».

Письмо закончил необычно, может быть, даже с предостережением-угрозой: «Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

Н. С. Хрущев спустя 30 лет рассказал об этом письме своим гостям — деятелям литературы и искусства. И прокомментировал:

— Шолохов поднял свой голос протesta против того произвола, который творился в то время на Дону...

Но верну хронику в 1933-й. Ответ Сталина скор: «Письмо получил пятнадцатого. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру. 16.IV.33 г.».

Странно, что просит о расчетах на выделение зерна писателя, а не местные власти.

Шолохову головоломка — как понимать посулу: «Сделаем все»? Но тогда почему нет ответа на просьбу прислать «доподлинных» коммунистов... Сталин уже направлял в край комиссию ЦК ВКП(б) с Лазарем Кагановичем во главе — в ноябре. Шолохов не причислил комиссию и ее руководителя к «доподлинным». Еще бы, он читал в своей областной газете «Молот» навязанное комиссией постановление: «Ввиду особо позорного провала хлебозаготовок поставить перед партийными организациями задачу сломить саботаж хлебозаготовок, организованный кулацкими контрреволюционными элементами...»

И все-таки не понапрасну писал. Обещана помощь. Вместе с секретарями двух райкомов без промедления провели расчеты. Шолохов подписывает письмо.

Сталин и на этот раз не затянул с ответом, но пообещал зерна почему-то в три раза меньше, чем запрошено, — всего 40 тысяч пудов.

Бешенцам и соседям нетрудно сосчитать, что значила эта цифра для 100-тысячного населения. Потому-то опять летит в Москву обращение.

Тревожно на душе у Шолохова. Весна: каждый день дорог, в мае сев заканчивать надо... Пишет Солдатову в последний день апреля — письмо не скрашено тем, что назавтра первомайский праздник: «Положение у нас остается хреновым. Это по-

всему СКК (Северо-Кавказскому краю.— В. О.). С севом провалились, с харчами... лучше уж не говорить. А можно коротенько и сказать: не только пухнет люд, но и помирает. Во всяком случае, сейчас несравненно тяжелее, нежели в 1921—1922 гг.*.

Как жить? Возликовать, что переписывается с самим вождем, что вождь посыпал помошь благодаря смелому вмешательству писателя, что идут в Вешки на его, Шолохова, имя правительственные телеграммы, вызывая изумление-почтение у одних, зависть-ненависть у других? Может, сделав дело, уехать-эвакуироваться, как было вывел в письме?

Ах, донская закваска! Не торжествует писатель и не захотел чехлить перо. Подумал, что Сталин так и не представил себе размеров бедствия. И тогда решает продолжать добиваться не только хлеба, но и прекращения арестов, судов и расстрелов.

ПРАВДА ЧЬЯ?

Сталин держит свой народ в неведении, что голод, что смерть лютует. Страна велика, гляди, не все признают, что мор поселился на Дону, Украине и Кубани. Изувечен дар этого преступника: решил в одновремень заверять, что нет у народа никаких страданий.

Шолохов пытается разбудить совесть вождя. В новом письме к Сталину никаких благодарностей за телеграмму, за 40 тысяч пудов хлеба. Неужто не знает, что вождь после пышно отпразднованного 50-летия совершенно не обходится без восхвалительных обращений.

Мария Петровна одобрила письмо — что остается делать: муж упрям. Но у самой, когда шла на почту, сердце в перестук: мерещится ей, что у мужа опасное намерение... сколько же можно беспокоить-досаждать просьбами Сталина... говорят, крут... не любит поперечников... ведь как-никак помог...

И вот Сталин получает письмо от Шолохова. Больше...

«Дорогой т. Сталин! Т-му Вашу получил сегодня. Потребности в продовольственной помощи для двух р-онов (Вешенского и Верхне-Донского), насчитывающих 92 000 населения, исчисляются минимально в 160 000 пудов.

...Пухлые и умирающие есть.

...Слов нет, не все перемрут даже в том случае, если государство вообще ничего не даст.

Некоторые семьи живут без хлеба на водяных орехах...

Теперь же по правобережью Дона появились суслики, и многие решительно «ожили»: едят сусликов вареных и жареных, на скотомогильники за падалью не ходят, а не так давно пожирали и не только свежую падаль, но и пристреленных лошадей, и собак, и кошек, и даже вываренную на салотопке, лишенную всякой питательности падаль.

Сейчас на полевых работах колхозник, вырабатывающий норму, получает 400 гр. хлеба в сутки... И вот этакий ударник (выделил не зря. Напомнил, видно, Сталину о встрече с ударниками-колхозниками.— В. О.) половину хлеба отдает детишкам,

а сам тощает, тощает. Слабеет изо дня в день, перестает выполнять норму, получает уже 200 гр.».

В письме пытается открыть глаза Генсеку на то, что из себя представляет местная партия: «Вы пишете, т. Сталин, «делаете все, что потребуется». А я боюсь одного: поручит крайкому тому же Фролову (член бюро крайкома.— В. О.) расследовать... И получится так, что к ответственности будут привлечены только низовые работники, а руководящие ими останутся безнаказанными».

Смел в этой последней строчке, но более того опасна вторая половина письма:

«...По колхозам свирепствует произвол. Исключали только потому, что необобществленный дом колхозников приглянулся правлению колхоза.

...Исключали, а потом начинали «раскулачивать». ...Около 2000 семей. При таком положении все эти семьи обречены на голодную смерть.

...Нарсуды присуждали на 10 лет не только тех, кто воровал. ...Суды присуждали, боясь, как бы им не пришили «потворство классовому врагу».

В самом конце письма Шолохов вывел: «Ну, пожалуй, хватит утруждать Ваше внимание районными делами, да и всего не перескажешь (выделено мною.— В. О.)».

Борьба за спасение Дона... Шолохов жертвует своим творчеством. В письме признание: «Письмо к Вам единственное, что написал с ноября прошлого года. Для творческой работы последние полтора года были вычеркнуты».

Бедственное время. Кондрат Майдаников по поручению Шолохова выразил чувства тех лет:

— Какую нужду мы терпим, полубосые и полуголые ходим, а сами зубы сомкнем и работаем.

Люди живут одной лишь надеждою. Одни веровали, что обещания Сталина свято выполнить заветы Ленина сбудутся скоро-скоро. Другие веровали, что просто не может быть плохо бесконечно. Верили и сплачивались. Или сплачивались, чтобы верить.

У Шолохова после писем на сердце разное. И тревога: как воспримет Сталин правду? И совестливое удовлетворение. Он догадывается о чрезвычайной важности этого своего поступка. Читаю апрельское письмо Левицкой:

«Сейчас я несколько расправился. Послал хозяину (Сталину.— В. О.) два письма (единственный продукт «творчества» за полгода)... Я мотаюсь и гляжу с превеликой жадностью. Гляжу на все. А поглядеть есть на что. Хорошее: опухший крестьянин-колхозник, получающий 400 грамм хлеба пополам с мякиной, выполняет дневную норму. Плохое: один из хуторов, в нем 65 хозяйств. С 1 февраля умерло около 150 человек. По сути — хутор вымер. Мертвых не захороняют, а сваливают в погреба. Это в районе, который дал стране 2 300 000 пудов хлеба».

Язвительно заключил письмо. Правда пересилила убеждения — вот он, приговор сталинщине: «В интересное время мы живем! До чего богатейшая эпоха!»

Все это в обычном почтовом конверте. Запустил ли кто туда гораздый глаз?

Стране приказано молчать о бедствии. Поэтому писателю надо дважды преодолевать себя — рисковать писать правду и рисковать внушать вождю, что нельзя верить газетам. Они грубо обманывали.

— Заявление о голодной смерти миллионов советских граждан на Волге, Украине и Северном Кавказе является вульгарной клеветой, грязным наветом.— Так пишет «Правда» летом 1933 года.

«ЛИЧНО ОТ И. СТАЛИНА»

«23.04 — 7 ч. 57 м. из Москвы номер 101-59, передано 23.04 в 0-40 м. Правительственная. Станица Вешенская Вешенского района Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову тчк Ваше второе письмо только что получил тчк Кроме отпущеных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов тчк Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов тчк Надо было прислать ответ не письмом зпт а телеграммой тчк Получилась потеря времени тчк Сталин тчк».

Телеграмма от вождя с оповещением о помощи шла в открытую. Сколько же людей узнают и в Москве, и на Дону о сталинской заботе! Еще бы, Сам, Сталин, вывел: «Письмо только что получил» — и сразу ответ, да еще поворчал-пожурил, что писатель не догадался дать телеграфно свое прошение. Вешенцы радовались: обещаны 160 тысяч пудов хлебушка. Откуда им знать, что Шолохов писал так: «Потребности, исчисляемые минимально в 160 000». Stalin проявил буквоечество: хлеб обещан и в самом деле по минимальному счету.

Шолохов читает и перечитывает телеграмму — о репрессиях ни слова. Stalin ничего не ответил на просьбу-мольбу покончить с ними.

Не знала Вешенская, что вслед молниеносной телеграмме Stalin отправил письмо. В нем сообщил о своем отношении к подавлению народа. Телеграмма Сталина для всех — письмо о сталинщине одному.

От своего хвоста, однако, не уйти. 1988 год... В Центральном партархиве мне выдают обычного вида папку — здесь все такие — и говорят: «В ней ищите письмо Сталина».

Нашел. Шесть невеликих по размеру листиков. Необычное — не на бланке и собственноручное. Почерк разборчивый (лишь два-три раза напрягаюсь), хотя чувствую, Stalin торопился: строчки то и дело сползают, косят. Манера писать интеллигентна, лишь две грамматические ошибки (скорее, описки).

«т. Шолохову. Лично от И. Сталина.

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно.

Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к Вам в Вешенский район т. Шки-

рятов, которому,— очень прошу Вас,— окажите помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов».

На этом приятное чтение заканчивалось. Слова «Но это не все...» как команда тащить на дыбу:

«Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-совет. работы; вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздить врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма.

Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите не плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а типичная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку» (саботаж) и не прочь бы оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую войну» с Советской властью. Война на измор, дорогой тов. Шолохов.

Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должные наказания. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло показаться издали (каково это писателю-вешенцу читать: «издали»?! — В. О.).

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку. Ваш И. Сталин. 6/V — 33 г.».

Политическая окровавленность послания из Вешек ничуть не тронула вождя. Хуже того: он сулит разбирательство, а приговор уже вынес — Дону, что виновен в саботаже, а защитнику Дона — в политической неразборчивости и защите врагов.

...В Вешки прибыл Шкирятов Матвей Федорович. Стrog, недоступен и себя не жалеет. 10 дней опрашивал-допрашивал, 35 фамилий в блокноте, мотался весенними раскисшими дорогами по сельсоветам, заглядывал в бригады... Несколько раз брал с собой писателя.

Уезжал, а ему вслед и Шолохов, и те, за кого он заступался, с болью во взоре: чью сторону возьмет?

Через несколько дней Сталин читал его докладную. В ней и о «незаконных репрессиях», и «перегибах массового характера», и даже требование «исключить из партии...». В записке имя Шолохова: «т. Шолохов, как хорошо знающий район, помог мне...» Вывод: «Результаты расследования перегибов в Вешенском районе полностью подтвердили правильность письма тов. Шолохова».

Что дальше? 2 июля Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович встретились со Шкирятовым, Шолоховым и еще несколькими ростовчанами. Два часа... Через два дня Сталин снова открыл

перед Шолоховым и остальными двери. Они выслушали постановление «О Вешенском районе».

Вышли из державного кабинета. Шолохова могли поздравлять: крайком осадил. Постановление отметило перегибы-искривления.

Зря поздравляли. Не каждое в этом документе лыко в строку:

— Шолохов о бедах по всему Дону, а Сталин подписал документ только об одном районе;

— Шолохов о том, что крайком довел Дон до голода и репрессий, а Сталин благословил такую — на легкий испуг — формулировку: «Указать на недостаточный контроль над действием своих представителей и уполномоченных».

Сталин и есть Сталин. В постановлении защита курса на насилиственное изъятие хлеба и подавление сопротивляющихся: «ЦК считает, что совершенно и абсолютно необходима политика нажима на саботирующих хлебозаготовки колхозников...»

Всем урок от Сталина — и народу, и парторганам, и Шолохову-заступнику, и Шкирятову-проверяльщику.

Август 1933-го: Сталин пожаловал в Ростовскую область. С какими же целями — самолично руководить спасением от голода и облегчить страдания и встретиться с отважным писателем?

Постыдной оказалась цель приезда. О ней узнал — вот уж не ждал — по «Биографической хронике», что является приложением к тому 13 Сочинений Сталина: «И. В. Сталин, К. Е. Воронцов и С. М. Буденный посещают конный завод имени С. М. Буденного в Сальских степях (Ростовская область)». Лопшадками поинтересовались...

Бросаются в глаза заголовки в «Правде»: «Голодная Англия», «Голодные бунты в Румынии», «Надвигается 4-я голодная зима — письмо из Нью-Йорка...». Вот как старается агитпроп отвлекать внимание.

Как бы понадежнее догадаться, как и чем держался Шолохов в том году. Для кого иного хватило бы обвинения крайкома в контрреволюционной деятельности и приговора Сталина в политической близорукости и защите саботажников.

И такая беда — читаю в письме: «Этот год не везет мне... Вот уже полтора м-ца как Сашка заболел коклюшем. Болезнь эта осложнилась простудой, хрипит он и кашляет каждый час. Какая же тут работа? Мария Петровна моя извелась без сна, в доме великий беспорядок: у меня в работе — тоже». Велика семья — уж четверо малых: прибавились Миша и Маша.

Но литература, несмотря ни на что, не отпускает, хотя работа, как признался — с явным вызовом — Сталину, не шла.

...Два года ушло в Вешенском районе, как написал Луговой, на залечивание ран от голода. А сколько черных слез и черных холмиков навсегда?

История благодарно сохраняет на скрижалих памяти строчки о заступничестве писателей за страждущих, за невинных. Лев Толстой поднялся с протестом против смертных приговоров в первую революцию, а в голод открыл столовую. Владимир Короленко спасает отданных под неправедный суд вояков и в числе прочих очерков в защиту правды написал очерк «В

успокоенной деревне». Это о нем Сталин узнал — напомню — с помощью Шолохова. Чехов славен и поездкой на каторжанский Сахалин, и участием в спасении голодающих...

Убежден, что еще не воздано должное Михаилу Шолохову за порыв, значимость которого преувеличить трудно, — заступиться за 100 000 несчастных.

В небытие ушли на долгие полвека усилия писателя, в одиночку вознамерившегося побороть с осознанно организованными голодом и расправой над активистами колхозов, сельсоветов и парторганизаций.

ПОЛИТИКА УДИЛ-ЖЕЛЕЗ

Сталин остается одним из главных действующих лиц биографии писателя. Он избирает для Шолохова особый режим. Теперь уже не просто кнута и пряника. Это не подействовало. Отныне — в том убежден — Сталин возьмет власть коротких, жестких удил. Приказывает то натянуть — в кровь, то отпустить, то рвануть, то передых... Не брезговал подчас сам в руки брать железы, как дальше будем узнавать. Но чаще нравилось изображать из себя благодетеля.

Дела на Дону после голода все еще плохи. Разорен Дон. Райкомовцы к писателю — помогай! Рискнул — обратился к Сталину.

И он принял. Шолохов об этом никогда никому. Архивисты обнаружили сей факт в записях журнала дежурных секретарей Сталина. Произошло свидание 14 июня. И даже часы встречи обозначены: «15.30—16.50». О чем говорено, можно узнать, если прочитать назавтрашние с грифом «Совершенно секретно» постановления Политбюро:

— «О помощи колхозам Северной области АЧК». В тексте: «Поручить комиссии в составе тт. Жданова (созвыв), Чернова, Гуревича, Микояна, Клейнера, Гринько, Акулова, Малинова, Лужина, Шолохова и Юркина разработать мероприятия по хозяйственной помощи колхозам районов Северной области Азовско-Черноморского края».

— «О поездке т. Шолохова за границу». В тексте: «Разрешить т. Шолохову поездку в Данию и Англию на 1 месяц с выдачей валюты».

На последней странице протокола подпись: «И. Сталин». Вот же как удостоен писатель. Я пролистал весь протокол — хотел уловить, чем обеспокоено тогда Политбюро в один день с заботами Шолохова. Едва не двести с лишним пунктов. Что-то обсуждается на самом деле, что-то нуждается лишь в обозначении, что-то рассмотрено «ареопагом». Тут и о снижении цен на рыбу и масло, и о награждении челюскинцев, и об организации «Общества культурных связей СССР и Китая», и о создании учебника древнего времени для школьников...

Качнулся маятник по велению Сталина к писателю. Нечасто в те времена, чтобы выезд за границу. И совсем чудо, что писатель попал в комиссию государственного ранга.

Тут-то — по сговору или совпадение — в «Правде» вскоре на второй странице крупный заголовок: «На партийной проверке — писатель Шолохов». Заметка рассказала, что вешенец прошел партчистку. Но почему спустя полгода? Может, и на самом деле газета ждала некоего начальственного внимания...

Читаю заметку — она избытна на обычные похвальные штампы и вся из себя с их помощью бодренькая и благополучная: активен член ВКП(б) М. А. Шолохов.

И все-таки выперло из гладкописи такое, что я даже привстал от неожиданности:

— По сигналу Михаила Шолохова не раз принимались меры по исправлению перегибов, имевших место в Бешенском районе...

Это в первый и в последний раз в открытую, для всех, пусть и затуманенно, но признано — с признательностью, — как смелый писатель схватывался с виновниками голodomора, с «головокружениями от успехов» и открывал глаза на правду самому Сталину. После 1934 года Шолохов, если судить по собранию сочинений, напечатал только одну, совсем небольшую статью «Красная Подкушевка» — она о красных партизанах в гражданскую войну. Так продолжалось до военного лета 1941 года...

Почему же умолк на семь лет как публицист? Многое подталкивало на гимны, если бы искал скрипичный ключ, чтобы потрафить вождю и пооранжировать его политику и жить по законам коллаборационизма-соглашательства. Начало сказываться техническое оснащение колхозов. Поднимается урожайность. Возобновился рост поголовья скота... Не соблазнился Шолохов. Не сподобился писать откликов-воспоминаний и на писательский съезд. Будто вычеркнул его из памяти.

У него к газетам, к журналам словно аллергия. В марте 1935 года пишет в Москву: «Т. Вашенцев! Спасибо за предложение, но «Тихий Дон» я все-таки не буду печатать в журнале. Твердо решил печатать сразу книгой. С приветом, М. Шолохов». В 1934-м и в газетах никаких отрывков из романа.

Творческие планы... Сообщал Левицкой: «В этом году мне крайне необходимо разделаться и с «Т. Д.» и с «Целиной», но зимой, как видно, много я не сделаю».

Но в воспоминаниях Лугового совсем иное. Оказывается, Шолохов отказался (!) продолжать «Целину». Какая же причина прерваться? В воспоминаниях одна строчка: «Тут путь преградили известные перегибы». Немногословное, но многозначительное пояснение. Итак, причина — политика.

Власть тянет Шолохова в свои ряды. В одном из писем: «Не дают работать наши газеты! Только проводил одну девицу из «Комс. правды», как приехали из радиоцентра и «Известий». Это с одной стороны. С другой стороны: «Крайкомовцы не забыли обиду на Шолохова и на меня за наши действия через их головы в годы известных перегибов. Они начали подсыпать в район людей с заданием». Это — страшное — прочитал в воспоминаниях Лугового. Но не очернил ли он прошлое, вспоминая давнее, чтобы приукрасить биографии?

Ничего не приукрасил. Архив райкома хранил всякое против

Шолохова, даже такое свидетельство одного заступника, что посмел смело разоблачить провокатора: «Он говорил в присутствии меня, Калинина М. Е., Мазанова Т. А., Бондаревой К. А., что Шолохов, когда набирал песенников в Москву, нанимал одного из песенников вложить в баян наган и убить тов. Сталина, после этого предлагал мне подписать материал, написанный им тов. Ежову, за что нам будет большая награда...» Дальше писал о том, как приехал начальник райНКВД и настаивал на обвинении Шолохову.

Деяниям «людей с заданием» есть подтверждение не только от секретаря райкома. И на подробности страшнее, и объемом намного обширнее. Прочитал их — неожиданные: они скрывались до 1993 года — и почувствовал, что эти подтверждения становятся бровень с самыми значительными документами со- противления сталинщине.

Они без эмоций и метафор: только факты и только они. Шолохов рискнул взяться открывать глаза Сталину и требовать справедливости. Не доверился встречам — решил оставить документ: «За две встречи с Вами я не смог последовательно и связно рассказать обо всем, что творилось в крае и что происходит в настоящее время. Разрешите сейчас...» Дата: «16 февраля 1938 г.». Место написания — Вешенская. На письме пометы Сталина, его помощника Покребышева и главного энкаведиста Ежова.

Я по-доброму позавидовал публикатору Юрию Мурину. Он передал свою находку в журнал «Источник» (1993 г., № 4).

58

Сенсация! Но ни одна центральная газета, насколько следил, не откликнулась. Молчат и те, кто продолжает — вроде бы по незнанию — клеймить Шолохова за сожительство с режимом. «После того, как в 1934 г. я рассказал Вам, т. Сталин, о положении в колхозах Северного Дона, о нежелании крайкома исправлять последствия допущенных в 1932—33 гг. перегибов, после решения ЦК об оказании помощи колхозам Северо-Кавказского округа — Меньшиков, Киселев и др. окончательно распоясались. Меньшиков установил систему подслушивания телефонных разговоров, происходивших между мной и Луговым, завел почти неприкрытую слежку за нами; вкупе с Киселевым и др. они стали на бюро РК открыто срывать любое хозяйственное или политическое предложение, исходившее от Лугового или меня. Работать стало невозможно.*

Обвинением системе вырвалось у Шолохова для Сталина такое признание: «Знали ли мы об этом? Безусловно, знали. Знали и молчали потому, что были убеждены в том, что если потребовать смены этих людей, — пришлют таких же. В этом, после снятия Киселева и Меньшикова, мы имели возможность убедиться...»

* В эту группу входили по замыслу партии и местного НКВД первый секретарь Вешенского райкома партии Луговой, председатель райисполкома Логачев и уполномоченный по заготовкам Красюков. В письме обозначены Шеболдаев, первый секретарь обкома, а затем его преемник Евдокимов. Остальные фамилии оставляю без расшифровки, дабы не загромождать чтение.

Потом о том, как он, Шолохов, с Луговым собирались в дорогу — в Ростов, к первому секретарю обкома. Помечтали найти сочувствия и помощи. Шолохов горячился — заявил: «Я не преступник и жить под гласным надзором не хочу». Ему в ответ — нагло:

— Вторым секретарем пошлем к вам Цейтлина... Луговому не хватает политической грамотности, а Цейтлин — парень грамотный. И начальника НКВД пошлем стоящего.— Помолчал и, улыбаясь, добавил: — А все-таки посматривать мы за вами будем...

Как жить в такой жизни? Может, беречь себя, свою раннюю славу, большую семью и не влезать ни в какие там события-ситуации? Не мог же забыть письма Сталина с советом-указанием быть разборчивым в политике...

И впрямь мог бы не обнаруживаться ни в какой «политике». Осознает свою ответственность за «Тихий Дон». «Известия» в апреле рассказали: «Главы книги перечеркиваются и переписываются — рабочий день Шолохова начинается в семь часов утра и заканчивается поздно вечером». Письмо директору издательства: «...Я начал заново переделывать первую половину «Тихого Дона» (я говорю о 4-й книге). Но ни читатели газеты, ни издатель книги не узнали, с какими мучениями продолжается роман. Читаю мартовское письмо Левицкой: «Сижу, доканчиваю «Тихий Дон». Что-то все не так получается, как хотелось бы...»

Еще весточка из того месяца. Она в письме, которое в начале 1994 года разыскали в архиве КГБ и дали мне первому для знакомства. Оно дипломату Г. А. Астахову. Письмо без особых исторических примет, но в нем живые токи душевного состояния. Переписываю в извлечениях:

«...Я по пути от Вас задержался в Москве ровно на сутки и потом двинул домой. Спешу как проклятый, кончаю «Тихий Дон».

«...На Дону — пока еще зима. Недели две назад резко потеплело, начали было сеять сверхранний, но сейчас снова выпал снег, морозы до 10 и холодные ветры. Местами на перекатах Дон поломало, и мне из окна видны широкие полыни. Как только весь лед уйдет — думаю попробовать спиннинг».

Письмо о главной заботе — о романе, да радость, что дом, Дон и предстоящая рыбалка.

И все-таки влез в политику. Ничто не могло отречь-отвратить от порыва вступиться за правду.

Какой-то молодой ретивый журналист помещает в окружной газете лихую статью. В ней о том, что-де Вешенский райком не хочет организовать обсуждение проекта Сталинской Конституции. Убойное обвинение! Проводится специальный разбор. Страсти накалены до предела.

ЦК не минула сия история, причем в самом злобном обрамлении. Здесь бдели и копили компромат. Нашел в одной архивной папке донос из Вешек: «Во время обсуждения проекта Конституции в окружной газете «Большевистский путь» была помещена заметка об извращениях в обсуждении Конституции в Вешен-

ском районе. В ответ на эту заметку Луговой дал возмутительную телеграмму, направленную против личности автора...»

Далее о роли Шолохова: «В таком же духе было принято решение бюро, отредактированное т. Шолоховым».

Тучи сгущались — доносчик пишет: «Окружком ВКП(б) отменил это решение и указал на грубую ошибку РК ВКП(б)».

Что делать-то? Каяться и просить прощения... Так чаще всего поступали в то время. В доносе обличение: «Шолохов выехал в Миллерово и добился другого решения...»

Письмо Шолохова Сталину подтверждает правду доноса: «Окружком печатно шельмовал нас, обвиняя — ни много ни мало — в сокрытии от колхозников Стalinской Конституции. Повод для этого страшного обвинения? В двух тракторных бригадах за полторы недели после опубликования проекта Конституции не успели проработать проект. И дальше все в таком же роде».

На этот раз Шолохов спас вешенцев. Но не пройдет это даром — аукнется! Он предчувствует ответный удар каждую ночь.

Шолохова уговаривают быть благоразумным. Даже любимый и почитаемый им Николай Островский агитирует за примитивный соцреализм. Прислал в мае подарок — книгу «Как закалялась сталь» с надписью: «Пусть вырастут и завладеют нашими сердцами казаки-большевики. Развенчайте, лишите романтики тех своих героев, кто залил кровью рабочих степи тихого Дона». «Лит. газета» явно не случайно перепечатала это пожелание для всех своих многочисленных читателей. Панферов туда же. Левицкая оставила свидетельство изощренного нажима: «Как-то случайно встретилась я с Панферовым. «Вот вы дружите с Шолоховым — убедите его, чтобы он закончил «Т. Д.» тем, что Григорий станет большевиком. Иначе «Т. Д.» не увидит света...» «А если это не соответствует жизненной правде?» — возразила я. «Все равно — так надо». Когда я сказала М. А. об этом, он усмехнулся и ответил: «Вопреки всем проклятым братьям-писателям я кончу «Т. Д.», как я считаю правильным».

Не послушался. Ослушался даже Сталина. Вождь давно не выслушивал отказы-несогласия. Старшая дочь писателя Светлана Михайловна рассказала мне: «Сталин однажды спросил отца о судьбе Григория Мелехова: «Когда же он станет большевиком?» Отец ответил: «Я очень хотел и уговаривал Григория, а он никак не хочет вступать в партию».

Тяжко жить. Только и покоя, что от семьи, земли да Дона...

НАРОД ОДОБРЯЕТ

11 января 1936 года Stalin видит имя Шолохова в «Правде». Приятная вроде бы заметочка, что роман о коллективизации полюбился читателям-колхозникам. Первая такая в органе ЦК, если вдруг нечаянно пропустил какую другую, когда листал подшивки. Как уже писал, власть поняла: надо «Целину» делать своею. У заметки подзаголовок: «М. А. Шолохов на конференции

читателей «Поднятой целины». Народ, стало быть, одобряет. Как мед на душу такое признание в газете. Но и у медовой бочки есть затычка. Только ли такую — похвальную — цель ставит «Правда»? И только ли напоминает о задолженности, чтобы подстегнуть писателя печатать вторую книгу?

Заметочка не так проста, как кажется по первому взгляду. Она одна из примет усиливающегося с этого года гласного надзора. «Мы ждем, — заявили колхозники, — что в следующей книге «Поднятой целины» М. А. Шолохов покажет нам борьбу за осуществление сталинских лозунгов на берегах Дона. Мы надеемся, что писатель покажет в книге обновленный Гремячий Лог».

Сталинские лозунги понадобились... Письмо колхозников подтверждает, как уверен, мое предположение: роман со своими обличениями раскулачивания и без лакировки коллективизации не удовлетворял агитационно-пропагандистским требованиям.

Как же всем хочется, чтобы Шолохов прервал молчание и начал «показывать борьбу за осуществление сталинских лозунгов».

Прошли не месяцы — почти 30 лет после рождения замысла. 2-я книга вышла, как известно, через семь лет после смерти Сталина.

Так был ли закончен роман в 30-е годы? Многодесятiletne мнение, что он был завершен только перед самой войной, что и обрекло его на гибель при бомбежке в 1942 году.

Собрал все, что может ответить, да сплошь противоречия:

— Шолохов и Луговой свидетельствовали, что работа над романом прекратилась...

— Шолохов в иные разы в письмах, что пишется продолжение... И в самом деле: на последней страничке изданного романа пометка: «1932—1959». Это значит, что работа началась задолго до того, как о намерении Шолохова рассказал редактор журнала.

— Старшая дочь писателя Светлана Михайловна написала мне: «Мама подтверждает, что отец не собирался передавать давно готовую рукопись для издания...»

К какой версии я склоняюсь? Шолохов роман — 2-ю книгу «Целины» — написал (это не значит, что он его, после войны восстанавливая, не дорабатывал). Но в печать не отдал.

Не захотел славить сталинщину, но разве со второй половины 30-х годов могло бы появиться произведение без гимнов политики вождя?

— Что же это у тебя, Миша, все гибнут в конце романа?

— Да их все равно всех перебили бы лет через пять. — Так однажды ответил Шолохов на вопрос друга. Он точно высчитал: начинал вторую книгу в 1932 году — «лет через пять» значило, что наступил 1937-й!

Из письма Сталину: «С 1936 г. дело пошло быстрее. Подвернулся случай рассчитаться с нами простым и безопасным делом — началось по краю выкорчевывание врагов...» И Шолохов

наперечислял множество фамилий арестованных вешенцев. Одного из них выделил: «Красюков П. А., член бюро Вешенского РК, мой товарищ, однажды уже сидевший в тюрьме...» Неоглядно заступается, не убоявшись писать о партийце с тюремной судьбой — «товарищ». Еще — о себе и семье в одноряд с фамилиями первого секретаря обкома и вешенского начальника НКВД: «Тройка шеболдаевских порученцев, ведя беспринципную борьбу с нами, не брезговала ничем. Летом 1936 г. они стали посыпать на мое имя и на имя моей жены гнусные анонимки, порочащие меня как коммуниста и человека. Как-то я сказал об этом, и Тимченко, улыбаясь, предложил свои услуги, чтобы расследовать это дело и найти автора письмушек. Я отказался от его услуг, будучи твердо убежденным, что именно он является автором этих нечистоплотных произведений. Тимченко неоднократно заявлял мне, что на меня казачьи к-р организации готовят покушение. Будто бы один офицер-репатриант был арестован им около моего дома, при обыске у него было найдено оружие и он на предварительном допросе заявил, что прибыл в Вешенскую с целью убить меня. Однажды, будучи пьяным, Тимченко сказал, что кто-то меня высаживал на охоте и что покушавшийся побоялся стрелять в меня, так как знал, что в случае промаха будет убит мною. «Он знал, что вы здоровы стреляете, и побоялся рискнуть», — закончил он. На следующий день, когда я, желая уточнить тимченковскую информацию, спросил у него, кто высаживал меня и арестован ли он, Тимченко, глазом не моргнув, ответил: «Ничего подобного я вам не говорил. Вы меня не так поняли». Отношения наши к тому времени настолько определились, что, когда Тимченко попросил сообщать ему, куда я еду, якобы для того, чтобы принимать какие-то меры охраны, я, смеясь, ответил поговоркой: «Избави боже от таких друзей, а с врагами сам управлюсь».

Бот так живется Шолохову — писателю и отцу большого семейства. В этом году появилось в печати только несколько отрывков из «Тихого Дона» да телеграммы в связи с кончиной тех, кого близко знал: Горького и Островского. И еще написал приветствие героическим бойцам Испании.

Еще из письма Шолохова Сталину о ежовцах и их жертвах:

«Красюков, с арестом которого начался открытый поход против вешенцев, был отправлен через Миллерово в Ростов, во внутреннюю тюрьму УНКВД. 23/11—36 г. его арестовали, с 25/11 начались допросы. На первом же допросе продержали 4 суток подряд. В течение 96 часов ему дали поесть два раза. Не спал он за это время ни минуты. О чем спрашивали сменявшиеся по очереди следователи — лейтенанты Топильский, Марков и сержант Бобров? Заставляли показывать...»

«По краю начались аресты коммунистов, ранее работавших в Вешенской и хорошо относившихся к Луговому...»

«Когда ему говорили, что он издохнет в тюрьме, он отвечал: «И, помирая, буду говорить: да здравствует Коммунистическая партия и Советская власть! А вы, фашисты, смотрите и учитесь, как надо умирать честным коммунистам!»

«Вы хотите, чтобы я лгал?» Ответил: «...Давай ложь. От тебя

и ложь запишем». В тюрьмах Ростовской обл. арестованный не видит никого, кроме своих следователей. Просьбы арестованных разрешить написать заявление прокурору или нач. УНКВД грубо отклоняются. Написанное заявление на глазах у арестованного уничтожается, и арестованный с каждым днем все больше и больше убежден в том, что произвол следователя безграничен. Отсюда и оговоры других, и признание собственной вины, даже никогда не совершающей...»

Тут еще до Вешек донеслось, что «врагом народа» объявлен Борис Пильняк. Напомню: 7 лет тому Пильняк не отказался защищать Шолохова от обвинений в plagiatе. В 1935-м в своем романе «Созревание плодов» с добром о Шолохове. Он у него в одном почетном ряду с Маяковским, Пастернаком, Ал. Толстым, Леоновым, Вс. Ивановым с припиской: «Писатели различных литературных и социальных истоков, делавшие литературу и не походившие друг на друга». Какой урок беспристрастия на воссоединение, а не на раскол-избиение.

Приехал в гости композитор Дзержинский. Рассказал ли то, что поведал спустя десятилетия коллеге Никите Богословскому, а тот — спасибо — запомнил и недавно опубликовал. И смешно, и страшно читать: «Иван Дзержинский приехал в Москву, чтобы совместно с Большим театром продолжить работу над своей оперой «Поднятая целина». Театр снял ему комнату, но, к сожалению, без телефона. А его родной брат Леонид, писавший либретто к этой опере, оставался в Ленинграде и посыпал Ивану фрагменты текста по почте, а иногда небольшие речитативы персонажей — по телеграфу. Для одной сцены Ивану срочно потребовалось изменить в тексте фразу, и Леонид поспешил на телеграф. Телеграфистка прочитала текст, сказала «одну минутку», вышла, и действительно через минутку появились два молодых человека в штатском и, крепко взяв недоумевающего либреттиста под руки, отвезли его куда следует, где бедняга промаялся двое суток, пока в этом деле разбиралось высокое начальство. И все из-за того, что текст, предназначавшийся в опере для какого-то классового врага, был в телеграмме такой: «Оружие храним надежно тчк готовы начать по приказу тчк уверены в победе тчк с нами бог».

1937-й: ДОНОС

Январь 1937-го. «Литгазета» печатает коллективное письмо с грозным названием «Шпионы и убийцы». Это просьба-требование усилить уничтожение «врагов народа». Подписи: Фадеев, А. Толстой, Маршак, Павленко, Ю. Олеша, Б. Ясенский и некоторые другие. Шолохова среди них нет.

В эти дни в Ростове пленум обкома. Председательствует новый партначальник Евдокимов. Шолохов свидетельствует о нем Сталину — в уже упомянутом письме — следующее: «Евдокимов необъяснимой злобой всенародно обрушился на Лугового и начал орать: «Что ты мне болтаешь о какой-то опале! Вы в Вешенской богему создали. Шолохов у вас — альфа и омега! Камень себе

поставьте и молитесь на него! Пусть Шолохов книжки пишет, а политикой мы будем заниматься без него!» и пр. в этом же роде».

Февраль. В газетах подстрекательства на поиск врагов. Из свидетельств Шолохова: «В феврале ко мне пришел директор Грачевской МТС соседнего Базковского р-на Корешков, ранее работавший в Вешенской на должности зав. райзо. Он рассказал следующее: его вызвал к себе нач. Миллеровского окр. отдела НКВД Сперанский, продержал на допросе 14 часов, а под конец заявил: «Ты служил в белой армии, но скрыл это при вступлении в партию. Будучи в белых, ты расстреливал красноармейцев. У нас на тебя имеется вот какое дело,— и показал огромную папку.— Посадить тебя мы можем в любой момент. Но пока мы этого не думаем делать. Все зависит от тебя. Ты нам нужен. Ты в дружеских отношениях со Слабченко, с Луговым и Шолоховым...» Корешков спросил у меня: «Что мне делать?» Я посоветовал ему написать т. Ежову о том, что Сперанский провоцирует его и побуждает под угрозой ареста давать лживые материалы. Ездил ли Корешков к Слабченко или нет, я не знаю. Но в марте Слабченко был арестован по распоряжению Сперанского. А некоторое время спустя арестовали и Корешкова».

Март. Доклад Сталина «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». Вождь потребовал усилить, улучшить, активизировать.

Апрель. Шолохов сам и его враги и друзья читали 15 апреля в «Литгазете» руководящую речь Фадеева «Учиться у жизни». Это как пособие для читающих и пишущих. В нем и о Шолохове:

— Возьмите, какой чудовищной жизненной хваткой отличается М. Шолохов. Можно прямо сказать, что, когда его читаешь, испытываешь настоящую творческую зависть. Видишь, что это по-настоящему здорово и неповторимо...

И вдруг без всякого перехода о крамольном:

— И все-таки есть в его книгах недостаток большой, всеобъемлющей, всечеловеческой мысли.

Впоследствии такой упрек — отсутствие «большой мысли» — ограничили в политическую формулировку «безыдейщина».

Состоялась столь же руководящая речь и в Вешках. Из свидетельств Шолохова: «В апреле в Вешенскую приехал Евдокимов. На закрытом бюро РК мы выложили ему наши разногласия с группой Чекалина. Евдокимов обвинил нас в прямой защите врага народа Красюкова...»

Заговор против Шолохова и его сподвижников организован преотлично. Из станицы в столицу донос прымиком в ЦК. Я нашел его в архиве в одной из папок, которая вся в таких жутких доносах, что до сих пор кричат криком злооговоренных жертв. Вешенская анонимка против Шолохова и нескольких близких ему людей. Огромно письмо, хорошая бумага, отличная машинопись, безобразная грамотность, великолепная партфразеология: «26 апреля 1937 г. С. секретно. Тов. Герцовичу.

В районе вокруг Шолохова сплотилась группа ответработников, пользующихся абсолютной безнаказанностью...»

Прочитал начало и даже поперхнулся: весом донос на Шолохо-

ва, ибо весомы фамилии тех «троцкистов», которых он «сплачивал» (читаем в извлечениях):

«Секретарь РК ВКП(б) т. Луговой. Его два раза снимали с работы... Но каждый раз по настоянию Шолохова эти решения отменялись... Луговой взял под защиту члена бюро РК ВКП(б) Уполномзага Красюкова (ныне разоблаченного и арестованного троцкиста)».

«Лугового поддержал т. Шолохов, и бюро вынесло решение о реабилитации Красюкова...»

«Агроном Райзо — Мирошниченко... Два раза исключался из партии и два раза восстанавливался с помощью т. Шолохова».

«Нач. райотдела НКВД т. Тимченко. Он буквально пресмыкается перед Шолоховым...» Даже лютый недруг возведен в сан верного приспешника.

Родственник Шолохова — Владимир Шолохов, директор Еланской школы, подведен «под подозрение». И его вписали в «сколоченную» писателем «группу».

ЦК принял донос к исполнению. Переслан в Ростов. Евдокимов подключил к «рассмотрению» доноса нового начальника НКВД Люшкова. Он стремительно обрел громкую славу на Дону: и комиссар госбезопасности третьего ранга — генеральский чин, и кавалер трех орденов, и член бюро крайкома. А вот его пристрастия: «В то время основным средством «колоть» (добыть показания) была «государственная дума» — камера, где помещалось много заключенных и им не позволяли садиться по несколько дней, и когда на виду у всех остальных вызывали для дачи показаний, это действовало на остальных, и результаты были разительные: иногда не успевали оформлять... Широко применялись «подвески», иногда били, в том числе и я...» Это признания одного из сослуживцев Люшкова.

Май. От матери не скрыть охоту на сына. И каково ей думать понимать, на какие муки родила своего Мишуту 32 года назад... Идет райпартиконференция. Из Ростова представитель — Люшков. В воспоминаниях Лугового прочитал: «Меня, Логачева и Шолохова обвинили в том, что мы защищаем врагов народа».

Отступится ли от райкомовцев Шолохов? Смолчит? Потупит глаза? Отречется?.. Прочитаем дальше воспоминания: «Выступил М. А. Шолохов. Ему высказаться было трудно, но он выступил, выразил свое несогласие с мнением крайкома, что бюро райкома партии якобы защищало врагов народа. Он сказал, что ему такие враги неизвестны. Шолохов заявил, что бюро райкома проводило правильную политику».

Безумец! Осмеливается схлестнуться с самим Люшковым. Не стал стеречься...

Май заканчивался для Шолохова в Ростове, на заседании бюро крайкома. Люшков отчитывался о своем приезде в Бешенскую — оправдывает аресты: враги, враги, враги... Евдокимов восхликал, вперив гневный взгляд в Лугового и Шолохова: «Вот кого вы защищаете!» Шолохов двумя строчками создал его впечатлятельный портрет — написал Сталину: «Он хитер — эта старая, хромая лиса! Зубы съел на чекистской работе».

Судьба Логачева и Красюкова решена: схватили, когда Шолохов и Луговой были в отъезде.

Дни тогда летели как расстрельные пули. Лугового арестовали. Июнь... Краевая партконференция. Шолохов выслушивает одного из секретарей крайкома, Шацкого: «Сидят твои друзья, Шолохов. Показания на них сыпят вовсю! Но по Вешенской — это только начало... Там будут интересные дела. Вешенская еще прогремит на всю страну!» Я ответил ему, что арест Лугового и Логачева ошибка, но вернее всего — действия врагов. Шацкий, смеясь, спросил: «Это не в мой ли огород камешек? Слушай, не выйдет! Я проверен. Можешь судить уж по одному тому, что меня брал к себе на ответственную работу Н. И. Ежов и Евдокимов с огромным трудом выпросил меня у ЦК».

Окаянная жизнь. Из свидетельств Шолохова:

— О Луговом: «Среди ночи в камеру приходил следователь Григорьев, вел такой разговор: «Все равно не отмолчишься! Заставим говорить! Ты в наших руках. ЦК дал санкцию на твой арест? Дал. Значит, ЦК знает, что ты враг. А с врагами мы не церемонимся. Не будешь говорить, не выдашь своих соучастников — перебьем руки. Заживут руки — перебьем ноги. Ноги заживут — перебьем ребра. Кровью сссать и сратить будешь! В крови будешь ползать у моих ног и, как милости, просить будешь смерти. Вот тогда убьем! Составим акт, что издох, и выкинем в яму».

— О партийцах: «После ареста Лугового Капустин начал громить парторганизацию. По Дударевской МТС из 11 пред. колхозов было снято 9. Значительная часть их арестована, осуждена. Из 92 членов район. парторганизации было исключено 18. Причем исключено явно неправильно. Арестовали директора Колундаевской МТС Гребенникова, как врага народа. А этот «враг» — ставропольский крестьянин, бедняк в прошлом, красный партизан, награжденный за боевые отличия серебряным оружием, был и наверняка остался, безусловно, преданным партии человеком. На 64 члена партии были заведены дела. Большинство их должно было подвергнуться исключению из партии».

— Вообще о земляках: «Из уст знакомых колхозников я сам не раз слышал, что живут они в состоянии своеобразной «мобилизационной готовности»; всегда имеют запас сухарей, смену чистого белья на случай ареста. Ну, куда же это годится, т. Сталин? И не это ли обстоятельство способствовало тому, что великолепный урожай пр. года еле убрали, огромное количество хлеба гнило в поле, семена не сохранили, зяби не допахали?»

— О сборе компромата на себя: «С января 1937 г. начали допрашивать обо мне, о Луговом, о Логачеве. Через короткие передышки, измерявшиеся часами, снова вызывали на допрос и держали в кабинете следователя по 3—4—5 суток подряд. Короткий разговор: «Молчишь? Не даешь показания, сволочь? Твои друзья сидят. Шолохов сидит. Будешь молчать — стном и выбросим на свалку, как падаль!»

Где взять силы выстоять человеку, которому немногим перевалило за 30? Стреляться? Стрелять? Запить? Предать? Бежать,

припомнив старое казачье присловье, которое выкрикивали при сатанинском наваждении: «Унеси бог и коня, и меня!»?

Окаянные дни. И Шолохов принимает отчаянное решение — кинулся в Москву. Оставил в приемной ЦК пакет. В пакете письмо: «Дорогой тов. СТАЛИН! Приехал в Москву на 3—4 дня. Очень хотел бы Вас увидеть, хоть на 5 минут. Если можно, — примите. Поскребышев знает мой телефон. М. ШОЛОХОВ. 19.VI.37 г.».

Письмо напиратко, а еще без никакой почтительности. Этим пугает. Сразу схватывается, что за просьбой что-то особенное. Вождь, однако, без внимания...

Летом. Еще хуже дела. Ростовская власть почувствовала безнаказанность. На родичей писателя облава. Из свидетельств Шолохова — в нем страшное предписание из крайкома в райНКВД: «Совершенно секретно. лично т. Каупстину. № 14308. На заседании РК 5 августа разбиралось дело Еланской школы. Несмотря на то, что обличительных материалов было более чем достаточно, вы приняли по отношению Шолохова В. необъяснимо мягкое решение, в то время, как его надо было привлечь к строжайшей ответственности. Немедленно дайте объяснение, чем это вызвано? Шацкий».

Шолохов подытожил для вождя: «И Шацкому, и остальным надо было после ареста Лугового, Логачева и др. арестовать моих родственников, чтобы показать, что мое окружение — политическое и родственное — было вражеское, чтобы насищенно вырвать у арестованных ложные показания на меня, а потом уж, при克莱ив мне ярлык «врага народа», отправить и меня в тюрьму».

Мария Петровна догадывалась, что ждет, коли быть аресту. Недаром ее муж выводил Сталину, каково в «ежовых рукавицах». Пишет о Луговом: «Лугового с момента ареста посадили в одиночку. Допрашивали следователи Кондратьев, Григорьев и Маркович. Допрашивали по несколько суток подряд, сажали на высокую скамью, чтобы ноги не доставали пола, и не приказывали вставать в течение 40—60 часов, потом давали передышку в два-три часа и снова допрашивали. Луговой выстаивал по 16 часов, руки по швам, перед следовательским столом. К вариациям допроса можно отнести следующее: плевали в лицо и не велели стирать плевков, били кулаками и ногами, бросали в лицо очурки. Потом перешли на более утонченный способ мучительства: сначала лишили матраца на постели, на следующий день убрали из одиночки кровать; чтобы предохранить больные легкие от простуды, т. к. лежать надо было на голом цементном полу (Луговой болен туберкулезом), он подстипал под спину веник, — взяли и веник из камеры. Затем против одиночки Лугового поместили сошедшего с ума в тюрьме арестованного работника КПК Гришина, и тот своими непрестанными воплями и криками не давал забываться и в те короткие часы, когда приводили с допросов. Не помогло и это, перевели в карцер, но карцер особого рода, клоповник. В наглухо приделанной к стене кровати кишили, по словам Лугового, миллионы клопов. Ложиться на полу строжайше воспрещали. Лежать можно было только

на той кровати. Но освещение в камере было так искусно устроено (затененный свет), что вести борьбу с клопами было абсолютно невозможно. Через день тело покрывалось кровавыми струпьями и человек сам становился сплошным струпом. В клоповнике держали неделю, затем снова в одиночку..."

Сталин узнал и о мытарствах Логачева: «Логачев испытал то же самое. Издавались, уничтожали человеческое достоинство, надругивались, били. На допросе продержали 8 суток, потом посадили на 7 суток в карцер, переполненный крысами...»

Луговому внезапный этап в Москву. Скромный районный партработник заинтересовал высший карательный орган. Допрос за допросом... Луговой пояснил: «Требовали показания на Шолохова». Ему припомнилось, как один из арестованных дрогнул под тяжестью жесточайших пыток и понес несусветицу о писателе. Еще писал, что пошли в тюрьме слухи о готовящемся аресте Шолохова, и даже то, что уже взят... Кошмар!

Сентябрь. По-прежнему нет ответа на письмо Шолохова Сталину с молением принять. День за днем два с половиной месяца... Что ни день — так, как стук молотка по сбивающему гробу. Евдокимов нагло ведет свою игру — затягивает докладную в ЦК: уж начал расправу, а молчит. Но все-таки проявился, да и то не по своей инициативе. В Ростов звонок — ответ зафиксирован аппаратной внутри ЦК перепиской: «т. Буш говорил сегодня с секретариатом т. Евдокимова. Вопрос закончен, имеется решение крайкома о снятии руководителей Вешенского района. Решение было принято еще в мае м-це. Они его пришлют. 1.IX».

68

То приговор. Шолохову тоже. Если «враги» его друзья, то «враг» и он сам. Но враг не только по этому принципу. Ростовская партия хорошо усвоила мнение о своем земляке московских критиков и, вероятно, прослышила об отношении Сталина к «Тихому Дону». Из свидетельств Шолохова: «Шеболдаев вдруг начал проявлять исключительную заботу о моей писательской будущности. При каждой встрече он осторожно, но настойчиво говорил, что мне необходимо перейти на другую тематику; необходимо влиться в гущу рабочего класса, писать о нем, т. к. крестьянско-казачья тематика исчерпана, и партии нужны произведения, отражающие жизнь и устремления рабочего класса. Он усиленно советовал мне переехать в какой-либо крупный промышленный центр, даже свое содействие и помочь при переезде обещал. Очень тонко намекал на то обстоятельство, что я, в ущерб своей писательской деятельности, занимаюсь не тем, чем мне надлежало бы заниматься, словом, уговаривал...»

Евдокимов наследства Шеболдаева менять не собирался. Шолохов отметил: «Вокруг меня все еще плетут черную паутину...»

Тяжко жить одному во всестороннем зле. Поубавилось друзей и сочувственников. Одни в тюрьме. О других ко времени старая поговорка: «В радостях същут, в горести забудут». Навечная благодарность, что Луговой не сломался и не оговорил.

Нежданно в Союзе писателей очнулись. Нашелся смелый человек — он и погиб смело: в 1943 году, на фронте. Он в то время один из главных руководителей Союза писателей. До него донеслась неблагополучие в Вешенской. Он туда, а вернулся и тут же

за письмо Сталину. Оно велико, но без него не обойтись, чтобы познать жизнь и состояние, конечно же, одного из самых великих горемык того времени. Благородно стремление спасти Шолохова. Но не безогляден порыв. В письме заметны и осторожные строчки, и строчки едва ли не доносные. То печать времени... Читаем же: «В ЦК ВКП(б). Секретно. Тов. Сталину И. В.

В связи с тревожными сообщениями о поведении Михаила ШОЛОХОВА, я побывал у него в станице Вешенской.

М. Шолохов до сих пор не сдал ни IV-й книги «Тихого Дона», ни 2-й книги «Поднятой целины». Он говорит, что обстановка и условия его жизни в Вешенском районе лишили его возможности писать.

Мне пришлось прочитать 300 страниц на машинке рукописи IV книги «Тихого Дона». Удручающее впечатление производит картина разрушения хутора Татарского, смерть Дарьи и Наталии Мелеховых, общий тон разрушения и какой-то безнадежности, лежащей на всех трехстах страницах; в этом мрачном тоне теряется и вспышка патриотизма (против англичан) и гнева против генералов у Григория Мелехова.

М. Шолохов рассказал мне, что в конце концов Григорий Мелехов бросает оружие и борьбу:

— Большевиком же его я делать никак не могу.

Какова же вешенская обстановка у Шолохова? Три месяца тому назад арестован б. секретарь Вешенского райкома ВКП(б) Луговой — самый близкий политический и личный друг Шолохова. Ранее и позднее арестована группа работников района (б. зав. РайЗО Красюков, б. пред. РИК'а Логачев и другие), — все они обвиняются в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации.

М. Шолохов прямо мне заявил:

— Я не верю в виновность Лугового, и если его осудят, значит, и я виноват, и меня осудят. Ведь мы вместе все делали в районе.

Вспоминая о Луговом, он находил в нем только положительные черты; особенно восхвалял ту страсть, с которой Луговой боролся против врагов народа Шеболдаева, Ларина и их приступников.

С большим раздражением, граничащим со злобой, говорил М. Шолохов:

— Я еще не знаю, как передо мной обернутся нынешние работники края.

Смотри, что делается! Гнали нас с севом, с уборкой, а сами хлеб в Базах гноят. Десятки тысяч пудов гниет под открытым небом!

На другой день я проверил эти слова Шолохова. Действительно, на берегу Дона в Базах лежат (частично попрекшие) около 10 000 тонн пшеницы. Только в последние дни (после дождей) был прислан брезент. Вредители из Союзхлеба арестованы.

В порыве откровенности М. Шолохов сказал:

— Мне приходят в голову такие мысли, что потом самому страшно от них становится.

Я воспринял это как признание о мыслях про самоубийство. Я в лоб спросил его: «Не думал ли ты, что вокруг тебя орудуют

враги в районе и что этим врагам выгодно, чтобы ты не писал? Вот ты не пишешь,— враг, значит, в какой-то мере достиг своего!»

Шолохов побледнел и замялся. Из дальнейшего разговора со всей очевидностью вытекает, что он допустил уже в последнее время грубые политические ошибки.

1) Получив в начале августа письмо (на папиронной бумаге) из ссылки б. зав. РайЗО Красюкова, он никому его не показал, а вытащил впервые только в разговоре со мной. И то,— как аргумент за Лугового. В письме Красюков писал, что он невиновен, что следствие было неправильное и преступное, и т. д.

На мой вопрос: снял ли он копию с этого письма? — Шолохов сказал, что снял, но ни т. Евдокимову, ни в Райком не давал.

2) Никакой партработы Шолохов, будучи одним из членов райкома, не ведет, в колхозах не бывает, сидит дома или ездит на охоту да слушает сообщения «своих» людей.

Колхозники из колхоза им. Шолохова выражали крайнее недовольство тем, что он их забыл, не был уже много месяцев:

«Чего ему еще не хватает в жизни? Дом — дворец двухэтажный, батрак, батрачка, автомобиль, две лошади, коровы, стая собак, а все ворчит, сидит дома у себя».

3) На краевой конференции Шолохов был выбран в Секретариат и ни разу не зашел туда.

В крае (Ростов-Дон) к Шолохову отношение крайне настороженное.

Тов. Евдокимов сказал:

— Мы не хотим Шолохова отдавать врагам, хотим его оторвать от них и сделать своим!

Вместе с тем тов. Евдокимов также и добавил:

— Если б это был не Шолохов с его именем,— он давно бы у нас был арестован.

Тов. Евдокимов, которому я все рассказал о своей беседе с Шолоховым, сказал, что Луговой до сих пор не сознался, несмотря на явные факты вредительства и многочисленные показания на него. На качество следствия обращено внимание краевого Управления НКВД.

Очевидно, что враги, действовавшие в районе, прятались за спину Шолохова, играли на его самолюбии (бюро райкома не раз заседало дома у Шолохова), пытаются и сейчас использовать его как ходатая и защитника своего.

Лучше всего было бы для Шолохова (на которого и сейчас влияет его жены родня,— от нее прямо несет контрреволюцией) — уехать из станицы в промышленный центр, но он решительно против этого, и я был бессилен его убедить в этом.

Жалуясь, что он не может писать, М. Шолохов почему-то нашел нужным упомянуть, что вот он послал за границу куски IV книги, но они были задержаны в Москве (Главлитом), и из-за границы к нему пришли запросы: где рукопись? Не случилось ли чего?

Шолохов признал и обещал исправить свои ошибки и в отношении письма Красюкова, и в отношении общественно-партийной работы. Он сказал, что ему стало легче после беседы.

Мы условились, что он будет чаще писать и приедет в ближайшее время в Москву.

Но основное — его метание, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезные опасения, и об этом я и сообщаю.

С комм. приветом Вл. СТАВСКИЙ. 16.IX.37 г.».

На письме резолюция Сталина: «Тов. Ставский! Попробуйте вызвать в Москву т. Шолохова дня на два. Можете сослаться на меня. Я не прочь поговорить с ним. И. Сталин».

Шолохов вызван — срочно. Дорога как бикфордов шнур: что ждет в Москве? Арест? Спасение?..

Архив сохранил дату встречи писателя и вождя-правителя: «25 сентября 1937 г. с 16.30 до 18 часов». Stalin пригласил Молотова и Ежова. Полтора часа!

Попрощались за ручку. Stalin, однако, ничего твердо не обещал: разберемся, мол. Но ведь мог одним словом приказать Ежову: пощадить! Прекратить!

Прошло 10 дней — как выдержать. Наконец Ежов сообщил Шолохову нечто обнадеживающее. Шолохов тотчас за письмо: «Дорогой т. СТАЛИН! т. Ежов, наверное, сообщил вам об исходе вешенского дела. Он говорил вчера, что сегодня будет ставить на ЦК вопрос об освобождении Лугового и Красюкова. То, что я пережил за эти 10 месяцев, дает мне право просить Вас, чтобы Вы разрешили мне видеть Вас на несколько минут после того, как т. Ежов сообщит о вешенском деле, или в любое другое время, которое Вы сочтете удобным. Имею к Вам лично, к ЦК просьбу. Прошу сообщить через Поскребышева, он знает мой телефон. Москва. ШОЛОХОВ. 5.10.37».

Встречи не состоялось. Еще томительные дни. 17 ноября заседает Политбюро — в постановлении о том, что три арестанта восстановлены в партии и на работе.

Из воспоминаний Лугового: «Повели к Ежову. В кабинете наркома сидел Михаил Александрович Шолохов. Я прежде всего посмотрел, есть ли у него пояс... Я понял, что Шолохов не арестован». Это, к счастью, не очная ставка.

Мария Петровна Шолохова мне рассказывала: «Помню, как в 1937 году возвращались из Москвы Михаил Александрович со спасенными... Вырвал их из «ежовых рукавиц». Он дал телеграмму, что, мол, все в порядке, ждите. Никто, кроме меня, и не знал об этой телеграмме. Но, наверное, на почте порадовались за счастливый исход. Короче, вся станица вышла встречать. Помню, Луговой и Логачев плакали. А казаки подходили к Михаилу Александровичу и благодарили...»

С апреля по ноябрь жили четыре вешенца под топором. То было многолетнее время, когда людей неволили либо безответно смотреть в подозревающие глаза следователю, либо заранее отводить взгляд от сослуживца, соратника по партии, соседа при первом же подозрении. Однажды даже Stalin выразил тому удивление. Это когда арестовывают Мандельштама, а очень

близкий поэту и к тому же авторитетный в обществе член Союза писателей смолчал. Сталин стал выговаривать отступнику: «Если бы мой друг попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти».

Фарисей! Знал, кому что говорить. Руководителю Союза писателей Фадееву заявил противоположное:

— С каких пор советский писатель решил защищать врагов народа? У вас что, есть документы в их защиту? Или вы не доверяете органам?

Добавил с превеликою заботой:

— Врагов не надо защищать. Это безумие.

Безумие защищать товарища... Шолохов личное предупреждение Сталина не защищать попавших в беду получил — вспомним — намного раньше: в голод, в 1933 году.

Шолоховское письмо приметно тем, что рассказывает, как люди даже в ту кошмарную пору находили силы для сопротивления. Stalin читал, к примеру, такое: «Луговой, Логачев и я голосовали против исключения Красюкова из партии, считая необходимым выждать до получения из крайкома материалов, которые послужили причиной ареста...

На районном партийном собрании подавляющее большинство коммунистов, знаявших Красюкова на протяжении ряда лет совместной работы в р-не, голосовали против исключения...

Или рассказ, как спасали Владимира Шолохова (и стоит обратить внимание на сюжет с приобщением школьников к познанию библейской истории по дореволюционному журналу — в те-то годы!): «Тимченко заявил мне, что ему придется арестовать Шолохова В.— моего родственника, комсомольца с 1924 г., работавшего директором Еланской средней школы...

В качестве доказательств привел следующее: 1) в школе насаждались религиозные настроения среди учащихся, ученики читали библию, 2) Шолохов В. вредительски вырубил на пришкольной усадьбе 10 000 корней плодовых саженцев, 3) Шолохов систематически разваливал учебную работу, 4) будучи учителем истории, Шолохов В. преподавал ее с троцкистских позиций.

По решению РК была создана комиссия, в которую Капустин и Тимченко сознательно ввели своих единомышленников и, несмотря на то, что при проверке оказалось: 1) Ученики читали не библию, а рассматривали на дому иллюстративный журнал «Пробуждение» изд. 1913 г., в котором были фоторепродукции на евангельские темы (картина «Камо грядеши» и др.). 2) Уничтожить 10 000 плодовых саженцев Шолохов никак не мог, т. к. пришкольный сад занимал площадь всего-навсего в... полгектара и было там плодовых деревьев только 65 корней, которые цели до сих пор. 3) Доказать, что Шолохов разваливал учебную работу ничем было нельзя, потому, что это противоречило истине. 4) Точно так же не преподавал истории с троцкистских позиций; несмотря на все это, комиссия, извратив факты и пойдя на явный подлог, сочла возможным сделать следующие выводы: «...Шолохова с работы снять, дело о нем передать следственным органам НКВД».

ТРЕТИЙ СМЕЛЬЧАК

По всем газетам и на всех везде собраниях было объявлено, что быть выборам — в первый раз — в Верховный Совет.

Особые месяцы наступали: везде Сталин да Сталин.

Давно знал, что лишь два человека осмеливались спрашивать у Сталина — напрямую, — зачем и почему разрешает везде повсюду развешивать свои портреты и высказывания. Это видный в Америке общественный деятель полковник Робинс и писатель-антифашист из Германии Лион Фейхтвангер. Оба иностранцы — им легче...

Узнал, что нашелся третий смельчак. Младший сын Шолохова запечатлев в своих воспоминаниях великолепный на живопись рассказ отца:

— В одну из встреч с ним я под разговор возьми да и спроси, зачем, дескать, вы, Иосиф Виссарионович, позволяете так безмерно себя превозносить? Славословия, портреты, памятники без числа и где попадя? Ну, что-то там еще ляпнули об услужливых дураках... Он посмотрел на меня с таким незлобивым прищуром, с хитроватой такой усмешечкой: «Что поделаешь? Людям нужна башка». Меня подвел его акцент, послышалось «башка», голова то есть. Так неловко стало, куда глаза деть, не знаю. Не чаю, когда уйду. Потом уже, когда из кабинета вышел, понял — «божка», божок людям нужен. То есть дал понять, что он и сам, дескать, лишь терпит этот культ. Чем бы, мол, дитя ни тешилось... И ведь я этому поверил. Да, признаться, и сейчас верю. Уж очень убедительно это им было сказано.

Божок с помощью спивающегося карлика Ежова лютует. Ли-
ста «Правду»... Что ни месяц, так исчезает то один писатель, то
другой — нет в статьях, обзорах, речах или в информационных
с писательских заседаний-собраний отчетах. И сколько же среди
них тех, кого Шолохов лично знал, с кем сводила судьба...

В этом году Шолохов, если бывал в обкоме партии, мог бы не увидеть на дверных табличках почти никого из «старичков»: исчезли во тьме ночи. В числе новых — «М. А. Суслов, заведую-
щий отделом». Прислан из Москвы.

И еще новый деятель: вместо Люшкова появился грозный Абакумов. Он потом станет заместителем Берии.

А над Шолоховым все топор. В 1937 году едва не погиб. Спасли Кудашев и одна медсестра; ее имя осталось в безвестности. Эту кошмарную историю рассказала мне старшая дочь писателя. Если кратко излагать, то произошло следующее... Отца пригласил домой, в гости, былой земляк, вешенский энкаведист, которого перевели в Москву, с повышением, в НКВД. Отужинали вместе. Возвратился в гостиницу и в полночь почувствовал страшную боль. Нашел силы вызвать Кудашева. Кудашев добился врача из правительенной больницы. Тот приказывает после осмотра: быть операции, диагноз — приступ аппендицита. Свезли в больницу. Пока хирургов ждали, сестра подошла — сама молчит, но взгляды и жесты так выражительны, что Шолохов понял: надо бежать... Уж как удалось, подробности неизвестны, но Кудашев помог вернуться в гостиницу и раздобыл

теплого молока. Отпил. Приступов аппендицита больше нико-
гда в жизни не было.

Как жить, как творить в такую годину...

...Заступился за критика Ивана Макарьева. Я упоминала, как
он выступал перед Сталиным в канун писательского съезда.
Шолохов его знает еще по Ростову — был редактором газеты
«Советский пахарь». Писатель М. Шкерин сохранил такой рас-
сказ от Шолохова:

— Ходил к Ежову на Лубянку, пытался Ивана из тюрьмы
вызволить. Был уверен: не откажет «добрейший» Николай Ива-
нович. Не паникуй, сказал, разберемся. И вот разобрались:
вернулся Иван Сергеевич с каторги через девятнадцать лет.
С виду ему восемьдесят, а на самом деле пятьдесят четыре...

Еще заступничество — за Аксинью-Цесарскую. Пришло время
доказывать верность дружбе. У Эммы Владимировны арестован
муж — «враг народа». Нет жизни и для 28-летней женщины:
лишена ролей, опечатана квартира. Шолохов вмешался: вернули
звание заслуженной артистки, разрешили сняться в картине
«Девушка с характером»... Актриса словно в благодарность сы-
грала в нескольких казачьих фильмах, а в 1962-м — в «Нахален-
ке» по рассказу Шолохова.

...Творчества не получается. Из признаний Шолохова в письме
Сталину: «За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой
обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было
продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело». Он все
никак не расчехлит свое публицистическое перо и не восславит
победы в политике и экономике. Совсем немногое напечатано.
Небольшое письмо испанскому читателю «О советском писателе».
Трагичен взгляд на жизнь, к Шолохову то и дело с обвине-
ниями-подозрениями, но пишет такое: «Нельзя себе представить
советского писателя, оторванного от советской питательной сре-
ды... Я — сын советского народа. И заботу Советской власти обо
мне я не могу назвать иначе как «ласковой материнской заботой
о сыне». Я читаю это письмо, и вдруг вспомнились признания
Мандельштама: он просит не уничтожать свои стихи о Сталине.
И ничуть не оправдывается, что писал таковое: «Двойное бы-
тие — абсолютный факт нашей эпохи, и никто его не избежал».

Такое было время. Нам ли судить живших в нем людей?

1938-й: ШАГИ НА ГОЛГОФУ...

33 года исполняется Шолохову в 1938 году. Возраст Христа.
Быть ли Голгофе?

Не нелеп ли вопрос при имени депутата Верховного Совета
и по связи с тем, что избран делегатом XVIII партийного съезда
и членом президиума Союза советских писателей, а к тому же по
личному распоряжению вождя-правителя в конечном счете был
поддержан в борьбе с ростовской партияльностью и энкаведистами?

Февраль... Из Вешек письмо: ЦК — Сталину.

Сталин — ему от Шолохова совсем немного проявлений благо-
дарности за вмешательство и освобождение трех вешенских

парработников. Главное в письме — это обличения, что в остальном ничего не изменилось. Каково читать строптивое письмо, которое если б только факты, а то в одноряд обобщения:

— Пока положение остается прежним: невиновные сидят, виновные здравствуют, и никто не думает привлекать их к ответственности...

— Луговой и остальные вешенцы благодаря Вашему вмешательству освобождены, а сотни других коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьме и ссылке...

— Вокруг меня все еще плетут черную паутину...

Сталин взял в руки карандаш и написал: «Травля Шолохова».

И свел все к только одной личности. Сделал вид, что не заметил широкого размаха шолоховского протеста.

Еще вписал в реолюцию: «Ежову».

На Западе давно ждут ареста Шолохова. Одна итальянская газета напечатала: «Сталин приказал политической полиции арестовать Шолохова».

Тяжко писателю. Перо привыкло к письмам — мрачным и горестным. Еще одно — Левицкой: «Молчание мое, и то, что я не зашел, когда был в Москве, и то, что не пишу «Тих. Дон» вот уже 8 месяцев,— все это объясняется другим.

Но об этом надо говорить...

Писательское ремесло очень жестоко оборачивается против меня».

Читаю и на этом месте невольно прерываюсь. Жду чего-то необычного в продолжение. Так и есть: «...Пишут со всех концов страны и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, так много человеческого горя на меня взвалили, что я начал гнуться.

Слишком много на одного человека.

Если к этому добавить всякие личные и пр. горести, то и вовсе невтерпеж.

Черт его знает, старею, видно... А не хотелось бы!»

...Поскребышев и Ежов прочитали письмо и оставили на полях 10 замет: «Невозможно проверить» и «Проверить». В этих пометах как бы директива: что надо проверять, что не надо. Нашли главного проверяющего — Шкирятов. Его, на свою голову, предложил в письме сам Шолохов: «Пришлите по делам арестованных коммунистов М. Ф. Шкирятова. Он знает очень многих людей здесь по 1933 г., ему будет легче ориентироваться...»

Шкирятов готовится в дорогу. Аккуратист! Перечитывает письмо с руководящими пометками на полях — это ему и впрямь план проверки.

Выведено запретное «невозможно проверить» против таких утверждений Шолохова:

«Надо тщательно перепроверить дела осужденных по Ростовской области в прошлом и нынешнем году, т. к. многие из них сидят напрасно. Сидят по милости врагов».

«О допросах с пристрастием пишут мне и другие арестованные, которые сейчас находятся в ссылке. Пишут и просят довести до Вашего сведения о том, как их допрашивали, как из них сделали врагов».

Шкирятов — не глуп человек — читает и видит, что вовсе никаких помет там, где письмо гораздо на обобщения. Видимо, это совет не прикасаться к темам общеполитического характера.

Велико письмо. Шкирятов, поди, дивился отважной наивности своего и в самом деле давнего — еще с голodomора — знакомца. Осмелился так обращаться к вождю:

— Пора распутать этот клубок окончательно, т. Сталин.

— Да разве можно было бы года жить под таким чертовым прессом?

— Страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия...

— Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен...

— Не верится, т. Сталин!

— Всего не перескажешь, т. Сталин, хватит и этого.

— Письмо повезу сам. Если понадоблюсь Вам, Поскребышев меня найдет. Если не увижу Вас, — очень прошу через Поскребышева сообщить мне о Вашем решении. Крепко жму Вашу руку.

Шкирятову не могла не запасть в память истинно из последних душевных сил мольба: «Дорогой т. Сталин! Прошу Вас лично — Вы всегда были внимательны к нам — прошу ЦК, — разберитесь с нашими делами окончательно!»

Окончательно?! Шкирятову надо бы недоуменно пожать плечами при этой несбыточной просьбе. Сам же Шолохов вывел то, что так точно характеризует систему репрессий снизу доверху и наоборот: «...Я уже говорил Евдокимову: «Почему обком не предпринимает никаких мер, чтобы освободить из тюрем тех, кто сидит за связь с Луговым, кто посажен врагами?» Он ответил: «Ты говорил об этом Ежову? Ну и хватит. А что я могу сделать?» Или такое обобщение, когда обличал решение обкома: «В этом решении было записано следующее: «...Материалами следствия установлено, что тт. Луговой, Логачев и Красюков были злостно оговорены участниками к(онтр)-р(еволюционных) правотроцкистских и эсеровско-белогвардейских организаций в своих подлых вражеских целях». Эта формулировка неверна по существу. Чего проще: оклеветали вешенских коммунистов враги, на то они и враги, чтобы клеветать; оклеветанные реабилитированы; захлаждение, в коем пребывали Ростовский обком и обл. УНКВД, рассеяно решением ЦК. А на самом деле было все это иначе. Обком (враги, бывшие в нем и находящиеся сейчас) создал на Лугового и остальных дело, заведомо зная, что Луговой и остальные непричастны к вражеской работе, враги исключили их из партии, а враги, сидящие в органах НКВД Ростовской области, заставили других арестованных дать на Лугового, Логачева, Красюкова ложные показания».

Ждет, ждет Шолохов ответ Сталина... Недобродомолчание в ЦК сопровождено недобрый замалчиванием имени и творчества в органе ЦК. Листаю «Правду»... Май — широкозахватный месячник ликвидации литературных «врагов народа». Что ни номер, так клейма нашлепывают за политические преступления и порочат за идеино-творческие ошибки: Бруно Ясенский, П. Ва-

сильев, Киршон — этому в компромат даже связь с Ягодой, Авербах, Пильняк, Радек, Д. Бедный, автор романа о сибирском казачестве Иван Шухов...

Накануне дня рождения вешенец читает подвал «Троцкистская агентура в литературе». Редактору «Литгазеты» обвинение: «Систематически травил Панферова...» Отозвалось, когда читал: не припомнят ли ему схватки с автором «Брусков»... Еще строчки о врагах и тоже в назидание автору «Тихого Дона»: «Интерпретировали историю гражданской войны... Ухитрялись ни слова не сказать о роли Сталина...»

...Станица Вешенская едва не на особом положении: Шкирятов — товарищ из Москвы — приехал разбирать жалобу Шолохова. Вместе со Шкирятовым Цесарский из НКВД, и превелик его чин: начальник IV Главного управления НКВД СССР, но с актрисой Цесарской никакого родства. У энкаведистов переполох. В райкоме суетня: надо откладывать все дела и работать на гостей-проверяльщиков — беседы, справки, сопровождать в хождениях. Гости не вельможны: съездили в Ростов, посещали тюрьму, устраивали очные ставки...

Шолохов весь в надежде на справедливость. Быть ли ей?

Сентябрь 1992 года... На Лубянке, в Министерстве безопасности, просматриваю бумаги с именем Шолохова... Вот и записка: «Товарищу СТАЛИНУ, товарищу ЕЖОВУ. О результатах проверки письма тов. Шолохова на имя товарища Сталина».

Шкирятов и Цесарский против Шолохова: чья возьмет?..

Проверяльщики доказывают Сталину, что тщательно блюли справедливость: шли даже на очные ставки. И Шолохова приглашали. Коварны очные ставки. Шкирятов и Цесарский не постыдились рассказывать Сталину, как проводили их. Тот, кто мог сказать правду, сидел за одним столом и с тем, кто вел следствие и раньше выбил из него «нужные» показания, и с тем, кто вызван, чтобы подтвердить приговор. Вот тут-то им приказ: «Говорите правду!» Но кто в стенах тюрьмы и в присутствии местных энкаведистов отважится повторить то, что некогда рассказывали Луговому или Шолохову. Гости завтра по домам, в Москву, а эти-то остаются. Не потому ли случилось даже такое: один из тех, кто на первой встрече с проверяльщиками подтвердил свои прежние — правдивые — показания, на второй очной ставке отказался. Еще вкрадчивое признание Сталину, что не со всеми поговорили: «Нижеперечисленных лиц, указанных т. Шолоховым, нам опросить не удалось. Часть из них осуждена по первой категории (расстрел. — О. В.), или находятся в лагерях. Поэтому пришлось ограничиться только проверкой их следственных дел».

Взял не Шолохов. Он Сталину о 185 земляках: «Невинные сидят». Шкирятов и Цесарский одним перечислением вины «виновных» ставят для себя победную точку и тем самым неминуемо превращают Сталина в союзника: «Большинство из них кулаки, участники Вешенского контрреволюционного восстания в 1919 г. и реэмигранты (из них 18 чел. арестованы как участники право-троцкистской организации)». Или такое: «Заявление т. Шолохова об арестах большого числа невинных людей, в том

числе арестованных по оговору в связи с делом Лугового, Логачева и Красюкова, не подтвердилось. Имели место лишь отдельные ошибки, которые мы исправили (дело Лимарева, Дударева, Тюткина)».

Каково вождю читать все это. Выходит, Шолохов ослушался его, Сталина, совета письменного, в 1933 году: «не ошибаться в политике» и не заступаться за тех, кто «ведет войну с Советской властью»...

Еще чтение Сталину: «Для проверки той части заявления т. Шолохова, где говорится, что органы НКВД Ростовской области применяют к арестованным физические меры воздействия, мы специально допросили арестованных Лимарева, Тюткина, Дударева, Кузнецова, Мельникова, Точилкина, Гребенникова и Громославского. Ни один из допрошенных нами не показал, чтобы над ними в какой-либо форме применялось физическое насилие...»

Новое опровержение — теперь на тему, «плетется» ли вокруг Шолохова «черная паутина». Проверяльщики обеливают энкалистов и еще раз сделали вешенца обманщиком: «Не подтверждается и заявление т. Шолохова о том, что со стороны районного отделения НКВД против него была создана травля...»

Изошрены авторы Записки Сталину: еще неизвестно, вдруг Шолохов прорвется к вождю да убедит в своей правоте. Посему Записка все-таки как-то признает:

— «Мы спросили Тюткина (бывший работник НКВД — В. О.), что он передал отцу о подборе материалов на т. Шолохова. Тюткин нам заявил, что он действительно говорил, что на т. Шолохова подбирается в райотделении НКВД материал... При очной ставке с т. Тимченко (нач. райНКВД — В. О.) все это отрицал...» И вывод: «Кто из них прав — бывший начальник райотделения НКВД т. Тимченко или арестованный Тюткин, — сказать трудно!» Вот как — даже восклицательный для Сталина знак.

Итак, Шкирятов и Цесарский не поддержали обличений Шолохова.

Итак, Сталин узнает, что «имели место» не более чем «отдельные ошибки», но разве он, вождь, отменил свое изречение: «Лес рубят — щепки летят!»?

Итак, Записка подсказывает Сталину, что Шолохов — политический обманщик и дезинформатор.

Какое же решение принял вождь-правитель? Письменное решение не обнаружено, если оно только было. Но ясно, коли не случилось ареста, то Сталин соизволил простить. Мол, спишем непутевое послание на доверчивость впечатлительного писательского сердца, а оно — неминуемо по логике того времени — в ответ послужит верой и правдой. Или подумал, что, по примеру письма о «ряде ошибок» в «Тихом Доне», дать Записке Шкирятова и Цесарского полежать-созреть до лучших времен... Такой компромат не стареет.

...Трудно жить с крестом от чиновных проверяльщиков, на котором надпись: клеветник-обманщик. Но и эта тяжкая напраслина не согнула отчаянного страстотерпца.

Шолохов узнает, что арестован муж дочери Левицкой — Иван Терентьевич Клейменов. Славная биография: большевик с 1919 года, участник гражданской войны, один из самых первых в стране организаторов работ по ракетной технике — начальник секретного НИИ. Замечу: его заместитель С. П. Королев. И Королев будет арестован. Везде вокруг шпиономания, а в анкете Клейменова совсем нехорошая строчка: два года работник торгпредства в Германии... Моему отцу под одно из оснований для ареста подвели просто то, что являлся торгпредом в Германии. Он должен был бы знать Клейменова. При обыске у Клейменова нашли подарок от Шолохова — охотничью винтовку с оптическим прицелом. От следователя не могло остаться в тайне: частые встречи, охота, застолья, даже то, что когда Шолохов пребывал в Германии, остановился не в отеле-гостинице, а у Клейменовых.

Сталин в судьбе друга Шолохова взял на душу личный грех. В письме со списком подозреваемых, которое передал Ежов Сталину, значилось пока еще не самое страшное: «Всех этих лиц проверяем для ареста». Вождь нетерпеливо начертал: «Не проверять, а арестовывать нужно».

Никто из сослуживцев и руководителей наркомата не решился заступиться. Шолохов решился. Словно забыл про урок от Сталина: не заступаться за врагов. Положи душу свою за близких своих... В архиве КПК хранится письмо — вот строчки из него: «В 1938 году я ходил к Берия по делу Клейменова. Будучи твердо уверенным, что арест Клейменова — ошибка, я просил Берия о щадительном и беспристрастном разборе дела моего арестованного друга».

Левицкая остается в одиночестве: всеми забытая и брошенная. Вспомнилось ли ей совсем недавнее письмо из Вешенской, в котором о горе, что шло к Шолохову со всех концов. Ей тоже пришлось писать. Осторожно сообщала об одной беде — зять арестован, за которой другая — дочь Маргарита арестована. И все, догадываюсь, думала: ответит Шолохов — не ответит...

Ответил. Мог знать, что письма просматриваются, ведь письмо идет в семью репрессированных: «Дорогая Евгения Григорьевна! Письмо Ваше — большая радость и для нас с М. П. Теперь остается узнать про Ивана Терентьевича, да чтобы и он был жив и здоров, тогда совсем будет здорово...»

Напрасны надежды. Скор суд, и жесток приговор! На Левицкой теперь страшное пятно. Из нового письма Шолохова: «Ни о какой перемене в отношениях не может быть и речи. Все мы по-прежнему Вас любим...»

В июле годовщина смерти Горького. В «Правде» Фадеев, Вс. Иванов, Бабель... Они рассказывают, какую роль сыграл Горький в их судьбах. Шолохова не пригласили. Случайность ли?

В начале года писал с отчаянием, что начал гнуться. Весной не согнулся. Лето к концу — каждый день как шаг с крестом. Это не метафора. Смертное распятие на самом деле задумано...

Окончание следует.

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ДЕШЕВИЗНА

Кто же прав — Балда или поп?

80

От аэропорта до центра города доехал на автобусе за 100 рублей. В трамвае отдал 20. За 700 нормально перекусил в пельменной. В магазин зашел — там молоко по 300 (литр!), хлеб по 200 с копейками. И никаких очередей. Пересчитайте по сопоставимому курсу «старого» и «нового» рубля: цены ниже, чем в дореформенные годы!

Таковы первые личные впечатления. Впечатляет и статистика. Если за три года промышленное производство в России сократилось вдвое, то в Ульяновской области — всего на 2,3 процента (я был там осенью и данными за 1994 год, естественно, не располагал). А сельскохозяйственное производство не снизилось совсем! Когда в Москве стоимость официальной потребительской корзины составляла 70,4 тысячи рублей, в Ульяновске — 37,3. Менее трети средней зарплаты на тот период.

Выросло потребление мяса и молока...

Словом, самый дешевый город России?

Глава областной администрации Юрий Горячев прошел стандартный путь многих сегодняшних региональных начальников: от райкома комсомола до первого секретаря обкома КПСС — по совместительству председателя облсовета. В прошлом году он был, по сути, единоличным руководителем области, поскольку выборы в представительные органы весной не состоялись.

Встретиться с Горячевым не удалось. Помощники объяснили: Юрий Фролович работает с семи утра до десяти вечера, для журналистов минуты свободной нет. Это говорю к тому, что далее, представляя позицию губернатора, его взгляды на жизнь и экономические реформы, мне придется пользо-

ваться материалами, предоставленными пресс-службой администрации.

Ульяновская модель реформ укладывается в два слова: регулируемый рынок. Идея не нова, еще Михаил Сергеевич Горбачев отстаивал ее, стремясь построить социализм с человеческим лицом. В Ульяновске идею пытаются осуществить на деле (правда, без упоминания социализма).

Цены на основные продукты, произведенные в области, контролируются. Кстати, импортной еды в магазинах практически нет — приоритет отдан местным крестьянам и переработчикам, порой в ущерб себе. К примеру, заграничный сахар обошелся бы дешевле, но здесь не хотят подрывать собственную сырьевую базу.

В начале прошлого года федеральный бюджет задолжал области свыше ста миллиардов рублей, хотя Ульяновск исправно платит налоги. Заводы впервые начали переходить на неполную рабочую неделю, порой останавливаясь. Ульяновск «ответил» чрезвычайными мерами. Руководителям предприятий запретили сворачивать производство без согласования с советом трудового коллектива, советом Федерации отраслевых профсоюзов и администрацией области. Одновременно разрешили сначала выдавать зарплату, а уж потом платить в местный бюджет. Установили предельный уровень рентабельности, фиксированные цены на энергоносители, социально значимые группы товаров. Ввели заниженные цены во внутриобластных поставках, в первую очередь между городом и селом. Не отказались и от примитивного бартера. Сохранены талоны на мясо, масло. Мера, как признает губернатор, «нерыночная», но на данном этапе необходимая: без талонов подавляющее

большинство людей жило бы впроголодь.

«Мы не стремимся ни противодействовать реформам, ни реанимировать административно-распределительную систему, — считает Горячев. — Мы хотим одного: плавного, естественного, без социальных потрясений вхождения в рынок. А это — как показывает и российская практика, и наша собственная — без наличия государственной воли невозможно».

«Ворота» города — аэропорт и вокзал — непривычно тихи и безлюдны. Нет шумных торжищ, базарчиков, ларьков, шашлычников, бабушек с сигаретами, пивом и домашними пирожками. Да и центр Ульяновска внешне мало напоминает период «первоначального накопления капитала»: частная торговля строго регламентирована и представлена редкими киосками со стандартным набором товаров (за исключением спиртного — им торговать запрещено).

Как-то мне пришлось возвращаться с рабочей окраины в центр пешком. Общественный транспорт здесь вообще работает плохо, нерегулярно (это подтверждает мысль о том, что дешево — не всегда хорошо), к тому же на предприятиях закончилась смена. Ни в Москве, ни в других городах никогда не видел такого штурма трамваев: они отходили, оставив на остановке не менее полусотни людей, не сумевших пробиться к дверям. Так что я не рискнул лезть в почти смертельную давку.

Путь пешком занял более двух часов — это потому, что заходил во все магазины подряд, смотрел ассортимент, цены. Впечатления первого дня несколько потускнели; слухи об ульяновских дешевизне и изобилии оказались преувеличенными.

Мясо, как мне рассказывали,

в свободной продаже по 2300 — 2500. Возможно. Но ни в этот, ни в другие дни недельной командировки я его на прилавках не видел, кроме вырезки за 6800. Впрочем, вру. В одном магазине продавалась говядина за 1300 — по талонам.

По талону, который администрация сохраняет как «гуманную необходимость», можно купить полтора килограмма в месяц. Они положены всем: и миллионеру, и пенсионеру. Но кто может без талонов прожить, полагает Горячев, тот от них отказывается. Помилуйте, многие ли откажутся, когда что-то «дают» по дешевке? Тем более в свободной продаже мясо бывает далеко не каждый день. В итоге получается всем по крохам. А велика ли экономия на «талонном» мясе? Тысячи полторы в месяц...

Не от одного ульяновца слышал мнение, будто талонная система сохраняется «начальниками» в их интересах — мол, оставляют себе лучшие куски, а «народу» выбрасывают кости. Думаю, такие слухи не совсем точны, но надо же учитывать побочный психологический эффект «талонизации».

— Знаешь, как я в последний раз получал талоны? — рассказывал мне врач Александр (фамилии моего собеседника, по понятным причинам, не называю). — Хватился в предпоследний день, пришел в районную администрацию. Там чиновник вынул из стола толстую пачку талонов — откуда у него столько в конце месяца? Куда он денет остаток?

— А разве учета нет?

— Ну, записана в журнале моя фамилия. Кто его знает, сколько там еще записано...

Со всеми надбавками — за стаж, категорию — Александр получает 110 тысяч и от талонов отказываться не собирается.

Я интересовался: нельзя ли провольственную помочь сделать адресной? Нельзя, говорили мне, ибо тогда надо создать огромный аппарат, чтобы ежемесячно определял нуждающихся. Ведь в наше время материальное положение людей быстро и часто меняется: сегодня — малоимущий, завтра — преуспевающий бизнесмен. Или наоборот.

А так ли все сложно? Есть официально зарегистрированные безработные, инвалиды, ветераны войны, одинокие пенсионеры, многодетные матери и другие социальные группы малообеспеченных. Существуют районные комитеты социальной защиты, которым и взять бы на себя распределение талонов, хотя это, конечно, посложнее разовых выдач денег и вещей беднякам... Конечно, при любом раскладе могут быть обиженные, недовольные, но по крайней мере исчезнет почва для слухов, а помощь обездоленным станет весомой.

Известно, как приготовить рагу из рябчика на сотню человек: берется один рябчик и один конь... Примерно так же происходит со среднестатистической потребительской корзиной, зарплатой.

О ценах на мясо, молоко, хлеб я уже говорил: они заметно ниже, скажем, московских. Немного дешевле куры — 2600, яйца — 900. В остальном разница не столь существенна или ее нет. Масло — 4500, колбаса местного производства — от 5800 до 14 500, сардельки 6200, сыр — 4000. Рыбы я в городе не встречал. Картошка — 350. (В Москве в те же дни можно было купить и по 300.) Так вот, если в одну «корзинку» положить масло и молоко — ясно, она резко подешевеет. Но одним молоком сыт не будешь. Если учесть, что в Ульяновской области средняя

зарплата 172 тысячи, а в целом по России — 240, то разница в ценах фактически исчезнет...

Такое же «рагу» — средняя зарплата. Что с чем складывать, если на селе, например, зарплату могут не получать месяцами? Отдавая основную продукцию по заниженным ценам, крестьяне остаются без средств. Да, область выделяет немалые дотации, но пока они дойдут до села — и деньги уже «не те».

О дотациях селу говорил я с Олегом Горячевым, председателем областного Крестьянского союза.

— Бюджет для того и существует, — сказал он, — чтобы его тратить. Государственная поддержка сельхозпроизводителям есть во всех развитых странах.

Это верно. Но у них-то кризис перепроизводства, а у нас поддерживают всех подряд, в том числе и заведомо убыточные хозяйства...

Сельчан выручает личное подсобное хозяйство. Труднее городским рабочим. В Ульяновске последние годы гордились стабильной общественно-политической обстановкой, отсутствием забастовок. И вот осенью первый «звонок»: забастовали некоторые подразделения ВАЗа.

А на НПО «Марс» и забастовать не могут: оборонное предприятие! Зарплату — а она у большинства номинально менее 70 тысяч — не видели пятый месяц. По рукам ходит список из ста фамилий работников предприятия, получающих во много раз больше и регулярно. Понятно, это не уборщицы и не рядовые инженеры.

Хуже всего, как обычно, «бюджетникам». Если сборщик запчастей на относительно благополучном АО «Автодеталь-Сервис» зарабатывает на сельшине до 300 тысяч (правда, работа администрации — ни секунды передышки, от

мелкания пальцев рабочего рябит в глазах), то фельдшер в заводском медпункте — 64 тысячи. И это не «предел». 50 тысяч — зарплата хирурга с 40-летним стажем.

Учителей в прошлом году отправили в отпуск без отпускных. А в соседней, «неразрекламированной» Самарской области учителям, врачам и платят регулярно, и начисляют 40 процентов надбавки к окладу из местного бюджета.

Приватизация резко увеличила ножницы в заработках начальников и рабочих. Что, вдесятеро лучше работать стали? А это, оказывается, и не нужно. Ситуация хорошо известная: завод еле дышит, а начальство по заграницам ездит, особняки строят...

При акционировании УАЗа руководители завода создали свое частное АО «Капитал». Методика отъема денег проста: часть выручки от продажи автомобилей кладется на счет «Капитала» — читай, в свой карман. Юрий Горячев пишет в одной из статей: «...с помощью российского антимонопольного комитета были внесены необходимые корректировки». Какие? Кого и на сколько наказали? Увы, спросить-то я у него не мог...

На грани банкротства приватизированные гиганты «Авиастар» (бывший авиазавод, выпускающий «Русланы» и новейшие «ТУ-204», купить которые в состоянии разве что президентский авиаотряд), «Ульяновскгланснаб» — в прошлом процветавшие предприятия. В сложном финансовом положении — из-за хронических неплатежей — и автогигант УАЗ. Доходит до того, что налоги он вынужден платить... автомобилями.

Налоги предприятий — один из основных источников средств на дотации сельскому хозяйству. Но дешевизна хлеба — это отчасти

результат неправомерных поборов с промышленности. «Законом о федеральном бюджете на 1994 год» была установлена максимальная ставка налогов на прибыль для предприятий: не более 35 процентов. 13 — в федеральный бюджет, до 22 — в местные. Не знаю, как сейчас, но в прошлом году действовало прежнее распоряжение администрации области: отдав 25 процентов и не греши. Для заводов, платящих своим работникам зарплату на уровне минимальной, эти три процента — отнюдь не лишние. Но, как известно, необязательность исполнения законов — давняя российская особенность.

Вообще отношения с законами у местных властей сложные. В январе 1994 года областная печать опубликовала Положение о выборах в Законодательное собрание и органы местной представительной власти, разработанное аппаратом администрации. При внимательном чтении выяснилось, что, согласно Положению, предпочтительные шансы пройти на выборах имеет подконтрольная администрации «нomenklatura». Местная организация РДДР подала в суд... Облсуд признал ряд статей предвыборных документов незаконными и даже вынес частное определение в адрес облпрокуратуры. Суть определения: прокуратура промолчала, вместо того чтобы оспорить утвержденное Юрием Горчевым Положение о выборах, содержащее нарушения законов и Конституции. Администрация пыталась возражать, но Верховный суд поддержал областной.

Выборы не состоялись...

В городе одна «оппозиционная» газета, позволяющая себе критику администрации, — «Симбирский курьер». Заместитель редактора Сергей Титов рассказывал:

— У нас с администрацией нет

антагонизма. Мы просто хотим иметь, согласно Закону о печати, информацию, но не получаем ее. Не имеют информации и читатели. О приватизации в городе они не знали практически ничего. Кто, на каких условиях и что приватизирует? В ряде случаев приватизация свелась к смене вывесок. Например, торги переименовали в акционерные общества, а магазины так и остались без юридического «лица». Одна из районных администраций стала владельцем всех магазинов на своей территории — разве это не монополизм? Бывший облснаб переименован в фирму «Облрезерв», и ему поручено лицензирование торговли «УАЗами». Что это, как не новый канал для взяток? Вместо рынка продолжает формироваться вертикальная система управления.

Известно, что «первый реформатор» Егор Гайдар весьма скептически относится к ульяновскому варианту перехода к рынку. Об этом варианте Гайдар отозвался так: «Можно, конечно, «ободрять» наиболее сильные предприятия, такие, как УАЗ, вырванные у них деньги вложить в дотации и на этом фоне сохранить на некоторое время талоны и видимость благосостояния. Но эти деньги в результате не вкладываются в производство и даже в жилищное строительство. В конце концов будущее области зависит от того, насколько эффективны и конкурентоспособны будут ее предприятия. И если вы их «обдерете» до нитки, это не осчастливит жителей».

Во время встречи с Гайдаром поступила неожиданная записка: «Извините, должны уйти — в этот час у нас сносят киоски». Большая группа слушателей вдруг спешно покинула зал.

Административный «погром» мелких коммерсантов начался

в апреле прошлого года. Тогда мэр города Сергей Ермаков распорядился убрать коммерческие киоски, не соответствующие стандарту. В частности, как было в Москве: сначала разрешили все, потом постепенно начали запрещать — торговлю с рук, самодельные палатки. Затем мэр Москвы решил, что и стандартных палаток излишне много, надо бы их подсократить (да будь они «лишние» — быстро бы разорились и закрылись сами по себе).

Так же, видимо, рассудил и ульяновский мэр: осенью ликвидация киосков продолжилась. Как обычно, грязную работу поручили милиции. Палатки — в том числе и типовые, аккуратные — грузили на машины, вывозили в неохраняемые места, где их успешно разворовывали.

По закону мэр может разрешить открытие торговых точек, но ликвидировать — нет. Городской администрации дано лишь право приостанавливать работу киосков, если нарушены экологические, санитарные, строительные нормы. Причем каждый конкретный факт нарушений должен быть установлен и доказан, а мэрия наказала всех предпринимателей чохом.

Отдав приказ выбросить киоски на свалку, мэр грубо нарушил закон «О собственности в РФ». Имущество владельца может быть изъято только через суд. (Чиновники скажут: не изъяли же, а только «переставили». Так или иначе, имущество пропало в результате действий мэрии.)

Группа владельцев объединилась и подала иск в арбитражный суд. Пока — с требованием признать распоряжение мэра недействительным. А что будет, если выиграют процесс? Ведь посыпятся иски о возмещении ущерба! А один киоск стоит ныне 4 миллиона плюс увезенный в нем товар,

плюс компенсация за моральный ущерб. Хватит ли денег расплатиться?

Но до этого, видимо, далеко... На судебное заседание представителей телевидения не допустили (к вопросу о гласности). Правда, заседание не состоялось, так как не явились представители ответчика. На следующем заседании присутствующим сообщили о прекращении производства по делу в связи с его неподведомственностью арбитражному суду. Если так — что мешало сразу же разъяснить заявителям? Или же поступило указание по телефону? Истцы подали кассационную жалобу...

В предвыборной листовке Сергея Ермакова было написано: «Буду всеми цивилизованными средствами отстаивать интересы людей, защищать жизнь, честь и достоинство, права каждого гражданина нашей страны, независимо от рода занятий...» Между тем в среде коммерсантов крепнет мнение, что началось активное наступление на мелкий и средний бизнес, частную собственность. Немудрено, если судить по «цивилизованным способам» мэра. Чьи права и достоинство он отстаивал в данном случае?

— Мое достоинство попирается, это точно, — говорила мне владелица киоска Галина Черненко. — Последнее время замучили проверками. Все документы у меня оформлены, а милиция заявляет, что они недействительны, так как мэр отменил свои прежние распоряжения. Или спрашивают вдруг: почему нет белого халата? Но никакими правилами это не предусмотрено! Или: почему нет холодильника? Ну, я на всякий случай сразу принесла из дома. А что еще завтра потребуют? Да мы готовы любые требования выполнить, только скажи по-хорошему! А у нас

все внезапно делается. Пока мы держимся, но неужто пополним армию безработных? Вчера мой продавец спрашивает: «Что с нами будет?» «Не знаю», — говорю. А она в слезы: «Где ж я работу найду?»

Понимаю, как трудно найти сочувствие к «лавочникам». Но давайте разберемся без эмоций. Чтобы приобрести киоск за 240 тысяч (тогда это были большие деньги), Галина продала из дома все, что можно, залезла в долги. Киоск ее называется «Тысяча мелочей». Конечно, традиционные «Сникерсы», галантерея, парфюмерия, игрушки, канцелярские товары. Покупатели в основном знакомые, из окрестных домов. Галина и индивидуальные заявки выполняет: скажут, к примеру, что иголок нет, — завтра будут иголки. Из Москвы привозит, что попросят.

Галина дает работу двум постоянным продавцам и одному сменному. Платит зарплату, отпускаемые — все, как положено. Закроют торговую точку — сразу три семьи окажутся на мели. А городу какая выгода? Платить пособие новым безработным? Пока же они сами себя кормят, налоги платят, готовы также «скидываться» на общегородские нужды: ремонт дорог, благоустройство. Не нужны городу эти деньги?

«Общая беда сплотила нас, — говорили коммерсанты. — Создаем Центр защиты малого и среднего бизнеса. Поняли, что поодиночке пропадем».

Право же, порой с рэкетирами договориться легче, чем с родимой властью. Ну, те-то не будут уничтожать доходные точки.

Это не частный случай, проблема глубже. Адвокаты Марина Казакова и Ирина Морозова, защищающие интересы коммерсантов, жаловались:

— Ни одно постановление, распоряжение администрации не пу-

бликуется полностью. Печатают лишь краткие отрывки или изложение. А ведь если они не опубликованы, то, по закону, недействительны! Наши попытки добиться в администрации нормативные акты, постановления всегда оказываются безуспешными. Так чем прикажете нам руководствоваться в своей работе?

Осенью Российское телевидение показало большую передачу «Далеко от Москвы», посвященную передовому опыту ульяновской области — «острову благополучия» в переживающей кризис стране. Я ее просмотрел (в записи) в пресс-службе администрации и немного удивился: как же так, для прессы у Горячева времени нет, а для телевидения нашлось, и немало? Мне сказали: телегруппа прибыла по личному приглашению губернатора после ряда критических статей в газетах. Значит, передача была «заказная», и этим все сказано...

Нельзя утверждать, будто телевизионщики исказили факты: Ульяновск действительно самый дешевый город. С одним уточнением: был им года два назад. Тогда действительно удалось административными методами смягчить шоковую терапию. Теперь ситуация выравнивается, и другие области, пережившие «шок», выходят вперед. Сошлились еще раз на соседей ульяновцев — Самару. Там мясо без талонов и недорогое; колбаса по таким же ценам, но ассортимент шире. То же самое можно сказать и о скромном Липецке...

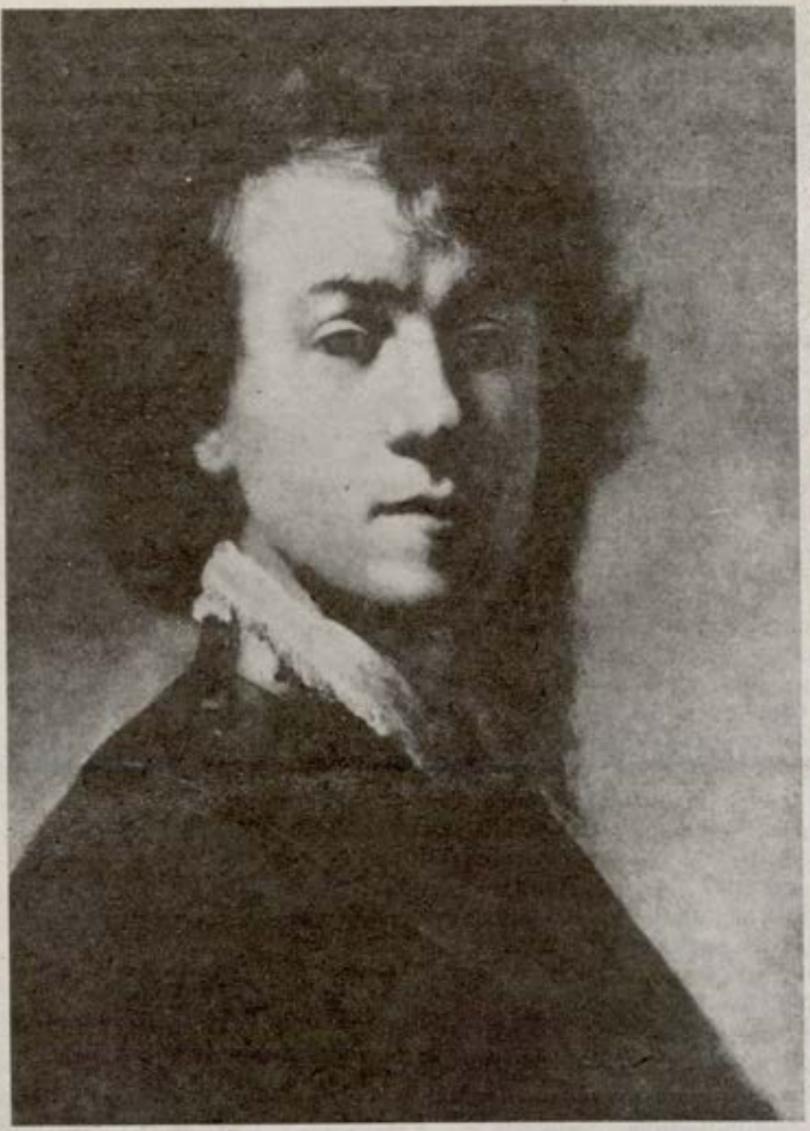
В одном из магазинов Заволжского района разговорился с ветераном-пенсионером. По случайному совпадению он только что вернулся из Самары.

— Там хлеб дороже, но это хороший хлеб. А у нас продают такой, какой давали пленным нем-

цам под Сталинградом — я это не понаслышке знаю. Мясо, говорите, дешевое? Но ведь это одни мослы. Сахар трудно достать, масло подсолнечное — вроде суррогата. Нет, не построить «социализм» в одной отдельно взятой области.

Иногда сравнивают две модели реформ: нижегородскую и ульяновскую. Первая основана на скромном прорыве к рынку, вторая — на мягком, постепенном переходе. Горячев говорит: «Каждый регион, каждая область ищут свои пути перехода к новому бытию, к новой экономике. Мы никому ничего не навязываем. Мы поступаем так, исходя из наших реалий, нашего знания проблем, людей, ситуации. А итоговая «отметка»? Она в стабильности, в согласии, в пусть медленном, но без рывков движении вперед».

Да, жизнь в Ульяновске не стоит на месте. Не замерли строительство, промышленность, сельское хозяйство; людям оказывают посильную материальную помощь... Но не в изолированном пространстве живут ульяновцы. Темпы роста цен не ниже, чем повсюду, инфляция не меньше. меняется и настроение людей, которые теперь не столь безоглядно верят властям, как года полтора-два назад, устав от неопределенности долгого «переходного периода»...

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

РЕМБРАНДТ

ембрандт мог родиться где угодно и когда угодно. Его искусство осталось бы тем же самым в любое время. Возможно, конечно, что в другое время он не изобразил бы своего «Ночного дозора», что в его произведениях было бы меньше бургомистров и синдиков, но сущность его искусства осталась бы тою же. С удивительным, чисто детским эгоизмом он рисовал бы себя самого и своих близких и в трогательном мире легенд и священных писаний собирая слезы и красоту страданий.

Для своего времени он совершил работу Данте (XIII век), работу Шекспира и Микеланджело (XVI век), а иногда он заставляет вспоминать о пророках. Он стоит на тех же высотах, которые господствуют над вершинами, расами и странами. Нельзя сказать, откуда он происходит, так как родина его — весь мир.

Голландия XVII века была далека от Рембрандта. Она его не поняла, не поддержала и не прославила. За исключением нескольких учеников и друзей, художник никого не собрал вокруг себя. В его время Миравельт, а позже ван дер Гельст были в глазах всего мира истинными представителями нидерландского искусства. И если в настоящее время эти посредственные портретисты спустились с вершин славы, то это потому, что вся Европа признала и прославила искусство Рембрандта. На собственном примере он понял, что толпа отдает предпочтение посредственности. Он был слишком необыкновенным, слишком таинственным, слишком великим. Маленькие голландские мастера выбирали для своих картин светские и изящные сюжеты или изображали легкомысленное веселье, проказы, шалости, фарсы и празднества. Их настроение было настроением добродушных гуляк, задорных хватов и волокит. Это были добрые ребята. Если в своих бытовых картинах они и касались порока, то делали это смеясь и распевая.

Они никогда не доходили до крайностей. Конечно, «Пьянство» Стена совершенно не подходило к строгому тону буржуазной гостиной, но, по правде говоря, какой же настоящий амстердамец не забывался за выпивкой в каком-нибудь плохом кабачке, укрывшись от посторонних взоров.

Национальные пороки, как в зеркале, отражались в картинах этих художников. Их милая живопись — в тонких перламутровых тонах с тщательным рисунком, изысканно-щеголеватая —

Как показало время, выдающееся место бельгийского поэта Эмиля Верхарна (1855—1916) на поэтическом Олимпе бесспорно и не подлежит сомнению. Но не подлежит сомнению и то, что голос истинного поэта, не чуждый мистики и одновременно грубого реализма, этого удивительного сочетания, отличающего его стихотворное творчество, в полной мере звучит и в известных, но, к сожалению, почти забытых у нас эссе Верхарна, посвященных знаменитым европейским художникам, и в частности великому голландцу Рембранду Харменсу ван Рейну. Часть этого произведения Верхарна мы предлагаем вниманию читателей в новой рубрике «Всемирная галерея».

была очаровательна. Некоторые из них, как, например, Питер де Хох, Терборх, Верmeer Дельфтский, были превосходными мастерами, и тот, кто преимущественно любил их, имел основания для такого предпочтения.

И вот среди этих, так сказать, прирученных художников появляется Рембрандт, независимый и дикий. Когда он смеялся, он всех скандализировал своим безумным весельем. Он был несдержан. Ему могли еще простить «Ганимеда», но не «Актеона, застигшего Диану и нимф». Это был не фарс уже, а сам порок во всем его неприглядном бесстыдстве. И везде художник преступал границы условностей и предрассудков. Он смущал, задевал, оскорблял и шел во всем до конца.

Если в «Актеоне» оказывалось излишество порока, то в «Иакове, узñaющем окровавленные одежды Иосифа» — излишество отчаяния, в «Учениках в Эммаусе» — излишek невыразимого. Он постоянно нарушал нормы. Между тем именно норма — не слишком мало, но и не слишком много — это истинный идеал того спокойного, флегматичного, практичного и в высшей степени буржуазного существа, каким является каждый настоящий голландец.

Утрату Рембрандтом своей популярности после «Ночного дозора» обыкновенно объясняют разными второстепенными причинами.

Знатные горожане, изображенные на этой картине, могли, конечно, открыто порицать художника за слишком свободное трактование сюжета. Они не могли не узнать самих себя на этой картине. Распределение фигур также могло вызвать их неудовольствие, так как все они уплатили по 100 флоринов, чтобы быть в первом ряду. Но все это были причины второстепенные. И если Рембрандт разошелся со своими согражданами по вопросам искусства и не мог помириться до смерти, то именно потому, что между ними было коренное противоречие. «Ночной дозор» послужил лишь ближайшим поводом, а причиной был гений Рембрандта.

Одно уже это фатальное расхождение гения со средой доказывает, что гении не являются выражением своего времени. Они выступают как мятежники и бунтовщики, как нелюдимые существа, всецело поглощенные своею истиной, которую они одни и защищают и до которой их современникам нет никакого дела. Большинство из них живет и умирает, подобно Рембрандту, если и не в полном забвении, то в стороне от людей, с надеждой только на небольшой кружок избранных, которых они сначала поражают, а потом подчиняют себе. Не будь избранных, с гениями обращались бы, как с безумцами, — их заточали бы.

Кружок избранных, спасший Рембрандта, состоял из его друга бургомистра Сикса, каллиграфа Коппеноля, коллекционера Класса Берхема и учеников.

В глазах толпы Рембрандт был уродом. Он живет в высшем чудесном мире, созданном его фантазией, который и является его настоящей средой. Действительность претворялась для него в вечную сказку.

Он создает величественные и фантастические постройки; он

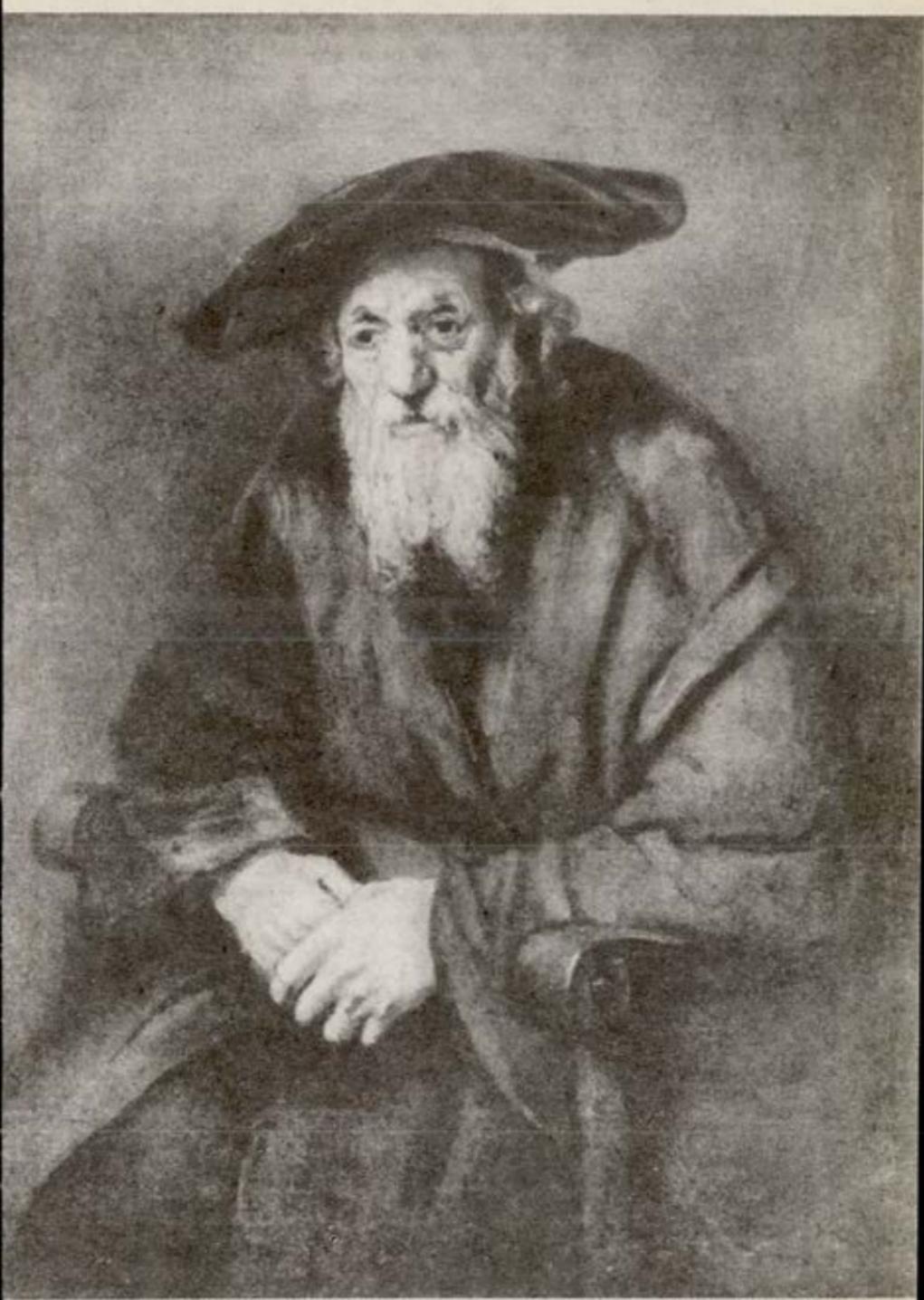
прогуливается по сказочным городам; он одевает своих персонажей в странные пышные одежды: люди, одетые в золото, первосвященники, раввины, цари наполняют его картины. Он создает, подобно Шекспиру, целый мир призраков и поэзии и так же, как Шекспир, несмотря на необузданность своей творческой фантазии, остается глубоко человечным. И действительно, все это сказочное богатство украшений, костюмов и освещения, весь экстаз, который, кажется, делает его ясновидящим, ни на минуту не заставляет его позабыть о людях и их страданиях. Он соединяет в одно все противоречия, он смешивает наиболее жестокую, кровавую правду с самыми прихотливыми узорами своей бесконечно причудливой фантазии; он совмещает прошлое, настоящее и будущее и в конечном счете является одним из тех редких и изумительных смертных, в которых, по излюбленной поэтами мысли, воплощаются из века в век сверхчеловеческие существа...

По мнению критики, три знаменитые картины — «Урок анатомии» (1632 г.), «Ночной дозор» (1642 г.) и «Синдики» (1661 г.) — представляют три манеры письма Рембрандта. Это деление имеет то преимущество, что оно вносит определенный метод в сложное и трудное исследование произведений Рембрандта, но оно в то же время является рискованным и поверхностным. Рембрандт никогда не менял манеры письма. Он никогда не подчинялся никаким влияниям, за исключением Ластмана; он развивался вполне логично, и материал для изменений черпал из самого себя. Таким образом, можно сказать, что у Рембрандта была единственная манера — его собственная или что у него их было бесконечное множество, смотря по тому, принимать ли во внимание его постоянное развитие или его необычайное обновление из пятилетия в пятилетие, а иногда из года в год.

Вначале он пишет сухо, тщательно и жестко («Меняла», 1627 г., «Святой Павел в темнице», 1628 г.); отделка поверхности грубая, краски темные, густые, точно сожженные. Но в композиции есть нечто изумительное. Его занимает свет, обильно падающий на предметы. Мало-помалу стремление точно передать внешний вид предметов приводит его к живописи, тщательно выписанной, опрятной, выложененной. Он стремится к гармонии голубых, бледно-зеленых и розово-желтых тонов. Некоторые картины — «Иуда, возвращающий тридцать динариев» (1628 или 1629 г.), «Христос и ученики в Эммаусе» (1629 г.) — свидетельствуют об этой фазе его развития. Затем начинается влияние Ластмана, амстердамского учителя Рембрандта. «Введение во храм» (1631 г.) Гаагского музея еще не производит впечатления вполне самостоятельной работы. Конечно, оно превосходит все предшествующие произведения. Главная тема здесь выражена ярко; впервые появляется таинственная и грандиозная архитектура, но исполнение еще робкое, ученическое и выложенное. Видно, что картину писал ученик Ластмана. В «Святом семействе» (1631 г.) Мюнхенского музея гений Рембрандта начинает свободно раскрываться. Удар кисти становится смелее и самостоятельнее. Сюжет трактуется свободно, по собственному пониманию.

Портрет Хендрикье Стофельс. Картинная галерея, Берлин-Далем.

Портрет старика. Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Идя этим медленным, но последовательным путем, Рембрандт приходит к «Уроку анатомии», который одним ударом проливает на его талант полный свет, подобный тому, каким Рембрандт осветил действующих лиц этой картины. Здесь он создал изумительную картину, несмотря на ее многочисленные недостатки (невнимание некоторых из слушателей, которые глядят на зрителя, вместо того чтобы следить за объяснениями профессора; слишком сухая живопись на переднем плане и слишком вяло написанное тело окоченелого трупа), которые не позволяют признать образцовым это, бесспорно, значительное и сильное произведение. Несомненно, что портреты, написанные в то же время, лучше, чем «Урок анатомии», доказывают, каким проницательным и сильным наблюдателем был уже Рембрандт в двадцать пять лет.

Вслед за тем манера Рембрандта становится смелее, рисунок — свободнее, его радуют пышные, богатые краски, его мазок становится глубоким и сочным — он целиком отдается жизни. Он прислушивается только к себе и начинает понимать себя. Он быстро достигает этого. То немногое, чем Рембрандт обязан другим, он так глубоко претворяет, что оно становится его собственным.

С этого времени он становится тем гением, который раскрывает только свою собственную эволюцию, т. е. настоящим Рембрандтом. Здесь начинается его торжественное шествие к вершинам вечной славы.

Успех «Урока анатомии» привлек в его мастерскую некоторых известных амстердамцев, впрочем, скоро ее покинувших. Рембрандт запечатлев их в портретах, свободных по тону и отделке. В это время его моделями были: доктор Тульп, поэт Ян Круль, государственный секретарь Морис Гюйгенс, бургомистр Пелликорн и его жена Сюзанна ван Коллен, пастор Алансон и его супруга и, наконец, Мартин Дай и особенно его жена Матильда ван Дорн, атласный костюм которой, по-видимому, выбран самим Рембрандтом, настолько он блещет ювелирной роскошью.

До этого времени художник только укреплял свое мастерство, и его легко понимали: он был прежде всего художником-живописцем. Но вскоре он становится духовидцем. Он сводит знакомства с амстердамскими евреями. Его видят у старых раввинов, которые, объясняя ему Библию, утверждают достоверность необычайного и сверхъестественного, дают текстам Писания неожиданное и как бы озаряющее толкование и вызывают к жизни скрытые мечты, которые он носил в себе.

Он становится художником чудесного. Его мастерство, его краски, дивное освещение, которое он создал и которым он одарил искусство, предназначали его к этой высшей миссии. Он не был ни исключительно религиозным живописцем, ни творцом фантастических драм и живописных снов, ни символистом. Он был воплотителем сверхъестественного. Под его кистью чудо кажется действительно совершившимся, так много вкладывал он в него глубоких, чисто человеческих чувств. Он не оставляет места сомнению в том, что он изображал. Мир, созданный его воображением, так натурален, что мы верим в него так же легко,

как верим в существование красивой дамы на какой-нибудь картине его соотечественников — Метсю или Терборха, — сидящей за столом и подносящей к устам сочный плод, который она только что взяла с серебряной или раззолоченной тарелки.

Обратившись, таким образом, к живописи сверхъественно-го, он находит удовольствие в изображении тех, кто ему внушал любовь к ней: на его картинах мы видим раввинов с длинными бородами, изогнутыми носами, с глубоким взором и внушительными манерами священнослужителей. Чтобы сделать их еще величественнее и торжественнее, он наряжает их в богатые плащи, темно-красные шубы, в тюрбаны с тонкими, хрупкими султанами, в которых иногда сияют драгоценные камни. Так же охотно рисует он и себя, с одной стороны, потому, что страстно себя любит, а с другой — потому, что он чувствует себя красивым, в цвете лет и силы. Он изображает себя то принцем, то дворянином, то воином; он кажется самому себе то историческим, то легендарным героем; он восхищается своей оригинальностью и необычайностью и во всем стремится удовлетворить своим вкусам.

Когда в 1634 году он женился на Саскии ван Уйленбург и началась его жизнь, полная безумия и радости, то он рисует ее точно так же, как до того рисовал самого себя, с тем же блеском и сказочной роскошью. Более того, Саския помогает ему реализовать его истинное искусство, искусство сверхъественного и чудесного. В 1634 году он преображает ее в «Вирсавию» (Мадридский музей), в «Артемиду» и в «Данаю» (1636 г.). Чудесное сопшество божественного золота, падающего дождем на человеческое тело и озаряющего его своим сиянием, возвеличивает Саскию в его глазах и возносит ее на уровень мифических существ. Отныне он владеет женщиной, которую обожал Давид и добивался Юпитер.

«Философы» (1633 г.) Луврского музея еще лучше, чем «Даная», указывают нам на умственные интересы Рембрандта. Легенда о Фаусте и Фламеле должна была бесконечно его привлекать. Ему нравилось отождествлять себя с ними. Они были, как и он, пленниками мечты и жадно стремились к неизвестному. Это не значит, конечно, что Рембрандт любит корпеть над колбами и у науки искать ключи от замкнутого рая. В описи его имущества упоминается мало книг. Его библиотека была бедна. Быть может, он удовлетворялся тем, что перелистывал Старый или Новый Завет. Таким образом, его привлекала и воспламеняла единственно та любовь, которую питали эти гении сокровенных наук к необычайному. Он по-своему продолжал их дело, и его искусство было близко их науке.

С изумлением мы видим его в то же время рисующим обыденнейшие сюжеты: «Охотник» (1639 г., Дрезденский музей), «Павлины» (1638 г., коллекция Картрайт), «Туша вола» (1655 г., Луврский музей). Конечно, он не может отказаться от стремления возвысить эти скромные сюжеты, но тем не менее он отдает земле земное во всей его вульгарности и правдиво передает его.

Почему же уклоняется так резко Рембрандт от своего истинного искусства? Ответ очень прост. Он хочет тщательным изучени-

ем переходов тонов (рыжего в рыжий, серого в серый, красного в красный) приобрести то, чего ему недостает еще — гибкости в переходах и нюансах родственных друг другу тонов, необходимой для того, чтобы овладеть всею гаммой оттенков одного и того же цвета, бесконечно слабеющего в переходах с одного предмета на другой. Таким образом, эти полотна, украшенные дивными натюрмортами, являлись в его глазах только украшениями и привлекали его теми трудностями, которые в них приходилось преодолевать «...».

Евангельская трагедия неизбежно должна была привлечь внимание Рембрандта. Обилие человечности соединяется в ней с таким количеством страданий и величия; столько красивых жестов рисуется здесь на фоне катаклизма; высшая доброта, бесконечная мягкость, слезы, нежность, отчаяние сливаются здесь в такие рыдания, что ничто не могло доставить художнику сюжета, более соответствующего его силам, чем эти страдания очеловечившегося Бога. Заказ на эту работу был дан Рембрандту принцем Оранским, и Рембрандт окончил ее в 1638 году.

Он разделил тему на пять картин и, отсылая их заказчику, оценил каждую в 1000 флоринов. Он писал принцу Оранскому: «Я отдаюсь в полное распоряжение принца и вверяю себя его вкусу. Если Его Светлость найдет, что моя работа не стоит таких денег, он может дать мне меньше».

Произведения эти хранятся в Мюнхенской пинакотеке. Когда их видишь, то прежде всего поражаешься их глубоким единством. Благоговейно идешь от одной картины к другой, как верующие в церкви идут вслед за крестом. Одна сцена следует за другой; они взаимно связаны, они друг друга пополняют. Это ступени одного и того же скорбного пути.

Художник, по своему обыкновению, одел действующих лиц в самые разнообразные костюмы. Знатные господа в тюрбанах и шубах рядом с безвкусно одетыми людьми в костюмах голландского простонародья; женщины в скромных нарядах монахинь рядом со сказочными принцессами. Это пренебрежение ко всяkim местным оттенкам заставляет представлять себе сцену проходящей где-то вдали от всякой реальности, где-то там, в стране воображения.

Драма чувствуется одинаково как в расположении и освещении всей обстановки, так и в человеческих группах, полных тоски. Для Рембрандта вещи так же, как и люди, умирают одновременно с тем, кто их создал. Он окружает «Распятие», «Погребение», «Воскресение» и «Вознесение» такой атмосферой смертельной тоски или таким сиянием блаженства, что мы чувствуем себя присутствующими то при кончине нашего мира, то при рождении нового «...».

Среди амстердамских обществ и корпораций установился обычай заказывать кому-нибудь из местных художников свой коллективный портрет. Главные члены гильдии оставляли в наследство преемникам свои изображения. Подобного рода произведения сделались банальным местом голландской живописи. При исполнении их традиции соблюдались самым тщательным образом, и здесь не было места личной изобретательности худож-

ника. Членов корпорации располагали в ряд, глава гильдии занимал центральное место, а гильдейские сановники располагались по его сторонам. Иногда их изображали за каким-нибудь празднеством. В 1642 году корпорация амстердамских стрелков обратилась к Рембрандту с просьбой послужить ей своим талантом. За работу ему было уплачено 1600 флоринов.

Мастер быстро принялся за дело. Надеялись, что он подчинится твердо установленвшемуся обычая и разместит членов гильдии в иерархическом порядке в каком-нибудь зале, предназначенном для празднеств или собраний. Рембрандт обманул эти ожидания. Он не мог подчиниться столь реальным условиям. Как художник необычайного по преимуществу, он роковым образом должен был ввести в изображаемую сцену чудесное, чтобы уничтожить то земное, что было в самом сюжете. Он создал картину, известную под названием «Ночной дозор», и никогда еще не появлялось произведения более загадочного, более неожиданного и волнующего. В какое время, с какою целью, по чьему повелению, в каком городе собрались эти люди? Если это призыв к оружию, то зачем это праздничное освещение? Как попала сюда эта легендарная карлица, одетая принцессой в шелк и золото, привлекающая к себе общее внимание? Зачем эти зеркала, развешанные на колоннах? Никто не был в состоянии до сих пор распутать тысячи узлов этой загадки. Путаясь в предположениях, можно усомниться, знал ли сам Рембрандт то, что он здесь рисовал. Возможно, что он передавал свою мечту, изображая этих вооруженных людей только потому, что они позировали перед ним. Как бы там ни было, но эта сцена в том виде, как она им изображена, могла бы послужить иллюстрацией к какой-нибудь комедии Шекспира, где богатая фантазия мешается с глубоким анализом характеров, или к какой-нибудь притче Мюссе.

«Ночной дозор» навлек на Рембрандта немилость амстердамских мещан и втянул его в бесконечную расплюю с гильдией. Каждый из гильдейских сановников чувствовал себя обманутым. Их глава капитан Банниг Кок, недовольный, как и все, обратился к художнику ван дер Гельсту, чтобы тот восстановил верный образ его особы и дал бы ему возможность забыть неловкость Рембрандта.

Среди всех этих неудач умерла Саския. Художник почувствовал, что жизнь его рушится. Его существование, полное радости и надежд, было грубо разбито. Вместе со смертью вошла к нему, как враг, ужасная действительность и схватила его за горло. Его искусство могло бы упасть с тех лучезарных высот, на которых одна мечта удерживала его до сих пор, и внезапно померкнуть. К счастью, этого не случилось. Более чем когда-нибудь чувствуя отвращение к человеческому обществу, художник удаляется на некоторое время в деревенское уединение и наслаждается здесь сельскими видами. Он изображает их как тайновидец. На своих офортах он передает пейзаж близко к действительности, но в картинах он по-прежнему целиком отдается во власть фантазии.

В то самое время, когда Ван-Гойен, Саломон Рюисдаль и Си-

мон де Влигер передавали голландский пейзаж в его наиболее характерных чертах, Рембрандт, казалось, отрицал в своих произведениях все то, что они утверждали в своих. «Гроза» Брауншвейгского музея кажется кошмаром, в котором видна душа художника, так глубоко потрясенная в то время. Фосфорический свет, озаряющий стены какого-то города, мрачные черные тучи, густые и грозные, омрачающие небо, хаотические горы, громоздящиеся одна на другую, какие-то горные формации, непрочные и неуравновешенные, — все в этой картине бросает вызов действительности. «Развалины» Кассельского музея не менее странны. В каком месте земного шара может существовать подобный пейзаж? В глубине долины, на берегу реки, замкнутой горами, возвышается ветряная мельница; какой-то всадник в тюрбане проезжает мимо рыбака, сидящего у воды; к нему подплывают лебеди; старая лодка гниет около отвесного берега; а там, вверху, в лучезарном сиянии, все пронизанные золотыми лучами, подобно апофеозу, высится развалины. Ландшафт грандиозен и великолепен. Быть может, Рембрандт хотел выразить в нем какую-то неизвестную нам идею, которая таилась в его душе?..

Запечатлев в прекрасном портрете г-жу Елизавету Бас (в Амстердамском музее) и великолепно передав ее характер твердой уверенной кистью, он доставляет себе радость еще раз воскресить Саскию (1643, Берлинский музей) и своего друга Сильвиуса (1644, коллекция Карстаньена).

К ним он присоединил собственные портреты (музеи Кембриджа, Лейпцига и Карлсруэ), и эти полотна совершенно интимного характера напоминали Рембрандту его прекрасное прошлое. Печаль, смешанная с нежными воспоминаниями, еще видна в «Святом семействе» и в «Колыбели». Но вот он снова овладевает собою, и его опять манят великие задачи. Он вступает бодрым и обновленным в новый период творчества, и каждое его последующее произведение представляет собою настоящий шедевр.

Мюнстерский мир (1648 г.) положил конец Тридцатилетней войне. Голландия все более проникается сознанием своего благополучия и богатства. Вся Европа признает ее силу. К несчастью, Рембрандт вовсе не был художником, способным прославлять подобного рода успехи. Если его картина «Мир в стране» и представляет удивительное по своей живописности произведение, где в беспорядке смешиваются копья, лошади, всадники и тысячи замыслов смелых, но неясных, то все же в ней нет никакой определенной идеи. Но вот появляются одно за другим дивные полотна: «Иаков, узнавший окровавленные одежды Иосифа», «Авраам, принимающий ангелов», «Добрый самаритянин» и «Ученики в Эммаусе». Последние две картины находятся в Лувре и относятся к 1648 году.

В первой картине действие происходит во дворе гостиницы. Богатый человек привез больного бедняка с целью позаботиться о нем и пролить в его сердце, еще более, чем на его раны, сокровища милосердия и доброты. Надвигающиеся сумерки со своей мягкой меланхолией, кажется, принимают участие в этих человеческих чувствах. Впечатление от картины, переданной с чрезвычайной простотой, становится еще более возвышенным

Портрет жены брата (?). Деталь.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва.

Синдики. Рейксмузей, Амстердам.

благодаря этому трогательному и спокойному участию природы. Самаритянин становится символом, говорящим о бесконечном милосердии.

Еще более дивным произведением является «Ученики в Эммаусе». Обстановка сцены чрезвычайно бедна и скромна. Все великолепие этого произведения, его глубокая проникновенность, его сверхъестественное могущество заключены в трех фигурах: двух учеников и слуги, и в голове Христа. Никогда еще не видела живопись такого пронзительного Божьего лица. Головы Христа, написанные Леонардо да Винчи, Тицианом, Рубенсом, Рафаэлем и Веласкесом, кажутся поверхностными по сравнению с головой, написанной Рембрандтом. Нельзя передать бесконечную человечность этого лица. В нем воплощена вся нежность жизни и вся грусть смерти. Его глаза из такой глубины смотрят на страдания человечества, а его лоб кажется таким ясным среди мрака, который окутывает весь мир! Трудно сказать, как написано это лицо; кажется, что оно не существует в действительности, а только является. Безграничная любовь окружает его, и ученики почитают его с нежным ужасом. Глядя куда-то вдаль, Христос медленно разламывает хлеб, и его жест кажется символом истины, которую познают лишь впоследствии.

И наконец третья картина, еще более удивительная, чем две предыдущие, украшает собой Брауншвейгский музей. Она носит название «Явление Христа Магдалине» и написана в 1651 году.

Одетая в черное Магдалина скрылась в пустынном месте, далеко за городом. В сумерках среди утесов является перед нею Христос. Он приходит откуда-то из потустороннего мира. Любовь привела его сюда. Магдалина простирает к нему руки и хочет поцеловать край его одежды. Но движением руки Христос останавливает ее. Вся сцена протекает в молчании. Учитель, весь залитый светом, его последовательница, скрытая тенью, — они олицетворяют собою: один — жизнь, хотя он и мертв, другая — смерть, хотя она и жива. И так сильно действие этого контраста, что не верится, что эта картина — дело рук человеческих. В этом неподражаемом произведении под красноречивым покровом линий и красок художник скрыл величайшую безмолвную и божественную реальность.

Когда в жизнь Рембрандта вошла Хендрикье Стофельс, дав ему перед окончательным падением несколько лет последней радости, он тотчас же весь ушел в свои мечты. Из этой служанки, согласившейся, несмотря на строгие увещевания пастора, стать любовницей Рембрандта, он сделал, как когда-то из Саскии, царицу своих иллюзий и химер. Его творчество тайновидца украшает, чествует и прославляет ее. На Луврском портрете (1649 г.) она одета в золоченую шубу, драгоценные камни украшают ее грудь, на руках у нее тяжелые браслеты, большие драгоценные серьги обрамляют ее лицо. Невозможно и принять ее за служанку. Для Рембрандта она и не была служанкой. Хендрикье являлась для него юностью, свежестью, страстью. У нее были свежие губы и яркий цвет лица. Она являлась к нему исполненная доброты, пылкости, обожания. Рембрандт был в том возрасте, когда подобные ему сильные люди снова испытывают

егры. Маурицхейс, Гаага.

прилив сил и гордости. Для него не имеет значения, что Хендрикье не обладает правильною классическою красотой. Это его дело — украсить и возвеличить ее, чтобы на его картинах она являлась столь же совершенной, как самая прославленная из женщин. Взором художника он видит ее преображенной и окружает ее всею силой своей любви. Подобно Сасскии, она помогает ему уйти от действительности и перенестись в свою настоящую жизнь. С этого времени она становится для него то «Сусанной» (1654 г., Национальная галерея), то «Вирсавией» (Коллекция Лаказа). Это два поразительных произведения. Лицо и тело лондонской «Купальщицы», или «Сусанны», кажется несколько вульгарным, но она позлащена таким светом, она купается в такой огненной атмосфере, что кажется существом из какой-нибудь пламенной легенды. На этой картине лучше всего можно изучить манеру Рембрандта трактовать тело. Тициан, Рубенс, Веронезе, как бы ни велика была их любовь к красивому телу, передают его, если можно так выразиться, несколько отвлеченно, как и всякий другой красивый предмет. Оно является только в качестве украшения на их аллегорических или символических картинах. Тело для них является лишь предлогом для изображения линий и красок. Оно составляет часть цветов, гирлянд и знамен, которыми они в изобилии украшают свои фрески. В других случаях оно служит только выражением их чарующей страсти.

Для Рембрандта тело священно. Он никогда не приукрашивает его, даже тогда, когда рисует Сасскию. Тело — это материал, из которого создано человечество, печальное и прекрасное, жалкое и великолепное, нежное и сильное. Даже самые некрасивые тела он любит так же, как любит жизнь, и возвышает их всем, что во власти его искусства.

Луврская «Вирсавия», со своим несколько тяжеловесным телом, озарена таким лучезарным сиянием, что кажется, будто в ней сосредоточился весь блеск Востока. Как могуча должна быть любовь Рембрандта, чтобы превратить это тело, отмеченное такою печатью вульгарности, в целый апофеоз. Если бы его рисовали Стен или Броувер, они поместили бы его в каком-нибудь кабаке, они изобразили бы его безобразным, заплывшим жиром, они обнажили бы его цинично, непристойно. И никогда ни Терборх, ни Метсю не воспользовались бы подобной моделью даже для того, чтобы представить скромную служанку, подающую на подносе фрукты или стаканы.

Для Рембрандта же, наоборот, действительность существует постольку, поскольку он может возвысить ее с помощью самой трогательной человечности и глубокой пламенной правды. И по мере того, как приближаются мрачные и одинокие годы конца жизни Рембрандта, главнейшим его стремлением становится достижение этой пламенной и неприкрытой правды, этой человечности, великой в своей простоте.

Приближается час высшего расцвета рембрандтского творчества. Несмотря на нежные заботы Хендрикье, несмотря на почтительное внимание его сына, тоска, уныние и бедность все более и более теснят его. У него нет другого убежища, кроме

собственной души. Но бедствия и страдания, вместо того чтобы сломить Рембрандта, только возбуждают его. Он живет только для своих кистей, красок и палитры.

Во второй раз он пишет «Урок анатомии» (1656 г., Амстердамский музей). На нем изображен профессор Дейман, держащий в руке верхнюю часть черепа. Около него, ногами к зрителям, распростерт ужасный труп, на который смерть наложила свою зеленовато-синюю печать. Часть картины скрела, но и то, что осталось, говорит нам об удивительном, мастерском произведении.

Что же касается «Христа у колонны» (Дармштадтский музей), то кажется, что здесь раскрывается собственная драма Рембрандта. В муках того, кто нес на себе все людские страдания, художник видит свои собственные мучения. Безжалостные и жестокие палачи — это его собственные преследователи. Колонна, к которой привязано тело Спасителя, кажется ему позорным столбом, на котором распяли его собственную репутацию и честь.

Всю неистовую злобу, которая изображена на этой картине, он чувствовал на себе самом, и, подобно Христу, он хотел отвечать на нее добром. И лик Христа, так часто передававшийся им с таким проникновенным пониманием, является здесь еще более величественным, чем где бы то ни было.

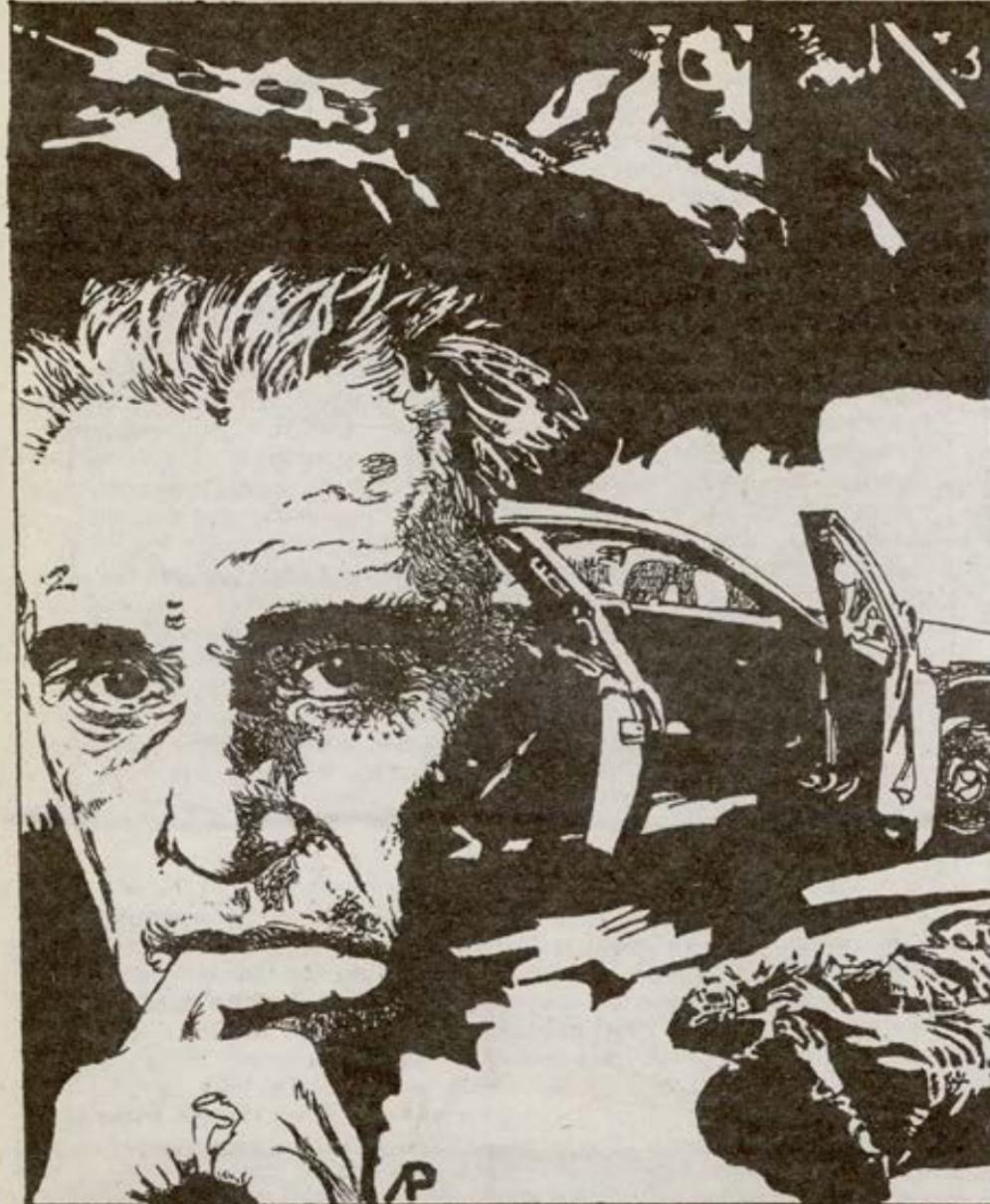
Неизвестно, при каких обстоятельствах были заказаны ему «Синдики» (1661 г., Амстердамский музей) для гильдии суконщиков. Это самое совершенное произведение из всего, что оставил Рембрандт, хотя далеко не самое прекрасное и не самое поразительное.

Какое-то высшее спокойствие проникло в душу художника, когда он писал эту картину. В ней все дышит порядком, мерой, безмятежностью, силой и мудростью. Лучшей живописи и композиции не дал еще ни один художник. Манера — широка и уверена, тон — выдержан, звучен и полон. Преобладание черного и коричневого и большая яркость красных ковров не создают монотонности, а, наоборот, придают этому произведению неотразимое обаяние. Эта картина исполнена мастером, перед которым должны преклониться и признать себя побежденными все другие художники.

Рембрандт был не из числа тех, кто останавливается, достигнув совершенства. Его сила слишком глубока. Он не хочет успокоиться, достигнув идеальных форм и безупречного колорита. Он устремляется к новым, более страстным выражениям жизни и на краю могилы создает как бы новую живопись.

Почти в крайней бедности, скитаясь из одного случайного убежища в другое, из гостиницы в гостиницу, он пишет два портрета (1660 г.), из которых один украшает Лувр, а другой — коллекцию лорда Лэндсдоуна.

В том же году он пишет в последний раз портрет своего друга Сикса. Характеристика модели, достигнутая несколькими существенными ударами кисти, властный порыв, дающий впечатление величайшего искусства, композиция, намеченная только как

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

МЕНТ

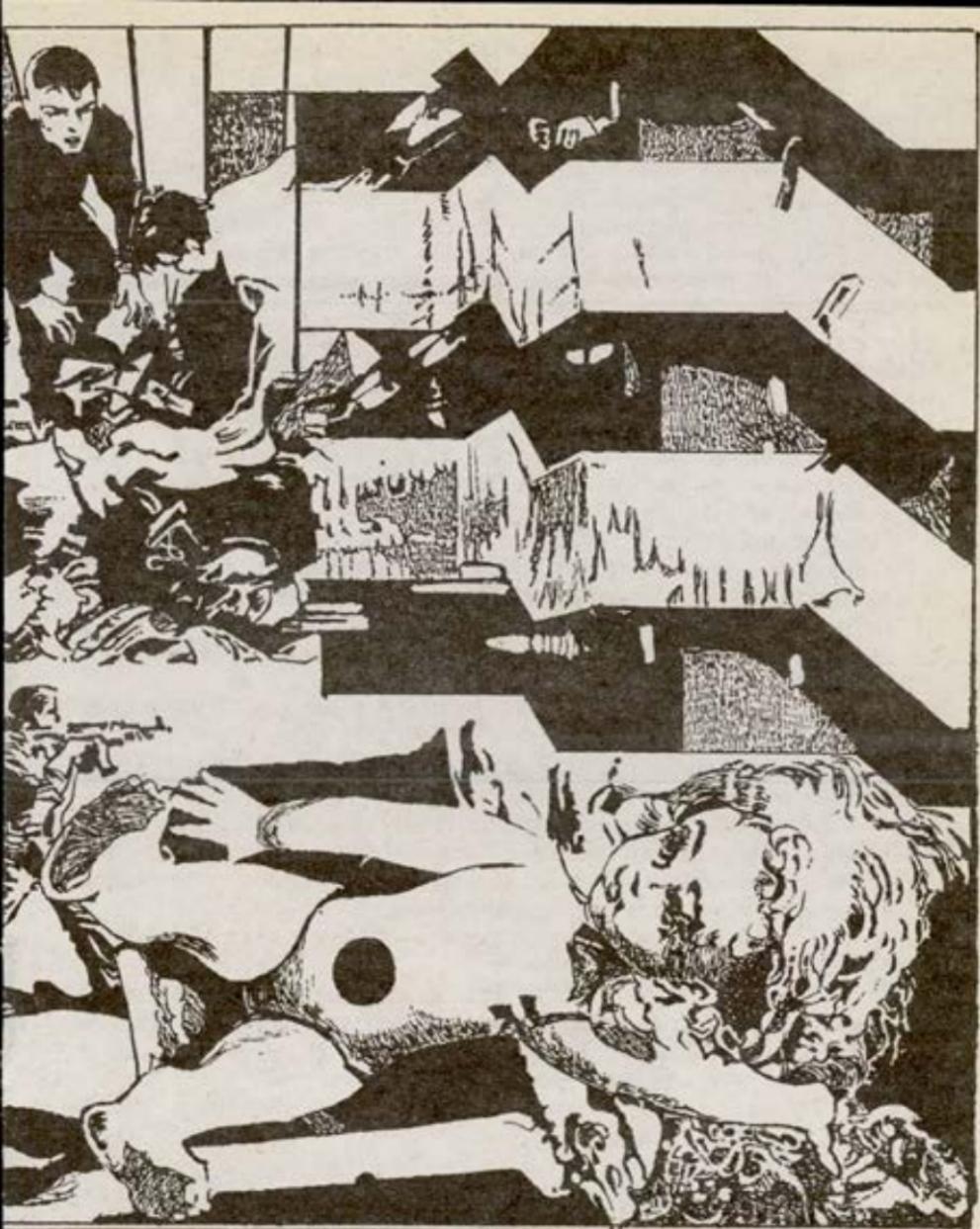

Рисунок Льва Рябинина

УХОДИТ

ПРОЛОГ

Лев Иванович Гуров (сорока двух лет от роду, высокий, статный, широкоплечий) неторопливо шел по длинным коридорам МВД. Еще пятнадцать минут назад Гуров был старшим оперативным уполномоченным по особо важным делам Уголовного розыска, полковником милиции, у него имелись удостоверение, пистолет и наручники, он обладал властью, хоть небольшой, но и не маленькой, перед ним открывались двери, пусть далеко не все, но очень многие.

И вот удостоверение, пистолет и наручники сданы, а взамен получен пропуск на выход из здания. Бложив бумажку в паспорт, Гуров думал не о том, что двадцать лет службы в розыске позади, а впереди неизвестно что, но пропустит ли его постовой, если он эту бумажку потеряет или выбросит в ближайшую урну.

Гуров проработал сыщиком более двадцати лет, считал себя неплохим психологом, но даже не подозревал, что внешние атрибуты власти, с которыми только что расстался, значат для него так много. И ростом вроде бы не стал ниже, все так же силен, умен и смотрит гордо, а ощущение такое, словно прилюдно вдруг оказался без штанов.

Гуров вышел из лифта, направился к выходу. Уже подходя к постовому, услышал хорошо знакомый, насмешливый голос:

— Господа сыскари, смотрите, как уходит один из нас! Отличный мент, а ныне свободный сын свободной России!

У колонны стояло четверо в штатском. Начальник главка, генерал Петр Николаевич Орлов, неловко растопырил руки, улыбался, отчего его некрасивое, грубо слепленное лицо казалось смешным и трагичным одновременно.

— Привет, коллеги, митингуете? — Гуров пожал всем руки. — О чём, если не секрет?

— Лева, о чём мечтает мент обыкновенный? Как писал бывший враг народа Бабель, «об выпить рюмку водки, об дать комунибудь по морде...». Ты уходишь хотя и не в первый, но, чувствую, в последний раз. Вышивку ставишь?

— Обязательно. — Гуров кивнул. — Завтра часиков в девятнадцать у меня дома...

— Чего приносить?

— Носовые платки. — Гуров взял Орлова под руку и двинулся к выходу.

Постовой лихо козырнул, и Гуров вышел на свободу.

— Как просто, — вздохнул Орлов, — словно в номере КИО. Вшел полковник, а вышел молодой пенсионер... А ведь я двадцать лет жизни положил, чтобы из тебя сыщика сварганиить...

— Ты от меня хвастовством заразился. — Гуров отпер дверцу «жигуленка». — Садись, тебя куда?

— К чертовой матери, — пробурчал Орлов, усаживаясь на переднее сиденье. — Комиссию прохожу, сам знаешь...

— Тогда двинем ко мне...

— Ты ушел, я уйду, кто пахать будет?

— Не лобуди, Петр. — Гуров аккуратно выехал со стоянки. —

Мы с тобой пахали за совесть, а выросло то еще, на всю Россию отравы хватит.

— То, что меня ушли, правильно, я выработался. Но как тебя отпустили? Думал, Гурова станут уговаривать, чтоб потерпел, не уходил. Но, на-ка — выкуси! — Он сложил короткопалую фигу. — Никто не чухнулся, что лучший сынщик уходит.

— Петр, ты сам прекрасно знаешь, как начальники от меня устали. В последнем крупном деле я им окончательно кровь испортил...

— Да, хорошо они обосрались!

— Петр, ты пока генерал, выбирай выражения.

— Я сорок лет выбирал выражения, депутатов, делегатов, президентов. — Орлов смял короткопалой ладонью лицо и замолчал.

В своей обшарпанной, малогабаритной двухкомнатной квартире Гуров быстро накрыл на стол, разлил по стаканам водку. Они молча выпили, зажевали яичницей.

— К Юдину подашься? — спросил Орлов.

— Уже неделю на зарплате...

— Как это? — удивился Орлов. — А трудовая книжка? Ты ее только получил...

— Им человек нужен, а не бумажка. У меня к тебе просьба.

— Ну? — Орлов взглянул настороженно. Генерал хорошо знал Гурова, и обращение по имени-отчеству не сулило ничего хорошего.

— Не боись, Петр, — рассмеялся Гуров. — Я пенсионеров не ем, лишь закусываю.

— Сам такой, — огрызнулся Орлов. — Выкладывай.

— Иди ко мне консультантом.

— Чего? — Орлов взглянул неприязненно. — Хочешь денежку подбросить, для поддержки штанов?

— Мне твои мозги необходимы. Дело для меня это новое, правил не знаю, и противник у меня будет другой окраски...

— Ладно, разберемся... — Орлов достал из кармана «Вальтер» и служебное удостоверение. — Держи твой «Вальтер», а ксиву я исправил, береги, она в России в единственном экземпляре.

Гуров схватил пистолет, выщелкнул обойму, оглядел ствол.

— Так я ж его вчера сдал.

— Ну и дурак, хватит табельного «Макарова». Зачем сдавать оружие, добытое в бою? — Орлов довольно улыбнулся.

— Так особист, сволочь, привязался... «Знаю, знаю, у вас имеется...» Я и швырнул. — Гуров раскрыл удостоверение, прочитал: «Полковник Гуров Лев Иванович, главный консультант Главного Управления Уголовного розыска МВД России» и подпись — Орлов.

— Петр! — Гуров всплеснул руками. — Главный консультант! Такой и должности-то нет!

— Отметь, Лева, — Орлов улыбнулся еще шире, — я тебя главным консультантом назначил до того, как ты меня простым консультантом пригласил. Сегодня я еще начальник и мне решать, какой консультант мне нужен.

Сыскное агентство

Гуров взглянул на трупы мельком, отметил, что двоих мужчин застрелили в спину из автомата, скорее всего с близкого расстояния, осторожно, чтобы не мешать врачу и фотографу, обошел тела и поднялся на третий этаж. Дверь квартиры, в которой жил бухгалтер фирмы «Сток», была приоткрыта.

Гостиная бухгалтера походила на «люкс» дорогой гостиницы: шикарно, безлико, чисто, словно тут не жили, а лишь приезжали да уезжали. Здесь находились генеральный директор фирмы Борис Андреевич Юдин, начальник охраны Александр Арешин, русоголовый амбал в коже, а у стены на стульчике скучал бывший подполковник милиции и начальник отдела МУРа, близкий приятель Гурова — Станислав Крячко.

— Не могу допустить, чтобы моих сотрудников убивали безнаказанно. — Юдин поднялся из-за стола, взглянул на Гурова, явно хотел что-то сказать, но лишь кивнул и вышел.

— Лев Иванович, там шуряет наша группа... — Крячко запнулся, еще не привык, что в МУРе не работает.

— Сходи поболтай с ребятами. — Гуров повернулся к начальнику охраны: — А вы что скажете?

— А чего? — Тот пожал плечами. — В Москве убивают каждый день... Главбух был сволочь, каких поискать. А Витек лопухнулся, сам и заплатил...

— А вы что же, не лопухнулись? — Гуров поморщился. — Вы в фирме больше не работаете. И вот что, мальчик, учти... Вздумаешь фирме гадить, я об этом узнаю обязательно.

— Слушай, мент! Я таких, как ты...

— Таких ты не встречал, — перебил Гуров. — Убирайся!

Гуров подождал, пока за бывшим начальником охраны захлопнулась входная дверь, и занялся осмотром. Он бродил по трехкомнатной квартире, прекрасно понимая, здесь уцепиться не за что, просто тянул время, ждал возвращения Крячко.

Но невольно отмечал: квартира словно бы нежилая, однако тщательно прибранная, вся мебель новая. Только в спальне удалось обнаружить следы человека. Да и мебель здесь была иной — шкаф, стол, пара стульев, диван с неубранной постелью, маленький общарпанный холодильник. Хотя на кухне Гуров обнаружил роскошный белоснежный холодильник в рост человека. В спальне пахло дешевым табаком, а в гостиной лежали пачка «Мальборо» и дорогая зажигалка.

Видимо, бухгалтер, внезапно разбогатевший, решил, что должен жить иначе, той жизнью, которую видел в кино. Купил квартиру и все, что полагается, а вот шкуру сменить не удалось, приросла... Размышления сыщика прервал звонок в дверь.

Крячко появился угрюмым и сосредоточенным:

— Лев Иванович, дела хреновые. Ребята приехали знакомые, прямо не сказали, но дали понять: мол, ваши разборки нам уже — во! — Он чиркнул пальцем по горлу. — Попадется — возьмем, а разыскивать всерьез не будем.

— «Наши-васи!» — Гуров усмехнулся. — А ты этому философу не намекнул, что завтра «наш» убийца ему, оперу, башку отстрелил?

— Ты, начальник, давненько в МУРе не был! — огрызнулся Крячко. — Там ни намеком, ни приказом, осиновым колом мозги не поправишь.

Гуров закурил.

— С какого расстояния стреляли?

— Дай врубиться... Автомат «Калашников», судя по разбросу гильз, стреляли метров с десяти. Полагаю, убийца находился на площадке третьего этажа. Курит иностранные сигареты, я пепел в НТО передал, однако это ничего не даст. Сейчас редко кто курит одну и ту же марку, покупают, что попадется.

Гуров смотрел на округлую, литую фигуру Крячко, на простоватое, открытое лицо, которое многих вводило в заблуждение, вспоминал, как давным-давно, когда он, Гуров, еще работал на Петровке старшим группы, Станислава перевели в МУР из райуправления. Крячко в районе слыл лучшим, ему пророчили быструю карьеру, но Гуров задержал его в группе аж на два года.

— Станислав, — внезапно спросил Гуров, — признайся, ты в прошлой жизни сильно не любил меня?

Крячко зыркнул хитрым глазом и с легкой улыбкой ответил:

— Ты, Лев Иванович, не девка. Конечно, со мной обходился несправедливо, но я тебя прощаю...

— Несправедливо, зато правильно. Иначе ты не был бы таким умным и аккуратным, как сегодня. Ты говоришь, убийца не профессионал?

— Я так не говорил, думаю, что не профессионал. Но понимаешь, в каком смысле...

— Обязательно. Значит, обыкновенный убийца, а не профессионал, работающий по контракту. Так?

— Точно. — Крячко заметил скользнувшую по губам Гурова улыбку и быстро поправился: — Таково мое личное мнение. Профессионал пользуется пистолетом, по крайней мере в подобной ситуации.

— Согласен. Считай меня циником, но сегодня для меня убийство — дело второстепенное, мне нужен заказчик.

— Спроси у Юдина, он знает...

— В лучшем случае назовет фирму, корпорацию, а нам с тобой нужен конкретный человек.

— Прекрасно знаешь, розыск преступника иногда и аппарату не под силу. — Крячко внимательно посмотрел на Гурова. — Хотя, если ты захочешь использовать свои агентурные подходы...

— Нет, Станислав. — Гуров покачал головой. — Я строю свои отношения с «авторитетами» на взаимовыгодных условиях...

— А в рукаве туза прячешь...

— В нашей игре нельзя не передернуть. Полагаешь, если использовали автомат, то убийца, возможно, с Кавказа, прибыл из горячих точек и связан с нашими «авторитетами»...

— И у тебя с ними есть контакт.

— Возможно, — ответил Гуров. — Но я никогда не попрошу «авторитета» отдать мне своего человека. Если заикнусь об этом хоть раз, все ниточки порвутся.

— Потому ты великий сыщик, а я лишь опер-скорохват, — усмехнулся Крячко. — Хватит теории, подъем бабки. Юдин нам не поможет, к «авторитетам» обращаться нельзя... От какой печки прикажешь танцевать?

— От убитого бухгалтера, от данной квартиры, — ответил Гуров.

С полковником Гуровым коммерсант Юдин был знаком уже года два. И все это время приглашал сыщика к себе на службу. Он понимал, что Гуров — личность неординарная, а потому никакой системе не нужен, и упрямо выжидал, когда умный человек поймет всю безнадежность своей войны.

Узнав, что полковник работает по раскрытию убийства, происшедшего на даче спикера, Юдин собрал ближайших соратников и объявил:

— Скоро у нас появится начальник службы безопасности.

— Какой-нибудь отставной гэбистский генерал?

— Значительно хуже, — улыбнулся Юдин. — Если я получу принципиальное согласие, то готовьте кабинет. Виктор, сооруди современный, но несколько консервативный интерьер. Семен, по каталогам обеспечь необходимое оборудование, но ничего лишнего.

И как только Гурова отстранили от дела по убийству в резиденции спикера, Юдин буквально на следующий день «случайно» заглянул к сыщику на огонек. Битый час коммерсант морочил ему голову рассказами о своих финансовых проблемах, все не знал, как ловчее начать разговор, пока Гуров не выдержал:

— Достань из кейса свой паршивый виски и считай, что я согласен. — И Гуров отправился на кухню за стаканами, вернувшись, он закурил и продолжил: — Мои условия просты. Ты ставишь задачу, не вмешиваешься в мою работу. Я приведу с собой помощника и консультанта, им ты будешь платить столько же, сколько мне.

— Согласен, — быстро ответил Юдин. — Извини, а сколько платить?

— Придумаешь что-нибудь! — Гуров приподнял свой стакан. — Вперед!

Через три дня, подав рапорт об увольнении, Гуров приехал к офису Юдина. Он прошелся по коридорам фирмы, занимавшей первый этаж старого, еще очень крепкого дома. Сыщик открывал двери, заглядывал в кабинеты, оборудованные современной техникой, здоровался, ему рассеянно отвечали, ничего не спрашивали.

Забрел в кабинет главного бухгалтера, хотя на двери красовалась табличка: «Не входить, считаем деньги».

Гуров огляделся.

Охранник сидел, развалившись и вытянув ноги. Прелестно, прежде чем свои костили подберет, его можно запросто обесточить стулом. Здесь же находились несколько ребят с металлическими чемоданами и при оружии. На открывшуюся дверь они

даже не обернулись. Гуров потоптался у стола и, чтобы привлечь к себе внимание, весело сказал:

— А баксы-то у вас, ребята, фальшивые.— И указал на лежавшую на столе пачку долларов.

В кабинете повисла тишина, у сидевшего за столом седого мужчины очки сползли на кончик носа, он подслеповато щурялся:

— А вы кто будете?

Но Гуров уже вышел в коридор и завернул в первую попавшуюся дверь.

Здесь что-то строили. Молодой человек, высокий и худой, с быстрыми точными движениями, отдавал команды троим монтажникам.

Гуров понял, сооружается кабинет, но, конечно, не мог предположить, что именно для него — будущего начальника службы безопасности.

Гуров присел на ящик, стоявший у двери, и только собрался закурить, как на пороге комнаты возник охранник и радостно закричал:

— Нашел! — И наставил на Гурова пистолет.

— Сдаюсь! — Гуров поднял руки и вышел в коридор.

Чувствовал он себя отвратительно. Суматоху и фарс спровоцировал, хотя ничего смешного в происходящем не было, а ведь ему с этими людьми работать.

— Ребята, извините, насчет долларов я неудачно пошутил.

Гурова ткнули пистолетом под ребра и, проведя мимо испуганной секретарши, втолкнули в кабинет генерального директора. Юдин разговаривал по телефону, увидев вошедших, обнаженные пистолеты, прикрыл трубку ладонью, сказал:

— Спасибо. Оставьте нас одних. По вторникам этот человек не опасен.

— Сегодня среда, шеф...

— Тем более.— Юдин махнул рукой.— Идите.

Гуров устроился в кресле, закурил. Закончив разговор, Юдин спросил:

— Пытался прорваться?

— Пустой номер, тебя охраняют профессионалы.

И хотя он старался говорить серьезно, Юдин почувствовал подвох и быстремко сменил тему:

— Когда сможешь приступить к работе?

— Недельки через две.

— Отлично. В штат я тебя зачислю с сегодняшнего дня, соответственно и деньги начинают капать.

Гуров пожал плечами, ему был неприятен разговор о деньгах. Юдин это почувствовал, вышел из-за стола, взял Гурова под руку.

— Пойдем, покажу твой кабинет. Может, захочешь внести корректировки.

Когда они вошли в уже знакомую Гурову комнату, монтажники сложили огромный стол, состоявший из трех шестигранников.

— Наш дизайнер, Виктор Хохлов, талантливый парнишка. Видите, Лев Иванович, какую он для вас Бастиию соорудил?

Гуров понял, что в присутствии сотрудников предлагаются обращаться на «вы», и улыбнулся:

— Все прекрасно, Виктор, действуйте, я сумею приспособиться.

— Ребята, представляю вам Льва Ивановича Гурова. С сегодняшнего дня он начальник службы безопасности, хозяин этого кабинета, всего офиса и ваших душ.

Через две недели Гуров приступил к работе. Когда на огромном столе расставили всю аппаратуру: телевизор, компьютер, телефоны, факс, на левом крыле — кофеварку и поднос с посудой, — то оказалось, что Витя все рассчитал правильно. Гуров чувствовал себя удобно, одно мешало: он привык во время серьезного разговора расхаживать по комнате. В новом кабинете такой возможности не было и Гуров облюбовал себе место у задвинутого в угол холодильника, там была возможность сделать два шага в сторону и вернуться. В общем, физически он к новому месту приспособился, а вот во всем остальном дело обстояло значительно хуже.

В первый день он пришел к Юдину и спросил:

— С чего мы начнем, шеф?

И сразу возникла неловкость. В прежние времена Гуров был лидером и определял характер отношений. Он и назвал Юдина шефом, чтобы тот понял: полковник Гуров не страдает комплексом неполноценности, раньше распоряжался, а теперь готов выполнять указания.

— Каждый из нас шеф в своей области, — философски заметил Юдин и, немного помолчав, деловым тоном продолжил: — Уже несколько месяцев я чувствую утечку информации, которая наносит фирме серьезный ущерб. — Он открыл лежавший перед ним блокнот, написал четыре фамилии, вырвал лист и передал его Гурову. — Люди, имеющие доступ к информации. В каждом из них я уверен, как в себе.

— Ты это проверял? — Гуров указал на стены и потолок. — Хорошо, я займусь, перепроверю. Что еще? Господа рэкетиры?

— Пока Бог миловал. Да ты и сам убедился: у меня надежная охрана.

— О да, в этом я действительно убедился. — Гуров даже не улыбнулся. Хуже такой охраны он даже представить себе не мог. — Кстати, кому она подчиняется?

— Тебе, разумеется.

— Прекрасно. И все-таки, что тебя беспокоит?

Юдин тяжело вздохнул.

— Угрозы? Необъяснимые увольнения? Ну давай, не стесняйся, что ты, ей-богу, словно красна девица!

— Предчувствие! — выпалил Юдин и смутился. — Не могу объяснить, но... чувствую приближение беды. Тревога... Стал плохо спать.

— Так-так. — Гуров закурил, прошелся по кабинету, неожиданно сказал: — Чувствуешь, значит? Это прекрасно! Значит, мы не проморгаем. Предчувствовать опасность могут немногие. Я это дело знаю, потому и живой пока...

Гуров остановился напротив стола, за которым сидел Юдин, посмотрел внимательно.

— Борис, припомни, у тебя тревога появилась внезапно или наползала медленно?

— Постепенно.

— Вы заключали крупные сделки, подписывали новые договора?

— Естественно, но это обычная, повседневная работа.

— У вас появился новый партнер?

— Новый? — Юдин задумался.— Да, пожалуй, нет... Знакомые все лица. Но... — Он погрозил Гурову пальцем.— Может, ты и прав, кое-что произошло. Три месяца назад «Фора» неожиданно отступила. Эта фирма — частично партнер, частично конкурент. Приезжали немцы, я был убежден, что между мной и «Форой» начнется серьезная конкуренция, а они присутствовали только на переговорах и отступили, практически без борьбы отдали около миллиона марок.

— Вы их уже получили?

— Нет, конечно, но мы подписали выгодный контракт, деньги получим после выполнения своих обязательств...

— Борис Андреевич, напоминаю, что через пять минут вам надо выезжать,— прервал их разговор голос секретаря.

Юдин нажал кнопку и ответил:

— Спасибо, Леночка.— Он поднялся из-за стола, снял с вешалки плащ.— Может, я на воду дую, но было в самоустраниении коллег-соперников нечто странное. Но об этом не думай. Они под меня закладывают мину, просто финансовая операция.

Гуров побывал в двух крупных фирмах, где охрану вели бывшие сотрудники милиции и безопасности. И быстро выяснил, что так плохо, как охраняют «Стоик», не охраняют никого. Хотя ребята Юдина внешним видом (разворотом плеч, весом, тяжестью подбородков) буквально подавляли, Гуров понял, что все они ленивые, пьющие, не спортсмены, а просто обожравшиеся качки.

Гуров уволил двух охранников за пьянство. С остальными церберами и сотрудниками фирмы решил поговорить. Приглашал их к себе, угождал кофе, чаем, минералкой. Разговоры вел вежливо, неторопливо, с отступлениями, порой томительными паузами, и тогда гостю казалось, что ему просто не о чем спрашивать. Естественно, каждая такая беседа-допрос тут же становилась достоянием коллектива, сотрудники обменивались информацией, пытались найти в вопросах особиста какую-либо систему. И не находили, потому как ее попросту не существовало. У Гурова была лишь конкретная цель, он искал в каждом человеке болевую точку, изъян, слабость, которую мог бы использовать противник.

Недели через две служащие фирмы пришли к единодушному решению, что новый особист с внешностью иностранца и супермена — «мужик чокнутый». Гурова стали сторониться, разговора с ним избегали. Он же, казалось, не замечал настороженного к себе отношения сослуживцев и продолжал приглашать их

в свой кабинет, некоторых по второму разу, даже по третьему. Все беседы он записывал, затем выносил диагноз, который вкладывал в память компьютера. Так Гуров завел картотеку на всех сотрудников фирмы, начиная с их данных и заканчивая заключением Гурова о характере человека, его привычках, наклонностях, возможных пороках, психологической устойчивости и еще многих-многих всяких мелочах, из чего и состоит человек.

Вскоре в фирме появился Станислав Крячко. Начальником Управления МУРа неожиданно назначили, присвоив соответственно должности звание генерала, ровесника и однокашника Станислава. Генерал был тщеславен, как оперативник бездарен, дважды Крячко нового начальника выручал, а такие поступки, как известно, не забываются. Так что Крячко вылетел из конторы быстрее, чем пробка из бутылки шампанского.

Крячко из одной конторы вылетел, в другую влетел и сразу стал окучивать новые грядки. Женщинам — улыбки, комплименты и шоколадки, мужчинам — свежие анекдоты и бутылки. За несколько дней Крячко завоевал любовь и признание коллектива, понял, как «обложили» Гурова, и забил в его гроб последний гвоздь, заявив, что знает полковника сто лет и что тот — змей редчайший, питается исключительно человечиной и характер у него хуже не придумаешь. И никто не задал простой вопрос: зачем же ты, зная нрав своего бывшего начальника, вновь к нему в замы пошел? Однако шустрые, умные мальчики из окружения шефа как-то после рабочего дня зазвали Крячко в кабинет коммерческого директора Егора Крупина. Кроме Крупина, здесь находились его заместитель Илья Вагин, Дмитрий Закревский — закончил МГИМО, знал несколько языков и занимался делами фирмы за рубежом — и юрист, перешедший в фирму из Министерства внешней торговли, Григорий Байков. Ребята, им едва перевалило за тридцать, одеты были неброско, хотя эта кажущаяся простота стоила серьезных денег. Держались они свободно, но не развязно и, как с первого дня отметил Крячко, походили на иностранцев.

Крячко знал, что из фирмы уходит секретная информация и четверо присутствующих имеют к ней доступ. И именно эти интelleгенты, умницы и всезнайки являются его, Крячко, клиентами. Он, человек опытный, к встрече тщательно подготовился, отлично понимая, что «пациенты» образованнее его, с более широким кругозором, в уме не уступают, потому, общаясь с ними, следует говорить правду и только правду. Естественно, излагая ее в усеченном объеме и под специальным соусом, который Крячко называл «подливка для умных и самоуверенных».

Итак, собрались, выпили, кто кофе, кто коку, юрист Байков и Крячко предпочли виски.

— Гурова, который нас терроризирует, давно знаете? — спросил Егор Крупин, коротко стриженный блондин среднего роста. Он сидел на углу письменного стола, покачивая ногой в сверкающем ботинке.

— Порядочно. — И уточнил: — Тринадцать лет девять месяцев и... — он пошевелил губами, — дней восемнадцать.

Присутствующие рассмеялись, Байков спросил:

— Станислав, что за человек ваш начальник и чего он добивается? Он пригласил вас замом, вы шатаетесь по офису...

— И какого черта, спрашивается, вы сюда явились? — вспыхнул Илья Вагин.

— Не пыли, Илья! — Крячко похлопал Вагина по плечу. — А куда сыскарю податься, как не в службу безопасности? Время тяжелое, потому я предложение Льва Ивановича принял с радостью.

— Так он же змей!

— Натурально. Вы его еще не знаете, наплачетесь. — Крячко довольно улыбнулся. — Но... Лев Иванович — это вам не «Белый дом», не Кремлевская стена, у которой ворота на все стороны света распахнуты. Гуров — стена! Вернее и мощнее Льва Ивановича Гурова я человека не встречал! — Виски «достало» Крячко. — Кто меня прикрывал? Кто за меня кадровикам глотки рвал, карьеру свою увечил? Когда Лев Иванович меня позвал, я и минуты не сомневался... — Он чуть не хлюпнул носом, почувствовал, как в кабинете тихо, оглядел молодых умников и задиристым тоном закончил: — А что змей, гонористо ходит да поверху смотрит, плюньте, не берите в голову, у него манера такая.

ГЛАВА ВТОРАЯ Сыск — работа обычная

Гуров вошел в свой кабинет. Швырнув плащ в угол, где стоял холодильник, он уселся за письменный стол и, проглатывая матерщину, сказал:

— Вот такое интеллигентное я дермо, Станислав. Постеснялся выгнать бездарей и лентяев, потому и убили несчастных людей.

— Что-то я не заметил, чтобы покойник был особо несчастным... — Крячко прошел между креслами проверить, плотно ли закрыта дверь. — У главбуха должны быть с собой папка либо портфель, но на месте ничего не обнаружено. Какие документы пропали?

— Я запретил Ивану Сидоровичу выносить из офиса серьезные документы.

— А я запретил своему Лешке из рогатки пулять, так он, паршивец, самострел соорудил...

— Главбух был серьезный человек. — Гуров снял трубку, соединился с Юдиным. — Борис Андреевич, я у себя, через час зайду с докладом.

— Лучше через час сорок, Лев Иванович. И зайду я к тебе.

— Договорились. Распорядись, чтобы в бухгалтерии подготовили копию документации, которую имел при себе Ситов.

— Кажется, Иван не имел при себе документов.

— Но папка или портфель у него имелись? Бухгалтер не ходит с пустыми руками. Прикажи, пожалуйста, проверить. Я у себя. — Гуров положил трубку. — Начнем работать?

- Мотив? — спросил Крячко.
— Завладеть документацией.
— У него работают три девочки, хоть одна должна знать, что начальник берет с собой.
— Срочно провести ревизию всех бухгалтерских документов. Узнай, не делал ли он ксерокопий. И хватит об этом. Итак, мотив?

— Месть. Отказался дать информацию либо дал, но не полную, — рассуждал Крячко. — На меня он производил впечатление человека чистоплотного и не способного вести двойную игру.

— Сам себе противоречишь. — Гуров вынул из сейфа дискету, вложил в компьютер. — Давай взглянем на мои выводы...

Загорелся экран.

— Пятьдесят два года... Холост... Разведен... сын и дочь... постоянная подруга. — Гуров взглянул на Крячко. — Проверить. Не пьет... уравновешен... малонициативен...

Гуров откинулся на спинку кресла, закрыл глаза.

— Чего молчишь? Человека расстреляли из автомата в подъезде собственного дома. За что расстреляли?

— Ты, Лев Иванович, полагаешь, что по своим человеческим качествам покойник для вербовки не годился?

— Я этого не говорил, — перебил Гуров.

— Возможно... С таким мягким, нерешительным, лишенным тщеславия человеком никто связываться не станет, слишком велик риск... Не забивай мне голову, никаких копий с документов он не снимал, никого не обманывал, жил человек тихо-тихо, половину зарплаты отдавал бывшей жене. Эту информацию я тебе дарю... Его новая мадам не хищница, скромная, некрасивая женщина, с которой он встречался два раза в неделю. Обычно они проводили вечер у него в квартире, иногда ходили в театр, реже в кафе или ресторан. Если научишься дарить девушкам шоколадки и пить с ними кофе, тоже будешь много знать. Убили Ивана Сидоровича потому, что он узнал то, чего ему знать не полагалось. И тут мы с тобой, гениальный сыщик, поплыли, так как криминальную информацию он узрел в бухгалтерских бумажках, а мы с тобой в этом деле — профаны.

— Ты умный, — с искренней завистью произнес Гуров, выпрямился, открыл глаза. — Оставим пока покойника, поговорим о живых. Убийца?

— Ты имеешь в виду исполнителя? — уточнил Крячко. — Муровский опер разыскал двух свидетелей, видевших темноволосого худощавого мужчину в темном плаще, лет тридцати. Я позже позвоню в контору, узнаю, что удалось разыскать еще, но полагаю, что это он. Выскочил из подъезда сразу после стрельбы, свернув в проходной двор, наверное, на параллельной улице сел в машину. Сейчас плащи не носят, все в куртках. Но под куртку автомат не упрячешь, потому и плащ.

— Я хожу в плаще, — возразил Гуров из чистого упрямства. — Ты проверь жильцов подъезда.

— Учи, учи... Муровцы пахать по делу не станут, но такую проверку проведут. Узнаю. Надо полагать, убийца не уголовного окраса. Скорее всего бандит, заскочил в Москву с какой-нибудь

войны. Ты спросишь, как на такого стрелка заказчик вышел? А он на убийцу не выходил, обратился по наезженному каналу к москвичам. А у них гость приблудился, они ему долю отстегнули и направили. Так что, ежели убийцу возьмут, от него к заказчику пути не будет.

— А кто заказчик?

— Из дружков и сотоварищей Бориса Андреевича Юдина, нашего с тобой нового хозяина и благодетеля.

— Без любви вы обо мне говорите, господа сыщики, — сказал Юдин, переступая порог и направляясь к кофеварке. — Я не понял, кто-что из моих сотоварищей?

— Организатор убийства, — ответил Гуров. — Борис, свари кофейку и на мою персону.

— Тут вы ошибаетесь, господа. — Юдин начал возиться с кофеваркой.

Гуров вышел из-за стола, с хрустом потянулся.

— Что сообщили из бухгалтерии? Какие документы находились при убитом?

— Несколько копий последних платежек, ничего серьезного, — ответил Юдин. — А Ивана не могли убить по ошибке, приняв за кого-то другого?

— Это вряд ли. — Гуров достал из стола бутылку коньяка, разлил по стаканам, один подвинул Крячко. — Станислав, глотни, помянем Ивана Сидоровича.

— К вечеру и помянем, — на деревенский манер ответил Крячко. — На службе не употребляю. Он встал, направился к дверям. — Пойду, с вашего разрешения. — И, не ожидая ответа, вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— С характером, — заметил Юдин.

— Я уволил Арефина, оформи приказом, или как это у вас делается. Временно, пока не найдем человека, начальником охраны будет Крячко.

— Ты уверен?

— Я опоздал, а следовало с этого начинать, твоя охрана ни на что не годится. Практически я плюю вслед ушедшему поезду. Смерть Ситова на моей совести.

— Ты же говорил, что охрана в порядке.

— Не будем об этом. — Гуров отодвинул одно из кресел и, освободив проход, начал расхаживать вдоль стола. — Расскажи, как организовывалась фирма, где ты собирал людей, чьи деньги легли в основу...

— Считаешь, в убийстве замешан кто-то из моих? — Юдин смотрел возмущенно и одновременно испуганно. Выглядел он плохо: лицо посерело, кожа обвисла, седые волосы, всегда тщательно причесанные, торчали в стороны.

— Не распускай слони, никогда не спрашивай, что я предполагаю. Во-первых, сам не знаю, во-вторых, даже зная, все равно не скажу. И успокойся — ты будешь получать только достоверную информацию, проверенные факты. На данный момент факты свидетельствуют, что дела наши хреновые и убийство главбуха только начало.

Гуров убрал со стола бутылку и стаканы, налил кофе, закурил.

— Я не люблю, когда со мной разговаривают в таком тоне.— Юдин расправил плечи, дернулся подбородком.

— Скажи, пожалуйста, кто, когда, на какие деньги купил Ситову квартиру и мебель?

— Чего? — Юдин растерялся.— Квартира? Черт возьми! Зачем тебе? — Поняв, что никаких объяснений не получит, начал вспоминать: — Иван развелся года три назад, снял комнату. Мы тогда еле-еле сводили концы с концами, начинали разворачиваться. Я очень ценил Ивана, он был блестящий бухгалтер и честнейший человек. Серьезные деньги появились два года назад. Я сразу выдал Ивану ссуду на обустройство, тогда цены были другие, да и связи у меня, сам знаешь. Все хлопоты поручил Илье Вагину, он уже работал у меня. Ссуду Иван давно выплатил. А почему тебя это интересует?

Гуров промолчал. Ему не давал покоя вопрос, отчего человек в большой, благоустроенной квартире жил лишь в одной комнате.

Крячко сидел в бухгалтерии, пил чай. Он знал, что Ганна, Зина и Лина, работавшие в бухгалтерии, относились к своему покойному шефу с прохладцей. Главбух был суховат, стеснителен, однако занудно требователен. Живого начальника девочки недолюбливали, а теперь, когда человек погиб, вспоминалось только хорошее, даже трогательное.

— Он любил вишневое варенье,— сказала Ганна, наступив смоляные брови.

— И всегда стеснялся попросить.— Толстушка Зина взглянула на Крячко недовольно, так хотелось поговорить с подружками, а в комнате все время посторонний.

Сначала толклись, проверяли документацию, теперь Станислав расселся, словно у себя дома, третью чашку пьет и уходить не собирается. В общем-то он парень свойский, не то что его начальник-красавец, лишнего слова не скажет, хотя уж они, девушки, чувствуют, особист тот еще бабник.

Крячко прекрасно понимал, что мешает, но решил сидеть до победного, девчонки должны разговориться, долго им не выдергивать. Но опытный оперативник ошибся. Увидев, что он не уходит, и зная о месте его прежней работы, девушки обрушились на него с критикой.

— Убивают, грабят, насилуют, а менты чаи гоняют.

— Если бы только чаи, с утра водку глушат.

Крячко понял, все равно не отстанут, и решил перехватить инициативу.

— У Ивана Сидоровича папка черная была. Он вчера с ней уходил?

— Вон лежит.— Зина указала на пухлую папку из кожзамителя.— Вчера Иван Сидорович ушел с коричневым портфелем, мы об этом уже сто раз говорили.

— Уже и список документов, которые находились в портфеле, давно составили,— недовольно сказала Ганна.

— Станислав, если по-честному, тебя из милиции за что погнали? — зло полюбопытствовала Лина, самая привлекатель-

ная и уверенная в себе девица. — Трепятся, что ты даже в МУРе работал.

— Язык у людей без костей, черт-те что мелют, — лениво ответил Крячко. — Вчера Иван Сидорович на работу рано пришел?

— Как обычно, без пятнадцати девять...

— Уезжал днем? Он вообще часто отлучался из офиса и где бывал? — Рассуждал оперативник незамысловато, раз в документах главбуха ничего интересного не было, значит, он подхватил секретную информацию на стороне, и Крячко решил составить график трех последних дней убитого. Где бывал, с кем встречался, о чем говорил?

Григорий Байков, юрист фирмы «Стоик», в прошлом году отметил тридцатилетие, к тому времени он уже четыре раза женился, и третий раз неудачно. Первая жена Григория умерла при родах, и он не успел понять, удачна его первая попытка начать семейную жизнь или нет.

Дочка осталась жива, росла здоровенькой на руках бабушки, матери Байкова, женщины еще молодой, интересной и не собиравшейся заканчивать свою жизнь в бабках. Она рассталась с отчимом Григория год назад, внучку любила, но себя обожала еще больше, потому в очередной раз вышла замуж и намекнула сыну, что Дашенка, так звали девочку, существование прекрасное, но каждый ребенок должен жить с родителями. И Байков двухлетнюю девчушку забрал к себе, в однокомнатную квартиру, и быстренько подыскал для нее маму. Молодая, хорошенская, считавшая себя красавицей избранница продержалась в однокомнатной обители Гриши Байкова менее полугода. Она желала беззаботной жизни и мужа, который бы ублажал, развлекал, а получила чужого ребенка, заботы и замордованного мужика. Григорий в тот год заканчивал вечерний юрфак, работал в нотариальной конторе и получал нищенскую зарплату. Где у красавицы были глаза до загса, остается только гадать. Справедливо-сти ради то же самое можно сказать и в адрес юриста, так как супруга и не изображала любовь к детям и тягу к семейному очагу.

Григорий женился еще дважды. Казалось, человек упрямо пытается начать новую жизнь по старому сценарию: все жены походили друг на друга, разве что каждая последующая оказывалась стервознее предыдущей.

Парадоксально, но Григорий Байков, лишь выбирая супружницу, был опрометчив и неразумен. В остальном проявлял себя как человек хваткий, жесткий, дальновидный, можно смеяться сколько угодно, но он разбирался в людях и осторожничал в знакомствах. В фирме «Стоик» Байков работал чуть ли не со дня ее основания, Борис Андреевич Юдин своего юриста ценил, так как тот не раз доказывал свою проницательность и неподкупность — качества, ценимые во все времена.

Узнав, что главбуха расстреляли, Байков заперся в своем кабинете, припомнил события последних месяцев и понял: он дошел до края, еще шаг — и падение неизбежно. Однако, про-

считав возможные варианты, юрист убедился, что и обратной дороги для него нет. Одному не выбраться, нужна квалифицированная помощь. Шеф помочь не может, о сотоварышах по мозговому центру фирмы и говорить не приходится, остается только начальник службы безопасности. У Байкова имелись знакомые и на Петровке, и в Министерстве внутренних дел. Как только появился Гуров, юрист навел о нем справки. Он не поделился полученной информацией с коллегами, ни к чему, чтобы знали, какой ас пришел в фирму, Байков словно предчувствовал, что только сырщик сможет оказать ему помощь.

Необходимо сегодня же встретиться с Гуровым, выложить все начистоту, пусть гений сыска и решает, как ему, Григорию Байкову, жить дальше.

Разговор Гурова с Юдиным затянулся, но, как сырщик и предполагал, ничего конкретного он не привнес.

— Не будем спешить... Однако складывается у меня впечатление, я для твоей фирмы человек малополезный,— заключил Гуров.— Охранников я тебе подберу, а с убийством вряд ли разберусь.

— Не пори горячку, Лев Иванович,— сердито ответил Юдин.

— Невозможно расследовать преступление, не понимая, кому оно выгодно. А я в финансовых вопросах на уровне таблицы умножения. Видишь ли, скорее всего твой главбух узнал, что ему знать не полагалось...

— Ты хоть и умный, а говоришь глупости,— перебил Гурова Юдин.— Если следовать твоим рассуждениям, то ты не можешь расследовать вообще никаких преступлений, кроме бытовых. Убьют архитектора... биомеханика... Существуют тысячи профессий, в которых ты ни черта не смыслишь. Я тебя и слушать не желаю!

— Уж не знаю, с какой стороны и подступиться.— Гуров вздохнул, безвольно опустил руки, при этом решая, не переигрывает ли. Прекрасно помнил, как однажды ему сказали, что актер он бездарный.

Но Юдин смотрел сочувственно, даже вздохнул в унисон. Он просто не знал, что Гуров никогда не бросает начатого дела, тем более если произошло убийство. С каждым часом Гуров все больше наливался злостью и упрямством. В подобных случаях его подчиненные начинали жаться по углам, даже генерал Орлов, друг и начальник, старался с Гуровым встречаться пореже, ожидая, пока «Левушка» не определится во времени и пространстве».

— Ты мое предложение принял и должен слово держать,— сказал Юдин, поглядывая на расхаживающего по кабинету Гурова.

— Купля... продажа... контракты... поставки! — повысил голос Гуров.— Я в этом не смыслю ни... совсем! Я не знаю полномочий бухгалтера. Может бухгалтер передернуть без твоего ведома?

— Бухгалтер многое может, но Ситов был занудный, въедливый и честнейший человек, его документация в полном порядке.

— Убийство не случайное, а заказное. Это я тебе говорю! Так за что же его убили?

— Ты сыщик — ты и узнай.

— Я хозяйственными делами в жизни не занимался! Так дай же мне хоть что-нибудь! — Гуров протянул руку, сложив ладонь горсточкой, словно нищий.

Гуров не верил, что генеральный директор ничего о причинах убийства не знает. Человек часто скрывает какой-то факт, считая, что тот не имеет к делу никакого отношения. Случается, не может выделить главное событие из общего потока повседневности и в своем умалчивании вполне искренен. И, наконец, самое скверное, Юдин может быть замешан в криминале, который совершился с его молчаливого «неведения».

— Мне нечего тебе дать, — ответил Юдин, и сыщик почувствовал, что шеф лжет. — Как все нынешние бизнесмены, мы ходим по грани дозволенного, порой переступаем черту, сегодня российские законы ни один юрист в мире не прочертит рейсфедером. Но тебя это не касается. Я сказал, у нас уходит информация, мы терпим финансовый ущерб...

— Ты лжешь! — перебил Гуров. — Знаю, ваши трали-вали касаются налогов. Но налоговое управление не нанимает автоматчиков.

— А то твоя головная боль.

— Согласен. А главное! — Гуров ткнул Юдина в грудь так сильно, что шеф охнул и упал в кресло. — Когда я это дермо разгребу, ты вспомнишь сегодняшний день и признаешься, что мог мне помочь и не помог.

В дверь постучали, на пороге появился Крячко, мгновенно оценив состояние Гурова, попятился, пробормотав:

— Ничего срочного...

— Станислав, заходи, мы тут играли в детскую игру «веришь не веришь». Выяснили, что абсолютно не верим друг другу, потому решили дружить до гробовой доски. — Гуров махнул рукой, приглашая к кофеварке. — Рабочий день не кончился, потому не предлагаю крепкого.

— Игра интересная, и решение вы приняли верное. — Крячко прошел мимо Гурова, глянул мельком, отметил, что его голубые глаза как бы прихвачены ледком, и искренне улыбнулся Юдину, так как генеральному директору не завидовал. — Пить я ничего не могу, кофе и чай у меня в горле булькают.

На пульте управления раздался щелчок, затем уверенный, с чуть заметной хрипотцой голос секретаря:

— Лев Иванович, шеф у вас? Скажите ему, приехали из прокуратуры.

— Спасибо, Борис Андреевич сейчас будет.

— Началось. — Юдин встал, поправил галстук и уныло произнес: — Теперь жить не дадут, затаскают.

— Нормальный ход! — Крячко шлепнул себя по ляжкам. — Подчиненного убили, а они...

— Станислав. — Гуров болезненно поморщился. — Выкладывай, что раздобыл?

Крячко пробормотал что-то о христианстве и всепрощенче-

стве, достал из кармана бумагу, но разворачивать не стал.

— Если бухгалтер схватил смертельную информацию, то, видимо, за последние трое суток. Иначе бы его ликвидировали раньше. Я попытался составить график передвижения убитого за два дня, так как третьего дня он из офиса не выходил, обедал за рабочим столом.

Позавчера бухгалтер пришел на работу лишь к обеду, утром на Белорусском вокзале встречал свою приятельницу, отдыхавшую у родственников. Я с женщиной разговаривал, покойный действительно ее встречал, на вокзале ничего необычного не произошло, взяли носильщика, было много вещей, родственники насовали банок с соленьями.— Крячко сделал паузу, затем продолжил: — Вчера бухгалтер работал до обеда, потом поехал на склад, но пробыл там минут сорок, сказался больным и уехал домой.

Крячко замолчал, смотрел вопросительно. Вопрос напрашивался, и Гуров произнес его вслух:

— Вчера приболел, сегодня убили. Случайное совпадение или причина и следствие?

— Можно предположить, что бухгалтер обнаружил на складе... неподложенное. Человек он мягкий, нерешительный и растерялся, доложить страшно, а не докладывать совместно.

— Прост же ты, Станислав, как штыковая лопата, за что и люблю тебя. Бухгалтер занимается бумажками, а не проверкой груза. А в бумажках криминала, который бы нес смерть, быть не может. Или не так?

— Ты со своей критикой в Думу отправляйся. Критиковать и ломать каждый может. Лучше предложи что-нибудь конкретное, а я послушаю. Да будет тебе известно, гений, что накладная все стерпит, а фактическое наличие груза может написанному не соответствовать.

— Мысль интересная, главное — свежая.— Гуров подмигнул приятелю и надул щеки.— Теперь выдохнем дружно и продолжим.

Но продолжить сыщикам не удалось, в дверь постучали и в кабинет вошли коммерческий директор Крупин и юрисконсульт Байков.

— Не помешали? — спросил Крупин и, не ожидая ответа, грозно взглянул на Гурова.— В офисе шурует прокуратура, менты в штатском расселились по кабинетам, а служба безопасности, которая получает заработанные нами деньги, попивает кофеек и в ус не дует.— Он наступал, теснил сыщика.

Крупин, щуплый и небольшого роста, с торчащими ушами, рядом с широкоплечим Гуровым смотрелся несерьезно, словно беспородный щенок, атакующий волкодава. Крячко прыснул в кулак и уселся в самое дальнее кресло, прикидывая: даст шеф мальчишке «леща» или поступит иначе. Станислав знал Гурова очень давно, но не всегда угадывал реакцию друга в острых ситуациях.

— Ну, извини, Егор.— Гуров мягко отстранил Крупина, обогнув стол-крепость.— Ты должен меня понять: я — бывший, а они — при исполнении...

— Егор! — Юрист консультант Байков запоздало схватил приятеля за локоть. — Ты же интеллигентный человек, стыдно, ей-богу!

— За что мы им деньги платим? — Крупин начинал еще больше распаляться, даже пнул стоящий рядом стул.

— А черт его знает! — воскликнул Гуров, усаживаясь в свое начальственное кресло и с любопытством наблюдая за молодыми начальниками.

— Вы знаете, сколько банкиров и служащих коммерческих структур убили за последнее время? — спросил Крупин и поддетски хлюпнул носом.

Гуров пожал плечами, взглянулся на Байкова.

— Григорий, сварите себе кофе. Станислав, узнай, кто приехал из прокуратуры и каковы намерения?

— В отношении последнего могу и сейчас сказать, — буркнул Крячко и вышел.

Юрист ловко сварил кофе, подал чашку Егору Крупину, когда оказался между ним и Гуровым, положил на стол сложенный вчетверо листок бумаги, подтолкнул Гурову. Сыщик взял листок, убрал в карман:

— Я слышал, вы готовите к отправке в Германию большую партию товара. Интересно, чем мы можем заинтересовать столь отсталую страну?

— Плетеную мебель, — ответил Крупин. — Закупаем во Вьетнаме тростник и бамбук, специальные лаки и делаем мебель, в Европе она пользуется успехом.

— Так прямо и делаем, и пользуется успехом, — с сомнением произнес Гуров.

— Егор, объясни по-человечески, — сказал Байков.

— Ну, плетет тростник, создает эскизы и цветовую гамму Вьетнам, присыпает нам полуфабрикат, мы же монтируем и освежаем лаком.

— А на кой вы Вьетнаму нужны, торговали бы напрямую? — удивился Гуров.

— В собранном виде мебель очень громоздка, отправлять ее морем дорого, — сухо объяснил Крупин. — Складированная плетенка и бамбук занимают места в десять раз меньше и идут по железной дороге, а это четыре пятых пути.

— У вас большие мастерские?

— Нет, они расположены при складах.

Гуров неожиданно для себя сложил простейшую конструкцию преступления, к которому, не ведая, что творит, мог прикоснуться главбух. Он поднял взгляд на юриста Байкова и увидел в лице его не просто тревогу — панику. Но юрист взгляд выдержал, чуть заметно кивнул.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ След обрывается

Рабочий день закончился, служащие разошлись по домам, в офисе остались охранник, Гуров и Крячко, который разглядывал записку Байкова. «Сегодня после девятнадцати позвони мне

домой, необходимо встретиться. Очень важно». Подписи не было, что естественно, так как записку передали из рук в руки.

Шел девятый час вечера. Гуров набирал номер Байкова каждые десять минут, но к телефону не подходили.

— Ну и как вы полагаете, господин полковник, мы получим еще один труп? — равнодушным тоном полюбопытствовал Крячко.

— Где твой криминалист? — спросил Гуров.

— Парень из НТО, наш человек, обещал: «Освобожусь, приеду...»

Вскоре позвонили с вахты, дежурный охранник сообщил, что два парня представляются сотрудниками милиции, хотят войти.

Крячко вышел и тут же вернулся в сопровождении двух сотрудников научно-технического отдела с традиционными чемоданчиками в руках.

— Здравия желаю, Лев Иванович, — сказал один из них, широколицый блондин лет пятидесяти. — Сколько лет? — Он пожал Гурову руку. — Что беспокоит господ сыщиков? Вопрос риторический. Прослушивается ли данный кабинет? Не приступая к осмотру, могу с уверенностью ответить: «Безусловно».

— Коллега, — вздохнул Гуров. — Кабинет только построили и тут же проверили.

— Даже не смешно. — Эксперты открыли свои чемоданчики, достали аппаратуру.

Гуров безуспешно пытался дозвониться до Байкова. Эксперты осмотрели все кабинеты офиса, сложили изъятые «жучки» в сумку.

— Не сравню вашу экипировку с американским посольством, не бывал, но, по слухам, вы могли бы и соперничать.

— Каков технический уровень людей, устанавливающих все это? — поинтересовался Гуров.

— Нормальный, современный, но рука русского мужика чувствуется, мол, нечего хитрить, и так сойдет. Ставили профессионалы, но не из «конторы». Те работают почице.

— Спасибо, коллега. — Гуров протянул сто долларов. — С какого расстояния нас слушают?

— Из дома напротив, из машины, припаркованной в радиусе примерно до двухсот метров. Техника старенькая, далеко не люкс. — Криминалист оттолкнул руку Гурова. Тогда сынок сунул купюры ему в карман.

— Сколько времени нас не будут слушать?

— Ну и вопросы у тебя! — хмыкнул эксперт. — Нас и сейчас могут запросто слушать, а «жучки» вернуть может первый же посетитель. Не в полном объеме, так ведь курочка по зернышку, как известно.

— Спасибо, приходи через неделю, повторим санитарный час.

Гуров на «семерке», Крячко на «мерседесе» поехали на квартиру Байкова. После девяти вечера «пробок» на улицах уже не было, держались они друг от друга на расстоянии метров триста, наблюдали, нет ли «хвоста», переговаривались по телефону.

Добротный из светлого кирпича девятиэтажный дом, в кото-

ром жил Байков, располагался в начале Ленинского проспекта. Сыщики поставили машины поодаль друг от друга. В подъезд войти не удалось: дверь была заперта на цифровой замок. Но вскоре из дома вышла супружеская пара, и сыщики вошли в подъезд. Поднявшись на седьмой этаж, остановились у стальной двери, позвонили.

— Что дальше? — Крячко смотрел ехидно.

— Станешь продолжать в том же духе, я тебя оставлю до утра здесь, а сам отправлюсь спать. — Гуров вновь позвонил.

В ответ брякнула цепочка соседней двери, и густой уверенный голос произнес:

— Если вы к Григорию, то он в больнице.

В узком дверном проеме, пересеченному солидной цепочкой, мелькнул генеральский погон. Гуров встал так, чтобы хозяин мог его видеть, и мягко произнес:

— Добрый вечер, товарищ генерал-лейтенант. — И протянул в щель удостоверение, полученное от Орлова. — Давно увезли Байкова, куда и что с ним случилось?

Генерал долго не отвечал, сопел, видимо, изучал удостоверение, затем вернул документ и неохотно ответил:

— Опоздал ты, полковник, этого прохвоста давно надо было сажать.

За дверью раздались легкие шаги, шепот, затем дверь прикрыли и тут же распахнули. Генерал сверкал золотыми погонами в глубине квартиры, а на пороге стояла пожилая, очень стройная и со вкусом одетая женщина.

— Здравствуйте, господа, проходите.

Сыщики оценили качество паркета, сняли ботинки, надели лежавшие у вешалки тапочки.

— Меня зовут Мария Ивановна, на моего генералиссимуса внимания не обращайте. Случай тяжелый и безнадежный. — Она махнула тонкой рукой.

— Маша! — подал голос хозяин, но в прихожую не вышел.

— Миша, поставь чайник.

И дом, и квартира, и мебель были пятидесятых годов — все солидно, крепко, основательно. Хозяйка улыбнулась Крячко, разрешила Гурову поцеловать ей руку, пригласила в столовую, центр которой занимал овальный стол, охраняемый полдюжины стульев с высокими резными спинками.

— В этом году справляли золотую свадьбу. Терплю этого бандита всю жизнь. — Голос женщины звучал тепло. — Он прличный, а по сегодняшним меркам — порядочнейший человек.

Сыщики переглянулись, поняли, женщине необходимо выговориться, стало быть, придется терпеть, если рассчитываешь что-то узнать.

Мария Ивановна выставила на стол сервиз из прекрасного фарфора, прокомментировав:

— Михаил в Германии украл.

Генерал сменил китель на домашнюю куртку и беззлобно ответил:

— Каждую чашку кровью обмыл, Машенька, причем своей лично, народной не прикрываюсь.

— Молчи, старый.— Супруги пикровались, ласково поглядывая друг на друга.

Хозяйка разлила жидкокватый чай, указала на вазочку с сушками, неожиданно звонко рассмеялась.

— Конечно, мы в жизни за разными столами сиживали, но такой натюрморт наблюдали частенько. Так вас, молодые люди, интересует наш сосед — Григорий Байков.

— Мария Ивановна, простите ради Бога, я понимаю, вы женщина благородная, но... — С этими словами Гуров извлек из кейса бутылку виски и коробку шоколадных конфет.

Генерал встрепенулся, а хозяйка свела красиво очерченные брови, вздохнула и поставила на стол хрустальные фужеры.

Крячко молча разлил виски, распечатал конфеты, а Гуров, глядя в основном на женщину, заворковал:

— Мы с вашим соседом в одной фирме служим. Утром у нас несчастье произошло, мы договорились после семи вечера созвониться и встретиться. Звоним, а он трубку не берет, вот и подъехали узнать. Так что же с ним случилось? Часов в пять он был у меня в кабинете и вполне здоровенький.

Генерал насмешливо смотрел из-под кустистых бровей, явно не веря ни одному слову. Хозяйка тонкими пальцами поправила прическу, нерешительно ответила:

— Точно не могу сказать. Григорий, когда его санитары вынесли, вялый был. Мне объяснили, что ему сделали обезболивающий укол. Якобы Гриша на нашей лестнице оступился, какой-то нерв в спине повредил, до квартиры еле дополз и вызвал «скорую».

— А вам не позвонил?

— Я тоже удивляюсь. Чуть что — он ко мне: «Мария Ивановна, Мария Ивановна». То с дочкой посидеть, то еще что.

Генерал выпил. Тряхнул сединами.

— Вы прямо дети малые. Взяли Григория! У вас извечно, — он глянул на Гурова, — не то что руки, пальцы друг с дружкой во вражде живут. Вон рядом, в Градскую его повезли, отделение неврологии, пойдите разыщите. — Генерал вновь налил и быстро выпил, боялся, что жена остановит. — Григорий только дверью стукнулся, а они уже здесь. Известно, вколошли, уложили, к носилкам привязали, чтобы не выпал.

— Простите, дочеке его вроде пять лет, — сказал Гуров. — Где она?

— Даша? Около шести, она из сада сама вернулась, заглянула к нам, сказала, что идет к бабушке. Она живет неподалеку.

— Девочка часто ходит к бабушке? — спросил молчавший до этого Крячко.

— Нет, как та замуж выскочила, Даша к ней перестала ходить.

На улице Гуров закурил:

— Давай сразу какие имеются концы подберем. Ты к матери Байкова, ничему не верь, пока не увидишь внучку своими глазами. Пять лет, с ней и поговорить можно. А я в больницу, попробую отыскать героя. Хотя там, конечно, в такое время сам черт ногу сломит...

— Не пыхти. Если его взяла «скорая», то в приемном отделении тебе все сообщат.

— Ты как всегда прав.— Гуров открыл дверцу «Жигулей».— Адрес матери знаешь?

— Учи меня, учи.— Крячко сел в «мерседес».— Встречаемся через тридцать минут на той стороне.

— Нет, встречаемся у меня на квартире. Кто первый прибудет, тот готовит ужин.— Гуров сел в машину и через несколько минут въехал в комплекс Первой Градской больницы.

К удивлению сыщика, найти Григория Байкова не составило труда. В приемном отделении тут же сказали, что такой больной поступил сегодня в 18 часов 47 минут, направлен в отделение неврологии, и даже вежливо объяснили, где данное отделение найти.

В отделении никого, кроме больных, куривших на лестничной площадке, не было. Гуров заглянул в одну палату, в другую и наконец наткнулся на сонную, смертельно усталую медсестру. Она сидела за столиком и грела ладони на стоявшем перед ней чайнике.

— Около девятнадцати?.. Байков?.. Чернявый? Якобы обострение радикулита? Ущемление у него? Совесть ему ущемили.— Сестра говорила без злости и вообще без эмоций.— Заведующий вокруг него танец с саблями исполнял, велел отдельную палату выделить. А мне действительно тяжелую больную пришлось в общую переводить. Миллионники чертобы.

— Капризен, слов нет,— льстиво согласился Гуров.— Где его найти?

— Вторая справа.— Сестра отвернулась и прижалась щекой к чайнику.— Знобит...

Гуров тихонечко вошел в указанную палату. В темноте разглядел белую кровать и зажег свет. В палате стояли телевизор, телефон, воздух чистый, не больничный. Из-под одеяла торчала смоляная шевелюра Байкова. Он спал, свернувшись калачиком, и покропывал. Гуров осторожно приподнял одеяло, без сомнения, в кровати находился юрист фирмы «Сток» Григорий Байков.

Гуров облегченно вздохнул, вернулся к двери, где его поджидала медсестра, которая не могла расстаться с чайником.

— С больным можно поговорить? — спросил Гуров.

Медсестра фыркнула.

— Первый пластырь, растирка, шерстяной платок и, если совсем бездельник, день может повалиться дома. Хулиганье!

— По-вашему, он симулянт? — спросил Гуров.

— Ну, дернуло его слегка! — Сестра выпроводила Гурова из палаты, закрыла дверь.— Знакомства, деньги, и, пожалуйста,— отдельная палата! Это при нашем-то положении! Сегодня за зеленые можно койку на Луне получить.

— Не понимаю.— Гуров пожал плечами.— Пусть и отдельная, но ведь палата! Хоть потолок в алмазах, так ведь больничный потолочек-то! Сестра, давайте я с ним переговорю, он вмиг вам место освободит.

— Поезд уже ушел, господин хороший. Я по приказу заведующего ему такую дозу снотворного вкатила, что теперь до утра.

— До утра, так до утра,— согласился Гуров и взглянул на сестру милицейским взором, после которого у сыщика никто удостоверения не спрашивал.— Мне во сколько подъехать? Хочу сам зашнуровать его ботинки.

— Понятно.— Сестра повеселела.— Приезжайте к девяти, я его шмотки припрячу, отдаю только при вас.

— Вот и ладушки, сестренка, люблю красивых и сообразительных. Значит, до завтра.

В своей квартире Гуров оказался раньше Крячко и стал готовить ужин. Настроение было не ахти. Разговор с медсестрой сначала вдохновил, появились кое-какие мысли. Но по дороге сыщик почувствовал, что его «ведут». Проверяться не хотелось, конечно, «ведущие» знали, где он живет, могли его поджидать у дома.

Закипел чайник, поджарилась колбаса. Гуров готовил традиционную яичницу, когда приехал Крячко. Он подхватил со сковородки кусок колбасы, обжигаясь, начал есть и, лишь проглотив, сказал:

— Девочка жива-здорова, находится у бабушки. Интересного мало, но кое-что настораживает.

Гуров кивнул, налил в стакан водку, молча выпил. Затем рассказал о результатах своей работы.

— Твоя очередь, Станислав.

— Дарья пришла к бабушке около восемнадцати часов без приглашения. Бабушка — Зинаида Борисовна Ганевская, фамилия нового мужа, лет пятидесяти, хочет выглядеть на тридцать, красива, эгоистична, умна. Живет в двухкомнатной квартире мужа, от прихода внучки, мягко говоря, не в восторге, но изображает радушие.

Хозяйка угостила меня отвратительным кофе, повторяя, что амурные дела и миллионы сына ее совершенно не интересуют. Чистейшая ложь, даже прикрыть нечем. Около шести ей позвонил Байков, попросил приютить дочь на несколько дней, так как он уезжает в командировку. Уверен, он обещал мамаше заплатить по-царски. Все.

— Продолжай.— Гуров глянул усмешливо.— Давно не работал с профессионалом. Орлов, конечно, высший класс, но у него, кроме меня, дел невпроворот. Ну, ничего, скоро будем в одной лодке, мы его загрузим, не посмотрим, что генерал.

— На Орлова залезать, что на крутою ледянную горку. Долго карабкаешься вверх и очень быстро летишь вниз.— Крячко встал, поставил на плиту чайник.— Что я думаю? Да то же, что и ты. Байков запутался в криминале, решил пойти в сознанку и пригласил тебя на встречу. Старшие товарищи об этом признали и мгновенно среагировали. «Парень,— сказали ему,— сиди тихо, не шали, иначе мы тебе сделаем бо-бо».

— А как узнали? — поинтересовался Гуров.— Ну, хорошо, фирма прослушивалась. Но, убежден, Байков по телефону неосторожных разговоров не вел и ни с кем из сотрудников не советовался. Все произошло очень быстро, ловко...

— Мы не знаем, каков криминал, даже его характер,— пере-

бил Крячко.— Можно предположить, что он связан с партией товаров, полученных из Вьетнама, которые проверял покойный бухгалтер. Завтра ты поможешь зашнуровать ботинки юристу Байкову, но он тебе ничего не скажет.

— Это вряд ли,— протянул Гуров, явно думая о своем.— Если не захочет говорить, мы ему поможем.

— Чудится мне, что бухгалтера убили не за бухгалтерские дела,— сказал Крячко.— Главное, мы не знаем, что конкретно ищем.

— Надо каким-то образом перехватить инициативу,— согласился Гуров.— Как? Понятия не имею. На складе мы ничего не найдем. Ты прав, Байкова напугали так, что он рта не раскроет. Киллера, убившего главбуха, думаю, уже нет в живых, и на заказчика нам не выйти.

— Тогда надо выявить их людей в офисе и сыграть с ними втемную,— предложил Крячко.— Ты психолог, вот и выявляй, а я лишь скорохвата.

— Самоунижение хуже любой гордыни...

Крячко снял телефонную трубку, позвонил домой.

— Добрый вечер, дорогая. Где я? На презентации у твоего давнишнего друга Льва Ивановича Гурова. Когда? Минуточку.— Прикрыл трубку, поинтересовался у Гурова: — Благоверная спрашивает, когда ты меня отпустишь?

— Давно бы ехал, и чего пристал, не понимаю,— ответил Гуров.— Пользы от тебя...

— Оскорбляешь? Хлебом не корми, дай пнуть подчиненного. Дорогая, выезжаю.

Крячко только положил трубку, как телефон зазвонил.

— Слушаю. Он самый. Где? Из какого оружия? Поздравляю, майор, значит, убийство ты раскрыл в кратчайшие сроки. Спасибо, что позвонил.

Крячко взял со стола бутылку, плеснул в стакан:

— У Ленинградского рынка нашли труп, застрелен из того же автомата...

Гуров равнодушно кивнул, закурил.

— До завтра. Утром еду в клинику, помогу больному зашнуровать ботинки.

Байков подошел к машине Гурова так аккуратно, словно нес на голове сосуд с водой. Сыщик оценил артистические способности юриста, но из машины не вышел, сесть не помог, на стоны Байкова и сложные маневры усаживания попросту не обратил внимания.

Наконец Байков уселся, вытер лицо платком:

— А вы совершенно равнодушны к чужим страданиям?

— Отчего же, Григорий, я вам искренне сочувствую.— Гуров взглянул на орлиный профиль юриста и мягко тронул машину. Они влились в поток машин и двинулись к центру.

— Я хочу домой, у меня больничный.— Байков пытался говорить уверенно.

— Заскочим на фирму, если в течение часа вы не разойдетесь, отвезу вас домой.

— Вот попал, так попал,— завздыхал Байков.— Вы человек посторонний, казалось бы, на такую щепетильную тему следует говорить с друзьями...— Он замолчал, ожидая, что Гуров ему поможет откровенничать.

Сыщик лишь понимающе кивнул, любопытства не проявил.

— Видите ли, Лев Иванович, сугубо между нами, я не алкоголик, но запойный, и уже три дня пью, а тут еще радикулит схватил, вот и решил упрятаться в больницу, привести себя в порядок. Мне пить совсем нельзя: бессонница, провалы в памяти. К примеру, помню, что вчера Ивана Сидоровича убили, как вышли — помню, а дальше — словно черная дыра...

Гуров повернулся к Байкову, изобразил максимум понимания:

— Конечно, если русский, значит, обязательно запойный.— И закончил фразой, которую юрист понял несколько позже: — Очень бездарно, Григорий.

Появление Гурова и Байкова в офисе вызвало небольшой переполох. Секретарь Юдина, элегантная красавица Елена, даже вышла из-за стола, провела холеной ладонью по небритой щеке Байкова, прошептала:

— Бедненький.— На Гурова взглянула строго: — Вы, Лев Иванович, просто монстр. Зачем же больного человека?..— Она не договорила, махнула ручкой.— У шефа переговоры закончатся, доложу.— И вернулась на свой трон.

В кабинете, как учил его криминалист, Гуров опустил жалози, кивнул на кресло.

— Кончайте валять дурака и располагайтесь. Вчера лучшие специалисты провели здесь санитарную уборку, нас никто не слышит.

Он достал бутылку коньяка, плеснул в стакан, протянул гостю.

— Как-нибудь на досуге я прочту вам короткую лекцию, как изображать запойного. Радикулит у вас с грехом пополам получается, а вот запой...

— Не понимаю...

— Охолонись, Гриша, выпей, сними напряжение. Ты парень не глупый, правда, и нешибко умный, уговаривать я тебя не собираюсь, скажу несколько слов, сам решишь, как тебе жить дальше. Только учти, очень скоро ты в этом же кабинете будешь плакать и просить о помощи. Не хочешь — не откровенничай, но ответь только на один вопрос: ты уже под статьей или тебя используют втемную и на сегодня ты пока неподсуден?

Байков выпил коньяк, легко поднялся, налил себе вторую порцию. Гуров достал из стола электробритву:

— Приведи себя в порядок.

Пока Байков брился, Гуров позвонил в машину Крячко, спросил:

— Что у тебя?

— Ну по старой памяти дали мне две машины, так что я сам — третий.

— На какой срок?

— Пять суток.

— Как минимум двое суток вас ждет перекур с дремотой.

— Спасибо. Ждать и догонять — самое милое дело. Больной у тебя? Молчит, конечно.

— Он бреется. Звони.— Гуров положил трубку, повернулся к Байкову: — Я подумал и понял, что ты, Гриша, черту пока не преступил. Вчера узнал об убийстве главбуха и решил мне открыться, но тебе тут же позвонили и сказали, что не следует изображать героя, дочь у тебя одна...

Байков так побледнел, что Гуров испугался, как бы парень не грохнулся на пол, и налил ему еще коньяка.

— Давай прокачаем ситуацию. Как я понимаю, она проста, как попка младенца. Года два назад ты отказался визировать какой-то контракт и начал объяснять шефу, что тот собирается совершить глупость. Тогда к тебе обратился Мефистофель, протянул доллар и предложил заткнуться. Шеф колебался. Криминала в контракте не было, доллар был длинный, и ты решил чисто по-советски, мол, что мне больше всех нужно? Ты подписал, получил свой доллар, и мышеловка захлопнулась. Криминала в той истории ты не видел, возможно, не видишь и сегодня, но, когда вчера застрелили главбуха, понял, что стоишь на краю. Идти к шефу, признаться, что получаешь деньги не только у него, постыдился и решил обратиться ко мне. Теперь я тебе расскажу, как ситуация ляжет дальше. Твою пятилетнюю Дарью мы какое-то время убережем, но надолго ли?

— Я могу забрать Дарью и скрыться.

— А какая гарантия, что ты издалека не черкнешь в Россию несколько лишних слов? Никакой.

— Да не знаю я ничего! Клянусь жизнью Даши!

— Верю, у тебя в руке фонарик с очень узким лучом, но, если ты его направишь в нужное место, я узнаю, за что убили главбуха и в каком месте зарыта собака.

— Меня тогда убьют мгновенно, а Дашу за компанию.

— А давай мы Дашу спрячем! Это сделаю я, причем сегодня.

— Надо подумать, Лев Иванович.

— Согласен.— Гуров взглянул на часы.— На раздумье выделяю один час. Уйма времени.— Гуров начал варить кофе.

— Час, так час,— прошелестел пересохшими губами Байков.— А здесь, в уголке, не помешаю?

— Какой разговор? — Чувствуя близкую победу, Гуров повеселел.— Ежели требуется, выпей еще немного.

Байков не успел поблагодарить, как в кабинет быстро вошел Юдин.

— Как болиций? Оклемывается? Как успехи у службы безопасности?

Гуров взял его под руку так крепко, что шеф поморщился.

— Борис Андреевич, не мешай парню, он думает, а мы с тобой пока пошепчемся.

Юдин освободил затекшую руку, недовольно сказал:

— Ты на преступниках свою хватку демонстрируй.— И уже шепотом спросил: — Убийцу нашли?

— Обязательно.— Гуров зашел за холодильник, поманил Юдина.— Еще вчера обнаружили, естественно, мертвого.

— Вот черт! Значит, на заказчика ты не выйдешь.

- Через наемника никогда не выйдешь на заказчика, Борис.
- Так что ты думаешь, мысли есть?
- Как у сучки блох. Только мне не мысли нужны, а факты.— Гуров покосился на Байкова.
- Гриша знает и скрывает? Да я ему, сопляку...
- Один вопрос на засыпку, шеф,— мягко, но решительно перебил Гуров.— Скажи, пожалуйста, каким образом под крышей твоей фирмы может устроиться наркобизнес? Тихо-тихо, Борис, тут я главный. Вот ему,— сынок кивнул на Байкова,— я дал час, а тебе, как другу, даю два. Думай.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Киднеппинг

Крячко сумел получить в свое распоряжение две группы наружного наблюдения, одну замыгтанную «шестерку» и такси с погасшим навсегда зеленым огоньком. Если ехать из центра, то дом, в котором жила мать Байкова, располагался на правой стороне, в квартале от комплекса Первой Градской больницы. Крячко поставил свой «мерседес» возле дома, «Жигули» наружки встали чуть впереди, а «Волгу» сынок приказал припарковать на другой стороне. Старший наружки удивился, мол, зачем это нужно, если девочку захватят, то машина может начать движение только направо, в сторону кольцевой, и «Волга», пока развернется, окажется отрезанной плотным потоком машин.

— Ты прав, майор,— согласился Крячко,— в том случае, если они начнут соблюдать правила. Но коли они наплюют на правила? Встань, где сказано, и жди.

Через несколько минут какой-то пьяный мужик с авоськой, в которой болталась початая бутылка, перебежал шоссе в неподожженном месте. Увернувшись от взвизгнувшей тормозами машины, он свалился под колеса стоявшей у тротуара «Волги» с наружкой. Затем, подняв над головой драгоценную ношу, выбрался на тротуар. Майор сказал:

— Сеня, пройдись за ним, проверь документы.

Оперативник выскочил из машины и пошел за неуверенно шагающим ханыгой. У ближайшей подворотни толкнул его и строго сказал:

— Гражданин, почему нарушаете правила, создаете аварийную обстановку?

— Чего? — Гражданин дыхнул перегаром, вытаращил опухшие глаза и залебезил: — Начальник, виноват...

— Документы,— потребовал оперативник.

— Какие документы? Вот мой дом, третий этаж, восьмые апартаменты, а я — Коська Ветрин, меня тут каждый знает.

— Коська! — Из подъезда вышел потрепанный мужичонка.— Чего лясы точишь, принес?

— Во! — Коська поднял авоську и тут же спрятал за спину.— Кажись, арестованный я...

— Ты в любой каземат готов, лишь бы не поделиться...

Оперативник слушать не стал, вернулся в машину и доложил:

— Нормально, свои люди.

Через широкий проспект, забитый несущимися машинами, Крячко видеть происшедшее около «Волги» не мог. И вообще сыщик сидел расслабленно, черного хода в доме не было, нужный подъезд под носом, ждать, судя по всему, придется не одни сутки.

Подкатила «неотложка», двое парней в белых халатах, но без носилок и чемоданчика, выскочили из «рафика» и уверенно вошли в подъезд.

Крячко встрепенулся, понял, что началось, связался с коллегами, продиктовав марку и номер «неотложки», напомнил порядок действий.

— Пылишь, Станислав, так быстро не бывает,— ответил майор.

— Заткнись, готовность один.

Крячко повернул ключ зажигания, мотор мягко заурчал. Подумал, что майор прав, так быстро за девочкой приехать не могли, и тут же увидел Дашу. Девочка выскочила из подъезда, что-то весело рассказывая «санитарам», и первой забралась в «рафик».

Крячко переложил пистолет в боковой карман куртки. Когда брат? Если сейчас девочку освободим, то ничего не докажем. Он решил следовать за похитителями до места назначения — квартиры или дачи.

«Рафик» мигнул левым подфарником, готовясь влиться в поток, затем неожиданно включил свои сирены, выехал на встречную полосу и двинулся к Садовому кольцу.

Все. Крячко «рафик» потерял.

— Майор,— закричал он по радио,— вцепись ему в хвост, ведь мертво, сообщай о маршруте. Разрешаю раскрыться, только не отпустить. Перестреляй им все баллоны к чертовой матери!

Двигаясь к развороту, Крячко соединился с «Волгой», спросил:

— Ведешь? Куда следуете?

В ответ услышал такой мат, что больше спрашивать ничего не стал, позвонил Гурову:

— Они забрали девочку и ушли.

— Спасибо.— Гуров взглянул на Байкова: — Не тяни, Григорий...

Байков не успел ответить, вновь зазвонил телефон. Гуров догадывался, кто звонит, трубку брать не хотелось, но выхода не было.

— Слушаю.

— И внимательно, Лев Иванович,— произнес спокойный мужской голос.— Ты, конечно, уже знаешь, девочка у нас, потому передай трубку отцу.

— Вы понимаете, что если с ребенком...

— Мы коммерсанты, а не людоеды. Веди себя разумно, все будет о'кей! Давай сюда папу, я ему шепну пару слов, потом мы с тобой начнем договариваться.

Байков уже рвал у Гурова трубку, завладев, закричал:

— Я ничего не знаю, отдайте девочку!

— Молодец! Очаровательная девочка, и нам она совершенно

ни к чему. Совершаем обмен: ты — к нам, Даша — к бабушке, и забудем эту неприятную историю как страшный сон.

Гуров слушал разговор по отводной трубке.

— Согласен! Согласен! — повторял Байков. — Когда, где?

— Для меня жизнь человека дороже всех твоих миллионов, — сказал Гуров. — Подумай, как совершить обмен, я тоже пораскину мозгами, позвони после восемнадцати, а сейчас дай трубку девочке.

— Лев Иванович, я говорю из автомата.

— Тогда пусть в течение часа Даша сюда позвонит.

— Договорились. — Неизвестный положил трубку.

Опережая истерику Байкова, Гуров шарахнул кулаком по столу и закричал:

— Молчать! Кто во всем виноват? Кто продал своего шефа, за что убили невиновного человека? — Он схватил юриста за лацканы пиджака. — Девочку они не тронут, она им действительно ни к чему, а тебя требуют с одной-единственной целью... Понятно, с какой?

— Ну и пусть! Пусть убивают. Я оставлю дочке все деньги, матерь ее воспитает! — У Байкова начиналась истерика. Гурову пришлоось отвесить ему такую пощечину, чуть голову не отшиб.

Из-за холодильника за ними наблюдал Юдин:

— Лев Иванович, пусть его убьют другие, ты рук не пачкай.

— Не учи, лучше налей человеку стакан. Хоть будет пьяный, но с мозгами.

В кабинет вошел Крячко. Вид у него был печальный.

— Я не оправдываюсь, — заявил он с порога. — Но должен сказать тебе, дорогой Лев Иванович, наше время прошло. Мы воюем с организацией, а даже твой любимый Акелла не мог в одиночку биться против стаи.

Гуров всегда считал, что даже самый хитрый ход противника можно и должно предвидеть. Он знал опыт и возможности Крячко и не сомневался, что оперативник нигде не ошибся. Но дело провалено, значит, ошибку допустил он, Гуров.

Гуров взял Крячко под руку, вывел на улицу. Станислав подробно рассказал о произошедшем. Оказалось, «алкаш», свалившийся у «Волги» группы наружного наблюдения, вложил под оба передних колеса металлические шипы, и когда машина тронулась...

— Теперь просчитай, Лев Иванович, сколько человек и какой квалификации против нас задействовано, — продолжал Крячко. — Не успели мне выделить две группы, как номера машин стали известны. С какой поразительной скоростью они действовали. Угнали «неотложку»...

— Могла давно стоять в гараже, — перебил Гуров. — Проверь.

— Мы нашли ее брошенной в переулке у Октябрьской площади. Ясно, там их ждала другая машина. Найти нас на Ленинском проспекте, зная номера машин, дело пустое. Но «алкаши»?! Небритость, одежда, запах, уверенная легенда, сам знаешь, на подготовку требуется время. И почему они так спешили?

— Тут моя вина, — ответил Гуров. — Я дал Байкову на размышления час, они узнали, потому и успели. Как узнали? Я не

верю, чтобы вчера наши ребята чего-нибудь проворонили, у них же тоже современная техника. Я опустил жалюзи, и через окна нас достать не могли.

— Один черт знает, что сегодня технически возможно, а что нет.

— Под каким предлогом девочку взяли из дома?

— Отец попросил привезти дочку в больницу. Соскучился.

— Простенько.

— Зато с большим вкусом,— усмехнулся Крячко и внезапно с силой толкнул Гурова к стене дома.

По переулку на бешеной скорости пронесся «форд», задев колесом тротуар, скрылся за углом.

Оперативники взглянули друг на друга и рассмеялись.

— Лев Иванович, на кой хрен нам все это нужно?

Гуров провел ладонями по лицу, нервно зевнул.

— В этой организации крутятся огромные деньги. А кто у нас самый богатый, серьезный и организованный? Наркобизнес. Значит, мы с тобой служим в одном из отделений наркобизнеса.

— Но тогда нам мало платят.

— Верно, надо сказать Борису,— усмехнулся Гуров.— Пошли, тебе полагается чашка кофе, а мне, как признанному алкашу, рюмочка. Признаюсь, Станислав, у меня есть идея...

— А у меня жена и сын,— сердито ответил Крячко.

Когда они проходили мимо приемной Юдина, секретарь громко сказала:

— Лев Иванович, шеф просил зайти.

— Спасибо, красавица, а где наш больной?

— В вашем кабинете.

— Прекрасно.— Гуров взглянул на Крячко.— Вари кофе, я сейчас.— Он присел рядом со столом Елены Добродеевой, мило улыбнувшись, взял ее блокнот, достал авторучку и начал писать, оправдываясь: — Простите за ради Бога, но памяти никакой, а уж при виде вас вообще теряю голову.— Он не дописал страницу, перевернул, начал строчить на новой, затем вырвал два исписанных и несколько чистых листков, блокнот положил на место, листки в карман.

— Странный вы человек, Лев Иванович.— Секретарь смотрела серьезно. Ее полные губы приоткрылись, обнажая прекрасные зубы, словно из рекламного ролика.— Вы по профессии сыщик, хоть заметили, что я — женщина?

— Обязательно! — радостно ответил Гуров.— Признаюсь, я и предложение Бориса Андреевича принял, чтобы видеть вас ежедневно.

— Считаете меня дурой? Если мне удастся вас увлечь, я выну из вас душу!

— Верю на сто процентов.— Гуров поднялся.

— Пригласите меня на ужин.

— Когда я буду принадлежать себе, то лягу у ваших ног,— серьезно ответил Гуров.

— Дайте слово.

— Честное слово.— Гуров посмотрел женщине в глаза.

— Где ты пропадаешь? — недовольно пробурчал Юдин. Увидев, как Гуров приложил палец к губам, замолчал.

— Обсуждали со Станиславом наше положение, признали его незавидным.— Гуров положил перед Юдина один из исписанных листков, пока шеф читал, сыщик продолжил: — Не томите, Байков признался?

— Черта с два! — рявкнул Юдин.— Якобы он ничего не знает, ни с кем не связан, кто и с какой целью похитил его дочь, понятия не имеет! А то немногое, о чем догадывается, не скажет, так как дочка ему дороже всех коммерческих сделок в мире.

Гуров забрал свой листочек у Юдина, прикурил, листочек сжег в пепельнице.

— Баба с возу. Если б он признался, я должен его защищать. А так... Пусть молчит, скорее убьют. И мне не грустно. Обменяю его на девочку, а за жизнь предателя и лгунна не в ответе.

— Мне его уволить? — поинтересовался Юдин.

— Хозяин — барин. Верить ему нельзя — точно. Если надо закончить какую-то срочную работу, пусть заканчивает. Хотя лично я думаю, он не жильтц.— Гуров наклонился над столом и написал: «Рассказал?» — Юдин в ответ кивнул.

— Ладно, Борис, пойду скажу этому придурку пару ласковых и буду ждать звонка, договариваться об обмене.

В кабинете Крячко и Байков пили кофе. Гуров протянул юристу записку, которую написал в приемной, и зло заговорил:

— Значит, не знаешь, не ведаешь, не понимаешь? — Он достал коньяк, хлебнул из горлышка.— Я двадцать с лишним лет слышу такие глупости. Кто их говорит? Битые-перебитые преступники, а ведь чистосердечное признание облегчает душу и укорачивает срок. Я не верю, что ты ничего не знаешь. И на той стороне не поверят, что матерый волк Гуров не сумел расколоть такого сопливого фраера. Григорий, ты в любом случае не жильтц, так отомсти за себя, подбрось хоть ниточку, чтобы я мог уцепиться.

Гуров говорил так зло и убедительно, что у Байкова начали дрожать руки. Он со страхом смотрел на Гурова, записку перечитывал, шевеля губами, словно малограммовый, наконец собрался с силами и прошептал:

— Выручите Дашу, я ничего не знаю.

— Что ты бормочешь? Вот господа хорошие позвонят, ты сам с ними и договаривайся.

— У сотрудника фирмы похитили ребенка! — завизжал Байков.

— Станислав, у тебя валерьянка имеется?

— Валидол.— Крячко полез в карман.

— Дай ему, а то помрет, и нам девчонку не отдадут. Она им и не нужна, а не отдадут для перестраховки, начнут меня шантажировать. Дескать, чтобы ты особо не дергался, мы невинное дитя у себя подержим. Понятно излагаю?

Крячко дал Байкову таблетку, взглянул на друга с неприязнью, осуждающе покачал головой.

— Прекрати, видишь, человек... — Крячко закашлялся.— Действительно добьешь и карты лягут, как предсказываешь.

— Ты еще слюни распустил.— Голос Гурова стал мягче.— Пошли вы все... чистоплюи. Лучше выпью.— Он начал звенеть посудой, лицо сыщика блестело от пота, под глазами залегла чернь.

Юрий Петрович Еланчук прослужил свыше двадцати лет в КГБ. Трудился и за рубежом, и на родных землях, во время реорганизаций его передвигали с места на место, пока не уволили на пенсию. Он был среднего роста, тонок в кости, имел изящные черты лица, карие глаза, обрамленные длинными ресницами. Он не курил, не пил, разговаривал всегда тихо на правильном русском языке, всегда имел свою собственную точку зрения, которую никому не навязывал, но и не скрывал. Приходилось лишь удивляться, каким образом такому человеку удалось продержаться столь долго в жесткой структуре, где ценятся качества диаметрально противоположные тем, коими обладал Юрий Петрович. Его можно было принять за артиста, художника, преподавателя изящных искусств, только не за гебешника. Еланчук и одевался соответственно, хотя и со вкусом, но достаточно экстравагантно: замшевые, вельветовые, бархатные пиджаки, вместо галстука повязывал платки, был всегда элегантен, ухожен, благоухал дорогим одеколоном, ко всему прочему делал маникюр. Можно такого держать в учреждении, основанном Железным Феликсом? Пусть умница, блестящий агентурист, на трех языках говорит в совершенстве, что с того? Не свой он, за версту видно. Терпели, сколько могли, чуткие кадровики раз пять выставляли его за штат, но всегда находился сумасброд генерал, который начинал бубнить про талант, индивидуальность, честность и прочую ерунду.

Два года назад такого генерала на месте не оказалось и полковник Еланчук очутился за тяжелыми дверями без удостоверения и с выходным пособием в кармане. Из-за скитальной жизни он поздно женился, и к моменту увольнения его очаровательным девочкам-двойняшкам исполнилось лишь восемь лет. Жена Еланчука преподавала английский язык в школе, зарплата — без слез не взглянешь. Пенсия, которую ему назначили, вначале казалась солидной, но худела с такой быстротой, что через полгода превратилась в дистрофика. В связи с особенностями своей натуры Еланчук влиятельных друзей в коммерческих структурах не имел, бывшие коллеги его не любили, в общем, помочь ему ждать было неоткуда. Вскоре вопрос, как поддерживать жизнь семьи на приличном уровне, встал достаточно остро. Тут и состоялась «случайная» встреча отставного полковника с человеком неизвестной национальности. Тот назвал себя Отари, предложил поужинать и обсудить некоторые вопросы, которые, возможно, покажутся господину Еланчуку интересными. Господин Еланчук согласился. В ресторане, чтобы не казаться совсем диким, выпил бокал сухого вина, поддерживая беседу о политической и экономической неразберихе, выяснил, что Отари знает о нем, бывшем полковнике КГБ, довольно много, и с любопытством ждал развязки. «Что вербуют, понятно,— рассуждал он,— но не свои и не зарубежные службы, так по-

спешно и топорно ни одна спецслужба работать не станет».

Когда Отари, изрядно выпив, начал нести уже полную чепуху, Еланчук не выдержал:

— Кого вы представляете и что вам конкретно от меня нужно?

— Я представляю деньги. Нам нужны ваш опыт и знания. Платим мы хорошо.— И выложил на стол плотный конверт.— Наша визитная карточка, примите, решайте.

Еланчук давно заметил двух мужчин, сидевших за соседним столиком, и перехватил взгляд, которым они обменялись с Отари. «При таком шуме записать наш разговор не смогут»,— решил отставник, накрывая тарелкой «визитку» Отари. Затем изящно наклонился через стол, вынул из внутреннего кармана «вербовщика» портативный магнитофон, небрежно опустил в свой карман.

— Я не коллекционирую визитные карточки незнакомых людей.— Он отодвинул тарелку.— Признаться, вы меня разочаровали. Дайте ваш телефон, возможно, позвоню.

— Вы только взгляните.— Отари растерялся и вмиг протрезвел.— Возьмите. Если откажетесь, мы без претензий.

— Телефон.— Еланчук поднялся.

— Пожалуйста... Записывайте.

— Ну? — В голосе Еланчука звучало раздражение.

Отари продиктовал телефон, бывший контрразведчик кивнул и направился к выходу. У столика, за которым сидели сотоварии «вербовщика», Еланчук замедлил шаг, взял лежавшую на белоснежной скатерти зажигалку-фотоаппарат и молча вышел из ресторана.

— Да никогда в жизни! — сказал он вслух, садясь в машину.

...Через несколько месяцев Юрий Петрович Еланчук работал в маленькой коммерческой фирме. Получал он ежемесячно больше, чем президент и спикер, вместе взятые, и разрабатывал операции для людей, которые занимались наркобизнесом.

Еланчук сидел за простым канцелярским столом в своем скромном кабинете. Дважды прослушав разговор Гурова с Байковым, выключил магнитофон, сцепил пальцы на затылке, недовольно взглянул на потолок, затем перевел взгляд на сидевшего напротив Отари.

— Запомни, что я скажу, и передай Валентино. Дело следует закрыть и тихо уйти в сторону. Зачем связываться с гроссмейстером? Вам нужны деньги, или слава Каспарова покоя не дает? От данного канала следует отказаться.

— Юрий Петрович, а вы знаете, сколько вложили в осуществление вашей идеи? — спросил Отари. Он ненавидел бывшего гебешника и очень боялся, так как за минувший год дважды на собственной шкуре испытал, какую огромную власть приобрел этот франтоватый и внешне крайне несерьезный мужчина.— Мы потеряем не один миллион долларов.

— Меня это не касается, впрочем, как и тебя,— небрежно заметил Еланчук.— Главное, лучше потерять клок шерсти, чем ввязаться в драку с непредсказуемым финалом. Я предупредил

Валентино, чтобы сворачивался. Вы убили бухгалтера, похитили девочку. В самом загаженном туалете не кладут на пол, старайтесь попасть в толчок. Слыши, — он постучал пальцем по магнитофону, — вы довели сыщика до бешенства... Я не работал с ним, но знаю о полковнике предостаточно. Такой противник мне, а уж вам и подавно, не нужен.

— Но вы же слышали, Юрий Петрович, этот педераст не раскололся, и ваш полковник отказался от него.— Отари перевел дух, спорить с разработчиком опасно, но идти к шефу — тоже не дай Бог.— Может, вы сами переговорите с Валентино?

— Я советник. Вот и передай мой настоятельный совет. Изымите товар, верните девчонку и забудьте о фирме «Стоик».

— Они ничего не знают, а юриста мы ликвидируем.— Отари все еще пытался переубедить бывшего гебешника.— Ваш гениальный мент убрал прослушивание, но мы их слушаем и пишем.

Еланчук привычно улыбался, хотя еле сдерживался, чтобы не сорваться. Он поднялся из-за стола, легко прошелся по небольшому кабинету, сетя на судьбу, которая постоянно подбрасывала ему недоумков. Теоретически связной был прав, а практически Еланчук чувствовал, что в данный момент разумнее отступить. Как любой опытный игрок, он знал: если в партии с очень сильным противником тебе нравится твоя позиция, то не верь глазам своим. И записанный на плёнку разговор убогого Отари привел в восторг, а его, опытного агентуриста, насторожил. Он не мог обнаружить причину беспокойства, но, как животное чувствует опасность, ощущал: что-то в услышанном разговоре не так. Гуров не знал, что его слышат и пишут. А если не знал, но допускал такую возможность? Разыграл спектакль — зачем, с какой целью? Неожиданно он понял...

Еланчук выругался, что было ему не свойственно. Какую задачу мент считает первостепенной, наиважнейшей? Ясно, освободить девочку. Но, судя по тому, что рассказывают о сыщике, он не пойдет на обмен жизни ребенка на жизнь отца. Значит, полковник считает возможным выручить дочь и сохранить жизнь отца. Каким образом? В момент обмена провести задержание? Он опытен, понимает, противник слишком серьезен. Значит, он что-то придумал. А мне какое дело? Еланчук подошел к окну и начал пальцем выводить на пыльном стекле замысловатые узоры. Ну, заполучит Гуров девочку, снимет с моей души грех, сохранит жизнь двурушника и, конечно, мгновенно расколет его, узнает, что через «Стоик» гнали в Европу наркотик. Скорее всего об этом он уже догадался. Пусть Валентино решает свои финансовые проблемы, я его предупредил, а дальше хоть трава не расти.

— Мое последнее слово.— Еланчук повернулся, присел на подоконник.— Товар изъять или законсервировать, девочку отдать. Как вы решите с юристом — меня не касается.

— Доложу. Валентино никогда с вами не согласится.— Отари направился к двери.

Официально он числился директором небольшого СП, аккуратно платил налоги и не привлекал к себе внимания. Обладая

многомиллионным состоянием, жил в хорошей, но не шикарной квартире, имел две иномарки среднего класса, загородной виллы не держал. Ни в чем себе не отказывал, но деньги не разбрасывал.

Очень быстро он понял: настоящие деньги приносит лишь торговля наркотиками. Вначале переправлял «травку» из Средней Азии в центральные районы России, приобрел первый капитал и переключился на серьезный товар, заимев покупателей в Центральной Европе и Канаде.

Почему — Валентино? Иван Прокофьевич Жмых — таково его настоящее имя — наверное, сам не знал, почему выбрал себе иностранное. Возможно, в какой-нибудь книжке попалось.

В СП он работал под своим настоящим именем, здесь же на скромных должностях работал и Отари Гаспарян, который знал, кто действительный владелец могущественного синдиката. Юрий Петрович Еланчук лишь догадывался о правде, но при каждом удобном случае подчеркивал, что Валентино никогда не видел и видеть не желает, хотя сталкивался со Жмыхом по десять раз на дню.

Год назад один из водителей команды сказал Валентино, что из КГБ увольняют парня, которому цены нет, вот бы его заполучить в разработчики. Но полковник с норовом и подступиться к нему трудно.

Тогда Отари и пригласил гебешника на ужин. Встречу контролировали два сотрудника Валентино и он сам, сидя в отдаленности в компании с мелкими бизнесменами. Валентино, зная, что Отари ни умом, ни тонкостью обхождения не блещет, держал его при себе на посыпках: выгнать нельзя, а ликвидировать опасно. Валентино рассчитал просто: если гебешник предложение Отари примет, значит, человек недалекий и ненужный, а не примет — подойдем к нему с другой стороны и на другом уровне.

Чем закончилась встреча Отари с Еланчуком, известно. Когда гебешник отобрал у Отари магнитофон, затем походя забрал у наблюдателей фотоаппарат, вмонтированный в зажигалку, Валентино был в восторге.

— Этому парню действительно нет цены. Он будет работать на меня.

Гуров, сидя в своем великолепном кожаном кресле, решал кроссворд. Отгадать удалось всего несколько слов, так как думал он совершенно об ином. Где расположен подслушивающий микрофон, не обнаруженный специалистами? И как спасти жизнь Григория Байкова? Гуров не разговаривал еще с Юдиным и не знал, в чем именно покаялся юрист, да сейчас и знать не хотел. Начнет отвлекаться, анализировать ситуацию...

Сыщик взглянул на Крячко. Тот, как солдат-новобранец, мог спать в любое время суток и в настоящий момент, развалившись в удобном кресле, громко посапывал.

— Станислав, как полагаешь, возможно добить список старшего офицерского состава, уволенного из КГБ за последние два года?

— Никоим образом.— Крячко встрепенулся.— Они сами не знают.

— Чудится мне, что наш противник из этого несуществующего списка.

Крячко взглянул на Гурова и указал на стены. Сыщик беспечно махнул рукой и продолжил:

— Ох и сладко было б эту умницу разыскать да потолковать по душам. Я бы ему морду набил. Защитничек чертов — живот подвело, детей начал воровать.

Гебистов Крячко не любил. Эта нелюбовь была у ментов врожденной, что и понятно: работы у «соседей» меньше, а оклад и возможности значительно больше. Однако Крячко возразил:

— А почему гебешник, а не наш с тобой курва-однополчанин?

— Потому, — исчерпывающе ответил Гуров. Затем тихо расхохотался и пояснил: — Чувствуется твердая рука профессионала: наши коллеги по земле бегают, кругом известные, знакомый на знакомом, приятель на приятеле, им не надо в дермо лезть, их на приличную работу возьмут.

— Как тебя и меня, — ехидно заметил Крячко.

— Вот-вот. И сколько я знаю толковых ментов-пенсионеров, все пристроились и не испачкались. А гебешника, если из конторы выгнать, враз кислородом задохнется, как рыбка на берегу. Он же сверхсекретный. Кто его знает, кто ему верит? Ох, найду я этого полковника, вот сладко-то будет! — Гуров отбросил кроссворд, с шумом потянулся. — Во словечко загнули — парнокопытное животное в сельском хозяйстве. «Конь» не подходит.

— Сколько букв?

— Пять.

— Мерин.

Гуров заглянул в кроссворд.

— Ты у меня, Станислав, умница!

Оперативники замолчали. Крячко прикидывал, с какой целью дружок информирует противника о своих предположениях. А Гуров, ухмыляясь, представлял, как вражеский разработчик, прослушав плёнку, начнет вертеться на стуле и просчитывать возможности быть вычисленным. Известно, у страха глаза велики, так пусть станут еще больше.

— Ты меня, Станислав, знаешь — решил найти, найду обязательно. Раньше, позже — но обязательно.

Крячко покачал головой, постучал пальцем по виску, затем, прищурившись, сделал вид, что прицеливается.

Зазвонил телефон, Гуров снял трубку:

— Слушаю вас внимательно.

— Гуров?

— Господин Гуров, — поправил сыщик.

— Господин, так вы согласны поменять отца на дочь? Нам девочка ни к чему, вас эта продажная шкура тоже не греет.

Гуров прислушался к интонации, к манере говорить и решил, что собеседник умышленно огрубляет речь.

— Я не менятьяная контора, господин Никто. После освобождения своей дочери Григорий Байков согласен встретиться с кем угодно, так как виноватым себя не чувствует, уверен, что произошла ошибка.

— О'кей! — вырвалось у абонента. — Обменянемся, потом решим: кто, как, зачем и почему.

— Это ваши проблемы. Мне поручено забрать у вас девочку. Кстати, не откажите в любезности, дайте Даше трубку.

— Я звоню вам из автомата...

— Пока я не услышу голос девочки и не дам возможность отцу побеседовать с дочерью, никакие переговоры невозможны. И передайте своему шефу, что он держит на службе безмозглых тупиц. — И бросил трубку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Размены фигур и выигрыш качества

Вновь зазвонил телефон.

— Они. — Гуров чуть выждал, снял трубку. — Слушаю.

— Здравствуйте, — произнес детский голос. — Позовите, пожалуйста, моего папу, Байкова Григория... Станисл...

— Здравствуй, Дашенка. — Гуров кивнул Крячко: — Байкова сюда, быстро!.. Как ты себя чувствуешь, Дашенка?

— А где папа? Почему меня увезли? Почему домой не отпускают?

В кабинет ворвался Байков, выхватил трубку, закричал:

— Дарья? Ты здорова?

Около минуты Байков кричал маловразумительные слова, затем угас, протянул трубку Гурову.

— Слушаю, — сказал Гуров и указал Байкову на дверь.

Мягкий, интеллигентный голос укоризненно произнес:

— Что с вами, Лев Иванович? Бросаете трубку...

— Время такое — все течет, все изменяется. Раньше про вас кино снимали... А теперь вы Ванька-Кайн, детей воруете...

— В отношении моего прошлого вы заблуждаетесь.

— Не лги, говори по существу.

— У некоторых заинтересованных лиц есть вопросы к юристу вашей фирмы. Они в любой момент готовы отдать дочку, чтобы поговорить с папой.

— Какие проблемы? — исподтишка удивился Гуров. — Адрес вы знаете, привозите девочку и говорите с отцом хоть до второго пришествия.

— Лев Иванович, надо обговорить место встречи, время, условия...

— Ты же разработчик, ты и предлагай. Я согласен.

— Даже так? — Еланчук, а говорил именно он, не мог скрыть удивления.

— Я преступления не совершал, мне бояться нечего. Сажай в машину девочку, говори, куда подъехать, я привезу юриста. Площадь Маяковского знаешь? У памятника в двадцать часов. Не любишь Маяковского, давай у Пушкина. Святое место.

— Ваше предложение несерьезно.

— Предложи серьезно, ты же наверняка все продумал.

— Почему вы разговариваете со мной в таком тоне и на «ты»? — сорвался Еланчук.

Гуров подмигнул Крячко, прикрыл трубку и прошептал:

— Нервничают.— Убрал ладонь и продолжил: — А я с преступниками на «вы» не разговариваю. Звонил бы «авторитет», вор в законе — иное дело. А ты... Да ладно, не будем бодаться, пожалуйста, я слушаю ваше предложение.

— Благодарю. Яузская набережная, двенадцать часов ночи. Вы проезжаете от «Ударника» в сторону Петровки, там за вами пристраивается наша машина. Обе стороны убеждаются, что посторонних нет, договариваются, где остановиться, и совершают обмен.

— Чему вас учили, полковник? Какая у меня гарантия, что, когда мы остановимся, с заднего сиденья вашего лимузина не поднимется парочка «калашниковых» и не расстреляют меня и Байкова к чертовой матери.

Еланчук выдержал паузу:

— Признаться, я не могу найти альтернативного решения.

— А я могу,— сказал Гуров.— Мы с вами встречаемся тет-а-тет, без третьих лиц, имея при себе рации. Ваш человек приводит девочку в людное место, куда подъезжает и мой человек с Байковым. Происходит обмен, они разъезжаются, после чего вам и мне сообщают, что все в порядке, мы раскланиваемся и расстаемся.

— Мы выступаем как бы заложниками и гарантами,— усмехнулся Еланчук.— Одно плохо: я действительно буду заложником, а вы нет. Вы меня сильнее физически. Я для вас не противник. Получив сигнал, что все прошло благополучно, вы сажаете меня в машину...

— Это не может произойти по двум причинам,— перебил Гуров.— Во-первых, мне совершенно нечего вам предъявить...

— Вы устанавливаете мою личность, что крайне нежелательно,— спокойно возразил Еланчук.

— Существует вторая причина, значительно более серьезная,— продолжал Гуров.— Я даю слово. Если его нарушу, то завтра весь уголовный мир узнает, что Гуров скурвился. И имя, на которое я работал двадцать с лишним лет, будет уничтожено. Я никогда на это не пойду.

— Аргумент веский,— согласился Еланчук.— Но ведь я могу прислать вместо себя другого человека.

— Я его мгновенно расколю, набью морду, и сделка не состоится.

— Да вы же меня не знаете.

— Я слышу ваш голос, манеру говорить, да и вообще определить, с кем я говорю,— моя проблема.

— Нет, я с вами встречаться не намерен.

— Теперь ваша очередь предлагать. Подумайте, перезвоните через часик.— Гуров положил трубку.

— И откуда ты такой умный и хитрый? — Крячко поставил перед Гуровым чашку кофе.— Ты знаешь, Лев Иванович, я тебе в прошлом завидовал, считал везунчиком. А сейчас словно пелена с глаз упала. Ты несчастный и совершенно одинокий.

— Только не жалей, не люблю.

— Ташить на себе такой груз каждый день, с ума сойти. Нет, Лева, извини, я тебе больше не завидую.

— Почему одинокий? — Гуров отпил кофе.— У меня есть Петр, ты...

Около десяти вечера Гуров и Байков остановились на углу Садового кольца и улицы Чехова. Была середина марта; погода стояла скверная, сырая; людей на улице немногого. Щелкнул передатчик, находившийся во внутреннем кармане Гурова. Он поднял воротник и недовольно спросил:

— Что еще? Холодно, я не мальчик, чтобы второй час гулять по такой погоде.

— Пересеките Садовую, идите по Новослободской,— раздался голос из динамика, прерываемый помехами.

— Не пойдет.— Гуров достал из кармана фляжку коньяка, протянул Байкову.— Я и так топаю по вашему маршруту. У меня машина на этой стороне, я сворачиваю на Чехова, двигаюсь в сторону Пушкинской.

— Вам сказано...

— Я ответил.— Гуров подождал, пока Байков, еле удерживая фляжку, сделал несколько глотков, отобрал коньяк.

На другом конце, видимо, совещались.

— Хорошо, только не торопитесь.

Крячко, сидя за рулем «мерседеса», свернулся на Чехова и остановился, ожидая, пока Гуров и Байков отойдут метров на пятьдесят. Мимо проскочила милицейская «Волга». Гуров проводил ее взглядом и сказал:

— Вас может остановить ГАИ для выборочной проверки. У вас с нервами как — порядок? Повторяю, нас никто не «ведет», так что в случае чего держите себя спокойно.

В разговор включился Еланчук:

— Я вам верю, Лев Иванович. Мы проверили, в вашем «мерседесе», кроме Крячко, никого нет.

Гуров отключил радио, хлопнул Байкова по плечу.

— Да не дрожи ты словно заяц, будешь вести себя нормально — все образуется.

— Стараюсь, Лев Иванович.

Рация вновь ожила:

— Остановитесь, полковник, я вас обгоняю и выхожу из машины. Вы отпускаете парня, я отпускаю девочку.

— Тебя тянет на мелодраму? Зачем встречаться дочери с отцом? Могут начаться истерики, крики. Мальчик, посади девочку в мой «мерседес», затем обгоняй и получай свое сокровище.

— Не могу...

— Выполняй,— включился Еланчук.

Гуров, продолжая неторопливо идти, взял Байкова под руку.

Сзади раздался короткий автомобильный сигнал. Гуров обернулся, увидел, как Крячко дважды включил дальний свет, и отпустил руку Байкова.

— Шагай, все будет нормально.— Гуров остановился.

Байков шел неуверенно по краю тротуара, покачиваясь, словно пьяный. Мимо проскочила залапанная грязью «Волга», оста-

новилась метрах в пятидесяти, из нее вышел мужчина. Байков шел к машине, неожиданно споткнулся, упал на колени, завалился на бок. Выстрела никто не слышал, но и Гуров, и Отари, который шагнул было навстречу Байкову, остановились, начали оглядываться. Машинны проносились мимо; редкие прохожие, укрываясь от непогоды, спешили по своим делам.

— Мать твою! — забормотал Отари в рацию. — Кажись, его шлепнули!

— Не болтай, забери его в машину, — приказал Еланчук.

Отари заглянул в «Волгу», позвал напарника, они вдвоем подбежали к Байкову, над которым, склонившись, уже стоял Гуров. Разорвав рубашку, он попытался нащупать сердце, поднял голову, оскалился на Отари и его напарника:

— Лошкомой! Подонки! — Гуров вновь наклонился к Байкову, перевернулся лицом вниз.

На светлом плаще под лопаткой чернела аккуратная дырочка, вокруг которой расплылось темное пятно.

— Без истерик, сукины дети. — Гуров достал платок, вытер руки. — Забирайте, пока какая-нибудь ментовская машина не остановилась по случаю.

Отари попятился, а его напарник заторопился к своей «Волге».

— Юрий Петрович, — забормотал Отари. — Покойник, мертвее не бывает. Куда его?

— Где Гуров? — спросил Еланчук устало.

— Здесь я, Юрий Петрович, — чуть насмешливо ответил Гуров. — Вы что — хотите труп на меня повесить? Заберите его отсюда и немедленно.

— Отари, немедленно забери тело! Немедленно!

Но Отари уже садился в «Волгу», которая тут же сорвалась с места.

— Юрий Петрович, ваши парни смылись, — спокойно сказал Гуров, вынул фляжку, глотнул. — Тело оставить или забрать?

Ответ прозвучал нечленораздельно, и рация умолкла.

— Вот и верь после этого людям! — философски изрек Гуров.

Через несколько секунд рядом остановился «мерседес», выскочил Крячко и засуетился:

— Как же это, господин полковник?

Еланчук сидел за рулем сверкающего «вольво», стоявшего у здания «Известий», тупо смотрел на памятник Пушкину, слушал разговор Гурова и Крячко.

— Бандиты, они есть бандиты. Не удивлюсь, если сейчас подкатит патрульная машина и мы долго будем объяснять, как шли и тело нашли. Открывай дверцу, бери под колени, я — под руки.

— Папа! — раздался детский голос. — Что с папой?

— Ничего страшного, Даша, — фальшиво ответил Гуров. — Он волновался, что потерял тебя, вышел и упал.

— Папочка!..

Хлопнула дверь, заработал мотор, приглушенно звучал голос Крячко:

— И куда теперь прикажете?

— Поезжайте вперед, будем думать. Дашу — к бабушке... Голоса звучали все глуше, затем смолкли. Еланчук включил свою радио и сказал:

— Отари, где ты?

— Напротив вас, за сквером.

— Поехали в фирму.— Еланчук выехал со стоянки. В машине было тепло, даже жарко, но бывшего гебешника знобило. В виске монотонно звучало: «Теперь он знает мое имя и отчество. Теперь ухватится за кончик...»

«Мерседес» стоял у тротуара. Гуров протянул девочке две таблетки, бумажный стаканчик с минеральной водой.

— Дащенка, выпей.

— Не хочу.

Девочка непрерывно смотрела на сидевшего рядом отца, который глупо улыбался, комкая лежавший на коленях грязный плащ.

— Подбери губы. Прикажи дочери, чтобы она выпила,— сказал Гуров.

— Я сама.— Даша взяла таблетки, запила водой.

— Лев Иванович,— горячо заговорил Байков.— По гроб жизни обязан.

— Станислав, двигайся на Ленинский. Даще пора спать.

Девочка, прижавшись к отцу, уже задремала.

— Может, мне за рубеж? А вы тут вроде похорон устроите? — неуверенно сказал Байков.

— Тогда надо найти режиссера, сценариста и снять кино. Мы отняли ребенка и временно сохранили вам жизнь.— Гуров взглянул на Байкова без симпатии.— Я это сделал ради девочки, в какой-то степени из принципа и самолюбия, но отнюдь не из-за вашей персоны.

— Брось, Лев Иванович,— вмешался Крячко.— Вечно ты хочешь казаться хуже, чем есть.

— Охрану мы вам приставлять не будем, да это и бесполезно,— продолжал Гуров, игнорируя слова Крячко.— Думаю, они от вас откажутся — у них появились более важные заботы. Правда, у нас они тоже появились.

Когда Отари замолчал, Еланчук спросил:

— Я просил вас подобрать юриста с тротуара?

Отари взглянулся на громоздившегося рядом напарника.

— Вы не выполнили мою просьбу.— Еланчук склонил голову набок, погладил мизинцем усыки.— Идите, ваша судьба меня не интересует, она вне моей компетенции. И еще. Я благодарю вас, что по рации вы сообщили сыщикам только мое имя-отчество и не успели упомянуть фамилию.

Дверь распахнулась, вошел водитель директора СП, кивнул Отари, мол, убирайся. Когда неудачники выскочили, в кабинет неторопливо вошел хозяин. Он пожал Еланчуку руку, доброжелательно улыбнулся и опустился в кресло для гостей. Водитель вышел, плотно прикрыл за собой дверь.

Иван Прокофьевич Жмых, руководитель зачуханного, полу-

живого СП, он же Валентино, один из главных «авторитетов» русской наркомафии, смотрел на Еланчука задумчиво. В его агатовых глазах отсутствовало какое-либо выражение. Еланчук, повидавший в своей жизни многих начальников, даже умных, взгляда не опустил, но чувствовал себя несколько дискомфортно, поэтому прибегнул к известному приему, коим не раз пользовался и Гуров, начал разглядывать ухо Валентино.

— Юрий Петрович, мы с вами никогда не разговаривали наедине. Но, уверен, вы догадывались, кто истинный хозяин столь доходного предприятия?

— Я столько лет проработал в совершенно секретных структурах, что приучен не интересоваться вопросами, не имеющими непосредственного отношения к моей деятельности, — спокойно ответил Еланчук.

Валентино довольно улыбнулся, обнажив превосходные зубы, но в миндалевидных внимательных глазах веселья не было.

— Так кто же убогого юриста лишил жизни? — спросил он небрежно.

— Я не держал оружия много лет, кроме ваших молодцов, у меня ни одного знакомого стрелка. Вопрос не по адресу.

— К кому же мне обратиться за ответом?

— Я не располагаю доказательствами, но убежден: Григорий Байков жив, здоров, возможно, в настоящий момент беседует с сыщиком Гуровым. Я не стану напоминать, что неоднократно передавал вам: канал через фирму «Стоик» следует немедленно перекрыть.

— Так и не напоминайте. — В голосе Валентино звучало раздражение. — Этот, как его, Гуров, кажется, оказался вам не по зубам?

— Если хотите знать, серьезный разработчик, как и разумный шкипер, не бросается на преградивший путь риф, а изящно огибает его, оставляя в кильватере.

Валентино помолчал и уже спокойно произнес:

— Давать советы и следовать им — не одно и тоже. Уважаемый Юрий Петрович, я ценю ваши знания и опыт, но вы многого не понимаете...

— С такой аргументацией, — дерзко перебил Еланчук, — вам бы партийным боссом служить, а не заниматься самым прибыльным и самым опасным бизнесом.

— Понятно, — растягивая гласные, ухмыльнулся Валентино. — Понятно, почему вас выгнали из конторы. Но хватит препираться. У меня действительно есть и другой канал, но сейчас могу воспользоваться только «Стоиком». И я должен переправить товар немедленно, иначе уплачую колосальную неустойку, лишусь партнеров, практически потеряю все. Рифы? Так обогните их.

— Поздно. Не следовало убивать бухгалтера, затевать дурацкую историю с похищением девочки. Что знает этот убогий юрист? Лишь факт, что наркотик каким-то образом проходит из Вьетнама в Европу. Каким образом, через кого конкретно — не знает. Бухгалтер? Ну выявил он различие в накладных. Да и черт бы с ним!

Бухгалтера убрали совсем не из-за накладных, но Еланчуку знать об этом не обязательно, решил Валентино.

— Я понял, вы считаете: сейчас чертов сынок встал на моем пути и мне не пройти.

— Пока так и есть.

— Президентов убивают, а уж мента, пусть самого умного и осторожного, уберем.

— Только без меня.

— А вот этого вам говорить не следовало! — жестко произнес Валентино. — Сколько вам требуется дней на разработку, какой транспорт, какие специалисты и в каком количестве? — Он пошел к двери, стоя на пороге, обернулся. — Я по своей безграмотности полагаю, достаточно одного снайпера, который бы оказался в нужном месте, в нужный момент.

— Верно мыслите. Я хочу вас попросить, Валентино, распорядитесь, пожалуйста, чтобы ваши люди забыли о существовании Байкова, его дочери и в принципе о фирме «Стоик».

— Только и всего? — Валентино еле сдерживал гнев. — Договоримся в последний раз — каждый решает свои проблемы.

На квартире Юдина собрались Орлов, Гуров и Кричко. Хозяин угощал гостей, помалкивал.

— Я убежден, — говорил Орлов, — вам, ребята, следует затихнуть. Наркобизнес — это раскаленная до бела сковородка. Я сообщу, что следует, в Интерпол, там люди поопытнее нас, пусть разбираются. Ты, Лева, без цирковых номеров жить не можешь. В данном случае сработало, ты человека спас, теперь отойди в сторону.

— Ну, Гриша, Гриша, как он мог? — бормотал Юдин, подливая в бокалы. — И под каким предлогом его уволить? Мы же как одна семья, ребята не поймут.

— А ты не увольняй, — предложил Гуров. — Пусть работает, больше стараться будет, а вреда от него сейчас никакого.

— Да я на него смотреть не могу!

— Не смотри. — Гуров выпил. — И вообще, шеф, не бренчи нервами, пригодятся. Послушаем лучше генерала, что он предложит.

Приказ об увольнении Орлова уже лежал на столе министра; оставалось только найти ему замену, но, как ни странно, замены не находилось, и генерал вроде бы и ушел в отставку, но на службе объявлялся каждый день. Он охотно откликнулся на предложение Гурова, хотел поближе познакомиться с Юдина и окончательно решить, переходить ему на работу в фирму или нет. Но тут на него обрушилось такое количество новой информации, что старый сынок растерялся. Слушая, он сосредоточил внимание на Гурове. Прекрасно знал: уговорить Гурова отказаться от уже принятого им решения за всю жизнь не удалось ни разу. «Значит так, — подвел итог Орлов. — Либо мы бьемся втроем, либо оставляем Леву одного».

— Борьба с наркомафией не входит в обязанности службы безопасности и фирмы. Мы обязаны поставить в известность Интерпол.

— Обязательно,— легко согласился Гуров.— Существует протокол. Интерпол свяжется с нашим министерством...

Крячко хоть и дал себе слово помалкивать, не выдержал, продолжил мысль:

— Проще объявить по телевизору: трепещите, сволочи, мы вышли на тропу войны. И немедля, пока цена на гробы не улетела в космос, оплатите необходимый инвентарь.

— Станислав,— удивился Орлов,— я что-то не замечал за тобой склонности к черному юмору.

Юдин строго посмотрел на оперативников.

— Прошу, говорите по существу. Если наши предположения материализуются в факты и будут доказаны, фирму закроют и меня посадят. И ради Бога, не болтайте о презумпции невиновности.

Гуров хотел было сказать, мол, не волнуйся, шеф, в случае чего тебя убьют раньше, чем арестуют, но лишь привычно пожал плечами и раздумчиво произнес:

— Бог не выдаст — свинья не съест. Главным по делу я назначаю себя. Возражений нет? Тогда слушайте. Ты, Петр Николаевич, фигура для них неизвестная, поэтому вне опасности. Попытайся через свои старые связи в КГБ, МБ, СБ или, как они нынче называются, выяснить...— Гуров сделал паузу, взглянул на Орлова вопросительно, так как впервые давал задание своему начальнику.

— Давай, Лева, не стесняйся,— подбодрил Орлов.

— Выяснить об одном человеке. Думаю, он полковник, лет сорока с небольшим, интеллигент; служил в первом или втором главке, возможно, и там и там, хороший агентуррист, зовут Юрий Петрович, возможно, уволен года два назад.

Орлов кивнул:

— Имеешь хоть один факт или придумал полностью, от начала и до конца?

— От начала и до конца,— вставил Крячко.

— Голос, манера говорить, культура речи, понимание и оценка оперативной обстановки.— Гуров задумался.— Полагаю, я угадал процентов на семьдесят. Жизнь покажет. А ты, Станислав, завистливый мальчик, слушай задание.

Крячко подобрался, как спаниель, услышав команду.

— Твоя жизнь зависит от твоей сообразилки и чутья,— начал Гуров.— Не проворонь горячее. Может случиться, ухватишься за факт, очень даже интересный, со свойственным тебе верхоглядством и самомнением помнешь его, да и отбросишь. Они тебя не знают, решат, что помощник у Гуровашибко умный и опасный, а ты и ящик вперед не успел оплатить.

— Ну ладно, ладно,— смущенно пробормотал Крячко.— Слова не скажи, начинаешь на хлеб намазывать.

— Станислав, необходимо выяснить, каким образом они прослушивают мой кабинет и кабинет Бориса.— Гуров взглянул на Юдина.— Сделать это надо во время рабочего дня, уверен: электроника не стационарная, а переносная. Я бы на твоем месте обратил внимание на заместителя коммерческого директора Илью Вагина. Его кабинет имеет смежные стены с нашими

кабинетами. Понимаешь, плевать на сам «жучок», нужен человек, который его устанавливает и снимает.

— Кабинет Ильи и больше нигде не искать? — Крячко смотрел подчеркнуто равнодушно.

Гуров ответил таким же взглядом и кивнул. Крячко понял, что Гуров говорит неправду, и понимающе прикрыл глаза.

Орлов усмехнулся:

— А ты, Лева, напрасно отпихивался от повышения, из тебя получился совсем неплохой руководитель.

— Когда ты был моим начальником, я к тебе никогда не подлизывался.

Пока генерал чесал макушку и бормотал что-то о людской неблагодарности, Гуров принял за Юдина:

— У тебя, Борис, такая душа — без билета в рай пропустят. Если бы я не знал тебя раньше, то решил, что ты обыкновенный русский дурак. Короче, когда я к тебе пришел и спросил, как ты улаживаешь свои взаимоотношения с ракетирами, ты мне ответил, мол, таких не знаешь, я решил: либо ты нагло лжешь, либо тебя некто прикрывает. И этот Некто ну с очень большой буквы. Подумай, Борис, все предприниматели имеют головную боль. У Юдина — самая дерзкая охрана, какую только можно придумать, а Борис Андреевич даже легкой мигрени не ведает. Теперь скажи: так бывает? — Гуров оглядел Юдина, как бы решая, с какого бока его укусить. — Правильно мыслишь. Не бывает. Значит? Ты чья-то крыша и сам не ведаешь об этом. Через тебя из Вьетнама в Европу, думаю, что и в Канаду, идет наркотик. Этакий небольшой трубопровод, и прокладывали его не дураки. Ты мне сейчас ничего не отвечай, останешься один, вспомни, кто из твоих ребят когда-либо защищал торговлю с Вьетнамом. Я знаю, ты с этого начинал, но сегодня ширпотреб тебе не нужен, а «Стоник» продолжает получать товар. Странно. Понимаю, у тебя руки не доходят, а у кого-то очень даже доходят. И этот человек не Григорий Байков.

— Ты хочешь сказать...

— В Европу ты поставляешь не только плетеную мебель. Пока приостанови поставки. Наркотик упакован так, что его не найти ни нам, ни опытной таможне. К тому же я хочу, чтобы он прибыл по назначению.

— Приостанови поставки... — хмыкнул Юдин.

— Я знаю, это большие деньги, Борис. Вычтешь из моей зарплаты.

Несмотря на трагизм положения, Юдин расхохотался.

— Приостанови все поставки, — упрямо повторил Гуров. — Я хочу понять: торопятся они или нет.

— Ну, я могу найти предлог, предупредить партнеров, — сказал Юдин.

— Тебя, Борис, никто не тронет, ты — крыша. Так что хлопнуть из нас четверых могут только меня. Господин генерал, я верно рассуждаю?

Орлов не ответил, лишь вздохнул и покачал головой.

— А я Льва Ивановича Гурова безмерно люблю. — Гуров улыбался, но смотрел холодно. — Мне нужно несколько квартир,

не связанных с тобой напрямую, где бы я мог по разу переночевать. Нужна машина с водителем и радиотелефоном. Водителей обеспечишь ты, Станислав. И чтобы ни машина, ни водители в офисе не появлялись.

— Когда? — спросил Крячко.

— Завтра, после полудня, — ответил Гуров. — Пусть дежурят круглосуточно в районе площади Пушкина, чтобы я знал, через сколько времени они могут прибыть по моему вызову.

По распоряжению шефа Гуров приобрел новую квартиру, расположенную на Суворовском бульваре. Квартира была реконструирована из коммуналки, и Гуров все не мог привыкнуть к ее огромным размерам. Как любой консерватор, он не любил ничего нового, блестящего, необжитого. Старый добротный дом, стальная дверь; три комнаты, совершенно ему не нужные, были обставлены со вкусом, но чувствовал себя Гуров в квартире не хозяином, а постояльцем.

— Может, ты когда-нибудь женишься, ребенок родится, — успокаивал Юдин, когда Гуров переезжал. — Кроме того, тебе придется принимать таких гостей, которые считают подобную квартиру вещью обычной. Ну, как ты воспринимаешь штаны без дырок на заднице.

Гуров поворчал и сдался. Дом еще был хороший тем, что имел черный ход, да и через парадную дверь можно было выйти на бульвар, а через двор — в тихий переулок.

Гуров отомкнул хитрые замки, отодвинул тяжелую дверь, пропустил вперед Крячко и Орлова.

— Ну вот, коллеги, теперь можем уточнить детали. Я доверяю Борису, но он человек к нашей профессии сторонний и не надо ему знать лишнее.

Крячко в квартире уже бывал, сразу прошел на кухню и уселся в плетеное кресло. Орлов, оказавшийся здесь впервые, неторопливо прошелся по комнатам, заглянул в ванную, оторопело оглядел свое отражение в зеркальной стене, тяжело вздохнул и вернулся на кухню.

— И на кой черт тебе все это нужно?

— Я собираюсь жениться и рожать детей. — Гуров возился возле новомодной кофеварки.

— Наркомафия нам не по зубам, факт. — Крячко взглянул на Орлова, исца у него поддержки. — Надо уходить в сторону, молча смирииться. Уверен, они провернут свои дела и оставят «Стоик» в покое. Им война не нужна.

Орлов покачал головой.

— Поздно. Мы о наркомафии знаем мало, но психология преступника нам известна. Данная группировка располагает большими деньгами, лучшей организацией и дисциплиной, чем любое иное преступное объединение. А раз так, то они менее самостоятельны, больше зависят друг от друга. И твоя идея, Лева, что можно вышибить шестеренку из машины, наивна. Если выбиваешь звено команды ракетиров или организации, занимающейся хищением машин в Европе и переправляющих в Россию, то один преступник гибнет, двое садятся в тюрьму,

остальные рассыпаются по многочисленным филиалам и продолжают свою деятельность. В наркобизнесе, думаю, все не так. Засветившегося или арестованного просто уничтожают. Ты обыграл разработчика. Как только его партнеры узнают об этом, за твоим противником начнут наблюдать, ждать, чем драка закончится. Если он победит — хорошо. В противном случае его прихлопнут. Самое главное! — Орлов ткнул коротким пальцем в Гурова. — Твой сегодняшний противник правила игры знает и будет бороться с тобой, Юдина, Петровым или Сидоровым; будет биться за свою жизнь. И у него только один выход — убрать тебя, ликвидировать Юдина, поставить на его место своего человека, который бы гнал доллары лучше прежнего. Возможно, ты уцелеешь — все-таки опытен, силен, ловок и удачив, а вот Юдин обречен. И то, что ты ему недавно говорил...

— Ты прав! — перебил Гуров. — Но я виноват. Все произошло слишком быстро, плюс похитили ребенка... Я ввязался, усугубил положение Бориса. Вы, коллеги, как хотите, мне отступать поздно, да и некуда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Подготовка к бою

Специальным аппаратом Гуров обследовал свою машину, не появилась ли лишняя деталька. Убедившись, что дополнительной электроникой, способной превратить «Жигули» в неудачно стартовавшую космическую ракету, машина не оборудована, сынок сел за руль. В субботу, по сравнению с обычным днем, движение на улице было сравнительно спокойное.

Давным-давно, когда двадцатидвухлетний Лева Гуров пришел в МУР в группу подполковника Орлова, последний, недовольный сопливым пополнением, приказал изучить город хотя бы в пределах Садового кольца. В многочисленных переплетающихся переулках, проходных дворах и подъездах найти несколько путей ухода от наружного наблюдения, как на машине, так и на своих двоих. Молодой опер машины не имел, протопал ногами множество переулков и дворов, пытался сдать экзамен опытному сыщику. Орлов недовольно пыхтел — эту привычку он приобрел значительно раньше генеральских погон, — но расщедрился на совет. Найди в нужном тебе районе парнишку, не состоявшего в тимуровской команде, — его ты узнаешь по прорехам на штанах и цыпках на руках — найди с ним общий язык, и тогда Гаврош покажет тебе такие лазейки, «сквозняки», чердачи, какие ты в жизни не найдешь.

Сегодня часть домов снесли; многие хитрые переулки исчезали, превратились в широкие улицы; не запертыми двери уже никто не держал... Но кое-что осталось. Даже приумножилось за счет новостроек (которые в обозримом будущем не собирались достраивать), заборов, огораживающих свалки (сквозь них можно было не только пройти, но и проехать).

Сыщик ездил, лазал, запоминал и, конечно, думал. За что убили бухгалтера? Он поехал на склад и столкнулся с неизве-

стным криминалом? С наркобизнесом невозможно столкнуться — не телеграфный столб. Зачем главбух, у которого вся необходимая информация заложена в компьютере, поехал на склад? На складе его появлению удивились, выдали папки с приходными ордерами. Главбух ничего не объяснял, сидел потихоньку, листал бумажки. Через час вернул документы, попрощался и уехал. На следующее утро его застрелили.

А если дело не в документах? Если он увидел кого-то? И вообще он приехал взглянуть не на бумажки, а на человека?

Когда такая мысль появилась у Гурова, он пролезал через стройку в районе Марьиной Рощи, споткнулся и чуть было не упал. Сыщик подстелил газету, присел на кирпичный отвал. Именно человек, а не документ привел бухгалтера на склад. Мысль недурстvenная...

Гуров ничего не услышал и не увидел подозрительного, просто сердце колнуло, и он, не оглядываясь, свалился под кирпичный отвал, на котором сидел. Выстрел не прозвучало, но пуля, свистнув, впилась в кирпичную кладку, которая торчала метрах в четырех перед Гуровым.

Гуров достал пистолет, взглянул на часы — уже пять. Вчера я считал, что в безопасности примерно до полудня, сегодня я на пять часов глупее. Он достал из кармана радиотелефон, позвонил в машину. Грубый голос недовольно произнес:

— Ну? Слушаю.

— Марьина Роща, метров тридцать не доезжая до универмага, — сказал Гуров.

— Понял, — ответил водитель.

Где они меня зацепили и каким образом? И почему так быстро? Я крутился по Москве, меня никто не «вел», это точно. Машину я проверил, она чиста, следовательно, маяк прицепили непосредственно на меня.

И сырник вспомнил. Когда вышел из дома, проверился — народу на тротуаре было немного. Два парня выскочили из соседнего подъезда и побежали догонять троллейбус. Солидная пара, явно пенсионеры, шли в сторону проспекта. И тут рядом с ним споткнулся старик, кативший тележку с продуктами. Тележка наклонилась, чуть не опрокинулась. Гуров помог ее выровнять, старик что-то пробормотал невнятно и сжал сырнику руку повыше локтя.

Гуров ощупал рукав — ничего, провел ладонью по плащу. Так и есть... Булавку с крошечным шариком на конце воткнули чуть выше кармана. Сыщик вынул «булавку», забросил в кирпичные обломки.

Почти наверняка киллер один, его запустили как пробный шар, а вдруг получится. Тогда парню разрешили только один выстрел, после чего приказали немедленно скрыться.

Гуров бежал, петляя из стороны в сторону. Через несколько секунд выскочил на улицу, оглянулся на кирпичные развалины и вошел в ближайший магазин. Через грязную витрину сырник несколько минут изучал улицу: вроде все спокойно. Не понравилась лишь иномарка, стоявшая на противоположной стороне улицы. Когда к ней подошел спортивный, хорошо одетый па-

рень, Гуров вышел на улицу, внимательно рассмотрел парня, выждал, пока он уедет, и направился к универмагу.

Водитель машины был плотный мужчина лет пятидесяти, с угрюмым лицом и внимательными, спокойными глазами.

— Здравствуйте.— Гуров повернулся к водителю, давая получше рассмотреть себя.

— Здравствуйте, Лев Иванович,— равнодушно ответил тот.— Последние годы меня звали дядя Володя.

— Прекрасно.— Гуров улыбнулся.— Видишь, на противоположной стороне стоит серая «семерочка».— Он протянул ключи.— Отгони ее на Суворовский бульвар, оставь у дома номер шесть. Володя,— сыщик выдержал паузу,— прежде чем завести мотор, слазь под машину, взгляни, нет ли там чего лишнего, затем открай капот, там проверь. Если все чисто, уезжай, если что не так, возвращайся, я подожду.

Дядя Володя взял ключи Гурова и вышел из машины.

Крячко сидел на кухне, в своем любимом пляжном кресле. Гуров лежал в кабинете на коротковатой софе, положив ноги на стул. Крячко якобы читал газеты, Гуров прикидывался дремлющим. Сыщики работали.

Гуров вернулся к своим рассуждениям, которые прервал пистолетный выстрел. Бухгалтер встретил на складе человека, которого, видимо, ранее знал и связывал с преступным миром. Перед выездом бухгалтер работал на компьютере. Увидел в тексте знакомую фамилию или подпись. По этому пути пойти можно, но крайне трудно. Неизвестно, какие именно материалы он просматривал. Скорее всего они касаются груза, прибывшего с последней партией из Вьетнама. Естественно, у мафии должен быть человек на складе, ведь кто-то изымает наркотик из одного места и кладет его в другое? Но не постоянный работник склада, что опасно, опытный разработчик на такой риск не пойдет. Этого человека надо пока отставить в сторону, все равно он никуда меня не приведет. Слишком изолированный, с ограниченными функциями: здесь взял, туда положил.

Теперь Григорий Байков. Тут вообще темный лес, неразбериха и сплошные противоречия. Как утверждает сам Байков, и, видимо, говорит правду, примерно год назад отказался визировать малозначащий документ по бартерной сделке с Германией. Он предложил Юдину заменить в документе несколько слов, чтобы избежать двойного толкования, штрафных санкций, на случай если возникнут споры и дойдет до арбитражного суда. На следующий день в машину юриста подсели неизвестный и посоветовал не возникать по мелочам и передал конверт с тысячей долларов. «Работай, как работаешь,— будешь получать такой конверт каждый месяц, начнешь дурака валять — башку оторвем», — сказал незнакомец и исчез. Больше юрист посыльного не видел, конверты получал регулярно, находил их то на своем письменном столе, то в почтовом ящике. Как утверждает Байков, ничего противозаконного он не делал, ущерба фирме не наносил, информацию о готовящихся сделках на сторону не передавал. Но когда убили бухгалтера, Байков испугался, решил

переговорить с новым начальником службы безопасности и, как известно, передал записку. Через пятнадцать минут ему позвонили и предупредили, что если он не заткнется, то будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Кажется, все просто — парня готовили к вербовке, но ошиблись в выборе человека. Он оказался трусливым и психически неуравновешенным. Ну, ошиблись, деньги пропали — плюнь и отступись, он ничего не знает, пользы от него ноль, вреда тоже ноль. Нет, похищают дочь и пытаются заполучить парня. Зачем? Ответ напрашивается однозначный: некто предполагает, что юрист знает больше, чем знает на самом деле, и хочет во что бы то ни стало заткнуть ему рот. Байков раскололся сразу, и Гуров догадывался, что в мафии это поняли, стало быть, парня замучают на допросе. Гуров мог позволить убить предателя, но замучить человека — никогда. Потому и пошел на обострение. Теперь получается, что он, опытный сыщик, сам себя загнал в угол. Юрист мафии уже не нужен. Многоопытный Юрий Петрович проанализировал поступки сыщика Гурова и пришел к выводу, что сыщик никакой серьезной информацией не располагает. Но способен такую информацию добывать, потому Гурова следует в кратчайший срок ликвидировать. Сегодня стреляли без подготовки, верно рассчитав, что такого быстрого нападения ожидать не будут. Да, очень умен этот Юрий Петрович. Именно он-то мне и нужен.

Станислав Крячко держал в руке газету и пытался прочесть отчет об очередных дебатах в Госдуме.

Левку — так про себя Крячко иногда называл своего друга — пытаются убить во что бы то ни стало. На той стороне сидит мужик с головой, он не захочет терпеть Гурова и рисковать.

Бомба. Автомат. Пистолет. Винтовка. Яд.

Вот, зная Левку, как бы я к нему подступился? Створить что-нибудь с машиной? Но на такую дешевку его не поймать, взрывчатку найдет, а ездит он очень осторожно, и если колесо отвалится или тормоза откажут, то разобьет машину, ушибется, не более того. Подкатить на машине, можно на двух, и расстрелять из автоматов? А как его подловить, когда и в каком месте? Но чует он в разных местах, и от дома его не взять. Да и в самом офисе его не достанешь. При входе и выходе он осторожнее и хитрее пантеры и опасен, как разъяренный буйвол. Что ни говори, а лучше снайпера с оптикой ничего не придумаешь. Где снайпера посадить?

Сегодня днем Крячко отметил несколько подходящих окон в домах напротив офиса. Он взял участкового и зашел в квартиры под предлогом: мол, поступили сигналы, что сдают комнаты и уклоняются от налогов. Крячко повезло, участковый оказался опытным, немолодым человеком; жители микрорайона его прекрасно знали и уважали; даже молодые коканые ребята майора побаивались, и, как понял Крячко, у парней были для опаски серьезные основания. Дед — так, не претендя на оригинальность, они звали участкового — не пил, мзду не брал, был с двух рук одинаково хлестко. Главное, майора поддерживали серьезные «авторитеты», заинтересованные, чтобы шпана не мешала

делать хорошие «бабки». Таких тихих и благополучных участков в столице можно по пальцам сосчитать.

Ходили участковый с Крячко, ходили, затем майор остановился, закурил:

— Ты мужик битый, и я не вчера родился, так что выкладывай. Тебе же только польза будет.

И Крячко выложил: жду появления наемного убийцы, с винтовкой и оптическим прицелом. И должен киллер залечь так, чтобы суметь убить человека, входящего или выходящего из нашего подъезда.

— Гурова? Льва Ивановича? — неожиданно спросил участковый. — Такого я ни в жизнь не допущу. На моей территории Гурова пальцем не позволю тронуть, не то что из винтовки снять. Ты что, полагаешь, все эти «крутые» на «мерсах» драки и беспредела хотят? Они желают делать «бабки» и жить в свое удовольствие. Это власть грызется и портфели делит. Потолкую с «авторитетами», и, ежели какой чужак подозрительный появится, меня сей момент найдут.

— Золотые ребята, как бы жили без них? — усмехнулся Крячко.

— Из всех зол они наименьшее. Ежели стреляют, только друг в дружку, так то их дела. Мирного человека они не трогают. А моя задача, чтобы мой житель мог с собачкой или в магазин вечером выйти и не бояться.

— Теория интересная, Дед, но мы отвлеклись. Ты понимаешь, что киллер может в любой цвет окраситься — не распознаете.

— Ты что же думаешь, только в МУРе такие умные, а все остальные дураки деревенские и лапша у них с ушей свисает?

— Откуда про МУР знаешь?

— Оттуда. — Майор похлопал Крячко по плечу. — Передай Льву Ивановичу, что тут ни из окна, ни с чердака не стрельнут. Если только на машинах подскочут, так на то он и Гуров, чтобы рот не разевать.

На том и расстались.

На кухню вошел Гуров, потянулся, сладко зевнул, словно действительно только проснулся:

— Все ищешь способ, как бы гения Гурова ликвиднуть половче? Не складывается?

— Не складывается, — произнес Крячко. — Кофе хочешь?

— И кофе тоже. Я полагаю, Станислав, что в стане противника разброда. И стреляли в меня не по приказу разработчика, распорядился другой человек, рангом выше. Он Юрия Петровича в основном слушается, но медлительность и аккуратность разработчика хозяина раздражают. Видимо, считает, что бывший гебист все усложняет и вопросы можно решать проще и быстрее. Вот он сегодня и решил двух зайцев одним выстрелом снять — и меня убить, и своему умнику нос утереть.

Гуров замолчал, достал сигарету, но не закурил, покачал головой, о чем-то раздумывая.

— Если бы я сразу из-за укрытия выпрыгнул, то смог бы стрелка достать. Да что там, голыми бы руками взял.

— Сидя за столом, всех перехватать легко. Ты выпей еще, храбрее льва станешь.

— Издеваешься? Лучше расскажи, что в офисе. Систему прослушивания обнаружил?

— А я решил, ты к такой мелочевке интерес потерял. Два «клопа» на присосках, значит, съемные. Один в кабинете Ильи Вагина, второй... — Крячко интригующе замолчал, поднялся, поставил кофейник на плиту.

Гуров терпеливо ждал, предположений не высказывал, и Крячко разочарованно закончил:

— В туалете, за трубой. — Он указал на стену. — На этой стороне.

— Молодец.

— Я их, конечно, не тронул. Сначала хотел проследить, кто в конце дня их снимать будет, потом решил не рисковать, засветиться легко. Тут минимум человека три или четыре требуется. Предлагаю в понедельник и провернуть такую операцию. Пригласить Орлова, еще одного стоящего мента, ты, я... Вроде совещания у тебя устроить, пустой треп, а потом, перед самым уходом, банкетик организовать. Разбредемся по офису, кто в туалет, кто офис посмотреть ради интереса, так и засечем человека, который станет липучку снимать.

— Согласен. — Гуров кивнул. — Ну а сам ты на кого грешишь?

— Не возьму грех на душу, нет ничего конкретного. Один человек нравится больше, другой меньше, смешно говорить. Даже круг подозреваемых не определю. Если брат руководство, так выбор невелик. Коммерческий директор Егор Крупин? Человек неискренний, с двойным дном, можно поставить на первое место. Но нервы у него не в порядке, мафия такого человека использовать не станет.

— Если Егор не изображает эмоциональность, — заметил Гуров.

— Не можешь забыть, как он на тебя кидался? — усмехнулся Крячко. — Зам Крупина, Илья Вагин, уехал в командировку до убийства бухгалтера. Кабинет Вагина открыт, в нем все время кто-то работает, «жучок» мог поставить любой из фирмы. Международника Закревского в Москве тоже нет, отпадает.

— Вагин действительно уехал?

— Он в Самаре, звонит по два раза в день. Да, мелькнула у меня одна мысль, но, кажется, глупости. — Крячко махнул рукой. — Понимаешь, накануне смерти бухгалтер из дома звонил своим девчонкам, спрашивал домашний телефон юриста, и я подумал...

— Верно подумал, почему не сказал раньше?

— Он телефон спросил, а Байкову не звонил. Бухгалтер всю вторую половину дня провел со своей пассией, которую встретил накануне. Женщина утверждает, что он ни с кем не разговаривал.

— Мы не знаем, за что убили бухгалтера, почему пытались заполучить юриста. — Гуров вздохнул. — Бухгалтер хотел позвонить юристу, не позвонил. Здесь что-то имеется.

— Ни черта тут нет, зря сказал.

- Хорошо, отложим на потом. Байков на работу вышел?
- Нет, дома отлеживается.
- Ты придумал, как меня могут убрать?
- Тебе надо уехать недельки на две, на три, пока не уляжется или не взорвется.
- Мысль интересная, но не осуществимая. Я не могу бросить Бориса на растерзание.
- Так что ты предлагаешь? Раз мы не знаем, чего ждать, мы не можем защищаться.
- Опередить и нападать.

Сегодня утром, впервые за многие годы, Юрий Петрович Еланчук не сумел изящно повязать цветной платочек. Промучившись перед зеркалом несколько минут, сунул платок в карман, рассеянно поцеловал близняшек, автоматически вложил непокорную шевелюру молодой жены и отправился на работу.

За канцелярским столом своего скромного кабинета он, не вникая в суть, подписал документы в приготовленной для него папке, затем откинулся на спинку кресла.

Все шло наперекосяк. Тщательно построенная машина грозила рухнуть и похоронить всех, кто не успел отбежать. Ему уже надоело пересчитывать ошибки, допущенные, казалось бы, разумным и послушным, а в действительности своим равным шефом.

Накануне вечером, отчаявшись убедить Валентино хотя бы временно приостановить контрабандные поставки, Еланчук сказал:

- Даже рысь, попавшая лапой в капкан, отрызает лапу и уходит зализывать раны.

- Капкан? — Валентино презрительно скривился. — Мы сломаем его — не станем себя калечить, а охотника убьем. — И почему-то посмотрел на своего шоferа-ликвидатора, который сидел на подоконнике, курил и пускал дым в форточку.

Еланчук заметил и быстрый взгляд шефа, и то, как шофер Виктор Живолуб выбросил только что зажженную сигарету. Еланчук знал: таких людей в свое время подбирали в комитет на оперативную работу. Он был шофер и стрелок высокого класса, неплох в ближнем бою.

Еланчук посмотрел на Виктора и нехотя произнес:

- Рассказывай, герой. Где? Когда? Как ты спасся? И, главное, видел ли тебя Гуров?

Живолуб взглянул на хозяина, тот скривился и кивнул. Недачливый ликвидатор рассказал все честно, без утайки и закончил:

- С тридцати шагов я промахнуться не мог. Ночь не спал, все прокручивал картинки: он свалился с кирпичей в момент выстрела, может, секундой раньше. Не знаю. Не было возможности бесшумно подойти и проверить. Мне дали разрешение лишь на один выстрел, после чего, не медля, уходить. — Он взглянул в смуглую безучастное лицо хозяина.

- Молодцы. Вы, Иван Прокофьевич, просто стратег. — Еланчук покивал, улыбнулся. — Я говорю серьезно и совершенно

искренне. Хорошо, что не сунулся проверять, иначе в ближайшее время мы бы тебя не увидели, а адрес нашей конторы уже б записали в десяток настольных календарей.

— Доволен? Торжествуешь?

— Доволен, что парень уцелел. Чего мне торжествовать? Легче мне от вашей торопливости не станет. Вы просто лишний раз Гурова предупредили, чтобы был начеку.

— Ну, ладно. Что было, то прошло,— сказал Валентино.— У тебя, гений, есть идея? Или ты записался в оппозицию и лишь критикуешь?

— Идеи есть, но сказать мне нечего.— Еланчук кивнул Живолубу на дверь.— Погуляй, шеф сейчас тебя догонит.

Тот взглянул на хозяина и неторопливо вышел.

— Даже шайка разбойников должна соблюдать свои законы, чтобы остаться шайкой,— начал Еланчук.— Тебе просто повезло, ты чуть было не кончил жизнь самоубийством. Разработкой занимаюсь я, а ты лезешь в чужой огород. Парня не ругай, похвали, он был аккуратен и исполнителен. Времени у нас с тобой предостаточно. Юдин распорядился груз задержать — якобы из-за смерти главбуха требуется провести ревизию и что-то переоформить. Сказки. Так распорядился Гуров.

— Опять Гуров? — вспылил Валентино.— Ты считаешь, он подозревает?

— Он давно знает, что имеет дело с наркомафией. Одного не пойму: зачем ему нужна война, которую он никогда не выиграет? Ведь знает, а лезет.

— Его необходимо срочно ликвидировать.

Еланчук быстро встал, лицо его вмиг осунулось и затвердело.

— Я могу уйти.

— Ты знаешь, от нас не уходят. Наш союз заключается на земле, а расторгается только на небесах.

— Никогда, никогда не пугай меня! Смерти давно не боюсь, и через семью ты меня не прихватишь! Я об этом побеспокоился прежде, чем встретиться с тобой. Ты меня понял?

— Отлично понял,— миролюбиво ответил Валентино.— Не понимаю, с чего ты на стенку полез? Работай, я никогда больше не стану тебя торопить.

Ночь Еланчук спал плохо: все анализировал действительные причины своего срыва. Заявление, что союз с наркомафией расторгается только со смертью, не было новостью, поэтому взбесить его, уравновешенного, тренированного человека, не могло. И только под утро, в полу забытии, между сном и явью, он понял, что причина проста, и лежит она на поверхности. Он просто не желал разрабатывать убийство Гурова.

И вот теперь, сидя в унылом кабинете, вспомнив вчерашний разговор с Валентино, он начал обдумывать выход из создавшегося положения. Он никогда не занимался разработкой убийства. Гурова он не знает, не видел, но мужик ему симпатичен, видно, умница, перед начальством не гнется, поэтому и ушел из системы. В принципе сырщик его, Еланчука, родственная душа. Хотя, вспоминая голос Гурова, понимал, что если родственничек захватит Юрия Еланчука, то обязательно посадит.

Раздался телефонный звонок. Еланчук снял трубку и услышал знакомый голос генерала-кадровика.

— Юрий Петрович, только за ради Бога не возникай.— Генерал старался придать своему голосу дружеские нотки.— Нам очень нужна твоя консультация по одному архивному делу. Приезжай на часок, не более... Хочешь, машину пришлю?

— Врешь ты все! — Еланчук почему-то рассмеялся.— Ты где сидишь? В том же кабинете? Закажи пропуск, я через полчасика подъеду.

— Здравствуй! — Генерал вытащил грузное тело из-за стола, пошел навстречу.— А ты внешне не меняешься — молодой фронт, как всегда.

— Чего такого крюка даешь, разговор трудный? — Еланчук опустился в массивное кожаное кресло, взглянул на портрет Ельцина. Портрет был меньших размеров, чем предшественник, поэтому оказался как бы в рамке из выцветших обоев.

— Сколько людей висело на этом крючке, а ты все сидишь и сидишь.

— А не лазь высоко! — Генерал довольно хохотнул.

— Ну, давай, Степан Акимыч, напрямик...

— Напрямик так напрямик, Юрочка. Скажи, в какое ты дермо залез, что тобой большие милиционеры интересуются?

— Мной? Точно? — искренне удивился Еланчук. В сознании его промелькнул Гуров, но гебист лишь усмехнулся: что он знает? Кретин Отари назвал имя-отчество? Так ни один милицийский генерал не обратится с таким дурацким запросом в соседнее ведомство. Да и какие основания?

Генерал смотрел на Еланчука испытующе, вертел толстыми пальцами лист бумаги.

— Заместитель милицийского министра интересуется, служил ли в первом или втором главке некий Юрий Петрович, фамилия не известна, видимо, полковник, возраст около сорока пяти, дальше твое описание — интеллигент и внешние данные, словно человек с тобой в соседних кабинетах сидел и ежедневно ручкался.

Еланчук равнодушно взглянул на бумажку:

— Понятия не имею, генерал. Чего только в жизни не случается.

— Я тоже повидал всякого, но подобных совпадений не встречал. Мы хотя и расстались без пьянки и орденов, но ты наш человек. Если хвост прижмут, надеюсь, не станешь на бывших сотоварщицей грязь лить? Нам сейчас грязи с избытком. Ты, слушаем, у Белого дома под знаменами Хасбулатова не разгуливал?

— Что за чушь? Я человек с устойчивой психикой,— ответил Еланчук.

— Ну, мое дело маленькое, приказали переговорить, я выполнил. Если бы такую бумаженцию я один получил, так похерил бы и забыл. Но тебя люди хорошо помнят, потому пришлось твои данные ментам назвать. По телексу передали, мол, служил схожий по приметам Еланчук Юрий Петрович, дали отличную

характеристику, сообщили, что никакими компроматериалами не располагаем.

— Ну, спасибо, генерал. — Еланчук поднялся. — Надеюсь, все?

— А тебе мало? — Генерал вновь выбрался из-за стола. — Начальство больше всего беспокоится, что милиция предполагает, что разыскиваемый ими Юрий Петрович имел непосредственное отношение к агентурной работе. Ну, это откуда? В нашем доме о твоем направлении знали три-четыре человека...

— Ума не приложу, — искренне ответил Еланчук. — А у вас там, за рубежом, никто на сторону не сваливал?

— Случается... — осторожно ответил генерал. — Но при чем тут милиция, главк уголовного розыска?

— Действительно. — Еланчук пожал теплую вялую руку. — Я давно завязал, сейчас не ворю.

С этой не очень остроумной хохмой он вышел из кабинета. Когда сел за руль, произнес вслух:

— Он не талантливый, он гениальный сыщик. — И уже про себя продолжал: «Значит, он собрал воедино мой голос, мою манеру говорить, вопросы, ответы, быстроту реакции; понял, что имеет дело с бывшим работником спецслужб, перебрал своих коллег и вышел на Комитет. Гадал, шел на ощупь, и ему улыбнулась удача. Все я знаю про эту удачу: Господь не подает вслепую, оделяет избранных!»

В служебном кабинете Гурова Крячко варил кофе. Генерал Орлов, выключив звук, смотрел по телевизору мультишки и задумчиво улыбался. Гуров читал ответ СБ на запрос.

— ...Еланчук Юрий Петрович... уволен на пенсию... О его работе с агентурой в период службы сведениями не располагаем...» Ну, конечно, признаются они, дерки карман шире. — Гуров переписал данные Еланчука в блокнот, щелкнул зажигалкой, бумажку поджег и заодно прикурил. — И как тебе удалось, Петр Николаевич?

Он протянул Орлову блокнот и ручку.

— Лучше иметь твердый шанкр, чем мягкий характер, — ответил Орлов, улыбаясь, и начал быстро писать. Отдав блокнот Гурову, вернулся к телевизору: «Я пообещал новоиспеченному заму, что если он такой запрос подпишет, то в случае удачи я под его руководством разгромлю московское отделение наркомафии. И он, говнюк, получит орден».

Гуров рассмеялся. Крячко перестал возиться с кофеваркой, подбежал, заглянув в блокнот, хмыкнул. Мультфильм кончился, на экран выскочили какие-то сосредоточенные головы. Орлов выключил телевизор.

— Он начал мне объяснять серьезность ситуации и о наших обязательствах перед Европейским сообществом и человечеством в целом. И что до самого конца разработки о моем уходе на пенсию не может быть и речи.

— А откель он взялся, такой умный? — спросил Крячко, протягивая Орлову чашку кофе.

— Черт его поймет, толкуют, в давнем ЦК чем-то заведывал,

а сейчас, треплются, у него на даче забор общий с кем-то из президентских пацанов.

— Это серьезно,— начал было Крячко, но его перебил телефонный звонок. Сняв трубку, он произнес, пародируя Гурова: — Слушаю вас внимательно. Как? Самого? Лично?

Гуров вырвал у приятеля трубку:

— Гуров.— Погрозил Крячко кулаком.— Какие игры, господин заместитель... Маяр у меня трудится. Конец дня — он поддал, сами понимаете: молодежь. Понял. А если завтра, с утром? Слушаюсь.

Гуров положил трубку, взглянул на Орлова, затем на Крячко:

— Немедленно вызывают в прокуратуру. Что, мол, в нашем хозяйстве ни одного целого ведра нет — все дырявые?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лучшая защита — нападение

Заместитель прокурора что-то быстро писал. Увидев вошедшего Гурова, не вставая, пожал ему руку, указал на кресло напротив и продолжал писать. Выражение лица у чиновника было брезгливо недовольное. Как большинство розыскников, Гуров не любил прокуратуру, имел с ней взаимоотношения сложные, порой конфликтные. Он опустился в кресло, вынул из кармана газету и, делая вид, что читает, принял изучать противника, а в том, что перед ним противник, същик не сомневался. Хозяину кабинета было под шестьдесят, худой, жилистый, серая короткая шерсть плотно покрывала крупную голову; широкие плечи, длинные руки с цепкими узловатыми пальцами. Видно, мужик физически силен, а в молодости был богатырем.

Гуров почему-то подумал, что прокурорский похож на красного комиссара из давнего кино — человека жесткого, справедливого, искренне болеющего за все человечество, поэтому к человеку относящегося равнодушно.

— Ну, господин полковник,— прокурор сложил документы в папку, сунул ее в стол,— будем колоться сразу, или придется вас, как лучину, отщипывать?

Гуров прямо посмотрел ему в глаза. Они были светлые, с огромными черными зрачками, хитрые, умные и добрые. Казалось, Господь в насмешку все перепутал — глаза предназначались совсем другому человеку.

— Лучше по щепочке...

— Федул Иванович,— подсказал прокурорский.

— Федул Иванович, считайте, что запрягли. Так что поехали,— ответил Гуров.

— Предупреждали меня, о характере наслышан.— Хозяин закурил «Беломор», подтолкнул пепельницу к краю стола.— Фортину отвори, иначе погибнем.

Гуров не терпел фамильярности и обращение на «ты» обычно пресекал, но сейчас послушно встал, открыл форточку.

— Ну, как там с новыми буржуями — ладиши, не жалеешь, что ушел? Конечно, гордый — правду не скажешь. Так вот, Лев

Иванович, прознали мы, что ты зацепил наркомафию. Удивляется: куда лезешь и зачем? Ты теперь не полковник по особо важным, а сторож буржуйского благополучия и покоя. Наркотики тебе ни к чему, да и не по зубам — дело это государственной важности. Смекаешь?

— Обязательно. — Гуров кивнул. — Только не пойму, о чём вы толкуете? Вы тряхните свой «источник» — может, из него еще чего вывалится?

— Учишь? — Федул Иванович подмигнул. — Говорят, учиться никогда не поздно, но моя учеба закончилась. Чуешь?

Гуров закурил.

— А вот этот, как его?.. — Прокурорский начал перебирать лежавшие перед ним бумажки. — Еланчук Юрий Петрович, тебе друг или родственник?

— Я такого в глаза не видал.

— Может, и не видал, однако разрабатываяешь.

— Ошибаетесь.

— Я тебе кто? — Голос прокурорского набрал густоты, казалось, сейчас последует команда: по коням! — Мне годков столько, сколько твоему батюшке. Стану я, старый пень, приглашать бывшего опера и вести с ним ля-ля, ежели не уверен?

— Я в вашей вере не сомневаюсь, только она ошибочна.

— Ладно, давай чуток взад подадим. Третьего дня у вашего юриста дочку сперли. Киднеппинг? Черт побери, не могу иностранное слово запомнить. Ты почему к властям не обратился?

Гуров смотрел в хитрые и умные глаза собеседника. Чувствовал: тот ведет сложную игру, сейчас ждет определенного ответа, но не мог уловить, какого именно.

— В милицию, что ли? — удивился Гуров. — Вам, законникам, известно: заявление обязаны родители подавать.

Федул Иванович одобрительно кивнул, смял окурок и тут же закурил новую папиросу.

— И как же ты пацанку вызволил?

— Нормально. — Гуров пожал плечами. — Попросил вернуть. Сказал, что отец беспокоится, бабушка плачет, а я осерчал. И вообще чужое братьё безнравственно.

— И отдали... — Чиновник усмехнулся, вновь одобрительно кивнул. — Душевные люди. Значит, Еланчук Юрий Петрович для тебя — звук пустой?

Гуров уловил в глазах собеседника тревогу, предупреждение, потому ответил уверенно:

— Впервые слышу.

— Ладушки. — Федул Иванович спохватился. — А представляешь ситуацию: берем мы наркомафию, не всю, конечно, не во всемирном масштабе, — он очертил рукой круг, — а так, крупиночку. — И показал ноготь. — Но для России масштаб достаточный. Дальше для тебя картина знакомая: один молчит, другой отрицаёт, а пятый колется, и начинается заплыv. И среди прочих имен называет и Гурова Льва Ивановича. Да не один задержанный называет — в этом случае отпереться просто, а несколько. Они ведь злые будут, вот и станут напраслину на тебя возводить. И уж что ты знал, переговоры вел — так обязательно.

Обязательно — вроде твое любимое слово. Скажи?

— Обязательно, — повторил Гуров и улыбнулся. — Но у меня есть и другая присказка: «Это вряд ли...»

— К данному случаю она не подходит, так как статья у тебя будет именно — обязательно, и срок обязательно длинный.

— Вы вначале что-то о старых пнях обмолвились...

Прокурорский перегнулся через стол и сунул под нос Гурова огромный костлявый кулак.

— Мне о себе все дозволено, а ты, умник, язык попридержи, понял?

Гуров оттолкнул кулак с такой силой, что Федул Иванович упал в кресло, ударившись о спинку. Неожиданно он показал Гурову большой палец и подмигнул. Затем подвинул блокнот, начал писать, при этом сердито бубнил:

— Ты не мальчишка — свою судьбу сам держишь. Как желаешь, так и распоряжаешься. Не дай вам Бог, господин полковник, в этот кабинет для иного разговора попасть. Смекаешь?

— Так от сумы и тюрьмы, как известно, господин прокурор, не зарекаются.

— Иди пока, до свиданьице. — Федул Иванович протянул Гурову исписанный листок и пожал руку.

— Желаю здоровья, Федул Иванович. — Гуров взял листок, в дверях обернулся, долгим взглядом окинул «красного комиссара» и осторожно прикрыл за собой дверь.

Неподалеку от дверей прокуратуры стоял «мерседес» Крячко. Но Гуров садиться в машину не спешил. Оглядел улицу, присмотрелся к другим машинам, припаркованным рядом, прислушался к себе, словно больной, проверяющий, есть у него температура или нет, и только потом неторопливо подошел к «мерсу».

На заднем сиденье полулежал Орлов. Он не прятался, просто дремал.

— Обижаешь, командир. — Крячко завел мотор. — Проверяешься, словно тебя не сыщики ждут, а пара залетных фраеров.

— Не слушай его, Лева, все верно. — Орлов зевнул. — Станислав через каждые пять минут выходил. А за пять минут можно сделать очень много. Проверяйся, Лева, и проверяйся, держи себя в пределе.

— Обязательно, Петр. — Гуров вынул из кармана полученную от заместителя прокурора записку. — Станислав, приткнись в переулочек.

Почерк у прокурорского был ужасный, но Гуров, разбирая по слогам, прочитал: «Ты мужик настоящий, только вряд ли тебе поверят. В твоей бывшей конторе протекла крыша, кто — не знаю. Берегись и никому не верь, особенно телефонам. Передай Петру, чтобы он, старый козел, от тебя уходил подальше и сочинял легенду, может, собаки потеряют след».

— Дай сюда! — Орлов вырвал у Гурова листок. — Почерк неповторимый. Федул! Как же он в прокуратуру забрался, а я и не слышал? Масластый, бровастый, руки граблями?

— Он, — кивнул Гуров. — Значит, нас слушали. То-то он говорит одно, а смотрит иначе.

— Старый лис. Как бы с ним повидаться? Это решим. А пока, Лева, мое участие в вечерней проверке в твоем офисе отменяется — колупайтесь одни, как котята. Станислав, высади меня у ближайшего метро.

Когда Крячко затормозил, Орлов сказал:

— Мне не звонить даже домой — надо будет, объявишься. Ты, Лева, в офисе шныри в меня грязью, только мимоходом, не переусердствуй. Удачи.

Задуманная сыщиками операция с треском провалилась: в кабинете Вагина и в туалетной комнате «жучки» прослушивания отсутствовали. Пока они ездили в прокуратуру, их сняли.

Гуров зашел в приемную. Как и положено секретарю, красавица Елена была на месте, но сумки ее были уже собраны.

— Великий сынщик, чем порадуете одинокую женщину? — Елена взглянула испытующе. — Вам, психологу, прекрасно известно, что для нас, женщин, на первом месте — мужское внимание, на втором — новости и сплетни.

— Елена, какие рестораны сегодня предпочитает молодежь? — поинтересовался Гуров.

— Надо спросить у молодежи, — кокетливо улыбнулась Елена. — Если вы интересуетесь моим вкусом, то напрасно, я с мужчинами вашего типа в ресторан не хожу.

— Какое непостоянство, не далее чем...

— Я шутила, — перебила Елена и взглянула на часы. — Красная Шапочка не может дружить с огромным Серым Волком.

— Поставьте против моей фамилии крестик.

Гуров вернулся в кабинет, где Крячко мучил себя кофе, так как его принципы не позволяли ему выпивать рюмку раньше конца рабочего дня.

Гуров врубил телевизор, сел рядом с другом.

— Станислав, я никогда так не «плавал» и не опаздывал.

— Ты никогда не работал по серьезному делу без аппарата. Ты брался за главное — второстепенное поручал членам команды.

— Где тут главное, где второстепенное? Начнем с этой кошюши. — Гуров хлопнул ладонью по столу. — Через нее гонят наркотик из Вьетнама в Германию.

— Юдин получает полуфабрикат уже заряженным.

— Полостей в бамбуке хватает, прекрасно придумано, только слишком просто. Если зарождаются подозрения, то проверить — пара пустяков.

— Просвечивать? Думаешь, это возможно?

— Гораздо проще, коллега. Достаточно просверлить в ножках крохотные дырочки и запустить собаку, — ответил Гуров. — А таможенники наверняка знают способы и проще. Я таможню предупрежу, пусть у них голова болит. Подумаем о другом. Какова цель сегодняшней беседы в прокуратуре? Твое мнение?

— Ты у нас аналитик единственный и непревзойденный, так что тебе и карты в руки, — усмехнулся Крячко.

Гуров взглянул на часы:

— Твое время истекло, наливай.

Крячко взял бутылку, плеснул в стаканы, один протянул Гурову.

— Думаю, все просто,— вздохнул сыщик.— Прокурорскому приказали меня вызывать, и слушали мои ответы. Следовательно, наш наркобарон имеет осведомителя именно в прокуратуре. Можно предположить, что наш высокопоставленный мент доверительно похвастался в прокуратуре, что уцепился за наркотики, и назвал генерала Орлова. А связи Петра со мной и устанавливать нечего.

— Федула они не просчитали.

— Он человек новый, решили, что постараётся выслужиться. Он очень старался, но глазами семафорил. Я, конечно, тогда ничего не понял.

— Ты бы в любом случае не раскололся, нам сейчас прокуратура даром не нужна. Нам надо включить прожектора, осветить пустую сцену, всех разогнать по темным углам.

— Ну, парочка трупов на сцене оказалась бы обязательно,— возразил Гуров.— Первым они ликвидируют своего разработчика, затем Юдина, потом начали бы основательный гон на меня.

— А почему бы не начать именно с тебя? Использовать знания Еланчука?

— Мне чудится, что он тянэт.

— С какой это радости? Если человек переходит из спецслужбы в наркомафию, так шлепает по крови — брызги летят.

— Упрощаешь.

В кармане Крячко тренькнул радиотелефон. Гуров взглянул на друга удивленно.

— Слушаю,— сказал Крячко.— Одна? Как он смотрится? Ты не голоден? Сейчас я подскочу.— Он убрал аппарат, посмотрел на друга снисходительно.— Угадай.

— Ты установил за Еленой наблюдение, и тебе сообщили, что она вошла в какой-то ресторан с мужчиной, скорее всего с Юрием Петровичем Еланчуком.

— Это ж надо! Человек, не умеющий удивляться, — несчастный человек.

Гуров оставил свою «семерку» у офиса, сел в «мерседес» Крячко. Выйди на площади Маяковского, на метро доехал до Белорусской, тщательно проверившись, перешел на другую линию. В конце концов вышел на станции «1905 года». Уже стемнело. Гуров вызвал по телефону дежурную машину минут через двадцать, отпустив шофера, припарковался метрах в тридцати от «мерседеса» Крячко.

— Наконец-то.— Крячко укоризненно покачал головой.— Ты не торопился.

— Без комментариев. Скажи, как тебе удалось заполучить наружку?

— У Гурова везде друзья, а Крячко вчера на Казанский приехал,— ехидно ответил Крячко.— Я нашел не наружку, а верного мента с машиной и радиотелефоном.

— Станислав, они в «Дели»? Представляешь, как было бы славно к ним подсесть и предложить тост за дружбу?

- Командуй быстрее, они могут не задержаться.
- Пусть твой парень следует за Еленой, а мы — за Еланчуком.

Еланчук помог Елене сесть за руль, галантно поцеловал ручку и раскланялся. К ресторану подъезжали и отъезжали машины — и даже опытный разведчик не мог определить, что за Еленой последовали «Жигули». Еланчук прошелся по тротуару, резко свернул за угол, так же резко развернулся в обратную сторону.

— И это все, чему он обучился? — удивился Крячко. — Меню довольно скучное, надо сказать.

— Смотри, слазишь, — буркнул Гуров, который сидел в своей машине. — Ты идешь первым, я следом. Рванет на красный — не отпускай, его надо взять сегодня.

— А чего не брали, когда садился за руль? — Крячко мягко тронул «мерс» следом за «опелем» Еланчука.

— Все тебе рассказки. — Гуров тоже выругил со стоянки.

Еланчук внимательно смотрел в зеркало заднего вида, «мерседес» заметил, но в общем потоке машин не выделил, просто запомнил. Когда выехал на Садовое, вновь увидел «мерс» и уже не спускал с него взгляда. Перед площадью Маяковского Еланчук припарковался, бежевый «мерседес» приостановился метрах в десяти за «опелем». Еланчук вспомнил свой разговор с генералом, о котором, естественно, не доложил Валентино. А если тот узнал и решил не вникать в тонкости, а быстренько убрать помощника, которым заинтересовалась милиция? Нет, шеф бы придумал что-нибудь похитрее, а не висел в центре на хвосте. Наружку тоже не похоже — слишком грубо, да и водитель один, хотя на заднем сиденье может оказаться и второй человек.

Еланчук так увлекся наблюдением за Крячко, который вышел из «мерседеса» и усердно пинал колесо, что не обратил внимания на «Жигули», припарковавшиеся перед ним.

Гуров подошел к «опелю», постучал в боковое стекло. Еланчук досадливо махнул рукой: мол, проходите, я не извозчик. Гуров рассмеялся и вновь постучал. Еланчук, приспустив стекло, сердито спросил:

— В чем дело? — И осекся. Он лишь однажды видел фотографию Гурова, но разведчик узнал его мгновенно.

— Откройте, Юрий Петрович, по-моему, нам пора объясняться, — улыбался Гуров. — А на него не обращайте внимания, — перехватил он взгляд Еланчука в зеркало. — Это мой человек.

— А вы сами, извините, кто?

— Несерьезно, Юрий Петрович, вы прекрасно знаете, кто я, но если настаиваете. — Гуров поклонился, щелкнул каблуками: — Гуров Лев Иванович.

Еланчук долго и внимательно разглядывал Гурова, затем, растягивая слова, произнес:

— Таким я вас и представляял.

— Я обаятельный. — Гуров взгляда не опускал. — Но это обманчивая черта.

— Понимаю. — Еланчук кивнул.

Они долго молчали. Гуров выкурил сигарету, затем спросил:

- Как жить будем дальше?
- Вы — как обычно, а мне следует подумать.
- Неправда, вы давно все продумали. Семью отправляйте немедленно. Паспорт, визы и место в тихой стране вы, конечно же, приготовили.
- Все-то вы знаете.— Еланчук кисло улыбнулся.— У вас ничего против меня нет и не будет. К убийству бухгалтера, похищению девочки — вот уж идиотская затея — я никакого отношения не имею.

- Имеете. Похищение разрабатывали вы.
- Нет состава преступления,— возразил Еланчук.— Кстати, вы дали слово, что выдадите нам отца, и слово свое нарушили.
- Отнюдь,— возразил Гуров.— Папашу я доставил, он, правда, напился от нервов и упал, так я не виноват, что ваши парни не захотели подобрать пьяного.

- Еланчук легонько похлопал в ладоши.
- Юрий Петрович, вы отлично понимаете, что ваш хозяин уже знает, что я вышел на вас. Вас ликвидируют.
- Разрешите праздный вопрос? — спокойно спросил Еланчук.
- Валяйте.
- Где вы меня видели?
- Нигде и никогда. Я вас вычислил.
- А внешность?
- Догадка, импровизация, чуточку везения.
- Так что вы предлагаете, Лев Иванович?
- Предлагаю? — искренне удивился Гуров.— Впрочем, извольте. Вы оставляете фирму «Стонк» в покое, снимаете все аппараты прослушивания, забираете свою агенттуру, и я забываю о вашем существовании. Естественно, что за правоохранительные органы, их действия я ответственности не несу.

- Когда я узнал, что вы пришли в «Стонк», что-то подобное уже предлагал,— ответил Еланчук.— Но мое предложение решительно отклонили, и повторять его не собираюсь. И вообще, пока вы не обнаружите наркотик, с вами никто не станет разговаривать.

- Обнаружим.
- Сомневаюсь.
- Мы задержали весь товар фирмы, готовящийся к отправке в Германию. Разберем контейнеры и найдем,— резко сказал Гуров.

— В цивилизованной стране вам бы никто подобное совершил не разрешил, но в России... Хорошо — задержали, разобрали, нашли, изъяли. Итог? Вы разорили своего хозяина, ведь его заставят заплатить не только за товар, но и огромные неустойки. Юдина, если не посадят, то скорее всего лишат права на коммерческую деятельность. Вы станете обычным пенсионером, на работу вас уже не возьмут. Надо же, начальник службы безопасности сжег процветающее СП! Кому такой человек нужен? Кстати, квартиру и машину у вас отберут — вы превратитесь в нищего.

— Квартиру не отберут, оформлена на меня,— буркнул расте-

правившийся Гуров. Попытался взять себя в руки и неожиданно увидел сегодняшний вечер в ином свете.

С чего вдруг именно сегодня Еланчук встретился с Еленой? Она что, его агент? Но какой же опытный агентурист встречается со своим источником в ресторане, спокойно ужинает, провожает до машины, целует ручки? Надо же, в азарте проглотил чужой крючок без всякой наживки, позор на мою седую голову. Этот парень хотел, чтобы Гуров с ним встретился и играючи добился своего. Только сейчас сынок понял, что имеет дело с профессионалом высокого класса, с гроссмейстером, просчитавшим всю партию до конца.

— Я, конечно, ошибся, — признался Гуров и почувствовал облегчение. — Вы оценили ситуацию трезво, только несколько однобоко.

Еланчук насторожился, увидел: сынок вернулся себе потерянную было уверенность.

— Поясните?

— У вас своя голова на плечах. А впрочем, извольте. Вы не живете в реальной жизни, а играете в шахматы. Здорово играете, прямо гроссмейстер. Только жизнь не игра, живые люди не фигуры, да и в игре вы не ферзы. Так, средняя фигура. Вы меня предупреждали, благодарю, я не стану искать наркотик. Я разгромлю вашу лавочку, она, кажется, называется СП «Витязь»? И вы там числитесь помощником по безопасности. Думаю, что ваше предприятие убыточное, ведь ни доллары, ни наркотики не декларируются. Устроить ревизию ваших бухгалтерских документов несложно. Где-то в фирме болтается и ваш хозяин. Наверняка за его спиной по мелочи воруют — в России иначе не бывает. Добьюсь ареста мелкого жулика и вытрясу из него все, даже то, чего он не знает. И вот когда хозяин почувствует опасность, увидит, что теряет миллионы долларов, когда его старшие партнеры за рубежом об этом узнают, тогда-то и начнется игра по правилам наркомафии. — Гуров протянул руку, пощупал платочек на шее Еланчука. — Шелк натуральный. Очень прочный материал, именно этим платочком вас и удавят.

Еланчук отстранился и спокойно ответил:

— Возможно. Только вы до того момента не доживете.

— Молодец! — Гуров рассмеялся. — Раз вы начали говорить глупости, значит, вы живой человек. Значит, моя жизнь против вашей. Договорились. Ты с кем драться задумал, умник? У меня вся шкура перештопана, я бью и стреляю с обеих рук. — Он сплюнул под ноги. — И я один, а у тебя детишки и жена. Опомнился, теоретик. Я жду от тебя разумного предложения до завтра, до двенадцати дня.

Гуров аккуратно прихлопнул дверь. Он разрешил ситуацию точно, но не учел одного: хозяин Еланчука был человеком умным. Очень быстро Гуров в этом убедился.

А пока он заглянул в машину Крячко:

— Все нормально, до завтра. — Прошел к своей машине, сел за руль, выехал на Тверскую. Решая, в какой из заготовленных адресов ему податься, заметил за собой «хвост». Гуров соединился с Крячко:

— Меня повели.— Зло рассмеялся.— Убивать собираются.
Будь на связи.

Гуров проехал Пушкинскую площадь, резко свернул в Гнездниковский переулок. Теперь надо решать — либо выезжать на Герцена, либо сделать маленькую петлю и вернуться на Тверскую. Он выбрал второй вариант: на Тверской движение больше, есть шанс, что не начнут стрелять на ходу. За ним держались две машины, видимо, были еще, шедшие наперехват. Они, естественно, имеют связь, так что отрыв — дело временное. Он вновь соединился с Крячко.

— Дом журналистов знаешь? Звони дежурному по городу, пусть подошлет оперативников к Суворовскому бульвару, подъезжай туда сам; постарайся быть раньше милиции, так что рассчитай. Я выйду из подворотни, рядом с Домом, и сяду к тебе. Предупреди ребят, они имеют дело с хорошо вооруженной бандой.— И продиктовал номера машин, которые засек.

— Я тебя понял,— ответил Крячко.

Гуров вылетел на Тверской бульвар, вернулся к Пушкинской, не ожидая стрелки поворота, со второго ряда, вернулся на Тверскую, вновь свернул в Гнездниковский, проскочил его, пересек Герцена, нырнул в Калашный переулок. За ним осталась лишь одна машина. Уже сверкнули огни Нового Арбата — у последнего углового дома стояло несколько машин. Гуров ударил по тормозам, «жигуль» развернулся и встал, сыщик выбросился на асфальт, закатился под крыло какой-то иномарки. Застрекотала автоматная очередь, посыпались стекла, закричали люди. Он резво нырнул в подъезд. Хотя подъезд был проходной, сыщик не побежал во двор, а, минуя парадное, встал за дверью черного хода. Прислушался. Раздался топот.

— Тут ему и конец, сука!

— Стреляй сразу!

Гуров осторожно передвинулся в глубь подъезда. Пули прошли дверь. И сразу же в подъезд влетел бандит. Гуров ударил его рукояткой пистолета по затылку, бегущий следом напарник прыгнул через порог, увидев лежащего товарища, резко остановился. Гуров хладнокровно выстрелил ему в правую руку. Подхватив выпавший автомат за ствол, дабы не стереть отпечатки, Гуров, заметив, что лежавший бандит уже пришел в себя и потянулся к своему автомату, прострелил ему ногу. Взял его автомат и вышел во внутренний двор. В это время послышался вой милиционских сирен.

С простреленной рукой, скрючившись от боли, бандит тащился рядом с Гуровым. Из арки появился милиционерский наряд, и в грудь Гурову уперлись стволы автоматов.

— Вам не оперативниками — пожарниками работать! — Сыщик подтолкнул задержанного к милиционерам, передал автоматы.— Держите за стволы...

Два молодых парня схватили Гурова, пытаясь завернуть ему руки, надеть браслеты.

— Это Гуров! — крикнул подскочивший Крячко.

— Хоть Горбачев, доставим — разберемся! — пыхтел парнишка, безуспешно пытаясь завернуть руку сыщика.

Гуров ткнул ботинком в голень оперативника, тот вскрикнул и упал на колени.

— А ты сам отцепиши или тебя ударить? — спросил Гуров второго. Увидев офицера, позвал: — Майор, подойдите! Я назвал номера машин, кого задержали?

— Одну бээмвешку, но пустую, а вы кто, собственно?..

— Молчать! — рявкнул Гуров. — Ты б еще пораньше сирены включил, тогда бы тебе и консервной банки не досталось. Дерьмо! Там, во дворе, подбери парня, его пальцы на одном из автоматов, если твои сопляки их не захватили. Позади дома, в переулке, «Жигули». — Он назвал номер. — Это их машина. Гильзы подбери, а то ничего не докажешь.

— Ваши документы...

— Взгляни на меня, майор! — вмешался стоявший рядом Крячко.

Майор посмотрел на Станислава, узнал и обомлел.

— Товарищ полковник, а я слышал...

— Тебе Лев Иванович приказал — выполний. Он двоих задержал, а ты банду упустил.

Проезд перегородили милицейские машины, народу собралось уйма. Милицейский полковник, протискиваясь, громко командовал:

— Никого не отпускать! Никого! Всех задержанных в машины! Будем разбираться! — Он схватил Гурова за плечо, узнал, но не отпустил, вцепился еще крепче.

Гуров, не обращая на полковника внимания, смотрел, как из подворотни выносят раненого:

— Перевяжите здесь — он ранен в бедро, может кровью изойти. — Потом повернулся к полковнику, сжал пальцы так, что чуть не сломал, освободил плечо. — Запиши на себя: две машины, двух бандитов с автоматами. Ложкомой... — Оттолкнул его и направился к «мерседесу». — Какую песню испортили, оперативники-соплячки, — сказал он Крячко. — Объезжай квартал, посмотрим, что с моей машиной; она не заперта, стоит поперек.

«Семерка» оказалась цела, лишь в одном месте было прострелено стекло. Зато рядом суетились хозяева других пострадавших машин.

— Бандитизм! — Полный мужчина в плаще, натянутом на пижаму, обнимал свою «четверку», словно раненого ребенка. — У вас лишь маленькая дырочка, а мне весь бок прошили.

— Если бы вам прошили бок, вы бы так не кричали, а тихонько булькали, — заметил Крячко.

— Милиция! — завопил мужчина.

— Сейчас подойдут, — заверил сыщик, — притащат мастику и краску. — Он сел за руль, включил мотор: — Фурыкает. Двигай отсюда, Станислав, и звони...¹⁷¹

Гуров не поехал по заготовленному адресу, а заявился на квартиру Орлова.

Генерал, подтягивая тренировочные штаны, встретил неожиданного гостя спокойно, словно соседа по лестничной площадке, заглянувшего за щепоткой соли или спичками. Прикрыл плотно

дверь в спальню, тихо сообщил, что хозяйка хворает. Проводил Гурова на кухню, поставил чайник.

— Все отстреливаемся, приятель? Уже звонили, сообщили. Я сказал, что Гурова Льва Ивановича всегда не любил за вздорный характер. А теперь давай рассказывай.

Орлов умел слушать просто потрясающее — вовремя кивал, соглашался, подсказывал рассказчику некстати потерянное слово, сопереживал. Когда Гуров закончил, Орлов сказал:

— Видишь, не только у нас бардак. Наркомафия — организация серьезная, организованная, а на русскую землю ступила и заколдышала. Один с тобой переговоры ведет, к вербовке готовит, другой собрал войска, словно не человека решил прикончить, а Измаил брать. — Он вышел из-за стола, обнял Гурова, похлопал по гулкой спине. — Ты у меня переночуешь?

— Если мой диван любимый не выбросили...

— Как можно? Я свой диван для музея криминалистики берегу.

— Мне этот пацан, нынешний начальник МУРа, звонил. Попросил, чтобы я на тебя повлиял, мол, допросить тебя требуется. Я сказал, что мы с тобой расплевались и дружба наша дала течь.

— Я с утра на работе объявлюсь, пусть приглашают.

— Лева, прошу, ты там особо не пыли, все-таки это наша с тобой контора, можно сказать, Отечество.

— Полагаю, они меня сразу в прокуратуру потащат, — ответил Гуров. — О чем со мной в МУРе беседовать? Я никого не убил, лишь ранил, у меня самозащита, нападавших взял с оружием. Какие претензии? — Гуров хлебнул чай, обжегся, подошел к окну, открыл форточку и закурил.

Орлов пил чай из блюдечка, вытягивая губы и отдуваясь.

— Бытие определяет сознание или Господь, не знаю, но со мной несправедливо получилось — родили меня нормальным, рос здоровым. — Гуров помолчал. — Ударить по голове железом, выстрелить — так запросто, и рука не дрогнет.

— Человек с дерева не успел слезть, а уже умел защищаться, — сказал Орлов.

— Объяснить все можно. Страшно не то, что бью и стреляю. Раскаяния во мне нет, только злость. Профессию пора менять, так я ничего другого не умею.

Окончание следует.

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ жизнь

Когда Юлия Федоровна Воробьева приезжает из Донецка в Москву и останавливается у моей знакомой, в квартире начинают отказывать электроприборы, останавливаются электронные часы... Уже в первые минуты беседы я почувствовал волны энергии, исходящие от Юлии Федоровны, начало покалывать виски. К концу беседы мне уже было жарко, мои обычные холодные руки стали горячими.

ми. Этот заряд держался дня два...

— Говорят, что вы помогаете комитету «Надежда» искать солдат, без вести пропавших в Афганистане?

— Ну как я могу их найти? Единственное, что я могу сделать, это сказать матери, мертвый ее сын или живой.

...В прошлом году у нас в Донецке пропал парень 17 лет, сын ра-

Быть может ...

ботника КГБ. И вот меня вызывают в КГБ, показывают фотографию, говорят: «Что вы можете сказать о нем?» Тогда я не знала, что это за парень. Говорю: «Он живой, но сейчас находится далеко от дома, около воды».

И больше мне ничего не сказали. Но через некоторое время увидала в газете его фотографию под заголовком: «Помогите следствию». Потом узнала, что они вышли на каких-то московских экстрасенсов. Те сказали, что он убит и закопан в нашем аэропорту, где стройка идет. Перекопали там всю землю — не нашли.

Снова ко мне. Говорю: он живой, около воды.

И вот месяца три назад ночью звонит мне отец этого парня. «Юлия Федоровна, никому верить больше не буду, кроме вас! Мы сына нашли. В Новороссийске, в порту». Учиться не хотел, убежал.

Но розыск пропавших — единичные случаи. Основная моя работа — диагностика.

— Не лечите?

— Во время осмотра происходит и лечение. Потому что человек получает мою биоэнергию, у него улучшается кровообращение. От чего мы страдаем? От того, что у нас нарушается кровоснабжение того или иного органа.

— А восточная медицина считает, что первопричина болезней — нарушение циркуляции не крови по сосудам, а биоэнергии по меридианам. Вы видите эти китайские точки и меридианы?

— Этих восточных теорий я не знаю. Но я вижу точки. Если орган больной, то точки светятся тускло. Они похожи на ртутные шарики.

— Юлия Федоровна, а когда вы обнаружили в себе эти феноменальные способности, эту «суперэнергию»? С чего, собственно, все началось?

— Это случилось 3 марта 1978 года. Я работала в Донецке красновщицей на козловом кране. Был сильный ветер, дождь, рядом оголенные провода. И кран замкнуло на корпус. 380 вольт!

После того, как я вышла из больницы, у меня полгода совершенно не было сна. Страшная головная боль — будто кто-то мешает в голове ложкой. Соседи первое время не ночевали дома — им становилось жутко от моих криков. Дали вторую группу инвалидности. Мне было тогда 37 лет...

Я смогла нормально заснуть только через полгода. И сон меня исцелил. Боли исчезли. Все прояснилось.

— Теперь вы хорошо себя чувствуете?

— Иногда во время гроз у меня голова становится тяжелой. Но такое редко бывает... Так вот, после всего этого я стала чувствовать, что я не такой человек, как все. Появились странные ощущения. Я стала видеть — сначала тускло — внутренние органы человека. На мгновение встаньте на мое место. Это было ужасно! Я думала, что схожу с ума...

— Вы можете управлять этим явлением?

— Не всегда. Что-то в мозгу переключается. Это зависит и от пациента. Иногда очень трудно бывает «просмотреть» человека. А на последнем выступлении «просматривала» людей, не вызывая на сцену, в одежде — столько аплодисментов было... Иногда я такие подробности вижу, что мне самой страшно становится.

У меня совершенно поменялось мышление. Часто я просыпаюсь по утрам такая же жизнерадостная, как была когда-то. А потом меня будто кто-то разворачивает на 180 градусов. Заставляет видеть мир

по-другому, более глубоко. Появилось ощущение, что рядом со мной постоянно находится какое-то невидимое существо, высший разум, который оберегает меня, управляет мной, ведет меня по жизни и показывает то, чего я не видела раньше.

Постепенно я открывала в себе все новые способности. Когда меня изучали французы из телекомпании «Антенн-2», я ответила на 11 пунктов их теста из 12, остался последний. Я вошла в состояние какого-то экстаза. Режиссер Бернардо Мартини говорит: «Мы объезжаем весь мир — начали от зарослей Боготы и закончим в Лос-Анджелесе, — выискивая людей с экстрасенсорными способностями. Но еще ни один человек не ответил на все 12 вопросов. Доходили только до шестого. Вы ясновидящая. Вы должны уметь читать мертвое биополе». А я никогда не занималась такими вещами.

Мартини берет пачку цветных фотографий, тасует ее, как карточную колоду, и дает мне одну.

На ней молодой мужчина, который сидит в кресле и курит. Я говорю: этот мужчина недавно умер от СПИДа. Бернардо Мартини подтверждает: да, он умер от СПИДа.

Дают вторую фотографию. На ней девочка с косичками. Эта девочка, говорю я, всю жизнь будет рисовать. Мартини кивает утвердительно. Она художник-мультипликатор.

На третьей фотографии женщина в белом халате держит в руках тонометр, рядом больничная койка. Я объясняю: она не врач, а актриса в роли врача. Подтверждают: актриса.

Четвертая фотография — лицо ребенка лет шести-семи. Я «вижу»: ребенок — мутант, он родился без нижних конечностей.

Бернардо Мартини поднимается, говорит: «Браво, Юлия, высший балл!»

— Что вы ощущаете, когда «получаете информацию»? Как она к вам приходит?

— Если человек мертвый, то на фотографии у него такие глаза... Нет, это не объяснить словами.

— В общем, вы получаете информацию с помощью зрения, «читываете» ее?

— Да. Некоторые ученые говорят, что я слепая, потому что электротравма в первую очередь поражает глаза. Они говорят, что я вижу только мозгом, мысленно. Но я с ними не согласна. Ведь стоит мне закрыть глаза рукой — и я уже ничего не вижу. Может быть, и в самом деле есть этот «третий глаз», о котором говорят.

Люди, которые снимали мои энцефалограммы, изучали меня компьютерным томографом, доказывали мне, что я «вижу затылком», а не глазами. Но я этого не могу понять...

Часто слышу голоса (мое психическое здоровье много раз проверяли и никаких отклонений не нашли). Был такой случай. Мой сын служил в Сухуми. А я тяжело болела — даже не помнила, когда сын ушел в армию. Когда мне стало легче, я решила съездить прощевать сына. Утром 23 ноября 1988 года кто-то говорит мне: «Юля, к Саше ты не поедешь».

— А голос мужской или женский?

— Мужской. Я всегда слышу мужской голос.

Сказала невестке, она: «Мама, вы волнуетесь, это отражение мыслей». А уже был куплен билет на час дня. Буквально через час звонит «междугородка»: «Мама, не приезжайте. Нас перебросили. Мы в Ленинакане». Что же это такое?

Летом 1990 года я выступала в Ялте. Мне приносят газету, в которой написано, что в Крыму будет большое землетрясение, поэтому, ложась спать, не нужно запирать двери, окна... Эта статья вызвала массовый психоз. Вечером я легла спать. И вот, засыпая, в полусладкую виджу: ко мне идет старый человек, накрытый чем-то вроде скатерти. Скатерть с желтыми, зелеными, черными рисунками, по краям бахрома. Я хотела крикнуть, но у меня перехватило дыхание. Я его спрашивала мысленно: «Будет ли землетрясение?» А он мне отвечает таким умиротворенным голосом: «Спите спокойно. Землетрясения в Крыму не будет. Будет большая трагедия на Ура-а-але-е». Последнее слово он протянул нараспев... Я ожидала утра, мне было жутко, страшно. Это случилось 18 августа. А 21 и, кажется, 22 августа было три взрыва на уральских заводах.

— Лицо этого человека вы не запомнили?

— Обросшее лицо старого человека, седые волосы. Такие лица я потом видела еще раз, перед поездкой в Индию. Я проснулась ночью — кто-то разговаривает. Подумала, что дети уснули и забыли выключить телевизор. Я встала и пошла в детскую. А чтобы в нее попасть, нужно пройти через зал. Только я занесла ногу, чтобы ступить в зал, виджу: пола нет, глубокая-глубокая яма, в которой сидят много-много старых людей, каждый накрыт чем-то вроде скатерти. Я испугалась. Вскрикнула, отпрянула. Они подняли на меня головы, и пол сошелся передо мной, как двери лифта. И голоса исчезли.

— Как вы думаете, этот «высший разум» поддерживает связь только с избранными или со всеми?

— Человек подкармливает пчел, строит ульи. Пчелы не видят человека, но чувствуют его, зависят от него. Так и мы. Я чувствую, что рядом с нами те, от кого мы зависим. Просто не всем они открыты.

— Вы считаете, что «высший разум» и «инопланетяне» — одно и то же?

— Да, я считаю, одно и то же.

— А те «люди», которых вы ночью видели в вашей квартире, что это иное?

— Это тоже связано с «высшим разумом».

Но и в том случае, и в случае со стариком в Ялте я не успела узнать больше того, что мне хотели сказать.

— Они живут на другой планете или здесь?

— Мне кажется, рядом с нами. Нам не дано их видеть, и поэтому они для нас «инопланетяне». Но я считаю, что они рядом и поддерживают нас.

Я большой скептик, меня трудно заставить во что-то поверить. Может, потому, что жизнь со мной так обошлась: даже в отношении этого феномена — меня за него очень много терзали. Сколько я перенесла унижений! Хотя ни на что не претендовала. Просто хотела доказать: аномалии в нашей жизни существуют.

Мне почему-то кажется, что многие обладают такими же, как у меня, способностями, но молчат. Потому что догадываются, сколько горя приносит такое «прозрение». У меня были первые срывы, я вообще готова была покончить с собой. Удивляюсь, откуда я брала силы помогать людям. Когда тебя не признают, тебе не верят, не так это просто. Добро должно быть обоядным...

— И все же «энергия Воробьевой» стала фактом и весомым аргументом

гументом в научных спорах...

— В 1987 году после публикации в «Известиях» меня пригласили на обследование в Киевский институт ядерной физики. Мне показывали щиты с тысячами маленьких отверстий, и я находила, из какого отверстия идет невидимый луч лазера. Для меня-то он видимый. Потом закрывали в темной комнате, в одном из углов которой клади перед этим серые камни. А для меня они светятся, и я говорила, где и как светятся.

— Это, наверно, потруднее, чем найти черную кошку в темной комнате.

— Ученые за головы хватались.

— У вас не было желания бросить все, замкнуться в личной жизни?

— Я не смогла бы... Что-то говорит мне, что это моя судьба, моя миссия.

— Чем вы занимаетесь в последнее время?

— Домом. Скоро буду бабушкой. Консультирую. Регулярно выступаю не только в Донецке, но и в Москве — в центре «Лестница в небо».

На мои выступления часто приходят священники и потом говорят мне: «Это проповедь». А люди слушают затаив дыхание...

Беседу вел
ДМИТРИЙ СЕМЕНИК.

Париж
запомнил
ее имя

Y каждого человека есть как бы две биографии, которые он проживает в разных временных измерениях. Одна — внутренняя, глубинная, исчислимая только пройденным духовным путем, работой души и сердца. Другая — внешняя, укладывающаяся в рамки анкеты.

Интересны нам не внешняя канва, внешнее время, перечень событий и фактов, особенно, когда речь идет о людях знаменитых, а высоты и бездыны внутреннего мира. Не случайно в автобиографических описаниях Чаплина и Пиаф, Бергмана или Феллини нет мелочной житейщины, а есть драматизм, столь свойственный их творчеству и судьбе.

Меня давно уже интересовала природа и какая-то неповторимая красота не менее высокого драматизма в творчестве грузинской певицы Тамары Гвердцители. Потому что ее голос, ее песни, как мне всегда казалось, словно бы освещены каким-то древним заревом, окрашены в трагический цвет, какой бывает на полотнах Гойи. И не понять — то ли это цвет страсти, то ли цвет смерти. Как будто бы каждый раз артистке приходится в трехминутном пространстве песни проживать целую шекспировскую трагедию. Это ее состояние гениально угадал Сергей Параджанов. Увидев однажды Тамару в тбилисском аэропорту, сказал ей: «Ты всегда должна быть в черном, только с одной красной точкой». Когда самолет приземлился в Москве, Параджанов где-то не-мыслимым чудом добыл букет ярко-красных тюльпанов и преподнес их Тамаре, подарив и снятый с себя георгиевский крест собственноручной работы...

...Кто бы мог подумать в начале семидесятых годов, что тоненькая, как поющая тростиночка, девочка Тамрико Гвердцители из детского

грузинского ансамбля «Мзиури» через несколько лет станет одной из лучших наших исполнительниц. Но именно в детстве истоки глубины дарования Тамары, именно тогда душа ее начинала радостно и мучительно постигать мир, открывая в нем трагическое — земное и светлое, спасительное — небесное, смутно предчувствуя начало красоты и творчества.

Известен эпизод. В 1974 году «Мзиури» с гастролями оказался в голландском городке Эллен. Концерт назначили в помещении местного собора. Во время репетиции Тамрико вдруг исчезла, взлетев куда-то вверх по деревянной лестнице. И тут по собору неожиданно поплыли звуки органа — Тамрико играла прелюдию Баха. На концерте ей снова пришлось сесть за орган, теперь под сводами собора звучала божественная музыка «Аве, Мария».

Значительно позже в судьбе Тамары будет Тбилисская консерватория, где она получит классическое образование по классу фортепиано и по вокалу. Вот почему она, эстрадная певица, работающая, в сущности, в шоу-жанре, имеет полное право сказать о себе: «Я нахожусь на очень правильной стороне музыки». Она доказала это право всей творческой судьбой. И когда, еще в бывшем Советском Союзе, на VII Международном фестивале молодежной песни «Красная гвоздика» в Сочи в свои девятнадцать лет была названа лучшей из исполнителей, представлявших искусство двадцати семи стран. И когда две недели провела в Афганистане, выступая перед ребятами, уходившими на бесмысленную смерть. И если в искалеченных телах и душах тех, кто выжил, остался от того времени хоть небольшой уголок света, то есть в нем и свет красоты, зажженный в те дни Та-

марой. Разве забудут они, как под взрывами отказалось освещение в зале, и Тамара Гвердцители пела в полутьме, видя лишь огоньки фонариков и пламя зажигалок. Сегодня об этом немодно вспоминать, но помнить необходимо. Ибо в ад и пекло пошли бы за сыновьями и братьями матери и сестры, любящие подруги. Но их голосом, их нежностью, их глазами, их женской болью была там Тамара...

Такой опыт навсегда остается шрамом на сердце артиста. И как знать, может, не будь в ее жизни того военного зала с мигающими огоньками зажигалок, не было бы и другого, ровно через десять лет, в сентябре 1994-го, самого престижного в мире роскошного зала на 2800 мест — парижской «Олимпии», в котором выступают только звезды эстрады. Неисповедимы пути Господни! Во всяком случае, знаменитейший французский поэт Жан Дрежак, чьи песни (в том числе и «Под крышами Парижа») пела Эдит Пиаф, впервые познакомился с творчеством Тамары Гвердцители. Он не мог быть очарован только ее удивительным голосом и красотой. Конечно же, он увидел в ней большую актрису, незаурядную личность с выстраданной судьбой. Да, разумеется, в ней очевидно тяготение к подчеркнутой заостренности и драматургичности манеры Пиаф, с детства являющейся кумиром Тамары. Но этого слишком мало, чтобы взойти на Олимп «Олимпии». Нужна индивидуальность, нужна своя философия, о которой не кричат, но которая притягивает к себе каждым жестом, выражением глаз, каждым словом, каждой нотой...

На вечере в парижской «Олимпии», посвященном 50-летнему творческому юбилею классика французской эстрады, среди лучших французских артистов и музыкантов (достаточно назвать лишь

Мишеля Леграна и Анри Сальвадора) выступала единственная иностранная певица — Тамара Гвердцители. Жан Дрежак написал специально для нее песню «Возлюби ближнего своего» и, объявляя на своем юбилейном концерте певицу, обратился к изысканной и блестящей публике: «Запомните это имя — Тамара! Эта артистка еще не раз будет покорять сердца парижан!» Едва живая от волнения Тамара вышла на сцену. После первой песни зал взорвался овацией. После второй — сомнений в победе уже не было. Париж запомнил ее имя!. И ничего, что пальцы были ледяные, и ничего, что сгорели тысячи нервных клеток, но она доказала себе и другим, что недаром прошла свой собственный путь и что она действительно «на очень правильной стороне музыки...». За этой победой стояли и ее дом в Тбилиси, и дом в Москве, где мама и девятилетний сын Александр ждали ее, как всегда, с любовью, как всегда, веря в успех. Потом, уже из Москвы, она напишет в Тбилиси своему педагогу по вокалу Берте Иванне Иванницкой: «...вот я и допилась до «Олимпии»... теперь я понимаю, какие крылья вы мне дали». А там, в Париже, Тамара думала после концерта об Иванницкой: «Если бы она меня сейчас слышала!..» «В чем же талант педагога?» — не понимал я. «В том, — отвечала Тамара, — что талантливый педагог не трогает природы, он только добавляет к ней профессиональные секреты. И помогает завуалировать недостатки, а они все равно есть у каждого...»

Еще один вопрос не мог не задать Тамаре: что она хочет сказать песней, для чего выходит на сцену? Хорошо, что у нее не было готовых ответов. Видел, как она думает, как сомневается и отбрасывает не нравящиеся ей форму-

лировки, и наконец находит точный ответ — высказывается эмоционально, по-южному темпераментно, словно доказывая, кому нечего сказать и нечего спеть: «Мы — все Божьи создания. Хочу нести образ достойной, гордой женщины. И красоту воспринимаю через доброту, злое — оно некрасивое. На свете есть место всем — от монахини до проститутки. Сцена как зеркало воспроизводит и то и другое. Но мне близок образ гордости и достоинства. В испанках есть такое начало: быть все время на краю пропасти, в них и страсть, и сумасшествие, и достоинство. Это, может быть, соединение двадцатого века и античности. Любовь и кровь там всегда рядом. Меня потрясает, как голосом всех женщин была Марина Цветаева. И я пою о достоинстве женщины. Ее надо добиться, она не легко доступное существо...»

На стихи Марины Цветаевой Тамара поет цикл песен, к которым написала музыку. И это тоже многое объясняет в характере певицы. У нее изысканный вкус. Она благодарит Бога, что может на грузинском языке читать стихи Тициана Табидзе. Благодарит Бога, что может на русском читать Достоевского, Толстого. Плачет, читая Чехова. В Париже для нее даже написали песню «Антон». Потрясающие границы искусства: грузинская певица на французском языке поет песню французских авторов о грустном русском писателе Антоне Чехове!.. Если бы была возможность встретиться с кем-то из прошлой эпохи, она хотела бы познакомиться с Цветаевой и Антоном Павловичем...

Песни Тамары чаще всего трагичны. Не потому ли, что несут в себе нечто пророческое, предчувствие большой беды, пришедшей сегодня и в Грузию, и в другие бывшие дружественные республи-

ки? Говорить об этом спокойно Тамара не может. Чувствую, что болью отдаётся в ней наша всеобщая беда, последствия которой вряд ли будут исчерпаны двадцатым веком.

Жизнь подарила ей встречи с такими неординарными людьми, как Параджанов, Абуладзе, Данелия, Башмет, Стурна (с последним, кстати, в планах есть замысел осуществить на сцене драматическую постановку с Тамарой в главной роли). А Евгений Леонов как-то сказал: «Для меня в вас — вся Грузия».

Если сердце художника отзыается на горе и боль других людей, тогда у него есть будущее. Тогда «от песен мороз по коже идет...». И тогда мечта: «Я бы хотела спеть с Паваротти...» станет такой же реальной, как парижская «Олимпия».

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

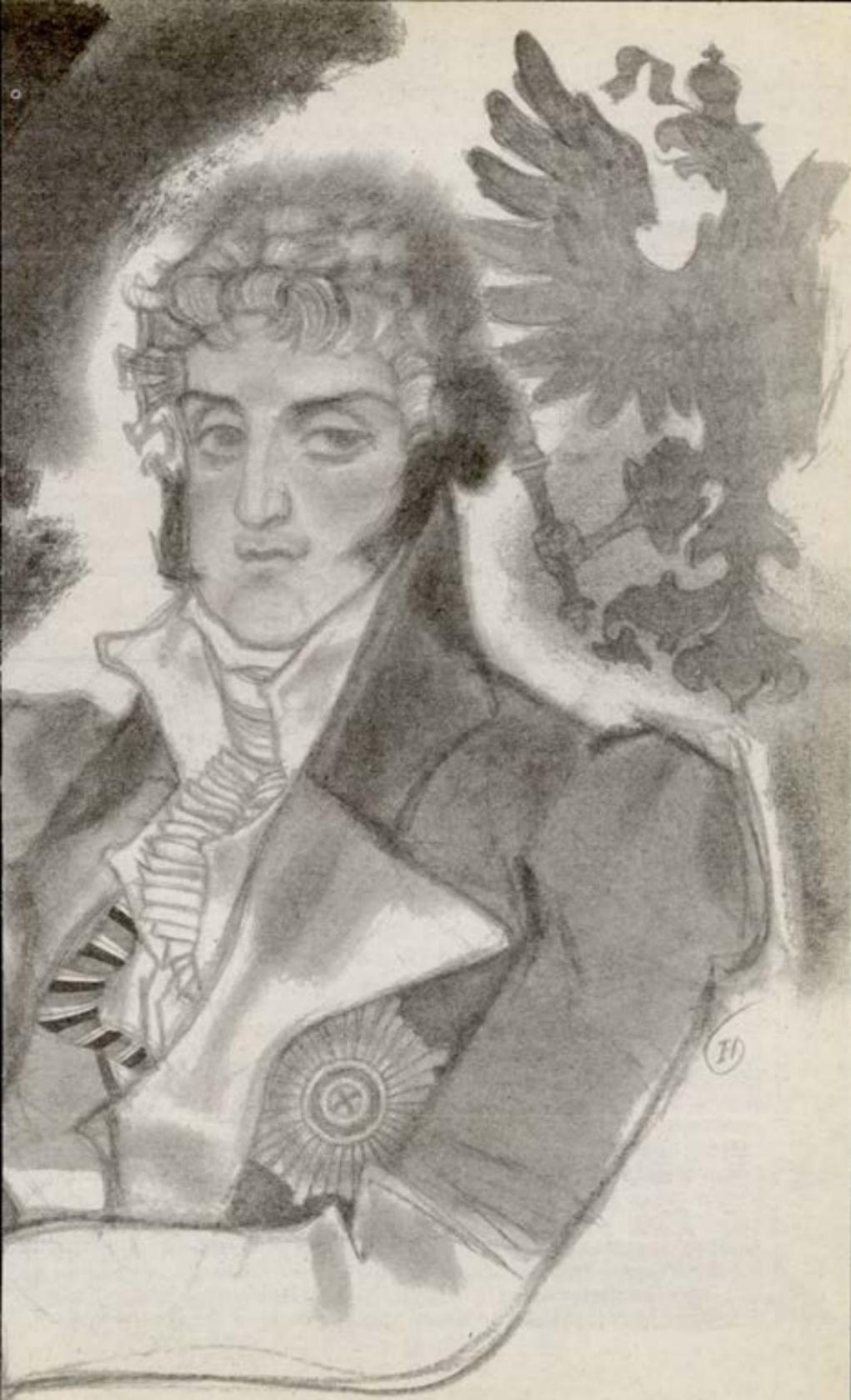
Фото на IV-й обложке
ГРИГОРИЯ КУЗЬМИНА

ИНОСТРАННЫЙ

МАРК АЛДАНОВ

Рисунок
ГЕННАДИЯ
НОВОЖИЛОВА

Князь Андрей Болконский накануне Аустерлицкого сражения входит с Борисом Друбецким в Ольмюцкий дворец, где остановились императоры. Навстречу им из кабинета Александра I идет «невысокий человек в штатском платье, с умным лицом и резкой чертой выставленной вперед челюсти, которая, не портя его, придавала особенную живость и изворотливость выражения». Этот человек пристально-холодным взглядом стал вглядываться в князя Андрея, идя прямо на него и, видимо, ожидая, что князь Андрей поклонился ему или дал дорогу. Князь Андрей не сделал ни того, ни другого; в лице его выразилась злоба, и молодой человек, отвернувшись, прошел стороной коридора.

— Кто это? — спросил Борис.

— Это один из самых замечательнейших, но неприятнейших мне людей. Это министр иностранных дел, князь Адам Чарторыйский...

На первый взгляд непонятно, зачем понадобилась Толстому эта сцена. Больше Чарторыйский у него не появляется нигде, ни разу. Между тем в художественных страницах «Войны и мира» лишнего нет ничего. Сцена в самом деле была характерна и в психологическом, и в историческом смысле.

Князь Адам Чарторыйский родился в 1770 году. Он принадлежал к одной из знаменитейших польско-литовских семей. Чарторыйские впервые появляются в истории в XV веке, — правда, для первого появления достаточно шумно: братья Иван, Александр и Михаил Чарторыйские убили в 1440 году великого князя Литвы Сигизмунда. Позднее, как водится, появились родословные, возводившие род Чарторыйских к Гедимину. Семья была очень богатая, однако менее богатая, чем так называемые «короли»: Радзивиллы, Потоцкие, Любомирские, Острожские, Конецпольские, которым принадлежали десятки городов.

Особенное влияние Чарторыйские приобрели в Польше в XVIII веке. Тогда их род и их партия (что в Польше часто означало одно и то же) стали просто именоваться «фамилия»: когда говорили «фамилия», это значило Чарторыйские. Фамилия долго стояла за Россию и вела из-за этого борьбу с Потоцкими, которые ориентировались на Францию. Фамилия же, по желанию России, посадила на престол последнего польского короля Станислава Понятовского. Понятовский был избран и держался, как говорили враги его, «штыками князя Репнина», который в ту пору командовал стоящими в Польше русскими войсками.

Но таковы были исторические судьбы Польши, что из главных вождей русской партии Чарторыйские превратились в злейших врагов России. Князь Адам уже был воспитан на чувствах жгучей ненависти ко всему русскому. Он сам рассказывает в своих воспоминаниях: «Я был до такой степени под властью этого двойного чувства любви (к Польше) и ненависти (к России), что при каждой встрече с русским, в Польше или где-либо в другом месте, кровь бросалась мне в голову, я бледнел и крас-

нел, так как каждый русский казался мне виновником несчастий моей родины».

В этих чувствах особенно укрепляла будущего русского министра иностранных дел его мать. Императрица Екатерина, по словам Чарторыйского, утверждала, что «мать наша якобы заставила нас, как некогда Гамилькар молодого Ганнибала, дать клятву в вечной ненависти к Московскому государству и его государыне». Как можно заключить из цитаты, Чарторыйский не слишком это и отрицает.

Здесь я должен коснуться щекотливого вопроса — обойти его молчанием в очерке о Чарторыйском невозможно. Современники князя Адама — по крайней мере русские его современники — были убеждены в том, что по крови он не поляк и не сын князя Адама-Казимира. Говорили, что отцом знаменитого польского государственного деятеля был русский — тот самый князь Н. В. Репнин, о котором речь была выше.

Репнин имел репутацию покорителя сердец. О днях своей юности он сам оставил забавный — к сожалению, краткий — рассказ: «Послали меня в молодости, по тогдашнему обычаю, в Париж, где я весело жил и проказничал. Приезжает к нашему послу курьер и привозит, между прочим, ему от императрицы Елизаветы Петровны повеление немедленно выслать меня в Петербург; за что и про что, ни посол, ни я не понимали. Явился я к государыне. «Здравствуй, Николаша!» (так изволила называть меня). «Ты, небось, испугался. В Париже, слышу, ужась какой разврат и распутство: Бога забыли. Вспомнила о тебе: что тебе делать в этом Содоме? Живи лучше дома».

Быть может, именно этот случай и создал репутацию князю Репнину, но сохранялась она за ним долго и твердо.

Исторического значения вопрос, слава Богу, не имеет. Но психологическое значение его огромно (только поэтому, разумеется, я на нем и останавливаюсь). Ошибались ли современники князя Адама или не ошибались — молва была именно такова, и Чарторыйский не мог о ней не знать. В первые двадцать пять лет и в последние тридцать лет своей долгой жизни он считался (и в значительной мере действительно был) заклятым врагом России и всего русского.

II

Князь Адам Чарторыйский получил прекрасное образование. Воспитывали его, как тогда полагалось в значительной части высшего общества, в духе передовом и либеральном. «Наше воспитание, — вспоминает князь Адам, — было чисто польское и чисто республиканское. Наши отроческие годы были посвящены изучению истории и литературы, древней и польской. Мы только и грезили, что о греках и римлянах, и мечтали лишь о том, чтобы, по примеру наших предков, возрождать доблести древних в нашем отечестве».

Не вполне сбылись эти мечты, но дух молодости князя Чарторыйского был именно таков. Незачем упоминать, что в быту его юных дней Платон кое-как уживался с Домостроем (в условном

смысле того и другого слова). Так было и в пору самого Плутарха, так было везде и всегда. Позднейшие историки, конечно, иногда позволяют себе небольшое развлечение с добрым старой, вечно юной ссылкой на «нашего Мирабо», который за измятое жабо хлещет старого Гаврилу, — однако попрекать свободолюбивых магнатов XVIII века крепостным правом так же бесполезно, как, например, в наше время попрекать главу II Интернационала его миллионами и роскошной виллой в окрестностях Брюсселя. Правда, из воспоминаний князя Чарторыйского не выносишь впечатления, что он, при своей ненависти к иностранным поработителям Польши, задумывался над участью десятков тысяч людей, которых «поработил» он сам. Как бы то ни было, и в Голубом дворце (варшавская резиденция Чарторыйских), и в подольских имениях, и в Пулавах он воспитывался в роскоши, окруженный учителями и гувернерами — польскими, датскими, французскими; немало путешествовал, гостили в Англии у лорда Ландсдоуна, занимаясь изучением английской конституции. 18 лет от роду он уже был маршалком (председателем) какого-то сеймика!..

Затем началась война с Россией. Чарторыйский принял в ней участие, храбро сражался и получил боевой орден из рук короля.

В эпопее 1794 года он, однако, не участвовал, по-видимому, по случайным причинам; но, может быть, и не всему сочувствовал в программе Тадеуша Костюшки. Знаменитый польский генерал, сын бедного шляхтича, бывший воспитанник Чарторыйских, был, конечно, для князя Адама слишком «левым»; а полонецкий универсал, которым Костюшко объявил свободными людьми всех крестьян Речи Посполитой, мог в Голубом дворце вызвать и панику.

После третьего раздела Польши большая часть имений, принадлежащих князьям Чарторыйским, оказалась в России. «Фамилия» принимала участие в борьбе с русским правительством; на имения был наложен секвестр. Правда, кое-что (около четверти огромного состояния) осталось в Австрии, так что можно было прожить вполне безбедно. Но плутарховский стиль допускал порою и отступления. «Ходатайства австрийского двора за моего отца (т. е. о снятии секвестра). — М. А.) остались без результата. Екатерина не могла простить моим родителям их патриотизма и их причастности к восстанию Костюшки. — «Пусть оба их сына, — заявляла она, — явятся ко мне, и тогда мы посмотрим». — На семейном совете решено было несколько поступиться римскими чувствами. Это было в нашем положении самой тяжелой жертвой, которую мы считали себя обязанными принести родительской любви».

В декабре 1794 года молодые князья Чарторыйские выехали из Вены в Петербург.

III

Молодого Чарторыйского ждала в Петербурге совершенная неожиданность: он ехал к варварам и извергам, а попал в очень

милое, радушное и гостеприимное общество. «Мало-помалу мы пришли к убеждению, что эти русские, которых мы научились инстинктивно ненавидеть, которых мы причисляли, всех без исключения, к числу существ зловредных и кровожадных, с которыми мы готовились избегать всякого общения, с которыми не могли даже встречаться без отвращения,— что эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие...»

Открытие было поразительное. Добавлю, что князь был очень молод. При всем желании строго выдерживать тон гражданской скорби он не мог не поддаться общему строю жизни петербургского общества — жизни шумной, блестящей и веселой. «Мы приобрели много знакомств и ежедневно получали приглашения от представителей высшей аристократии. Обеды, балы, концерты, вечера, любительские спектакли беспрерывно следовали один за другим...»

Главный же сюрприз, сыгравший огромную роль в жизни князя Адама, был впереди. Однажды великий князь Александр Павлович, встретив его на набережной, пригласил его к себе в Таврический дворец, где жила весной царская семья. В назначенный день и час Чарторыйский явился к великому князю. Они вдвоем спустились в дворцовый сад и гуляли там три часа. И странные, неожиданные, поразительные речи услышал от будущего императора молодой польский офицер.

«Великий князь сказал мне тогда, что совершенно не разделяет воззрений и принципов правительства и двора; что он далеко не оправдывает политики и поведения своей бабки и порицает ее принципы; что его симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение; что в его глазах Костюшко был великим человеком, по своим доблестным качествам и по тому делу, которое он защищал... Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, должна принадлежать всем людям; что он чрезвычайно интересовался французской революцией; что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха Республике и радуется ей!..»

Впечатление было потрясающее. «Сознаюсь,— пишет князь Адам,— я уходил пораженный, глубоко взволнованный, не зная, был ли это сон или действительность... Не чудо ли это было, что в такой атмосфере и среде могли зародиться столь благородные мысли, столь высокая добродетель?.. Было столько чистоты, столько невинности, решимости, казавшейся непоколебимой, самоотверженности и возвышенности души в словах и поведении этого молодого принца, что он казался мне каким-то высшим существом, посланным на землю Прорицанием для счастья человечества и моей родины. Я дал себе обет безграничной привязанности к нему».

После этого исторического разговора в Таврическом саду князь Адам Чарторыйский прожил еще шестьдесят с лишком лет. Он говорит, что чувства того дня «устояли перед всеми ударами, которые им позднее нанес сам император Александр». В действительности, это было не совсем так. Много разных, очень разных суждений высказал князь Адам о своем друге на протя-

жении посланной ему долгой жизни, и многое, очень многое их впоследствии разделило. Только ли император был виновен в разрыве их дружбы, только ли политика была причиной разрыва, я судить не берусь. В таких делах мы обычно не знаем почти ничего ни о чем. Князь Чарторыйский в своих воспоминаниях, естественно, не сообщает, что он был страстно влюблен в императрицу Елизавету Алексеевну, жену Александра Павловича...

В 1798 году, при Павле Петровиче, князь Адам был назначен российским посланником при сардинском короле и провел три года в Италии, занимаясь преимущественно искусством, археологией, изучением Данте (он и сам писал стихи). Известие об убийстве императора Павла застало его в Неаполе. По словам Чарторыйского, русский курьер, привезший это известие в Италию, имел вид глухонемого: «не отвечал ни на один вопрос, издавал только какие-то непонятные звуки, находясь, видимо, под впечатлением ужаса». Этот курьер привез также князю приказ немедленно возвратиться в Петербург. «Я был в восторге...»

Вернувшись в Россию, князь Адам сразу стал правой рукой Александра I. Именно по его инициативе был создан так называемый «Комитет общественного спасения», в который, кроме царя и Чарторыйского, входили Строганов, Новосильцов и Кочубей. Несколько позднее князь был назначен товарищем министра иностранных дел, а с уходом канцлера Воронцова стал главой этого министерства. Можно без преувеличения сказать, что польский магнат, еще недавно, по собственным его словам, бледневший от ненависти при каждой встрече с каким бы то ни было русским, был в течение нескольких лет самым влиятельным человеком в России.

IV

В июне 1802 года в Мемеле (нынешняя Клайпеда) произошло свидание между императором Александром и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III. Русская дипломатия относилась к идее этого свидания крайне отрицательно. Кочубей был весьма недоволен; граф С. В. Воронцов при мысли о нем, по словам очевидца, закрывал от ужаса лицо руками. Тогда подобные встречи происходили много реже, чем теперь, не назывались «конференциями», и принимали в них участие не министры (или не только министры), а монархи, отчего дела шли не хуже и не лучше, чем в наше время. Мемельское свидание выделялось, впрочем, тем, что в нем с прусской стороны участвовала, кроме короля, еще и королева — знаменитая королева Луиза.

Император Александр прибыл в Мемель 10 июня 1802 года инкогнито, под именем «графа Российского» и, как уже замечено, чрезвычайно понравился всем немцам. В восторге от царя был и прусский король. «Такого монарха Россия еще не видывала!» — говорил он.

Что до королевы Луизы, то встреча с царем была для нее большим переживанием. Королева навсегда, на всю жизнь влюбилась в Александра Павловича. Безнадежный роман этот —

и трогательный, и патетический, и порою забавный — стал, по-видимому, главным смыслом ее существования.

Главное же было в том, что царю королева Луиза нравилась не больше, чем нравились ему все красивые женщины. Царь, правда, был чрезвычайно любезен и внимателен, особенно вначале. Позднее он, кажется, сам не знал, как ему отделаться от этого романа (если с его стороны это можно назвать романом). Во всяком случае, в 1807 году он говорил, что предпочел бы с королевой не встречаться.

Письма королевы Луизы к царю сохранились и были опубликованы. Излияний в любви, в тесном смысле слова, в них нет, но многое, начиная с обращения («добрый, дорогой, несравненный кузен» и т. п.), находится, на границе излияний. Все, что делает царь, все вообще, что к нему относится, — «божественно» (это было любимое слово королевы). «Какое божественное письмо вы мне написали!..» Божественен балкон, на котором сидел Александр Павлович. Божественным оказывается даже его кучер — «votz divin Illia»... Царь уезжает — «это ужасно!». К царю едет в гости принц Мекленбургский — «счастливец! Обняв вас, он напомнит вам обо мне»... В письме от 10 июня 1807 года попадается даже такая фраза: «Одна из худших жестокостей Бонапарта заключается в том, что он нашел способ удалить нас друг от друга!» В жизни Наполеона были, пожалуй, дела хуже этого... Словом, роман этот продолжался до самой смерти королевы и, словом, была это старая история, вечная история, одинаковая во все времена и в любой среде: она его любила, он ее не любил. Но здесь от этого отчасти зависел ход исторических событий. Королева Луиза вмешивалась в политику, нельзя сказать, чтобы слишком умно; так, например, в 1807 году, будучи недовольна действиями русского главнокомандующего Беннигсена, она требовала для него «кнута»; выражала также желание «плонуть в лицо» великому князю Константину Павловичу... Но главным предметом ее ненависти был, разумеется, Наполеон. Французский император вел с ней войну, ничего к его славе не прибавляющую. Военные бюллетени — официальные документы, да еще такие — наряду с сообщениями о блестящих победах, о больших исторических делах содержат в себе мелкие, грубоватые, а то и просто грубые выпады против прусской королевы... Все это не помешало Наполеону позднее встретиться с королевой Луизой в пору мирных переговоров. Роль ее в те исторические дни достаточно известна. В Пруссии явно переоценивали обаяние королевы Луизы. Ее нарочно вызывали для переговоров с победителем в надежде, что «небесное видение» смягчит сердце Наполеона и добьется у него лучших условий мира. Расчет был столь же неосновательный, сколь и странный (особенно со стороны Фридриха-Вильгельма III). Прусская королева Наполеону, видимо, очень не понравилась; да если б и понравилась, результат был, наверное, тот же. Их историческое свидание много раз описывалось историками. Королева Луиза говорила о делах, Наполеон переводил разговор на туалеты: «Какое на вас прекрасное платье! Где вы его сшили?» Если верить известному рассказу (Гейне, помнится, написал на эту тему стихи), королева

в заключение с кокетливой улыбкой протянула ему цветок: «Государь, возьмите эту розу и уступите нам Магдебург!..» Наполеон взял розу без особенного восторга — и Магдебург не уступил. — «Галантность тут обошлась бы мне слишком дорого», — писал он Жозефине.

Мемельское свидание не имело важных непосредственных последствий. Но на нем впервые наметилось то направление русской внешней политики, которое оборвалось лишь в 1914 году. Излагаю кратко дела незначительные, частные, личные, и николько не сомневаюсь в том, что тогда, как и теперь, от них зависели великие исторические события.

▼

Польский поэт в эпиграфе к своей поэме поставил слова Маккиавелли: «Надо быть лисицей и львом».

Адама Чарторыйского не любили в высшем обществе Петербурга. Он имел репутацию человека гордого и надменного. У тонких психологов очень принято клише: «под маской гордости» человек якобы скрывал крайнюю свою застенчивость. Это не слишком понятно, но кто знает, может быть, так было с Чарторыйским. «Под видом холодности и сдержанности у него весьма доброе сердце», — сообщал саксонский дипломат, признававший за князем и замечательный ум, и твердый характер. Петербургское общество подозревало в нем коварного ученика Маккиавелли: если бы он только был лев — вдруг он лисица?

190

Почему иностранной политикой России ведает польский князь, еще недавно сражавшийся с русскими войсками? Чарторыйский, повторяю, имел основания особенно часто подчеркивать, что он не русский, а поляк, чистокровный поляк. В той сцене встречи с ним князя Андрея, с которой начинается настоящий очерк, у Толстого очень верно подчеркиваются оба настроения: и политическое недоверие, и личное нерасположение к Чарторыйскому, характерные для очень многих представителей элиты того времени.

Нет, Чарторыйский не был последователем Маккиавелли, и никаких коварных целей он себе не ставил. На посту русского министра иностранных дел он с полной искренностью служил России, но служил ей только потому, что в ту пору считал ее интересы совпадающими с интересами Польши. Интересы России князь Адам понимал по-своему. В течение некоторого времени он искренно верил в те идеи, которые на нынешнем политическом языке можно было бы назвать идеями Лиги Наций, и именно от них ждал восстановления родины. Позднее он с той же добросовестностью пришел к мысли, что России нужна война. России война была не так уж нужна. Но Польша действительно могла возродиться только в результате войны.

Войны с кем?

В 1804 году стало определяться, что Россия будет воевать с «Буонапартом». Борьба с таким противником требовала союза с германскими странами и, в частности, с Пруссией, военный престиж которой стоял еще высоко после побед Фридриха Вели-

кого. Если союз с ней был невозможен, следовало, казалось бы, добиваться ее нейтралитета. Между тем весь план Чарторыйского строился на том, чтобы двинуть одну армию против Наполеона, другую сосредоточить на прусской границе. Предполагалось ультимативно потребовать от берлинского правительства пропуска этой второй армии через прусскую территорию. В случае весьма вероятного отказа 110 тысяч русских войск должны были вторгнуться в Пруссию и разгромить ее. Наполеоном, очевидно, можно было заняться и потом. С точки зрения интересов России план был совершенно бессмысленный. Но если бы Пруссия в войне не участвовала, то отошедшие к ней польские земли так за ней бы и остались. В отсутствии лисьих черт у князя Чарторыйского сомневаться не приходится. Его историческая роль в пору тех событий с особой силой поставила старую и тяжелую проблему двойного подданства, или, если угодно, *двойного патриотизма*.

VI

Против Наполеона, в помощь австрийцам, была двинута 50-тысячная армия Кутузова, составлявшая приблизительно четвертую часть вооруженных сил России. Две другие русские армии, численностью в 90 тысяч человек, под командованием Михельсона предназначались официально «для угрозы Пруссии», а на самом деле для войны с ней. Была, на конец, подготовлена еще четвертая, десантная армия графа Толстого, которую отправили морем из Кронштадта в Штальзунд, чтобы ударить на Пруссию с севера. На пост верховного главнокомандующего намечался знаменитый генерал Моро, давно порвавший с революцией и бывший личным врагом Наполеона. Его предполагалось выписать для этой цели из Америки, где он тогда жил. Отыскали соответствующий прецедент: Петр Великий в свое время для войны с Швецией хотел нанять в Англии Мальборо.

Можно спорить, нужна ли была России война с Наполеоном, продолжавшаяся, с перерывами дружбы, около десяти лет, стоявшая Москвы и сотен тысяч людей, не давшая ничего, кроме военной славы, которой и так после суворовских походов было вполне достаточно. Но уж война-то с Пруссией никому решительно в России, кроме Адама Чарторыйского нужна не была. Весьма странно было и распределение сил.

Наполеон считался величайшим военным гением. Франция в ту пору переживала период, когда после кровавых революционных лет образовалась прочная и мощная власть во главе с очень умным человеком, обеспечившим стране человеческие условия жизни. Насчет своего огромного национального подъема Франция еще могла в течение многих лет вести борьбу со всей остальной Европой.

Казалось бы, для борьбы с таким противником надо было сосредоточить все решительно силы. Между тем по плану Адама Чарторыйского три четверти усилий России направлялись на борьбу с Пруссией! Делалось это, очевидно, с согласия императора Александра — всего через три года после мемельского свидания, где было положено начало тесной дружбе обеих стран.

Это не должно удивлять читателей. То же самое происходило всегда, происходит и в наше время. Лет сорок тому назад «историческим врагом» России считалась Англия. Позднее произошли существенные перемены. Люди нашего поколения видели и «коварный Альбион», и «наших доблестных британских союзников», и «lordам по мордам», и идиллию Идена в литвиновской подмосковной. Можно, конечно, возразить, что в самой России за промежуток времени, отделяющий Ламсдорфа * от Литвинова, произошли достаточно значительные перемены. Но в других странах и без всяких внутренних перемен «исторические враги» меняются достаточно часто. Павел I перешел в историю с репутацией безумца главным образом потому, что у него коренные перемены в направлении внешней политики происходили на протяжении двух-трех недель, а не двух-трех лет.

Формально к Пруссии было предъявлено требование пропустить через прусскую территорию войска, которые совместно с австрийцами должны были действовать против Наполеона. Требование было столь же нелепое, как и вся эта военно-политическая затея: для соединения с австрийцами не было никакой надобности проходить через Пруссию. Впрочем, Чарторыйский почти и не скрывал, что вся его политика строилась на неприменимости требования для прусского правительства. Любопытно и то, что исходил он — по современной терминологии — из «права народа на самоопределение». Но в составленной им записке говорилось, что «в случае крайней надобности» Пруссии взамен отказа от польских земель можно будет предложить Голландию! Австрия в благодарность за то же должна была получить «Баварию и те области в Швабии и Фраконии, которые она сама выберет». Чарторыйский соглашался также подарить кому-либо из эрцгерцогов Венецию.

И то сказать: это ничего ему не стоило. Он «самоопределял» только Польшу.

VII

В сорока верстах от Люблина, на берегу Вислы, расположено великолепное имение Чарторыйских Пулавы. Старый замок XVI века окружен садами, в которых по моде романтического времени были устроены гроты, лабиринты, искусственные скалы. Над рекой княгиня Чарторыйская выстроила «храм Сивиллы», там Чарторыйские собрали самые различные исторические реликвии — от меча Владислава Локотка до правой руки Чарнецкого и головы Жолкевского, выкупленной за большие деньги у турок. Впоследствии, в царствование Николая I, в замке был устроен институт сельского хозяйства, и Пулавы превратились в Ново-Александрию.

В замке этом осенью 1805 года произошло событие, которое может быть признано высшей точкой дружбы в многовековой истории польско-русских отношений. Приняв военно-политическую программу князя Адама, император Александр решил

* Ламсдорф В. Н. — в 1900—1906 гг. министр иностранных дел.

в знак особой милости к нему и к полякам вообще по пути в армию погостить у Чарторыйских в Пулавах. Он прибыл в замок в ночь на 18 сентября 1805 года, прибыл в условиях довольно необычных. Кучер царя заблудился в лесу и вдобавок разбил коляску, наскочив на пень. По счастью, проезжавший с бочкой вина разносчик-еврей взялся доставить царя в Пулавы. Александр, совершенно измученный, оказался в замке в два часа ночи. Его никто не ждал и не встречал. Он не велел будить хозяев и, не раздеваясь, заснул в первой попавшейся комнате. Только на утро Чарторыйские узнали, какой гость ночью к ним прибыл. Княгиня Изабелла отправилась благодарить императора за честь, оказанную их дому. «Не вам меня благодарить, княгиня, — отвечал царь, — а мне вас: вы дали мне моего лучшего друга».

В Польше начались необыкновенные торжества. Чарторыйские, как могли, распространяли известие о плане их сына. К ним в Пулавы хлынула знать. «Сущий прельститель» был чрезвычайно милостив и любезен со всеми. Совместно совершились паломничества в «храм Сивиллы». Один из польских гостей, Каэтан Кошмян, писал: «Если бы император Александр был частным лицом, он все же оставался бы самым красивым, самым приветливым в обращении и самым благовоспитанным человеком в мире. Поэтому можно себе представить, какое очаровательное впечатление производил этот самодержец могущественнейшего государства, блиставший всей красой расцветающей весны и сделавшийся с начала своего царствования предметом поклонения своих подданных и чужеземцев, надеждою всего человечества».

Эти дни были апогеем славы, влияния и счастья князя Адама Чарторыйского. Все знали, что план воссоздания Польши принадлежит ему и держится на нем одном. Предполагалось, что после победы сначала над Пруссией, потом над Наполеоном все польские земли будут объединены: Александр Павлович должен был стать польским королем. Князь Адам мог, вероятно, претендовать на пост наместника. Останавливались ли на этом его мечты? Некоторые из современников намекали, что не прочь был стать королем и он сам. Может быть, он рассчитывал, что в духе их памятного разговора в Таврическом саду царь подарит ему Польшу? Во всяком случае, Чарторыйский считал свое дело выигрышным. В депеше от 28 сентября из Пулав русскому послу в Вене он прямо заявлял: «Его величество решил начать войну против Пруссии».

Все рухнуло в один день.

VIII

Как это произошло, мы, к сожалению, в точности не знаем. Не подлежит сомнению, что в Петербурге благоразумные люди недоумевали все больше. У князя Адама еще до этого были неприятные столкновения с русскими сановниками. Однажды за обедом у царя при обсуждении его планов П. П. Долгоруков прямо ему сказал: «Вы рассуждаете как польский князь, а я рассуждаю

как русский князь». Чарторыйский побледнел и умолк. Долгоруков считался в Петербурге главой «русской партии». Но, собственно, дело было не в этом, а в военно-политической невыполнимости плана. Для его осуществления надо было сначала взять Варшаву, потом Берлин и, наконец, Париж! Вероятно, в военных кругах ясно понимали, что если цель русской политики заключается в войне с Наполеоном, то нельзя объявлять войну Пруссии; если же царь хочет силой отобрать у Пруссии польские земли, то нет никаких шансов на победу над Францией. Рассуждение было достаточно простое. Случилось ли вдобавок что-либо в Пулавах в пору пребывания там царя? Получены ли были депеши из Берлина? Письмо королевы Луизы? Как бы то ни было, 4 октября, то есть ровно через неделю после депеши послу в Вене, Александр Павлович объявил князю Чарторыйскому, что передумал и выезжает в Берлин для переговоров с прусским королем.

Это было, разумеется, ужасным ударом и для Чарторыйского, и для его семьи, и для всех поляков вообще. Можно предположить, что в последние дни двухнедельного пребывания царя в Пулавах там настроение было не слишком приятное. Александр Павлович говорил, что это было «самое ужасное время его жизни». Как глава министерства иностранных дел князь Адам, естественно, последовал за царем в Пруссию. «На смену пулавской идиллии приближалась потсдамская мелодрама».

Впрочем, в Потсдаме была тоже идиллия, но другая — прежняя, мемельская. Для королевы Луизы прошедшее три года были долгим ожиданием новой встречи с царем. «Русский император не имел понятия, как глубоко королева взволнована», — говорит биограф Луизы. Думаю, что чувства королевы были Александру Павловичу известны не хуже, чем немецкому историку. Символический результат встречи увековечен и на популярной картине: 4 ноября 1805 года прусская королевская чета и царь в 11 часов вечера вошли в потсдамскую гарнизонную церковь и над гробом Фридриха Великого поклялись друг другу в вечной дружбе. Это и называют «потсдамской мелодрамой». Возможность войны между Пруссией и Россией отпала надолго: на сто десять лет. Было заключено и письменное соглашение, тоже достаточно известное.

Путь из «храма Сивиллы» к потсдамской гробнице, от Чернецкого и Жолкевского к Фридриху Великому был проделан в самом деле очень быстро. Польский историк думает, что в Пулавах император Александр «мистифицировал» поляков. Вернее, он просто одумался, выйдя из пулавской атмосферы. У Александра Павловича желание нравиться людям — тем, в обществе которых он находился, — было сильно почти до болезненности. Не подлежит, однако, сомнению, что он очень колебался и в Пулавах, и еще до Пулав. Чарторыйскому было от того не легче. В день заключения Потсдамского договора дело жизни князя Адама сорвалось навсегда. Аустерлицкое поражение, последовавшее через месяц, уже, в сущности, тут ничего не меняло: историческая Польша не воссоздалась бы и в случае победы над Наполеоном.

Когда игра кончается тяжелой неудачей, партнеры обычно взваливают вину друг на друга. Так было после Аустерлица между императором Александром и князем Адамом Чарторыйским. Царь с достаточным правом мог думать, что ему в Пулавах предлагали весьма неудачный план. Чарторыйский, со своей стороны, не без оснований был недоволен переменчивостью и непрещительностью царя. За власть князь Адам не цеплялся никак. В дошедших до нас письмах он почти неизменно просит царя об отставке. «Вашими поступками и речами,— писал он в апреле 1806 года Александру Павловичу,— вы постоянно выражали лишь неудовольствие и сожаление по поводу всего сделанного. Вы часто высказывали по этому поводу упреки, говорили, что впредь вас не поймают». Не стеснялся и сам князь Адам. Думаю, что за всю историю России ни один из министров, не исключая графа Витте, не говорил с царями в таком тоне, как Чарторыйский: «Ваше величество, по-видимому, взяли себе за правило руководствоваться лишь первой пришедшей на ум идеей...», «Ваше величество никогда никому не доверяете вполне, вот почему, быть может, ни одно предприятие не было выполнено так, как это было бы желательно...», «Ваше присутствие во время Аустерлицкого сражения не принесло никакой пользы даже в той именно части, где вы находились, войска были тотчас же совершенно разбиты, и вы сами, ваше величество, должны были поспешно бежать с поля битвы...».

Иногда при чтении длиннейших меморандумов Чарторыйского выносишь впечатление, будто он нарочно подбирал все то, что могло задеть императора и доставить ему неприятность. Царь в письмах отвечал сдержаннее и лишь выражал сожаление, что Чарторыйский «пользуется услугами иностранца для переписки начисто бумаг подобного рода». Еще много позднее Александр Павлович начинал свои письма к князю с обращения «дорогой друг» и кончал словами «весь ваш душой и сердцем». Но эти слова больше ничего не значили: от дружбы оставалось немного, общности идей уже не было и следа. В 1807 году князь Адам был уволен в отставку по прошению, а тремя годами позднее навсегда покинул Петербург.

Ссоры, впрочем, у него с царем не было. Александр при своих все более редких встречах с другом молодости был с ним любезен по-прежнему. В пору борьбы с Наполеоном царь, по-видимому, старался использовать польские связи и влияние Чарторыйского. Князь Адам, кажется, не вполне освободился от иллюзий относительно расположения к нему царя. После Венского конгресса он твердо рассчитывал, что станет наместником вновь созданного Царства Польского. Другим возможным кандидатом на этот пост считался престарелый Костюшко. К общему изумлению, назначен был ничем не замечательный генерал Зайончек.

Это было последним ударом для князя Адама. «Что такое общественное бедствие по сравнению с личной неприятностью?» — сказал как-то в порыве циничной откровенности граф Сегюр. Я отнюдь не хочу сказать, что именно личной неприятно-

стью определялась дальнейшая политическая работа Чарторыйского: он был человек чрезвычайно порядочный. Но могла иметь значение и обида. Зайончек, конечно, не имел права быть его соперником, хоть, собственно, и сам князь Адам не мог считаться законным кандидатом, если был жив Тадеуш Костюшко. Как бы то ни было, вся дальнейшая жизнь Чарторыйского посвящена оппозиции. Он занимался в Польше общественной работой. Главным его противником был ненавистный всем полякам Новосильцов, когда-то ближайший друг и товарищ князя Адама по петербургскому Комитету общественного спасения.

Как часто бывает, оппозиция привела Чарторыйского к революции. Он для нее никак не был создан. Польское восстание подготовили тайные общества: «филареты», «филоматы», «патриоты», «косцы», «променисты», «друзья», «тамплиеры», «национальные масоны». Все это нам знакомо по истории тайных обществ в других странах, особенно в Италии, отчасти и в России. Были и в Польше «кающиеся дворяне», отменявшие «панщину», ходившие в народ и даже заводившие крестьянские общины «без частной собственности на землю». Польский крестьянин был тоже богоносец и тоже носил в душе социалистические идеалы. Богоносцами были, впрочем, и все решительно другие народы. В этой области никто ничего нового не выдумал. Когда будет написана параллельная история национального духа разных стран, обнаружатся величайшие неожиданности.

Князь Адам Чарторыйский был недостаточно молод для игры в «филареты» и в «филоматы» — польское восстание совпало с его шестидесятилетним юбилеем. Какой уж он был революционер! Племяннику последнего польского короля, родственнику немецких владетельных принцев, бывшему другу императора Александра, наконец, владельцу Пулав и многих тысяч душ ни в каких восстаниях делать было нечего. Но по своему имени, по декоративности своей фигуры, отчасти и по общему безлюдью он неизменно выплывал в каждом большом польском деле. Я писал в другом месте, что все революции начинаются с людей титулованных. Польша в этом смысле исключения не составила. Адам Чарторыйский стал вождем восстания 1830 года. Этот революционер поневоле «возглавлял» революцию приблизительно так, как у нас ее «возглавлял» в феврале М. В. Родзянко.

Как известно, восстание началось с нападения на Бельведерский дворец. Великий князь Константин Павлович спасся и уехал в Вербну. К нему отправили делегацию из четырех виднейших политических деятелей. О согласованности настроения и действий этой делегации можно судить по тому, что два ее члена, Чарторыйский и Любецкий, умоляли Константина Павловича тотчас вернуться в Варшаву, а остальные два, Лелевель и Островский, убеждали его никогда больше в Польшу не возвращаться.

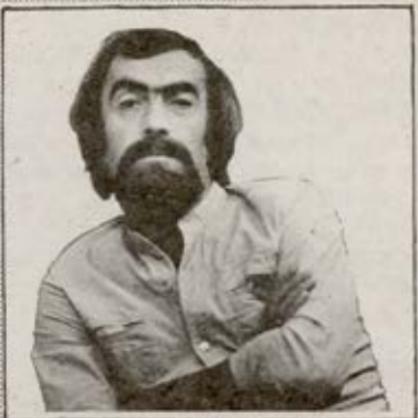
Князь Адам был избран президентом национального правительства. Здесь его работа сливаются с польской историей, но сказать о ней можно немного: человек явно делал то, чего не умел и не хотел делать, — революцию. Скоро он будет свергнут без пользы для революции, но и без всякого для нее вреда.

Чарторыйский записался в армию, проделал с ней несчастный поход и навсегда покинул родину.

Поселился он, естественно, в Париже — не со вчерашнего дня парижской квартирой кончается деятельное участие в политике. Русские имения князя Адама были после восстания конфискованы, но австрийские остались за ним. Он еще мог со своей семьей жить богато; немолодым уже человеком Чарторыйский женился на княжне Сапега. У него было трое детей...

Этот человек прожил жизнь необыкновенную по блеску фабулы. Но при несомненном своем уме, при прекрасных душевных качествах сам он от этой фабулы чуть отставал.

Публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

СМИРНОВ

и Ко, но не водка, а кое-что покруче

В молодости мы работали на одном заводе, «Москабеле». Я писал заметки в многотиражку, Смирнов — лозунги и плакаты, а еще рисовал передовиков и головокружительные графики трудовых побед.

Это было время дешевого портвейна и дорогих сердцу замыслов. Стихи, рисунки, картины, проза чаще всего складывались в стол, «на полку». А уж карикатуры — тем паче. Помнится, у Смирнова напечатали одну в журнале «Лен и конопля». Уже смешно, не так ли?

Пунктирно биография Игоря выглядит вполне благопристойно: жил и рос на Арбате, «центровой», как говорили в 60-х. Учился в художественной спецшколе, закончил училище имени 1905 года. Где, кстати, близко познакомился с великолепными — ныне, увы, покойными — карикaturistами Владимиром Ивановым и Василием Дубовым.

...Так складывалась К°.

— Песков, Тюнин, Бильжо, Бахчинян, Солдатов, Златковский, Теслер... Нас тогда можно было по пальцам перечесть, — говорит Игорь. — И никакой зависти, конкуренции. Боже мой, все жили скромненько, но сердито.

— А международные выставки в середине 70-х? «Литературка» и ее «12 стульев»? Печатались чуть ли не в каждом номере...

— С выставок мы не имели ни гроша, ни йены, ни цента. И «Литературка» давала скорее престиж, достоинство, чем деньги. (У Смирнова более 40 международных премий, он член знаменитой Французской Академии в области карикатуры.)

— Не грустишь о том времени? О посиделках в мастерских, полузакрытых выставках в профкоме графиков?

— О молодости грущу. А так.. Каждое время по-своему хорошо!

— И нынешнее?

— А что? Вполне карикатурное.

— Минуло четверть века. К° разрослась, окрепла?

— «Усохла», можно сказать. Кто уехал, кого-то водка сгубила. А молодежи нет.

— Сам-то пьешь нынче?

— Случается, но... с отвращением. (Смеется.) Вообще это не тема для разговора двух давних приятелей. Ты лучше вот о чем напиши: который год бьемся над организацией Всероссийского Дома юмора.

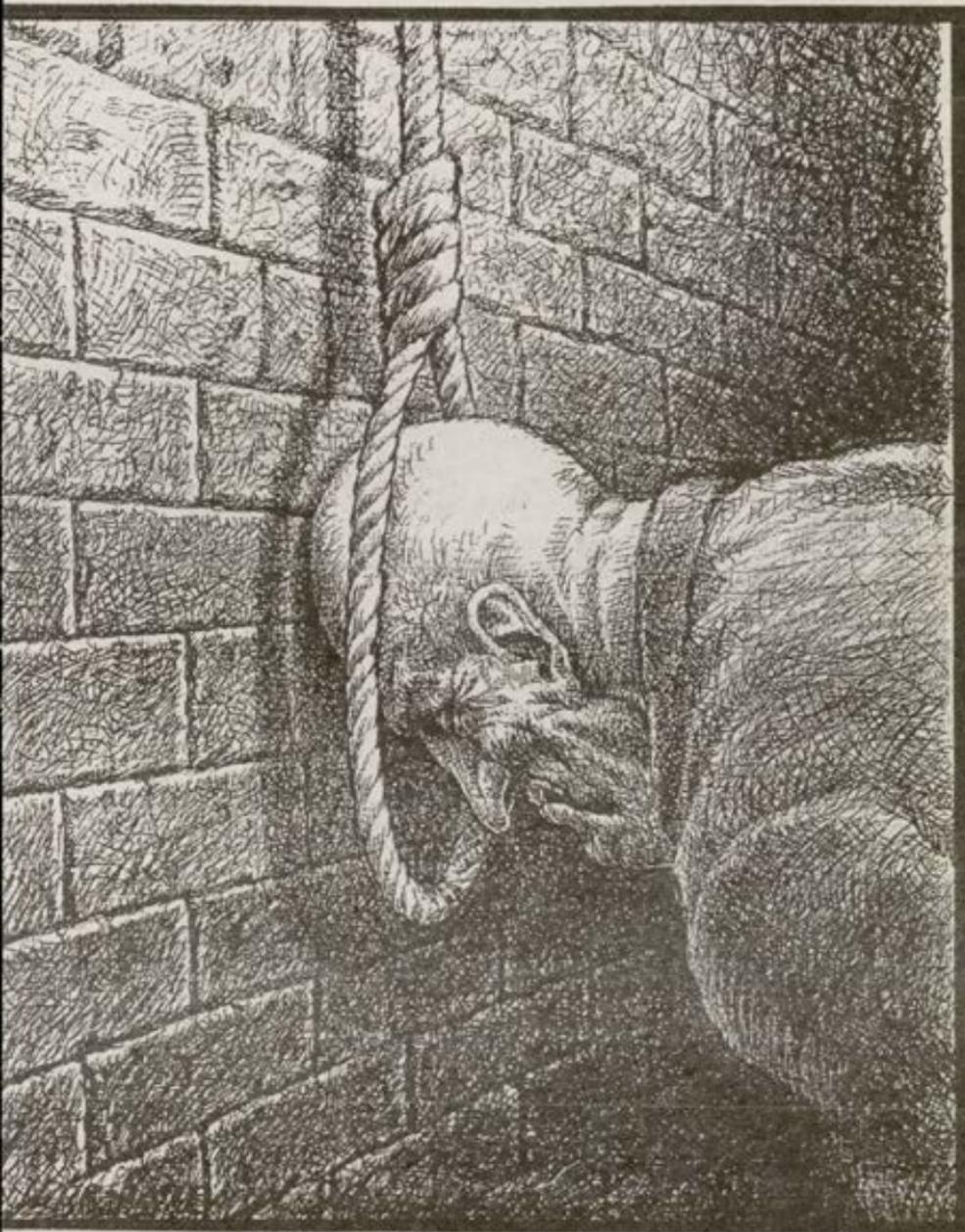
— Ну, и?..

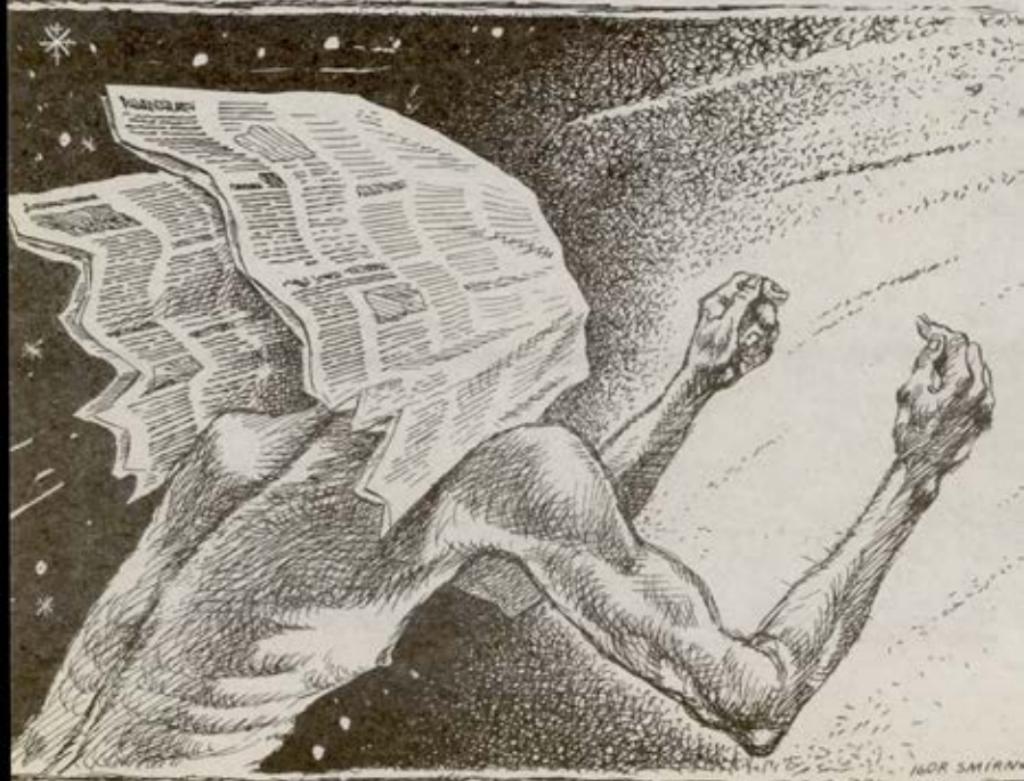
— Оказывается, нет в Москве помещения для нас. Даже какой-нибудь развалюхи. Куда я только не толкался — в мэрию, в минкульт, Союз художников... Никому нет дела. Вот уж право: смех сквозь слезы! Богом молю нынешних Мамонтовых и Рябушинских: помогите! Так и напиши!!

Так и пишу...

В. ГУРИНОВИЧ

IGOR SMIRNOV

IGOR SMIRNOV

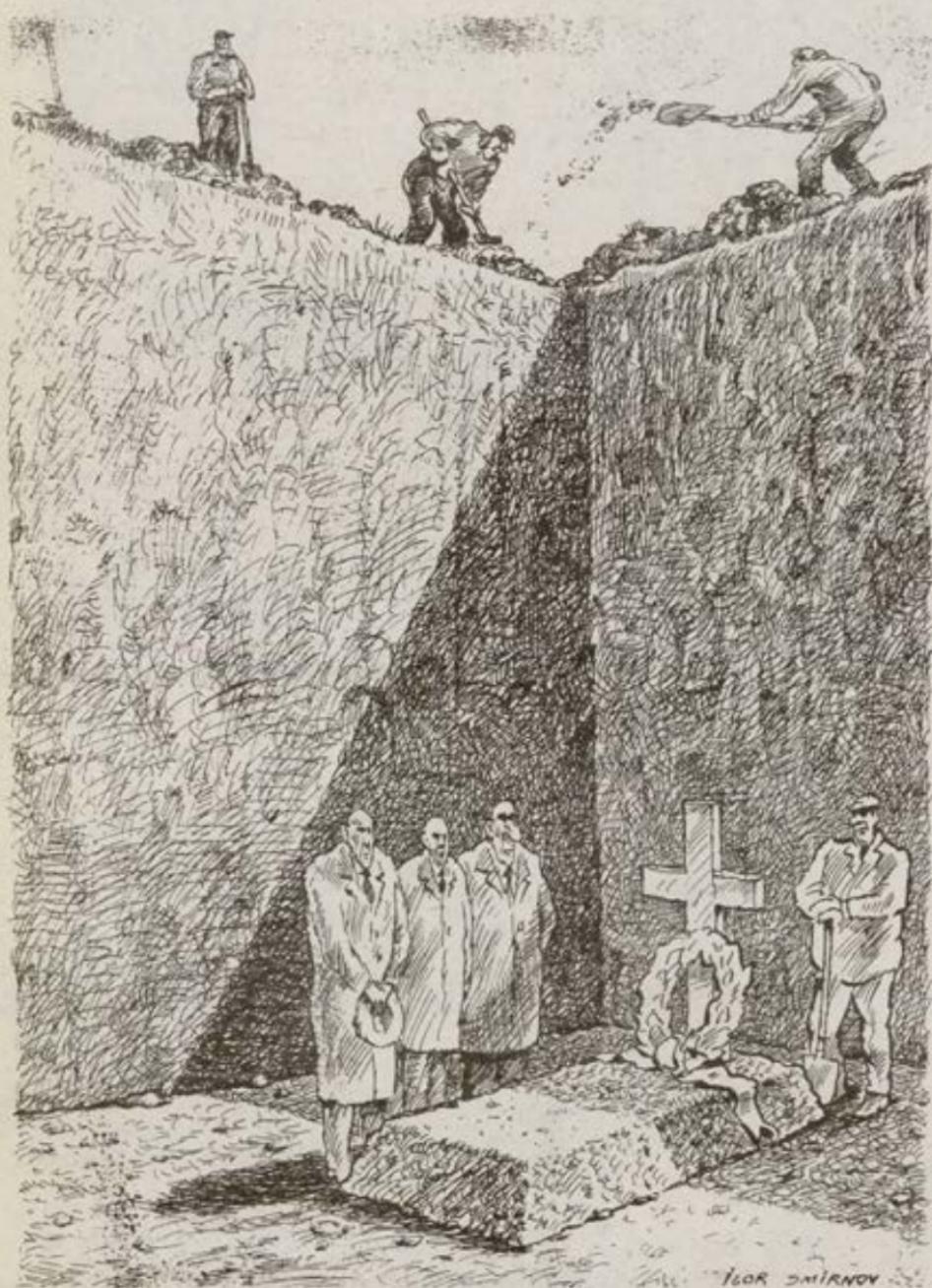
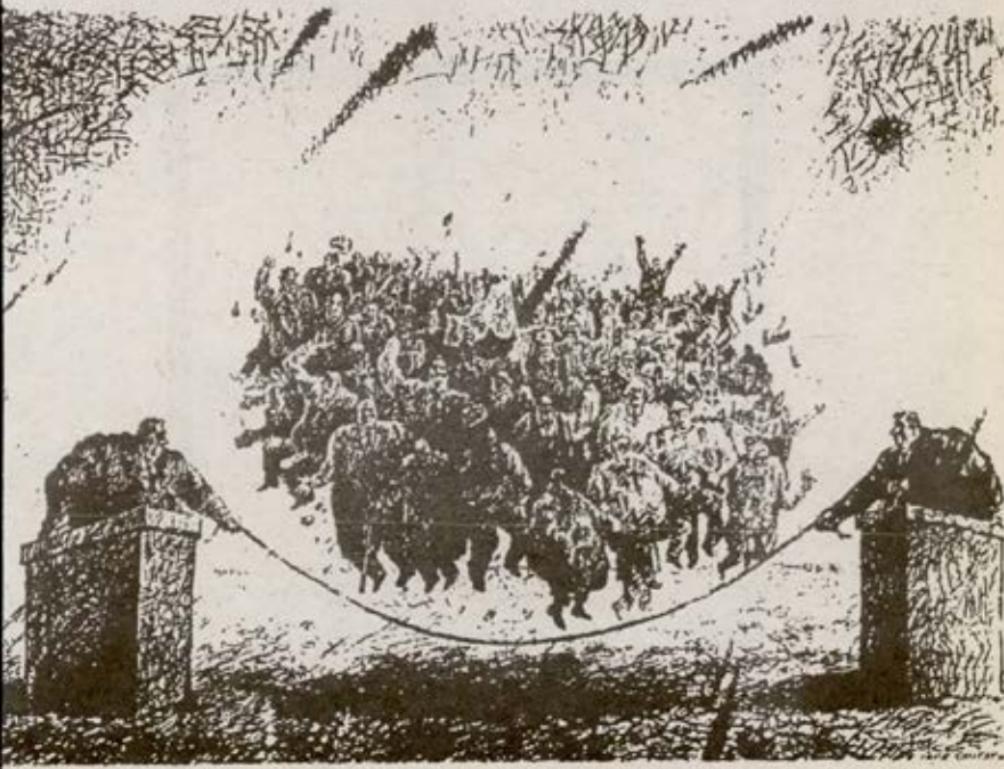
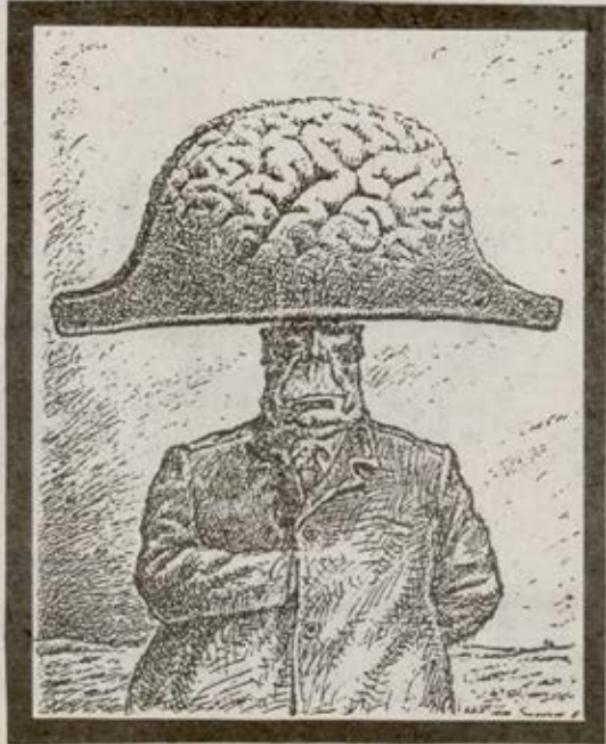
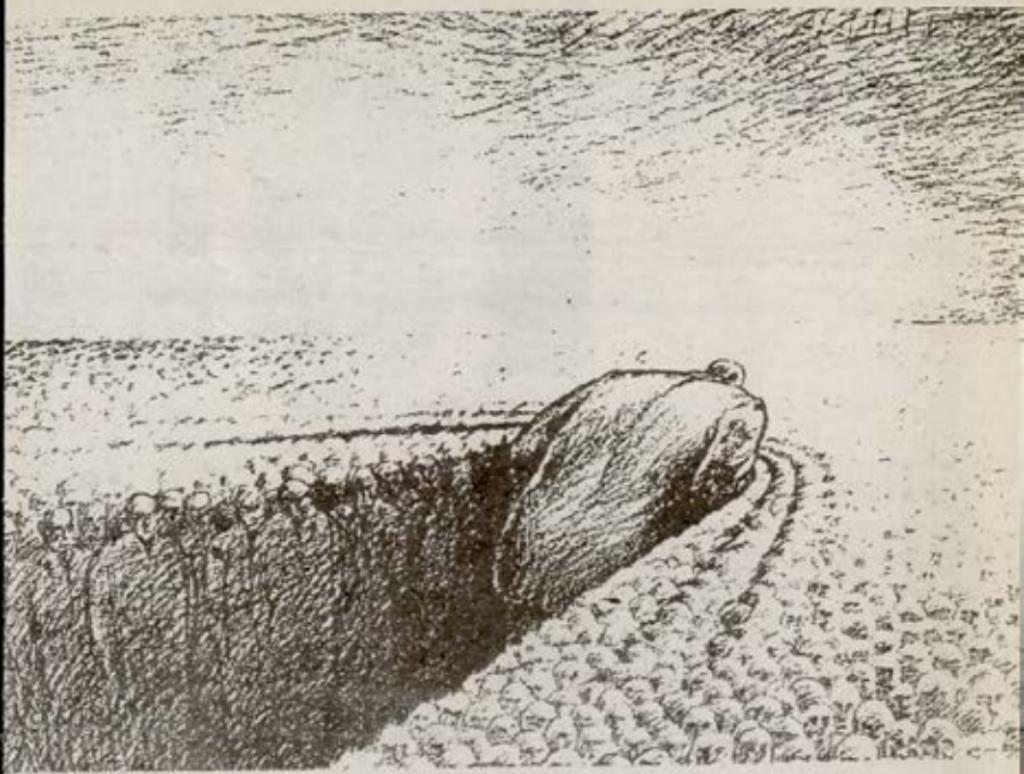

ILLUSTRATION BY IGOR SMIRNOV

ROCK SMITHSON

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Патрульного звали Дик Дженеро. Он замерз. Он не любил зиму. Если вы предлагали ему покататься на коньках, лыжах, санях, выпить горячего пунша, найти другие развлечения, которыми столь богат зимний снежный сезон, он посыпал вас к черту. Сезоном Дженеро было лето. Таким уж он был человеком. Любил теплый песок, горячее солнце и синее безоблачное небо; еще любил летние грозы с ливнями и молниями, цветы и прохладительные напитки, и, если бы только можно было собрать все зимы вместе, запихнуть их в старую банку и утопить в Диксе, Дженеро был бы безмерно счастлив.

У него замерзли уши.

Улицы были пусты. Еще бы! Только идиоты и полицейские могут выйти из помещения в такую ночь. Дженеро подошел к кондитерской и толкнул дверь, проклиная хозяина за то, что тот не мог открыть свою лавку, чтобы полицейский, у которого вот-вот отвалятся уши, мог выпить у него чашечку горячего кофе. Неблагодарные, все они просто неблагодарные люди. Разбежались по домам и спят себе в теплых постелях, пока он толкается в эту проклятую запертую дверь. Да кто в такую ночь пойдет воровать? У взломщика пальцы примерзнут к его инструменту, как примерзают они намертво к металлу в Арктике. Ох, ну и веселые же мысли в голову лезут!

Дженеро повернулся в другую сторону. У Ленни должно быть открыто. Он просто зайдет туда, посмотрит, все ли в порядке, нет ли драки, и, возможно, пропустит рюмочку, хотя это и запрещено, но ведь как холодно! Он лично не видел ничего страшного в одной рюмочке. Можно, конечно, и притворяться, будто тебе холодно, но когда даже нижнее белье твое может без всякой поддержки само собой стоять посреди улицы, если его там поставить, то это уже не фантазии, так недолго и околеть от холода. Дженеро хлопнул руками и поднял голову.

Он увидел свет.

Свет горел где-то выше по улице. Улица была черна, и в этой черноте одиноко горел огонек. Дженеро остановился и прищурился — ветер дул прямо в лицо. Портной, подумал он. Опять этот болван Коген гладит по ночам. Придется сделать ему предупреждение. «Макс, придется сказать ему, Макс, ты чертов-

Рисунок
АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

ски приятный парень, но, когда в следующий раз ты надумаешь гладить до столь позднего часа, будь добр, позвони и предупреди нас об этом, хорошо?»

Макс, конечно, кивнет, улыбнется и предложит стаканчик сладкого вина, которое стоит у него за раскроенным столом. И сразу покажется не таким уж тупым.

Макс был благодетелем всех патрульных. Свет в его окне горел, как маяк, как путеводная звезда, а мастерская его была убежищем для затираемых льдами судов. «Доставай бутылку, Макс, — мысленно сказал ему Дженеро. — Я иду».

И зашагал в сторону мастерской Когена. Он действительно с удовольствием бы выпил в ту ночь стаканчик его сладкого вина, если бы не одно маленькое обстоятельство: свет горел в другом окне.

Свет горел в окне первого этажа стоявшего несколько ниже тротуара и мостовой многоквартирного дома. Дженеро это удивило. Если не Макс...

Он пошел быстрее. Механически снял правую перчатку и вынырнул из кобуры револьвер. Фасады домов спали. В темноте светилось только одно окно.

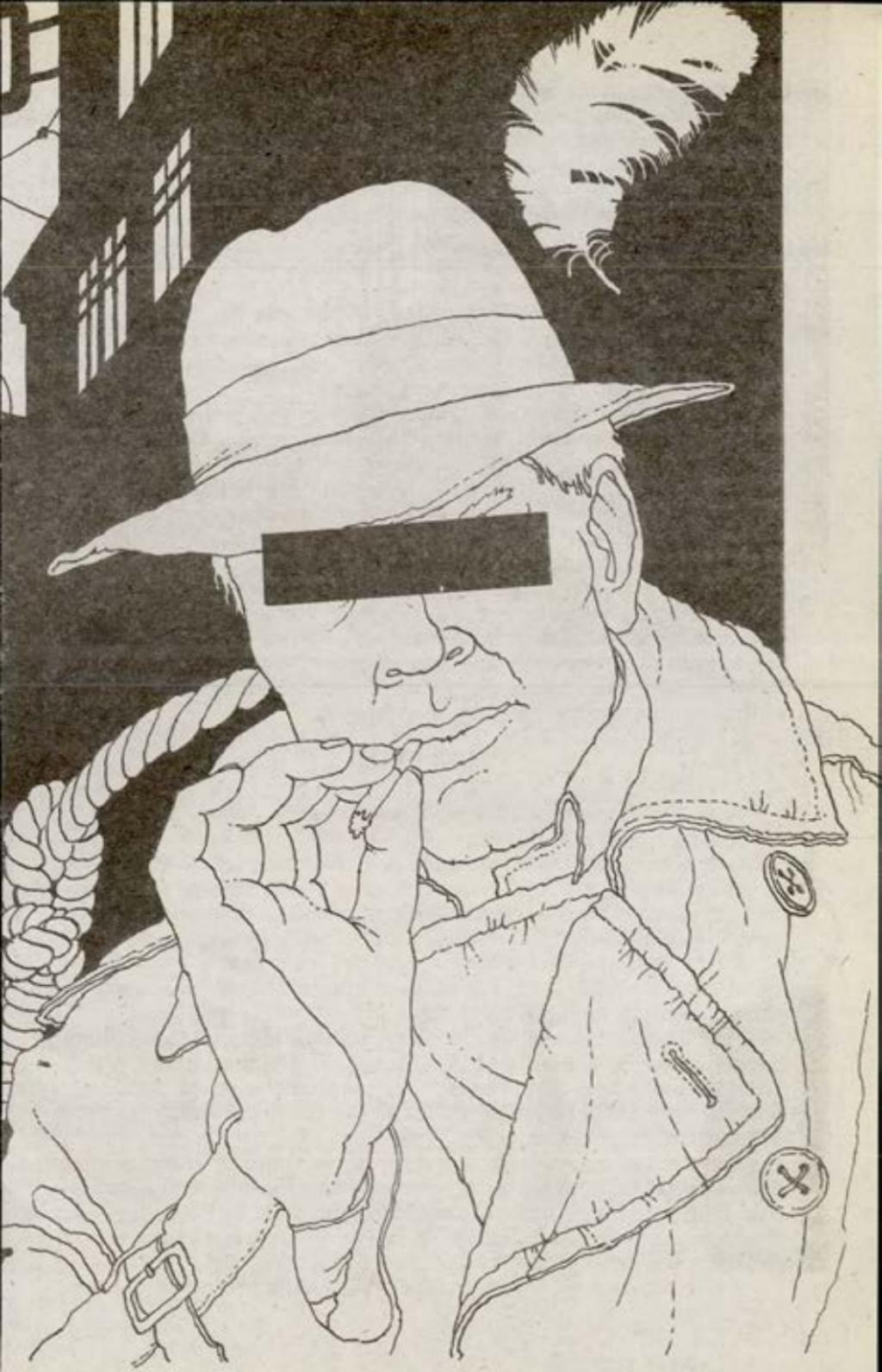
Дженеро тихо приблизился к дому и остановился у ведущих вниз ступеней. Дверь в кирпичной стене он разглядел с трудом. Грязное окно светилось чуть выше ее и левее. Дженеро осторожно перешагнул через заградительную цепь и двинулся вниз.

Узкий проход вдоль стены дома вел на задний двор. Проход этот загромождали выставленные из квартир к ночи заполненные доверху и издававшие зловоние в холодном декабрьском воздухе мусорные баки. Дженеро оглянулся по сторонам и бесшумно подошел к двери. Снова остановился и прислушался. За дверью было тихо. Он приготовил револьвер и левой рукой повернул дверную ручку. К его удивлению, дверь открылась.

Дженеро отпрянул назад. Уши его замерзли, но сам он покрылся потом. Он слушал. Слушал собственное дыхание, слушал другие звуки уснувшей на холода улицы, слушал звуки бесшумных шагов — слушал все, что вдруг можно было услышать, слушал долго и напряженно. И лишь затем вошел в комнату.

В центре комнаты тускло светилась висевшая на скрученном проводе лампочка без абажура. Она висела совершенно неподвижно, настолько неподвижно, что казалось, будто замерзший

провод превратился в стальной прут. Под лампочкой стоял пустой ящик из-под апельсинов. На ящике лежали четыре металлических колпачка от бутылок. Вся правая стена была заклеена вырезанными из журналов фотографиями обнаженных женщин, плотно, одна к одной, за неимением места. Противоположная стена была пуста. Под забранным решеткой окном, в углу, стояла койка.

Взглянув на койку, он вздрогнул, и рука его, с револьвером, инстинктивно дернулась вверх.

На койке сидел совсем еще молодой парень.

Лицо его было синим. Он сидел, сильно наклонившись вперед. Оправившись от первого шока, Дженеро подумал, почему он не падает. И только тогда заметил решетку.

Один конец веревки был привязан к оконной решетке, второй петлею охватывал шею юноши. Он сидел в такой позе, будто собирался вот-вот, по сигналу, сорваться с места и бежать на короткую дистанцию. И только цвет лица его и положение рук говорили о том, что он мертв. Вялые руки лежали на краю койки ладонями вверху. Рядом валялся пустой шприц.

Осторожно, отчасти испуганно, отчасти стыдясь своего суеверного страха перед мертвецами, Дженеро сделал шаг вперед и внимательно посмотрел в лицо парня. Чтобы доказать самому себе, что он ни капельки не боится, он смотрел в глаза мертвецу на несколько мгновений дольше, чем это было необходимо.

Затем быстрым шагом вышел из комнаты и направился к ближайшему телефону-автомату. Его трясло.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Весть о мертвеце облетела прилегавший район задолго до прибытия Клинга и Кареллы.

Смерть напоминала ночь, смерть — как Макбет — убила сон. Светились окна, и в них, несмотря на зимнюю стужу, высвечивались жильцы. Они смотрели на полицейских, столпившихся на тротуаре и почему-то выглядевших жалкой кучкой виноватых в чем-то людей. Любопытные вышли на улицу; они стояли маленькими группками, в надетых прямо наочные пижамы пальто, и тихо переговаривались.

К полицейским подкатил обыкновенный на вид автомобиль, только с короткой антенной на крыше. Номерные знаки у него были такие же, какие бывают на каретах «скорой помощи». Однако двое вышедших из него мужчин были агентами сыскной полиции 87-го участка.

Карелла быстрым, твердым шагом подошел к патрульным. Высокого роста, одетый в коричневый костюм и темно-коричневое, почти черное, пальто, он шагал широко и уверенно, как игрок известной бейсбольной команды. Высокие скулы делали его похожим на потомка выходцев с Востока.

- Кто вызывал? — спросил он у ближайшего полицейского.
- Дик.
- Где он?
- Внизу, у трупа.

— Пошли, Берт,— бросил Карелла через плечо, и Клинг безмолвно и послушно последовал за ним. Полицейские посмотрели на него с нарочитым равнодушием, не будучи в силах скрыть свою ненависть. Клинга только недавно перевели в сыщики; ему было двадцать четыре года, и он вышел из их рядов. Какой там «вышел» — выпрыгнул, это будет точнее. С быстрой молнией. Ему посчастливилось раскусить одно дело об убийстве. Его коллеги называли это простой удачей, а его шеф — «замечательной наблюдательностью и настойчивостью». Поскольку мнение шефа ценилось несколько выше, чем мнение простых патрульных, новичок был в мгновение ока произведен в детективы третьего разряда.

Полицейские проводили Клинга кислыми улыбками, и лица их слегка позеленели, отнюдь не от холода.

— Что это с ним? — тихо спросил один.— Он больше не здороваются с нами?

Если Клинг и услышал это замечание, то виду не подал. Он перелез через цепь и поспешил за Кареллой.

Дик Дженеро стоял в центре комнаты, под лампочкой, и кусал губы.

— Привет, Дик,— сказал Карелла.

— Привет, Стив, привет, Берт.

Дженеро явно волновался.

— Привет, Дик,— ответил Берт.

— Когда ты обнаружил его? — спросил Карелла.

— Я позвонил ровно через пять минут после этого. Он там.—
Дженеро махнул рукой в сторону койки, но сам не обернулся.

— Ты что-нибудь трогал?

— Нет, конечно.

— Хорошо. Ты был здесь один?

— Да. Да, один. Послушай, Стив, ты не против, если я выйду подышать свежим воздухом? Здесь... душновато.

— Потерпи немного. Свет горел?

— Что? А, да. Да, горел.— Дженеро немного помолчал.— Я потому и зашел сюда. Подумал, что это могли быть воры. А здесь был он.

Не поворачивая головы, он указал на койку.

Карелла подошел к трупу.

— Интересно, сколько ему было лет? Пятнадцать? Шестнадцать?

Клинг и Дженеро молчали.

— Похоже... похоже, что он сам повесился, да? — спросил некоторое время спустя Дженеро, упорно избегая смотреть в угол.

— Похоже,— сказал Карелла и, сам того не заметив, отрицательно покачал головой. Вздохнул и повернулся к Клингу.

— Лучше подождать парней из района. А то разворяются. Который час, Берт?

Клинг взглянул на часы.

— Одиннадцать минут третьего.

— Распиши все поминутно, Дик.

— Да, конечно,— ответил Дженеро, вынул из кармана блок-

хот и принял писать. Карелла наблюдал за ним.

— Ладно, пойдем подышим свежим воздухом,— сказал он немного погодя.

Большинство самоубийц даже не представляют себе, скольким людям доставляют беспокойство.

Они вскрывают себе вены, травятся газом, стреляются, режутся, выбрасываются из окон, пьют цианистый калий, вешаются, как, возможно, поступил с собой и этот парень... Но они никогда не задумываются, сколько неприятностей доставят своими действиями людям, стражам порядка и законности в частности. Не все из них, разумеется, немедленно отправляются на место происшествия. Одним просто нет никакой необходимости покинуть теплую постель в столь ранний час, другие перепоручают свою работу нижеоплачиваемым и лучше подготовленным подчиненным. В конце концов всегда можно положиться на «филинов», в число которых входят несколько сыщиков, фотограф, помощник судмедэксперта, патрульные, пара-тройка полицейских участка и несколько специалистов из лаборатории. Стенографист на первом этапе необязателен.

Мало кому хочется работать в два часа ночи.

У детективов из сыскного отдела Южного района был такой вид, будто их только что вынули из морозильной камеры. Руки глубоко в карманах, головы опущены, шляпы надвинуты на самые брови. Первому удалось лишь слегка приподнять подбородок, когда он приветствовал Кареллу, затем оба на нестигающих в коленях ногах проследовали за ним и Клингом в квартиру на первом этаже.

— Здесь тоже немногим лучше,— сказал вошедший первым. Он потер руки и взглянул на труп.— Вряд ли у кого-нибудь из вас есть с собой бутылочка, а? Ну что ж, я так и думал.— Он кисло улыбнулся.

— Патрульный Дик Джениро обнаружил тело приблизительно в четыре минуты третьего,— доложил Карелла.— Свет горел, ничего не трогали.

— Ну что ж, надо приступать.

Второй посмотрел на труп.

— Дурак. Не мог подождать до утра. Вы кто? — обратился он к Клингу.

— Берт Клинг,— ответил напарник Кареллы и спросил, будто вопрос этот жег ему горло с того самого момента, как он увидел тело: — Я думал, что тело повесившегося должно висеть, а?

Второй изумленно посмотрел на него и обернулся к Карелле.

— Это полицейский?

— Конечно.

— А я уж подумал, не привел ли ты кого-нибудь из родственников поразвлечься.— Он снова обернулся к Клингу.— Нет, сын мой, тело повесившегося необязательно должно болтаться на веревке. Нужны доказательства? — Он указал на койку.— Пожалуйста. Самоубийство путем повешения, и труп, как видите, не висит.

— Не висит.

— Ты здорово все объяснил,— сказал Карелла, но на лице его не было и тени улыбки. Он смотрел следователю прямо в глаза.

— Что поделаешь. Я хоть и не из славного восемьдесят седьмого участка, но за моими плечами двадцать два года службы, и за это время мне пришлось решить не одну шараду.

Голос Кареллы, когда он снова заговорил, звучал ровно и серьезно.

— Такими людьми гордится полиция.

Следователь внимательно посмотрел на него.

— Я просто объяснял ему...

— Разумеется,— перебил его Карелла.— Этот глупый пацан не понимает, что тело повесившегося необязательно должно висеть. Мы видели их стоящими, сидящими и лежащими, Берт.

— Да. Во всех положениях,— подтвердил следователь.

— Точно. Ведь самоубийство вовсе не обязательно должноходить на самоубийство.

В голосе Кареллы слышались уже плохо скрытые жесткие нотки. Клинг нахмурился и опасливо посмотрел на следователя.

— А что вы думаете о цвете? — спросил Карелла.

— А что? — осторожно переспросил следователь.

— Он синий. Интересно, правда?

— Задохнулся, отсюда и посинение. Проще пареной репы.

— Разумеется,— согласился Карелла, но голос его прозвучал еще жестче.— Чего проще. Расскажите пацану об узлах.

— О чём?

— Посмотрите на узел. Он сбоку.

Следователь подошел к койке и осмотрел веревку на шее трупа.

— Ну и что?

— Я просто подумал, что такой специалист по самоубийствам-самоповешениям, как вы, сам обратит на это внимание.

— Обратил. Ну и что?

— Еще я подумал, что вы, может быть, захотите рассказать этому новичку о различиях в цвете лиц повешенных или повесившихся.

— Послушай, Карелла...— попытался вмешаться первый следователь.

— Пусть говорит твой приятель, Фред,— оборвал его Карелла.— Нам очень хотелось бы выслушать эксперта.

— О чём вы говорите?

— Он издевается над тобой, Джо,— произнес Фред.

— Издевается?

— Даже не ведаю, как это делается,— сказал Карелла.— Объясните про узел, эксперт.

Джо растерянно моргнул.

— Узел, узел! О чём вы, черт побери?

— Да ну, вы же знаете,— сладким голосом продолжал Карелла,— что петля с узлом сбоку полностью перекрывает артерии и вены только с одной стороны шеи.

— Разумеется, знаю.

— Вы знаете, конечно, и то, что при этом лицо удавленника

краснеет, а когда узел находится у основания черепа, оно бледнеет. Вы все это знаете, не так ли?

— Разумеется, знаю, — заносчиво ответил Джо. — Но бывает и посинение, при любом положении узла. Так чего вы хотите от меня? Я видел их синими с десяток раз.

— А сколько вы видели посиневших жертв отравления цианидами?

— А?

— Каким образом вы определили, что в данном случае смерть наступила в результате асфиксии?

— А?

— Вы видели бутылочные колпачки на ящике из-под апельсинов? Вы заметили шприц рядом с трупом?

— Конечно.

— Как вы думаете, это наркоман?

— Думаю, что да. Я думаю, что это наркоман. — Он тоже попытался съязвить: — А что думают выдающиеся умы восемьдесят седьмого участка?

— Я тоже думаю, что это наркоман, судя по следам от уколов на его руках.

— Я тоже обратил внимание на его руки. — Джо попытался добавить что-нибудь еще, но не сумел.

— Вы считаете, что перед тем, как повеситься, он ввел себе наркотик? — вежливо поинтересовался Карелла.

— Возможно, — соблюдая осторожность, ответил Джо.

— Как-то оно все не вяжется, а?

— Почему? — воскликнул Джо, забывшись.

— Потому что, «уколовшись», он «ловил бы кайф». С чего ему в этот момент вешаться?

— Некоторые из них после введения наркотика впадают в депрессию. Послушайте, Карелла, что вы пытаетесь доказать?

— Только то, что великие умы восемьдесят седьмого участка не торопятся констатировать самоубийство до получения результатов вскрытия, а иногда и после этого. А что вы думаете по этому поводу, Джо? Или все посиневшие автоматически считаются умершими от удушья?

— Надо взвесить все факты, — ответил Джо. — Надо рассмотреть их в совокупности.

— Очень тонкая мысль, золотые слова для детектива, Берт. Запомни их хорошенько.

— Куда подевались чертовы фотографы? — спросил Фред, которому порядком надоела эта перепалка. — Пора начинать, попытаться хотя бы выяснить, кто он такой, этот парень.

— Он не торопится, — заметил Карелла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Парня звали Анибал Эрнандес. Его знакомые не пуэрториканского происхождения называли его Аннабелем. Мать называла его Анибалом, произнося это имя с испанской пышностью, но тихо и вяло.

Карелла и Клинг поднялись на пятый, верхний, этаж много-

квартирного дома и постучали в дверь под номером пятьдесят пять. Она открылась почти сразу, будто хозяйка знала, что именно в это время к ней должны прийти. Крупная женщина с пышным бюстом и черными прямыми волосами. На ней было простенькое платье, на лице никакой косметики, щеки блестели от слез.

— Полиция? — спросила она.

— Да, — ответил Карелла.

— Входите, por favor. Пожалуйста.

В квартире было очень тихо. В кухне горела тусклая лампочка.

— Сюда, — пригласила миссис Эрнандес. — В гостиную.

Карелла и Клинг прошли за нею, она включила свет. Квартира была чиста и опрятна, но потолки потрескались и грозили обвалиться, батарея центрального отопления протекала, и на покрытом линолеумом полу стояла лужа. Они сели на диван.

— Мы пришли по поводу вашего сына... — после долгого молчания произнес Карелла.

— Si, — ответила миссис Эрнандес. — Анибал не мог убить себя.

— Миссис Эрнандес...

— Что бы вы ни говорили, он не мог убить себя. Я уверена... в этом. Анибал — нет. Мой сын не мог убить себя.

— Почему, миссис Эрнандес?

— Я знаю. Я знаю.

— Но почему?

— Потому, что я знаю своего сына. Он всегда был веселый. Всегда. Даже в Пуэрто-Рико. Всегда веселый. Веселые люди не убивают себя.

— Вы давно живете здесь?

— Я здесь уже четыре года. Сначала сюда приехал мой муж, потом он позвал меня с дочерью, когда у него все наладилось, понимаете? Когда он нашел работу. Анибала я оставила у мамы в Катанью. Точнее, в Ла-Перла. Мы жили в Ла-Перла до Катанью.

— Что такое «Ла-Перла»?

— Fanguito. Как это по-английски? Турщоба.

— Трущобы?

— Si, si, трущобы. — Миссис Эрнандес немного помолчала. — Даже там, даже играя в грязи, даже иногда голодный, мой сын всегда был веселый и счастливый. Счастливого всегда видно, senor. Всегда видно. Когда мы переехали в Катанью, там хорошо, но не так, как здесь. Муж позвал меня и Марию. Мою дочь. Ей двадцать один год. Мы приехал четыре года назад. Потом мы послал за Анибал.

— Когда?

— Шесть месяцев назад. — Миссис Эрнандес прикрыла глаза. — Мы встретил его в Айдлуайлде. Он привез гитару. Он очень хорошо играл гитару.

— Вы знали, что ваш сын — наркоман? — спросил Карелла.

Миссис Эрнандес долго молчала. Потом тихо сказала «да» и сцепила на коленях руки.

— Как давно он стал употреблять наркотики? — спросил Клинг, прежде вопросительно взглянув на Кареллу.

— Давно.

— Как давно?

— Наверное, четыре месяца.

— А сюда он прибыл шесть месяцев назад. Может, он начал еще в Пуэрто-Рико?

— Нет, нет, нет, — замотала головой мать. — Сеньор, там очень мало этого, на острове. Наркоманам нужны деньги, так? Пуэрто-Рико бедный. Нет, мой сын научился этому здесь, в городе.

— Вы знаете, кто научил его?

— Да. Мария. Мария научила его.

— Ваша дочь? — удивленно переспросил Клинг.

— Моя дочь, да, моя дочь. И она, и он — они оба наркоманы. Они... — Она замолчала, слезы обильно потекли по ее щекам, мешая говорить.

— Миссис Эрнандес! — Карелле хотелось взять ее за руку, немного успокоить. — Мы...

— Повлияет на дело то, что мы пуэрториканцы? — перебила его мать Анибала. — Вы найдете убийцу?

— Если его убили, мы найдем убийцу, — сказал Карелла.

— *Muchas gracias*. Спасибо. Я... я... знаю, что вы должны думать сейчас. Мои дети — наркоманы, моя дочь — проститутка. Но поверьте мне...

— Ваша дочь?...

— *Si, si*, за наркотики надо платить.

Лицо ее сморщилось. Еще мгновение назад оно было приятным и вдруг сморщилось, исказилось, она глубоко вздохнула, сдерживая мучительное рыдание, но оно вырвалось, разрывая ее душу, и острым ножом вонзилось в сердце Кареллы. Он вздрогнул и почувствовал, как его лицо застыло маской бессилия. Миссис Эрнандес как бы повисла над пропастью, отчаянно цепляясь пальцами за острые камни на ее краю. Борьба длилась несколько мгновений, но вот она вздохнула и подняла на них покрасневшие глаза.

— *Perdoneme*, — прошептала она. — Извините меня.

— Мы могли бы поговорить с вашей дочерью? — спросил Карелла.

— *Por favor*. Пожалуйста. Она может помочь вам. Она в «Эль-Сентро». Знаете, где это?

— Да, — ответил Карелла.

— Она там. Она... может помочь вам. Если захочет.

— Попытаемся, — сказал Карелла и поднялся.

Клинг тоже встал.

— Спасибо, миссис Эрнандес.

— *De nada**, — ответила она и посмотрела в окно. — Уже утро. Солнце встает.

Они вышли. По лестнице спускались молча.

* Не за что (исп.).

Карелла думал о том, что солнце для миссис Эрнандес больше никогда не взойдет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мария Эрнандес появилась в «Эль-Сентро» только в три часа пополудни. Внешне она больше походила на милую невинную старшеклассницу, чем на проститутку, ибо стереотипное представление проститутки — это женщина в облегающем шелковом платье с разрезом до пупа. Но на территории 87-го участка проститутки в большинстве своем были одеты гораздо лучше и более модно, чем женщины честные. Ухоженные, вежливые, обходительные — девочки-подростки смотрели на них как на сливки общества. Не зная их, невозможно было угадать и их профессию.

Карелла не знал Марию. Когда она вошла, он увидел хрупкую девушку лет восемнадцати, брюнетку с карими глазами, в распахнутом зеленом пальто поверх белого свитера и прямой черной юбки, в нейлоновых чулках и мягких кожаных туфлях.

— Это она, — сказал Терри Донахью, владелец заведения.

Мария села на крайний стул у стойки бара. Она кивнула Терри, бросила быстрый, оценивающий взгляд на Кареллу, как на возможного клиента и отвернулась к витринному окну. Карелла поднялся со своего места и подошел к ней.

— Мисс Эрнандес?

Она крутанулась на стуле.

— Да? — Голос ее прозвучал застенчиво. — Меня зовут Мария.

— Я полицейский. — Карелла решил сразу поставить все на свои места, чтобы она зря не старалась.

— Я не имею ни малейшего представления о том, почему мой брат покончил с собой, — сказала Мария, и на этот раз скромности в ее голосе слышно не было. — Еще вопросы есть?

— Немного. Может быть, пройдем в кабину?

— Мне и здесь хорошо.

— А мне — нет. В кабину или в участок. Выбирай.

— Деловой, время зря не теряешь.

— Стараюсь.

Мария слезла со стула, и они прошли в одну из кабинок. Там она сняла пальто.

— Я слушаю.

— Сколько времени ты употребляешь наркотики?

— Какое это имеет отношение к моему брату?

— Сколько?

— Года три.

— Зачем ты приучила к этому его?

— Он сам просил.

— Не верю.

— Зачем мне врать? Однажды он влез в ванную как раз в тот момент, когда я кололась. Сопляк, даже не постучал. Спросил, что я делаю. Сделала и ему. Для пробы.

— А дальше?

- Ему понравилось. Захотел еще. Ты же знаешь, как это бывает.
- Не знаю. Расскажи.
- Он просто сел на иглу пару недель спустя. Вот и все.
- Когда ты занялась проституцией?
- О, послушай...
- Я могу и сам выяснить.
- Вскоре после того, как села на иглу. Ведь надо же было на это где-то брать деньги, так?
- Я думаю. Кто снабжает тебя?
- О, послушай, что за вопрос?
- Где брал наркотики твой брат?
- Мария молчала.
- Твой брат мертв, ты понимаешь это?
- Понимаю. Чего ты от меня хочешь? Он был глупым сопляком. И если ему захотелось покончить с собой...
- Возможно, он не кончал с собой.
- Мария удивленно посмотрела на него.
- Нет?
- Нет. Так кто же снабжал его?
- Какое это имеет значение?
- Возможно, большое.
- Да я все равно не знаю.— Она помолчала.— Послушай, почему ты не оставишь меня в покое? А, знаю я вас...
- Знаешь?
- Знаю. Хочешь бесплатно, так? Хочешь запугать меня, чтобы я...
- Мне не нужно ничего, кроме некоторых сведений о твоем брате.
- Ну да, конечно, пари держать могу.
- И выиграешь.
- Мария смотрела на него и хмурилась.
- Я знаю копов, которые...
- А я знаю проституток.
- Послушай, какое право...
- Тогда оставим эту тему. Мне нужны сведения.
- Хорошо,— сказала Мария.
- Хорошо,— повторил за ней Карелла.
- И все-таки я ничего не знаю.
- Ты же сама призналась, что научила его этому.
- Да.
- Хорошо, но тогда ты и познакомила его с кем-то. С кем?
- Ни с кем я его не знакомила. Он сам о себе позаботился.
- Мария...
- Что ты хочешь от меня? — внезапно рассердилась она.— Я ничего не знаю о моем брате. Я даже о его смерти узнала от не знакомого мне человека. Уже год, как я не была дома, так откуда же мне знать, кто снабжал его или не снабжал, а может, он сам снабжался и при этом снабжал кого-нибудь еще...
- Он толкал наркотики?
- Ничего я не знаю. Ничего я о нем не знаю, понимаешь ты это? Да встреть я его на улице, и то бы, наверное, не узнала.

- Ты лжешь.
— Зачем? Кого мне защищать? Он повесился, так...
— Я уже сказал,— перебил ее Карелла,— может оказаться, что он не повесился.

— Из-за вшивого наркотика вы раздуваете дело на весь штат. Зачем так стараешься? — Глаза ее вдруг затуманились.— Для него самого это был лучший выход, поверь мне.

— Вот как? Почему? Ты что-то не договариваешь, Мария. Что?

- Ничего.
— Ты что-то знаешь. Что?
— Ничего.

Их взгляды встретились. Карелла взгляделась в ее глаза и все понял. Он понял, что она ничего не скажет. Ее взгляд был пуст.

— Ладно,— тихо произнес он.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Надо было сделать около восьми миллионов дел.

Дел всегда гораздо больше, чем их в состоянии сделать человек, и Питеру Бернсу иногда хотелось, чтобы у него было две головы и вдвое больше рук. Рассуждая трезво, рационально и одновременно вопреки всякой логике, он признавал, что ситуация эта характерна для всех видов деятельности, но тут же уверял себя в том, что ни одна работа не похожа в такой мере на крысиные бега, как работа полицейского.

Питер Бернс был лейтенантом уголовной полиции, в его подчинении находился отряд сыщиков, называвших 87-й участок своим родным домом. В каком-то смысле это и был их дом родной, как какой-нибудь ржавый паромик на Филиппинах становится родным домом для моряка из Детройта.

Телефонный звонок прозвучал явно не вовремя. Бернс снял трубку.

- Слушаю, Бернс.
— Ваша жена, лейтенант,— доложил дежурный телефонист.
— Соедините,— угрюмо буркнул Бернс.
— Питер? — услышал он голос Гариетты.
— Да,— ответил Бернс и подумал, почему это все женщины неизменно называли его Питером, а все мужчины — Питом?
— Ты очень занят?
— Да, дорогая. Но для тебя я пару минут найду. Что ты хотела?
— Я позвонила из-за мяса.
— А что с мясом?
— Я заказала на сегодня восемь фунтов мяса, так?
— Наверное. Ну и что?
— Так или нет? Помнишь, мы говорили об этом, подсчитывали, сколько его нам потребуется? И решили, что восемь фунтов, так?
— Да, по-моему, так. Но что случилось?
— Мясник прислал пять.
— Ну так верни его.

— Не могу. Я уже позвонила ему, и он сказал, что очень занят.

— Очень занят? — переспросил Бернс. — Мясник?

— Да.

— Чем ему там еще заниматься, кроме как рубить мясо? Я не пони...

— Он бы, наверное, и заменил, если бы я отнесла его сама. Он просто имел в виду, что разносчик его ушел.

— Ну, так отнеси его сама, Гарриетта. В чем трудность?

— Я не могу уйти из дома, Питер. Я жду продукты от бакалейщика.

— Пошли Ларри.

— Он еще не вернулся из школы.

— Да что же это в конце концов такое?! Будь я проклят...

— Питер, ты же знаешь, что он — на...

— ...если в семье Бернсов не появился большой ученый! Когда ни спросишь — он вечно в школе, в школе...

— ...репетиции школьного драмкружка,— закончила Гарриетта.

— У меня большое желание позвонить директору школы и сказать ему...

— Ерунда.

— Как бы там ни было, а я хочу видеть сына за ужином дома,— сердито сказал Бернс.

— Питер, у меня вовсе нет никакого желания обсуждать сейчас Ларри и его юношеские увлечения. Мне просто надо решить, что делать с этим мясом.

— Откуда я знаю?! Может быть, мне послать полицейскую машину?

— Не говори глупости.

— Ну а что тогда? Мясник, насколько я понимаю, никакого преступления не совершил.

— Его преступление — в оплошности, которую он совершил,— возразила Гарриетта.

Бернс невольно фыркнул.

— Ну и хитра же ты.

— Да, — спокойно отреагировала жена. — Так как быть с мясом?

— А что, пяти фунтов нам не хватит? По-моему, этого достаточно, чтобы накормить армию.

— Придет твой брат Луи,— напомнила ему Гарриетта.

— Ох! — Бернс представил себе своего огромного родственника. — Ты права, нам нужны все восемь. — Он помолчал, размышляя. — А почему бы тебе не позвонить бакалейщику и не попросить его отложить доставку на более поздний час? А за это время ты смогла бы сходить к мяснику и устроить ему настоящее ирландское светопреставление. Хорошая мысль?

— Прекрасная. Ты умнее, чем выглядишь.

— По окончании школы я получил бронзовую медаль.

— Знаю. Я до сих пор ношу ее.

— Значит, по мясу мы решили?

— Да. Спасибо.

- Не за что. А что касается Ларри...
- Мне надо бежать в мясную. Ты поздно сегодня вернешься?
- Наверное. У меня тут действительно завал.
- Хорошо. Не буду тебя отвлекать. Пока.
- Пока, — ответил Бернс и повесил трубку. Гарнетта его иногда удивляла. По всем стандартам цивилизации она была очень умна. С мастерством опытного бухгалтера справлялась с домашним бюджетом, прекрасно ладила с мужем-полицейским, столь редко появлявшимся дома, и сумела, по сути, сама вырастить сына. А таким парнем, как их Ларри, несмотря на его странную для Бернсов склонность к занятиям в драматическом кружке, вполне можно было гордиться.

И в то же время какая-нибудь пустяковая проблема, вроде сегодняшней, могла поставить ее в тупик.

Женщины. Бернс никогда не мог понять их.

Тяжело вздохнув, он вернулся к своим делам. Стук в дверь застал его за чтением рапорта Кареллы о смерти юноши.

— Войдите, — сказал Бернс.

Дверь раскрылась. В кабинет вошел Уиллис.

— Что случилось, Хал?

— Что-то странное, сэр, — ответил тот. Небольшого роста, среди сотрудников отдела он больше походил на жокея, чем на копа. Глаза его всегда улыбались, выражение лица было приветливым, но он прекрасно владел приемами дзюдо, и немало преступников горько жалели о том, что вовремя недооценили его способности.

— В каком смысле странное? — спросил Бернс.

— Какой-то тип звонит по телефону, но не хочет говорить ни с кем, кроме вас.

— Кто он?

— В том-то и дело. Он не называет себя.

— Пошлите его к черту.

— Он сказал, что звонит по делу Эрнандеса.

— Вот как?

— Да.

Бернс подумал немного и сказал:

— Хорошо. Соедините его со мной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дело не в том, что у Кареллы были какие-то особые версии. Просто в этом деле концы не сходились с концами.

Анибала Эрнандеса нашли мертвым около двух часов ночи 18 декабря. Тогда был понедельник, теперь уже среда, прошло два дня, но ситуация не прояснилась.

В заключении коронера говорилось, что Эрнандес умер от слишком большой дозы героина, и в этом в общем-то ничего странного не было. Рядом с Эрнандесом лежал шприц со множеством отпечатков, и теперь их сравнивали с отпечатками пальцев Анибала.

Карелла был абсолютно уверен в том, что отпечатки не совпадут. Кто-то же завязал петлю на шее мертвого Эрнандеса,

и Карелла готов был биться об заклад, что тот же человек ввел ему смертельную дозу наркотика.

Но тут возникали вопросы.

Если предположить, что кто-то хотел убить Эрнандеса — а для такого предположения есть все основания — и что этот кто-то воспользовался для преступления шприцем, то почему потом не унес его? Или зачем, например, была предпринята заранее обреченная на провал попытка симулировать самоубийство путем повешения?

Эти несообразности и беспокоили Кареллу. Он знал, разумеется, что в мире наркоманов может быть тысяча и один мотив для убийства. Он знал также, что кто-то, мало знакомый с работой коронеров и их возможностями, мог попытаться выдать отравление за повешение. Но он был уверен и в том, что все жители Соединенных Штатов мужского пола, от мала до велика, прекрасно знали, что такое отпечатки пальцев. СОВЕРШИЛ ПРЕСТУПЛЕНИЕ? ВЫТРИ ОТПЕЧАТКИ! Но шприц не был вытерт. Какой же убийца, пытаясь симулировать самоубийство своей жертвы, оставит на месте преступления настоящее орудие убийства? Не может же он быть настолько глуп, чтобы не понять, что полиция тут же ассоциирует шприц с возможной смертью от слишком большой дозы наркотика!

— Нет, здесь что-то не так.

Здесь все не так.

Карелла остро это ощущал. Прогуливаясь по улицам в свободное от дежурства время, он не мог избавиться от мыслей по этому делу. Он сопоставлял факты, прикидывал, с чего лучше начать, ибо правильное начало всегда значительно ускоряло дело. Он не мог забыть того, что был полицейским, которому платили за охрану законности и порядка двадцать четыре часа в сутки триста шестьдесят пять дней в году.

На стоявший у ограды Гровер-парка автомобиль он вначале внимания не обратил. Взглянул на него мельком, и будь он простым горожанином, этого ему было бы вполне достаточно. Но он был полицейским и поэтому взглянул на него во второй раз.

То был старенький серый «плимут», номерной знак 421-1731. Задний бампер с правой стороны помят. В машине двое, оба молодые парни. Оба на заднем сиденье, место водителя пустовало. Кого они ждали у Гровер-парка и зачем?

Об Анибале Эрнандесе Карелла больше не думал. С безразличным видом он миновал автомобиль. Парням было не более двадцати одного каждому. Они смотрели на Кареллу. Смотрели очень внимательно. Карелла не обернулся. Пройдя дальше, он завернулся в ателье Макса Когена.

Макс был круглоголов, седые волосы венчиком обрамляли его лысину. Он поднял голову и приветствовал вошедшего:

— Привет, Стив, что нового?

— Что может быть нового? — спросил его в ответ Карелла, снимая на ходу пальто. Макс с интересом смотрел на него.

— Тебе нужна помощь? Что-нибудь защитить?

— Нет. Я хочу взять у тебя взаймы пальто. Например, вон то, бежевое. Как по-твоему, оно мне будет впору?

- Ты хочешь взять взаймы?..
— Я тороплюсь, Макс. Я верну его. Мне надо проследить за парой человек.

По тону Кареллы было ясно, что он действительно торопится. Коген положил иглу и направился к вешалке.

- Только не испачкай его, пожалуйста. Оно уже поглажено.
— Не испачкаю, — пообещал Карелла, взял пальто, надел его и вышел.

Машина стояла на прежнем месте. На заднем сиденье ее видны были все те же два парня. Карелла занял позицию на противоположной стороне улицы. Он встал так, чтобы широкая металлическая стойка кабинки прикрывала его от взглядов сидевших в автомобиле.

Третий парень появился минут пять спустя. Он быстрым шагом вышел из ворот парка и направился прямо к машине. Карелла оторвался от фонарного столба и двинулся через улицу. Третий парень не замечал его; он подошел к автомобилю, открыл дверцу водителя и сел. Почти в то же мгновение Карелла распахнул противоположную дверцу.

- Эй, в чем... — начал было парень.
Карелла наклонился. Пальто его было расстегнуто, и рукоятка револьвера находилась всего лишь в нескольких дюймах от правой руки.

- Не дергайся, — сказал он.
Парни на заднем сиденье испуганно переглянулись.
— Послушайте, какое право...
— Заткнись, — перебил его Карелла. — Что ты делал в парке?
— А?
— В парке. С кем ты там встретился?
— Я? Ни с кем. Просто прогулялся.
— Куда?
— Да так, по парку.
— Зачем?
— Хотелось.
— А почему твои приятели остались здесь?
— Им не хотелось гулять.
— А почему ты отвечаешь на мои вопросы?
— Чего?
— Почему ты отвечаешь на мои вопросы, черт побери? Откуда ты знаешь, что я полицейский?

- Да... так я понял.
— Ты что, предполагал такую возможность?
— Нет, я просто прогу...
— Показывай, что у тебя в карманах!
— Почему?
— Потому, что я так хочу!
— Влипли, — сказал один из парней на заднем сиденье.
— Заткнись! — приказал ему водитель, не оборачиваясь.
— Я жду, — твердо проговорил Карелла.

Водитель долго шарил в карманах, затем вытащил и положил на сиденье пачку сигарет, сверху расческу, бумажник и связку ключей.

Карелла сдвинул с сигарет ключи, бумажник и расческу и на- давил на край пачки указательным пальцем. Пачка встала на ребро. Под ней лежал маленький пакетик. Карелла раскрыл его и выссыпал немного белого порошка на ладонь, потом попробовал на вкус. Парни молча наблюдали за действиями полицейского.

— Героин, — сказал Карелла. — Где ты его взял? Ты купил его в парке?

— Я нашел его, — ответил водитель.

— Кончай. Где ты его купил?

— Говорю же, я нашел его.

— Послушай, мистер, независимо от того, нашел ты его или получил в наследство, ты будешь осужден уже за то, что он у тебя был. Можешь облегчить свою участь, если скажешь, кто толкнул его тебе.

— Только не вмешивайте в это дело нас, — сказал один из парней с заднего сиденья. — У нас ничего этого нет. Обыщите нас. Обыщите.

— Для меня вы — участники одного концерта. Так кто толкнул?

— Я нашел его.

— Ну, что ж, пусть будет так. У тебя есть права на вождение?

— Конечно.

— Тогда поезжай.

— Куда?

— А ты угадай, — ответил Карелла, сел в машину и захлопнул дверцу.

Больше всего на свете Роджер Хэвиленд любил допрашивать подозреваемых, особенно когда он мог делать это один. Хэвиленд был, пожалуй, самым огромным полицейским 87-го участка и, уж безусловно, самым отъявленным негодяем в мире. С другой стороны, трудно обвинить этого человека за его отношение к подонкам в целом. Однажды он попытался разнять дерущихся, и это стоило ему переломанной в четырех местах руки. До этого момента он был мягким полицейским, но осложненный перелом руки, которую пришлось потом ломать в ходе лечения, поскольку она никак не срасталась правильно, отнюдь не способствовал сохранению его добродушия. Из госпиталя он вышел со здоровой рукой, но совершенно другим человеком. Врасплох его уже застать было невозможно. Теперь он прежде наносил удар и лишь потом задавал вопросы.

Больше всего он любил допросы, особенно если мог вести их один, без помощников. К его сожалению, в тот день, 20 декабря, с ним был Карелла.

Пойманный с героином парень сидел на стуле и дерзко поглядывал по сторонам. Его приятелей допрашивали в других кабинетах Майер и Уиллис. Нужно было выяснить, у кого парни купили героин. Особого удовлетворения от ареста наркомана обычно никто не испытывал. За его тридцатидневное задержание от дурмана расплачивался город, а выйдя на свободу, он тут же принимался за свое. Набрать их можно было сколько угодно, стоило лишь прочесать несколько улиц. За то, что у них находи-

ли наркотики, они получали тридцать или более суток тюремного заключения. Но гораздо важнее было взять «толкача». В случае ареста он оказывался в гораздо худшем положении.

Парень, купивший наркотик в Гровер-парке, был пойман с одной шестнадцатой унции героина, за который он заплатил, наверное, пять долларов,— мелкая рыбешка. Полицейских 87-го участка интересовал тот, кто продал ему этот геронин.

— Как тебя зовут? — спросил Хэвиленд.

— Эрнест,— ответил парень. Он был худой и длинный, с копной свисавших на лоб светлых волос.

— Эрнест как?

— Эрнест Хемингуэй.

Хэвиленд посмотрел на Кареллу, затем снова на парня.

— Хорошо. Давай попробуем еще раз. Имя, фамилия?

— Эрнест Хемингуэй.

— У меня нет времени возиться с образованными подонками! — закричал Хэвиленд.

— Что с вами? — удивился парень.— Вы спросили, как меня зовут, я сказал...

— Если ты не хочешь ползать по полу, собирать свои зубы, лучше отвечай. Имя, фамилия?

— Эрнест Хемингуэй. Послуш...

Хэвиленд влепил ему пощечину. Голова парня дернулась в сторону, а Хэвиленд уже готов был влепить ему вторую.

— Оставь, Роджер. Это действительно его имя. Оно обозначено на правах.

— Эрнест Хемингуэй? — переспросил Хэвиленд.

— Да. А что здесь такого?

— Ничего. Просто есть такой человек, писатель. Его тоже зовут Эрнест Хемингуэй,— пояснил Карелла.

— Да? — Парень помолчал немного.— Никогда не слышал. Интересно, я смогу его подойти?

— Сомневаюсь,— сухо ответил Карелла.— Кто продал тебе геронин?

— Ваш друг писатель,— ухмыльнулся парень.

— Остроумно,— похвалил Хэвиленд.— Я люблю остроумных. Мальчик, похоже, скоро будет жалеть о том, что родился на свет.

— Послушай, ты осложнешь себе жизнь,— сказал Карелла.— В зависимости от своего поведения можешь получить от тридцати суток тюрьмы до девяноста. А можешь получить срок условно.

— Обещаете?

— Мы обещать не можем. Решает судья. Но, если он будет знать, что ты помог нам взять толкача, может проявить снисходительность.

— Я похож на фискала?

— Нет,— сказал Хэвиленд.— Они посимпатичнее.

— Кем был этот тип, прежде чем стал полицейским? — спросил Хемингуэй, мотнув головой в сторону Хэвиленда.— Телекомиком?

Хэвиленд улыбнулся и ударил парня по губам.

— Попридержи руки,— приказал Карелла.

— Я не обязан выслушивать оскорблений этого сопляка. Я не обязан...

— Попридержи свои чертовы руки! — повысил голос Карелла.

— Если устал, пойди в спортзал, разомнись.

— Послушай, я...

— Ну, так как, парень?

— Кого ты из себя строишь, Карелла? — спросил Хэвиленд.

— Кого ты из себя строишь, Хэвиленд? Не хочешь вести допрос как положено — убрайся. Я его взял.

— Можно подумать, что я проломил ему башку или еще что-нибудь в этом роде.

— Хочу предупредить такую возможность, — пояснил Карелла и вновь обернулся к Хемингуэю: — Ну, так как, малыш?

— Не называйте меня «малышом». Значит, так: я закладываю толкача, а судья все равно дает мне на всю катушку, да?

— А может, ты хочешь, чтобы мы сказали, что нашли у тебя четверть унции? — спросил Хэвиленд.

— Вы не сделаете этого!

— Мы набрали его столько сегодня, что можем нагрузить пароход, — соврал Хэвиленд. — А кто еще знает, сколько его было у тебя?

— Вы же знаете, одна шестнадцатая, — обмяк вдруг паренек.

— Разумеется, но кто еще? А за четверть унции можно получить десятку. Прибавь еще намерение толкнуть его твоим друзьям.

— Ничего я не собирался толкать! Я купил его! Одну шестнадцатую, а не четверть!

— Это так, — вздохнул Хэвиленд. — К сожалению, об этом знаем только мы, а? Так как же зовут толкача?

Хемингуэй молчал, обдумывая положение.

— Четверть унции плюс намерение продать, — сказал Хэвиленд, обращаясь к Карелле. — Давай оформлять, Стив.

— Подождите! — воскликнул парень. — Вы же не сделаете этого, а?

— Почему же? Ты что, мой родственник?

— Но нельзя ли... нельзя ли...

— Как зовут толкача? — спросил Карелла.

— Гонсо.

— Это имя или фамилия?

— Не знаю.

— Как ты с ним познакомился?

— Это была моя первая встреча с ним, — ответил парень. — Сегодня, я имею в виду. Раньше я с ним не встречался.

— Ну да, конечно, — сказал Хэвиленд.

— Без трепа. Раньше я брал у другого парня. Мы встречались в парке, у клетки со львом. Раньше я имел дело с тем, другим. А сегодня я иду на встречу и вдруг вижу нового типа. Он говорит мне, что его зовут Гонсо и что у него хороший товар. Ну, я и взял. А тут появился законник.

— А твои приятели в машине?

— Начинающие. На вашем месте я бы вышвырнул их на улицу. Они и так наложили в штаны.

- Ты в первый раз попался?
- Да.
- Сколько времени ты принимаешь наркотики?
- Лет восемь.
- Внутривенно?
- Парень поднял голову.
- Можно как-то еще?
- Значит, Гонсо?
- Ага. Послушайте, а как бы мне уколоться, а? Понимаете, я начинаю себя плохо чувствовать.
- Мистер, — усмехнулся Хэвиленд, — можете считать себя находящимся на лечении.
- Что?
- Там, куда вы попадете, встречи у клетки со львом отменяются.
- Я понял вас так, что мне дадут условно.
- Возможно. Так что ты думаешь, мы до суда будем держать тебя «под кайфом»?
- Нет, но я думал... О Боже, у вас здесь нет доктора или чего-нибудь такого?
- У кого ты покупал раньше?
- О чём вы?
- О клетке. Со львом. Ты сказал, что Гонсо — новый. Кто был раньше?
- А, понимаю, понимаю. Послушайте, нельзя ли попросить доктора, чтобы он сделал что-нибудь? Мне плохо, я заблюю вам пол...
- Мы дадим тебе швабру, — пообещал Хэвиленд.
- Как звали прежнего толкача? — спросил Карелла.
- Аннабель.
- Баба? — спросил Хэвиленд.
- Нет, парень, спик*. Аннабель. Спикское имя.
- Анибал? — спросил Карелла, и у него зачесались корни волос.
- Ага. Фернандес, Эрнандес, Гомес? Разве можно запомнить фамилию спика? Они все одинаковые.
- Это был Анибал Эрнандес?
- Да, по-моему. Звучит не хуже, чем любое другое. Послушайте, нельзя ли мне сделать укол, а? Я же наблюю.
- Давай, — сказал Хэвиленд. — Начинай.
- Парень тяжело вздохнул, потом нахмурился, поднял голову и спросил:
- А что, правда есть такой писатель — Эрнест Хемингуэй?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Результаты экспертиз были получены в тот же день. Ничего нового Карелла в них для себя не нашел. Кроме одной детали.

Тщательное исследование веревки, характер потертостей, деформация волокон, изменения структуры не оставляли никаких

* Спик (презр.) — американец испанского происхождения; мексиканец.

сомнений в том, что петля была завязана на шее Эрнандеса, затем второй конец веревки был переброшен вокруг одного из стержней оконной решетки, после чего труп с помощью этой веревки был поднят до сидячего положения. Возможно, смертельную дозу наркотика он и ввел себе сам, но сам не вешался, и это уже доказано.

Найденные на шприце отпечатки также почти начисто исключали возможность самоубийства, и это не удивило Кареллу. Ни один из них не принадлежал Анибалу, а их было много, и все они принадлежали одному человеку. Если Эрнандес и пользовался когда-нибудь этим шприцем, то он должен был тщательно вытереть свои отпечатки и лишь затем передать его кому-то другому.

Но тут-то и ждала Кареллу неожиданность. Дело в том, что проверка отпечатков в Бюро учета правонарушителей ничего не дала. Кто бы ни был тот, кто оставил на шприце свои отпечатки и, по-видимому, ввел смертельную дозу героина Эрнандесу, в криминальной картотеке он не значился. Конечно, еще не поступил ответ на запрос в ФБР, но Карелла был разочарован. Он все же надеялся: «тот, другой», по отпечаткам будет найден.

В кабинет заглянул лейтенант Бернс.

- Стив, зайдите на минуту ко мне.
- Иду, — ответил Карелла, поднялся и прошел за Бернсом в его кабинет.

Лейтенант молчал до тех пор, пока Карелла не закрыл за собой дверь.

— Досадно, не так ли, — начал Бернс.

— Простите?

— Я имею в виду неудачу с отпечатками.

— Ах, это. Да. Откровенно говоря, я на них рассчитывал.

— Я тоже, — сказал Бернс.

Они помолчали.

— У вас есть копии отпечатков?

— Есть.

— Вы могли бы дать их мне?

— Ну, они уже проверены. Я хочу сказать, что мы не могли...

— Я знаю, Стив. Просто у меня появилась одна мысль, и я хочу ее проверить.

— По делу Эрнандеса?

— В какой-то мере.

— Не скажете, что именно?

— Нет, Стив. Не сейчас.

— Ну да, конечно, — согласился Карелла. — Когда посчитаете нужным.

— Принесите мне их сегодня, хорошо? — попросил Бернс и слабо улыбнулся.

— Да, конечно. Это все?

— Да. Можете идти. В мыслях вы уже, наверное, дома. Как жена?

— О, прекрасно, — ответил Карелла.

— Хорошо, хорошо. Это очень важно... — Бернс покачал головой.

вой и оставил предложение неоконченным.— Ладно, Стив, иди-
те, не буду вас больше задерживать.

Бернс хотел только спросить.

Ложь, как он видел ее, состояла из двух частей, и нужно было только спросить, чтобы она рассыпалась. Поэтому он и сидел сейчас в новом автомобиле, поджиная того, кому надо задать вопрос. Всегда так — находишь человека, загоняешь его в угол и говоришь:

— Послушай, это правда, что ты?..

Или все по-другому?

Но как, черт побери? И как человек, все время живший честно, может оказаться в таком положении? Нет! Нет, черт возьми, это ложь. Глупая ложь, потому что есть труп, и кто-то пытается... А если не ложь?

Он сидел в машине, уверенный, что узнает, кого ждал, как только тот выйдет из здания в Камс-пойнте, неподалеку от того места, где жили Бернсы; здание окружали лужайки и деревья, сейчас голые, цеплявшиеся корнями за мерзлую землю, припорощенные снегом. Светились окна, как теплый янтарь на фоне холодного зимнего неба. Бернс смотрел на эти окна и думал.

Лейтенант был невысок ростом и смугл лицом, изрезанным глубокими морщинами; голубые глаза его были маленькими, но цепкими, нос с горбинкой, линия рта решительной, верхняя губа слабой, нижняя — четко очерченной. Подбородок напоминал расколотый камень, а похожая на круглую шляпку заклепки голова сидела низко, словно хозяин ее собрался и встал в стойку, приготовившись к защите. Он сидел в машине и смотрел на пар от собственного дыхания, на запотевшее стекло, на свою руку в перчатке, а потом увидел, как из здания стали выходить люди.

Молодые люди. Они шутили, смеялись. Какой-то мальчик остановился, скатал снежок и запустил им в девочку — она вскрикнула в притворном страхе. Мальчик побежал за ней, они скрылись в темноте, а Бернс все глядел на выходящих, высматривая знакомое лицо, знакомую фигуру. Их было очень много, и с расстояния разглядеть среди них того, кто был ему нужен, становилось трудно. Бернс вышел из машины — в лицо сразу пахнуло холодом. Он ссутулился и подошел к выходу.

— Здравствуйте, мистер Бернс, — сказал какой-то парень.

Бернс кивнул в ответ, продолжая всматриваться в лица толпой валивших молодых людей. Но поток их вдруг иссяк, будто к прорванной дамбе подвели заглушку. Он оглянулся вслед уходившим подросткам, глубоко вздохнул, поднялся по ступеням и вошел в дверь под аркой, на которой была высечена надпись: «Камс-пойнтская средняя школа». Последний раз он был здесь во время недели открытых дверей — когда это было? Сколько лет назад? Бернс покачал головой. Детям надо уделять больше внимания. Особенно со стороны отцов. Но кто мог подумать, как можно это предотвратить, ах, Гарнетта, Гарнетта, тебе следовало быть повнимательнее, если это правда, если только это правда.

Наверное, в зале. Где же еще им быть?

В школе было очень тихо, Бернс слышал гулкое эхо собствен-

ных шагов по мраморному полу. Зал он нашел сразу и криво усмехнулся, отметив, что детектив из него получился неплохой, но, Господи, что принесет это его участку?!

Он открыл дверь; в противоположном конце огромного зала с высокими потолками, у фортепиано, стояла женщина. Она была здесь одна и вопросительно смотрела на Бернса, пока он шел по длинному проходу. Лет сорока пяти, полная, волосы завязаны узлом на затылке. Черты лица приятны, мягки, как и взгляд карих глаз.

— Я слушаю вас,— сказала она.— Чем могу быть полезной?

— Скажите, пожалуйста, это здесь выпускники репетировали пьесу? — изобразив добродушную улыбку, спросил Бернс.

— Да, здесь,— ответила женщина.— Меня зовут мисс Керри. Я постановщик.

— Здравствуйте,— сказал Бернс.— Рад познакомиться с вами.

Он вдруг почувствовал себя неловко. Миссия его, как он считал, в каком-то смысле была секретной, и он не был настроен на обмен любезностями с учительницей.

— Я видел, как выходили ребята.

— Да,— улыбаясь, ответила мисс Керри.

— Я живу неподалеку, вот и подумал: заеду, подвезу сына домой. Он участвует в пьесе. Только и разговоров дома, что о ней.

— Что вы говорите! — Мисс Керри была польщена.

— Да. Но я не видел его с выходившими. Вот и подумал, может, вы... — Бернс посмотрел на потемневшую сцену.— Может, он остался помочь убрать декорации... или еще что.

— Вы, наверное, не заметили его,— сказала мисс Керри.— Они все ушли вместе.

— Все? И Ларри?

— Ларри? — Мисс Керри на минуту нахмурила брови.— Ах да, Ларри. Конечно. Я сожалею, но он ушел с остальными.

Бернс почувствовал невероятное облегчение. Во всяком случае, он знал теперь точно, где его сын проводил вечера. Значит, не лгал. Лицо Бернса расплылось в широчайшей улыбке.

— Что ж, извините за беспокойство.

— Не за что. Это я должна извиниться перед вами за то, что не сразу вспомнила Ларри. А ведь другого Ларри у нас нет, и у него хорошо все получается.

— Приятно слышать, благодарю вас,— сказал Бернс.

— Да, мистер Шварц, вы можете гордиться вашим сыном.

— Да, да. Рад слышать...

Бернс замолчал и долго смотрел на мисс Керри.

— Моего сына зовут Ларри Бернс,— наконец сказал он.

Мисс Керри опять нахмурилась.

— Ларри Бернс. О, извините. Но ваш сын не участвует в спектакле. А он сказал, что занят? Но это... в общем, он даже не пытался.

— Ясно,— тихо проговорил Бернс.

— Надеюсь, я не... наверное, у мальчика были на то основания... Тут нельзя сразу делать какие-то выводы, мистер Бернс.

Зачем-то он хотел убедить вас, будто репетирует с нами.

— Да,— ответил Бернс.— Боюсь, что так.

Он еще раз поблагодарил мисс Керри и покинул этот огромный пустой зал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Бернс сидел в гостиной и слушал мерное тиканье больших напольных часов времен его дедушки.

Он ждал сына.

Дом был полон звуков.

Он никогда раньше не замечал, что его дом полон звуков. Они слышались отовсюду. Дом похрустывал и поскрипывал, как разбитый ревматизмом старик. Бернс слышал дыхание спящей наверху жены, оно накладывалось на зловещее тиканье часов и приглушенные стоны дома.

И вдруг он услышал тихий звук, прозвучавший в его ушах раскатом оглушительного грома; звук, которого он ждал всю эту ночь,— звук отпираемого замка. Все остальные звуки исчезли. Он сидел в напряженной позе и слушал, как поворачивался в замке ключ, как, тихо скрипнув, открылась дверь, и до него донесся зловещий шепот ветра на улице. Дверь тут же закрылась, негромко стукнув, а в прихожей скрипнули половицы.

— Ларри? — окликнул Бернс.

Звук его голоса вырвался из гостиной и эхом заметался по комнатаам. Потом некоторое время стояла полная тишина, однако не сразу услышал Бернс вновь тиканье часов, его огородного типа старинных часов, самодовольно прислонившихся к стене и свысока наблюдавших проносившуюся мимо жизнь, как некий бездельник наблюдает жизнь улицы через витрину угловой забегаловки.

— Папа? — В голосе слышалось удивление. Голос был молодой и прозвучал неровно, как голос человека, вошедшего с мороза в теплую комнату.

— Я здесь, Ларри,— сказал Бернс, и ответом ему вновь была тишина, нарушаемая только мерным тиканьем часов.

Наконец Бернс услышал его шаги; они замерли на пороге гостиной.

— Включить свет? — спросил Ларри.

— Включи.

Ларри, уверенно лавируя, ничего не задев, прошел в темноте к дальнему столику и включил стоявшую на нем лампу.

Он был высок, значительно выше отца. Волосы рыжие, лицо удлиненное, худое, нос отцовский, с горбинкой, глаза материнские, невинно-простодушные, а подбородок, заметил Бернс, слабый, и никогда уже сильным не станет, ибо юность свое дело сделала, детское лицо сына превратилось в лицо взрослого человека, и таким оно останется до конца. Одет Ларри был в спортивные брюки, рубашку и куртку. Бернс подумал, что пальто он, должно быть, снял в прихожей.

— Читаешь? — спросил Ларри.

Голос у него тоже был уже не детский — голос взрослого

человека, низкий, и это как-то не вязалось с его молодостью, с его восемнадцатью годами.

— Нет,— ответил Бернс.— Я жду тебя.

— Да?

Бернс внимательно смотрел на сына, прислушиваясь к его интонациям и удивляясь тому, как короткое «Да?» могло выдать внезапную настороженность.

— Где ты был, Ларри?

Он смотрел сыну прямо в глаза, надеясь, что тот не солжет, уверенный, что ложь убьет его, уничтожит.

— В школе,— ответил Ларри, и Бернс принял ложь. Это оказалось не так больно, как он ожидал; внутри вдруг что-то переменилось, куда-то исчезли отцовские чувства, их место заняли другие — те, что он хранил для своего рабочего кабинета.

Все произошло очень быстро, в течение каких-то трех секунд он словно по мановению волшебной палочки превратился в полицейского. В полицейского, допрашивающего подозреваемого.

— В своей школе?

— Да.

— На Камс-пойнт? Ты ведь там учишься?

— Разве ты не знаешь?

— Я спрашиваю тебя.

— Да. На Камс-пойнт.

— Поздновато ты возвращаешься домой, а?

— Так все дело в этом? — спросил Ларри.

— Почему ты так задержался?

— Мы репетировали, тебе же это известно.

— Репетировали что?

— Выпускную пьесу. Вот те на, папа, ведь мы же сто раз об этом говорили!

— Кто еще занят в пьесе?

— Многие.

— Кто ее ставит?

— Мисс Керри.

— Когда начались репетиции?

— Послушай, папа, что все это значит?

— В котором часу закончилась репетиция сегодня?

— Где-то около часу. Потом некоторые задержались, выпили содовой.

— Репетиция закончилась в половине одиннадцатого,— отчетливо произнес Бернс.— Тебя там не было. В пьесе ты не занят. И никогда не был занят, Ларри. Где ты был с половины третьего дня до двух ночи?

— О Господи! — воскликнул Ларри.

— Не поминай все имя Господа в моем доме!

— Послушай, ты говоришь, как окружной прокурор.

— Где ты был, Ларри?

— Ну, ладно, не занят я в пьесе. Ну и что? Я не хотел говорить маме, расстраивать ее. Меня вышвырнули после первых же репетиций. Актёр из меня, по-видимому, никудышный. Наверное...

— Актёр из тебя ужасный, но ты еще и слухом страдаешь. Ты

никогда не был занят в ней, я только что сказал тебе это.

— Ну...

— Почему ты лжешь, Ларри? Чем ты занимался?

— А чем я мог заниматься? Послушай, папа, я устал. Я пойду спать, если ты не возражаешь.— И он направился к двери.

— Возражай! — закричал Бернс.— Вернись!

Ларри медленно обернулся.

— Ты не в грязном своем кабинете, папа. Не ори на меня, как на своих лакеев.

— Я в своем кабинете, и этому кабинету больше лет, чем кабинету в восемьдесят седьмом участке. Убери ухмылку со своего лица, пока я не размазал в лепешку твою задницу.

У Ларри отвисла челюсть. Некоторое время он не мог ничего сказать. Бернс резко поднялся, подошел к сыну и приказал:

— Покажи, что у тебя в карманах.

— Что?

— Я сказал...

— Постой, постой, не так быстро,— возбужденно заговорил Ларри.— Что все это значит, черт побери? Тебе что, дня не хватает, ты и дома из себя копа строишь?

— Замолчи, Ларри, предупреждаю тебя!

— Сам замолчи! Какого черта...

Бернс ударили сына неожиданно и жестко. Он ударили Ларри открытой ладонью человека, привыкшего трудиться с двенадцати лет, и удар этот был достаточно сильным, чтобы сбить сына с ног.

— Встань! — приказал Бернс.

— Попробуй только ударить меня еще раз,— пробормотал Ларри.

— Встань! — Бернс наклонился, схватил его за ворот, рывком поднял на ноги и притянул к себе.— Ты употребляешь наркотики?

Тишина заполнила комнату, все ее пространство, все углы.

— Ч-что? — наконец выдавил из себя Ларри.

— Употребляешь? — повторил Бернс; он спросил шепотом, но в тишине его шепот звучал, как крик. В прихожей застучали часы.

— Кто... кто сказал тебе?

— Я жду.

— Я... так, балуюсь немного.

— Сядь,— устало сказал Бернс.

— Папа, я...

— Сядь. Пожалуйста.

Ларри опустился в кресло, из которого поднялся его отец. Бернс несколько раз прошелся по комнате, остановился перед сыном.

— Как далеко это зашло?

— Не очень.

— Героин?

— Да.

— Сколько времени?

— Уже около четырех месяцев.

- Нюхаешь?
- Нет.
- Колешься?
- Папа, я...
- Ларри, ты что — в вены?
- Да.
- Как ты начал?
- В школе. Ребята забивали «косяки». Марихуану. Мы называем ее...
- Я знаю.
- Ну, вот, так я и начал. Потом не помню. Кажется, мне дали нюхнуть кокаина, а потом героина, и тогда... Я сделал укол. Под кожу.
- Как давно ты колешься в вены?
- Недели две.
- Ты уже прочно сидишь на крючке.
- Захочу — буду, захочу — брошу,— с вызовом возразил Ларри.
- Ну да, конечно. Где ты берешь наркотики?
- Послушай, папа...
- Я спрашиваю тебя как отец, а не как полицейский,— перебил его Бернс.
- В... в Гровер-парке.
- У кого?
- Какая разница? Послушай, папа, я... я брошу, хорошо? Правда, брошу. Но давай прекратим об этом. Все это очень неприятно.
- Гораздо неприятнее, чем ты думаешь. Ты знал Анибала Эрнандеса?
- Ларри молчал.
- Ты и так уже далеко зашел, сын. Покупал наркотики на территории моего участка. Так ты знал Анибала Эрнандеса?
- Да.
- Хорошо знал?
- Пару раз покупал у него. Он был «мулом». То есть он толкал ребятам. Потому что сам принимал.
- Я знаю, что такое «мул». Сколько раз ты покупал героин у него?
- Я же сказал: пару раз.
- Два раза?
- Ну, больше.
- Три?
- Нет.
- Четыре? Ради бога, Ларри, сколько раз?
- Ну... по правде говоря, в основном я покупал у него. Понимаешь, здесь так: познакомился с толкачом, и если порошок у него хороший, то уж с ним и имеешь дело. В общем... он был неплохим парнем. Несколько раз мы... кололись вместе, понимаешь? Бесплатно. Он ничего не брал с меня. Давал бесплатно. В общем, он был хорошим парнем.
- Ты все время говоришь «был». Ты знаешь, что он мертв?
- Да. Говорят, он повесился.

— Теперь слушай меня внимательно, Ларри. Вчера мне позвонили...

— Кто?

— Не знаю. Звонок был анонимный. Я взял трубку только потому, что дело касалось смерти Эрнандеса. Это было еще до получения результатов вскрытия. Так вот, звонивший мне кое-что о тебе рассказал.

— Например? Что я наркоман, да?

— Не только.

— Что же еще?

— Он рассказал мне, где ты был и чем занимался в ночь с семнадцатого на восемнадцатое декабря.

— Да?

— Да.

— Ну и где же это я был?

— В комнате на первом этаже вместе с Анибалом Эрнандесом.

— Да?

— Так сказал мне звонивший.

— И что же?

— Это правда?

— Возможно.

— Оставь этот тон, Ларри! Или, не дай Бог, я...

— Хорошо, хорошо, я был с Аннабелем.

— С какого времени и по какое?

— С... сейчас... должно быть, с девяти. Да, где-то с девяти и до полуночи, наверное. Да, правильно. Я ушел в двенадцать или около этого.

— А днем вы тоже были вместе?

— Нет, я встретил его на улице около девяти вечера. И мы пошли к нему.

— Оттуда ты пошел прямо домой?

— Нет. Я «торчал». Аннабель уже клевал носом, а я не хотел засыпать там. Поэтому пошел прогуляться.

— В каком ты был состоянии?

— «Торчал» здорово.

— Во сколько ты вернулся домой?

— Не знаю. Поздно.

— Что значит «поздно»?

— В три, в четыре.

— До полуночи вы были с Эрнандесом одни?

— Да.

— Он тоже «укололся», так?

— Да.

— Когда ты уходил, он спал?

— Нет, дремал. Ни там, ни здесь, понимаешь?

— Сколько он ввел себе?

— Мы разделили шестнадцатую пополам.

— Ты уверен?

— Конечно. Аннабель сам сказал, когда достал его. И, признаться тебе, я рад, что мы кололись вместе. Ненавижу колоться один. Боюсь. Боюсь перебрать.

- Ты говоришь, вы кололись вместе? Одним шприцем?
- Нет. У Аннабеля своя игла, у меня своя.
- А где она сейчас?
- У меня. А что?
- Ты уверен?
- Конечно.
- Расскажи мне подробно, как все произошло.
- Я не понимаю тебя.
- После того, как Аннабель показал тебе порошок.
- Мы вынули иглы. Потом «сварили» его в каких-то бутылочных колпачках...
- В тех самых, что лежали на ящике из-под апельсинов?
- Да, по-моему. Да, там был какой-то ящик.
- Когда вы пошли к этому ящику, вы взяли с собой шприцы?
- Нет, вряд ли. По-моему, мы оставили их на койке.
- Что было дальше?
- Ну, «сварили», вернулись к койке, Аннабель взял свою иглу, я свою, зарядили, укололись.
- Аннабель первым взял шприц?
- Кажется, первым.
- Он мог ошибиться?
- Как?
- Он мог по ошибке взять твой шприц?
- Нет. Я свой узнаю ладонью. Нет, это невозможно. Я укололся своим.
- А когда уходил?
- Я опять не понял тебя, папа.
- Ты мог по ошибке вместо своего взять шприц Аннабеля?
- Да нет же. Сразу после укола Аннабель... Подожди, ты сбиваешь меня...
- Расскажи подробно.
- Ну, мы укололись, и, по-моему, я положил шприц на койку. Да, да. А потом Аннабель понял, что засыпает, встал и сунул свой шприц в карман куртки.
- Ты все время внимательно следил за ним?
- Нет. Помню, он высморкался — наркоманы все время с насморком, потом вспомнил про шприц, взял его и сунул в карман своей куртки. Тогда и я свой спрятал в карман.
- К тому времени ты уже «торчал»?
- Да.
- Но тогда ты мог ошибиться и взять его шприц. А свой оставить.
- Вообще-то возможно, но...
- Где твой шприц в данный момент?
- У меня.
- Посмотри на него.
- Ларри опустил руку в карман, вынул шприц и внимательно осмотрел его.
- Вроде мой.
- Точно?
- Трудно сказать. А что? Я ничего не понимаю.

— Ты должен знать, Ларри. Во-первых, Эрнандес не вешался. Он умер от слишком большой дозы героина.

— Что? Что?

— Во-вторых, в комнате был обнаружен только один шприц, один-единственный.

— Ну, правильно. У него...

— Звонившему мне человеку что-то надо. Я пока не знаю. Он сказал, что сообщит мне после моего разговора с тобой. Он сказал, что вы с Эрнандесом в тот день поскандалили. Он сказал, что у него есть свидетель этому, свидетель, который подтвердит вашуссору под присягой. Он сказал, что вы с Эрнандесом в ту ночь были вдвоем, наедине. Он сказал...

— Я? Поскорился с Эрнандесом? Он дал мне уколоться бесплатно! Разве это похоже на ссору? Откуда он все это взял?

— Ларри...

— Кто он?

— Не знаю. Он не назвал себя.

— Ну... Ну, дайте мне только добраться до этого свидетеля! Не ссорился я с Аннабелем! Нам было хорошо вместе. Да чего он хочет в конце концов? Он что, намекает, что это я ввел Аннабелью слишком большую дозу? Он на это намекает? Пусть покажет своего свидетеля, пусть только покажет.

— Ему не нужен свидетель.

— Это почему же? Я считал, что судья...

— Тот, кто мне звонил, сказал, что на шприце я обнаружу твои отпечатки, Ларри.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Было три часа ночи, и Мария немного устала. У нее было тридцать пять долларов в сумочке и «восьмушка» героина в гостиничном номере, где она жила, и пришло время заканчивать этот день. Но тридцать пять долларов — не сорок, а на необходимую порцию героина завтра требовалось именно сорок, поэтому заканчивать день без дополнительных, недостающих пяти долларов ей не хотелось.

Это нежелание и вызвало ту цепь событий, которая привела ее в больницу.

Она шла, наклонив голову против ветра. На ней были плащ, модная юбка из черного шелка, белая блузка, на ногах — лодочки на высоком каблуке. Сегодня Мария надела все самое лучшее, потому что днем ей позвонил из центра один из влиятельных приятелей, и она надеялась взять с него все сорок. Но у него не оказалось наличных, он попросил ее подождать до следующего раза, а поскольку такое случалось и раньше и он всегда отдавал долг, причем обычно добавлял кое-что за терпение, Мария улыбнулась в ответ, сказала «конечно, в следующий раз» и вернулась к себе на окраину, размышила, где «снять» нужную сумму. Ей это почти удалось, и теперь она направлялась к станции метро, мечтая попасть к себе в номер и принять наркотик, но в то же время думая о недостающей пятерке.

Шаги за спиной испугали ее: уличные ограбления были в этом

районе обычным явлением, а она вовсе не хотела расставаться с таким трудом заработанными деньгами. Ее тихо окликнули по имени, и страх отступил. Она остановилась и оглянулась, щуря глаза от ветра.

- Привет, Мария,— сказал подошедший мужчина.
- А, это ты. Привет.
- Куда идешь?
- Домой.
- Так рано? — игриво спросил он, и Мария поняла его — она давно занималась своим делом.

Особого расположения к этому типу она никогда не испытывала. Ей очень хотелось поскорее попасть в свой номер, где ее ждал герой, однако она все же решила вступить в игру, поскольку игра сулила те самые пять долларов, что были так нужны, и заработать их можно было довольно быстро.

- Мария улыбнулась.
- Не так уж и рано.
 - Глупости,— возразил он.— Время детское.
 - Ну, это смотря чем заниматься.
 - У меня есть предложение на этот счет.
 - Да? — Она кокетливо подняла бровь и облизнула губы.
 - Да.
 - Это интересно,— сказала Мария в продолжение игры, понимая, что от охоты мало удовольствия, когда дичь не знает, что ее преследуют.— Предположим, что сейчас действительно рано — я этого не говорю, но предположим, что сейчас в самом деле рано,— чем бы ты хотел заняться?

- Трахнуть тебя.
- О, как пошло.
- Двадцать долларов — пошло? — спросил он, и у Марии вдруг пропало всякое желание продолжать игру; ей хотелось получить двадцать долларов — и к черту всякие игры.
- Хорошо,— согласилась она.— Надо найти квартиру.
- Займись.

Она двинулась было с места, но остановилась.

- Я не признаю никаких извращений.
- О'кей.

Было уже поздно, и тройка ей вряд ли хватит, думала Мария. Но ей обещали двадцать, а ради этого можно пожертвовать и пятеркой — о, как здорово, она и мечтать о таком не могла.

На стук в квартиру на втором этаже ей вначале никто не ответил. Мария постучала еще раз, и еще и еще, пока не услышала приглушенное: «Basta! Basta!»^{*} Она узнала голос Долорес и улыбнулась, представив, как старуха вылезет из теплой постели.

Вскоре до нее донеслось шлепанье босых ног.

- Quien es?^{**} — спросили из-за двери.
- Это я, Мария Эринандес.

Дверь распахнулась.

* Хватит, достаточно! (испанск.).

** Кто там? (испанск.).

— Puta! Ты чего колотишь в дверь... que hora es? *

Мария взглянула на часики.

— Четвертый. Послушай, Долорес, мне нужна...

Долорес была маленькой, худенькой женщиной в выцветшей ночной рубашке, с седыми спутанными волосами и костлявыми ключицами. Она стояла в дверях, наполняясь яростью, отчего лицо ее все более искажалось и краснело.

— Проститутка! — кричала она.— Дочь проститутки! Это же надо, прийти в три часа ночи и тарабанить в дверь!

— Мне нужна комната,— быстро проговорила Мария.— Винзу. Она...

— Убирайся, негодная! — выкрикнула Долорес и начала закрывать дверь.

— Я заплачу пять долларов,— сказала Мария.

— Вон отсюда! — по инерции продолжала Долорес и вдруг замолчала. Дверь тоже остановилась.— Cinco? Ты сказала «пять»?

— Да.

— Комната внизу свободна. Ключ у меня. Ах ты, глупая шлюха, почему же ты сразу не сказала «пять долларов»? Входи, а то схватишь воспаление легких.

Мария шагнула в прихожую. Было слышно, как Долорес, продолжая тихо ругаться, открывала на кухне какие-то ящики в поисках ключа. Наконец она вернулась.

— Пятерку.

Мария открыла сумочку и протянула купюру. Долорес отдала ей ключ и пожелала приятной ночи.

Он ждал на улице.

— Я сняла комнату у Долорес,— сказала ему Мария.

— У кого?

— У Долорес Форед. Старуха, которая...— Она улыбнулась.— Пойдем.— И повела его в комнату на первом этаже. Открыла дверь, включила светильник на стене, замкнула дверь за ним.

Он попытался тут же обнять ее, она увернулась, как в танце.

— Мне обещали двадцать долларов.

Ухмыляясь, он вынул из кармана бумажник. Он был крупным мужчиной с большими руками, и она следила за ними, когда он методично отсчитывал нужную сумму. Затем подал ей деньги. Не желая выглядеть дешевкой, она сунула их в сумочку, не пересчитывая, и сняла плащ.

— В прошлый раз ты не обратил на меня внимания. Тебя больше интересовали карты.

— То было в прошлый раз.

— Я не в претензии.

— Я искал тебя всю ночь.

— Правда?

Она подошла к нему, соблазнительно покачивая бедрами. Теперь, когда деньги лежали у нее в сумочке, можно было и продолжить игру.

— Ну, вот ты и нашел меня.

* Который час? (испанск.)

- Мне нужно переговорить с тобой, Мария.
— Давай сделаем это в горизонтальном положении, — предложила она.
— Я о Гонсо.
— Гонсо? — Она была озадачена. — Какое дурацкое имя.
— Мне оно нравится. Итак, о вашем с Гонсо уговоре.
— Ни о чем мы с ним не уговаривались. — Она принялась медленно расстегивать блузку.

- Нет, уговаривались.
— Послушай, ты больше ничего не хочешь? Кроме разговоров, я имею в виду. Стоило ли за это платить двадцать долларов?

Она сняла блузку и повесила ее на спинку стула. Стул, кровать и комод составляли всю обстановку этой комнаты.

- А они у тебя маленькие, — заметил он.
— Я не Джейн Рассел, — ответила Мария. — Зато пропорционально сложена. Ты хотел за двадцать долларов получить кинозвезду?

- Я не в претензии.
— Так за чем остановка?
— Сначала хотел тебе кое-что сказать.
Мария вздохнула.
— Так мне раздеваться или нет?
— Погоди минутку.
— Здесь не очень-то тепло, ты не заметил? Какие бы они у меня ни были, морозить их я не хочу.

Она улыбнулась, ожидая увидеть ответную улыбку. Но он не ответил.

- Итак, о Гонсо.
— Гонсо, Гонсо — что у вас с Гонсо общего?
— Много чего. Это я велел Гонсо договориться с тобой.
— Что? — Она удивленно посмотрела на него. — Ты? Ты велел Гонсо...

- Я, — подтвердил он.
— О каком уговоре ты говоришь? — устало спросила Мария.
— Насчет твоего брата.
— Напомни.
— Ты обещала Гонсо поклясться, если понадобится, что видела, как ссорились твой брат и младший Бернс.
— Да?
— Да. Гонсо выполнял мой приказ. Он дал тебе двадцать пять долларов, так?
— Так.
— И обещал еще, если ты поклянешься, что слышала, как они ссорились, так?
— Так, — сказала Мария и вздрогнула. — Мне холодно. Я ложусь.

Она машинально, не задумываясь о том, как это выглядит со стороны, сняла юбку, побежала к кровати, оставшись в одних только бюстгальтере и трусиках, и нырнув в постель, натянула одеяло до самого подбородка.

- Брррррр.
— Гонсо объяснил тебе, в чем, собственно, дело?

— Он сказал только, что это неплохое дело и что мой брат участвует в нем.

— А после смерти твоего брата Гонсо что-нибудь говорил?

— Он сказал, что брат все испортил. Послушай, мне холодно, иди сюда.

— Ты не изменила своего отношения к этому после смерти брата? — спросил он, направляясь к ней.

— Нет. Чего ради? Он покончил с собой, так чего же я...

— Хорошо. Продолжай думать так же.

— Разумеется. А как иначе? Договор не имеет ничего общего со смертью Анибала.

— Нет, — подтвердил он. — Но только забудь о договоре, смышишь? Никакого договора не было, ты просто знаешь, что твой брат и этот Бернс поссорились. И только. Ясно? Кто бы ни спросил тебя об этом — полицейские, репортеры, кто угодно, — ты тверди свое: они поссорились.

— А кто, кстати, этот Бернс? Ты не разденешься?

— Я так.

— Послушай, я же...

— Я так.

— Хорошо, — тихо сказала она. Взяла его руку и положила себе на грудь. — Не такие уж и маленькие, а?

— Нет.

— Нет, — повторила она. — Вовсе не такие уж маленькие.

Некоторое время они молчали. Он прилег рядом, не отпуская ее.

— Так помни, кто бы ни спросил: копы, кто угодно.

— Я уже говорила с одним копом, — сказала она.

— С кем?

— Я не знаю, как его зовут. Симпатичный.

— Что ты сказала ему?

— Ничего.

— О скоре?

— Ничего. Гонсо приказал ждать, пока даст мне знать. Этот коп... — Она свела брови.

— Что?

— Он сказал, что, возможно, Анибал не сам себя убил.

— А ты что?

Мария пожала плечами.

— Наверное, сам. — Она помолчала. — Разве не так?

— Конечно, — ответил он и обнял ее крепче. — Мария...

— Нет, нет, подожди. Мой брат, он... не умер... его смерть не связана с уговором? А? Подожди, я сказала.

— Не хочу.

— Это было самоубийство? — спросила она, пытаясь оттолкнуть его от себя.

— Да. Да, черт побери, самоубийство!

— Зачем же тогда ты хочешь, чтобы я врала копам? Мой брат убит? Его... ой! Перестань, мне больно!

— Ты можешь заткнуться?

— Стой! Перестань, прошу тебя, мне больно...

— Тогда замолчи! Убит, не убит... Кому какое дело? Ты шлюха в конце концов или кто?

— Так его убили, да? Кто его убил? Ты?

— Нет. Заткнись! Заткнись, ради Бога!

— Ты убил моего брата? Если это ты, я ни за что врать не стану. Если ты убил его ради какого-нибудь своего дельца... — Она почувствовала на щеке что-то теплое, но не поняла, что это, и потому продолжала: — Я пойду прямо в полицию. Пусть он и был ничтожеством, но он был моим братом, и я не собираюсь врать...

Она вдруг почувствовала тепло в другом месте на щеке, потом на шее. Она тронула щеку рукой, посмотрела на нее, и тут же глаза ее широко раскрылись от ужаса: на руке была кровь. «Он порезал меня,— подумала она.— О Боже, он порезал меня!»

Он приподнялся над ней, прогнувшись, и она увидела в правой руке у него раскрытый нож. Он полоснул лезвием по ее груди. Напрягаясь изо всех сил, Мария перевернулась, сбросив его с себя, и вскочила с постели. Он поймал ее за локоть, дернул к себе. Она выставила перед собой руки, пытаясь защититься, но он полоснул ее по ладоням, по пальцам, потом еще раз, в обратную сторону, и еще, и еще. Она бросилась к двери, пытаясь нащупать и открыть замок изрезанными пальцами, но они не слушались.

Рывком он развернул ее к себе лицом, отвел руку с ножом назад и ударил в живот, чуть ниже ребер. Мария почувствовала, как лезвие вошло в ее тело, как рванулось вверх, кромсая его, и упала спиной на дверь. Он продолжал резать ее лицо и шею, а потом закричал:

— Тебе не надо больше врать! Ты вообще больше слова не скажешь!

Он оттолкнул ее от двери, открыл замок, вернулся к кровати за пальто, молча посмотрел на нее — окровавленную, обезображенную — и с садистской злобой вонзил нож в грудь, уверенный, что попал в сердце. Посмотрел, как она упала на пол, и ушел.

Мария лежала в луже собственной крови и думала: «Он убил моего брата. Теперь он убил меня. Убийство как-то связано с уговором. Я должна была сказать, что Анибал и Бернс поссорились. Так велел мне Гонсо. Сказал, что дельце прибыльное, дал двадцать пять долларов и обещал еще... Убил брата».

Каким-то чудом, истекая кровью, она добралась до двери, выползла в вестибюль, молча, поскольку кричать у нее сил не было, проползла его весь до входной двери, оставляя за собой на коричневых досках сплошной кровавый след, достала ручку, повернула ее изуродованными пальцами и лишь тогда затихла, уткнувшись лицом в тротуар.

Получасом позже ее обнаружил патрульный Алф Левин. Он тут же вызвал неотложку. Но девушка была уже мертва.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Поскольку комната, в которой состоялась фатальная встреча Марии Эрнандес с неизвестным лицом или неизвестными лица-

ми, была последним местом пребывания ее убийцы, она подверглась самому тщательному осмотру.

Осмотр носил чисто практический характер. Силу своего воображения прибывшие эксперты не использовали. Их интересовали исключительные факты, которые могли привести к установлению личности убийцы или убийц. После первичного осмотра комнаты и фотографирования они приступили к своему делу, а дело их было нелегким и требовало времени.

Во-первых, они искали отпечатки пальцев. И после неспешной, терпеливой работы с порошками, фотоаппаратами и пленкой в их распоряжении оказались отпечатки пальцев доброго десятка человек.

Они не знали, что ни один из обнаруженных ими отпечатков не принадлежал убийце Марии, не могли знать, что он снял перчатки только в постели. Потом был поиск установленных по отпечаткам лиц, все из которых представили убедительные (и в основном соответствующие действительности) алиби. Некоторые отпечатки принадлежали лицам, никогда не имевшим никаких трений с полицией и поэтому не установленным и допросам не подвергшимся.

Принимая во внимание особый характер дела, никто не удивился множеству оставленных на запыленных участках пола следов босых ног. К сожалению, Бюро учета правонарушителей не вело каталога отпечатков ног, и их снимки просто отложили на случай возможности сравнения со следами ног подозреваемых. Один из отпечатков — неудивительно — принадлежал Марии Эрнандес.

Следов обуви обнаружено не было.

На все это ушла большая часть дня. Причем интересной ее назвать нельзя. Работа была не научного характера, искали не лекарство от рака. Просто составлялся список улик и фактов, которые могли привести к убийце Марии Эрнандес. Или помочь позднее доказать виновность подозреваемого.

Пока одни занимались вопросами, связанными со смертью одного наркомана, другой человек занимался вопросами, связанными с жизнью другого наркомана.

Этим наркоманом оказался его сын.

Питер Берис не задумывался над тем, как близок к передаче дела другому следователю. Вначале он считал все чудовищной ложью. «Мой сын — наркоман? — спрашивал он себя. — Мой сын? Отпечатки пальцев моего сына — на орудии убийства? Нет, это ложь, от начала до конца — ложь». Он найдет ее в темной норе, вытащит на солнце, наступит на глотку. Он позовет сына, и они вместе уничтожат ее.

В тот день, 21 декабря, он ждал обещанного повторного звонка. В тот день ему было еще труднее, потому что совершило было второе убийство — убийство сестры Анибала. Он ждал весь день, но звонка не последовало. Домой он шел с тяжелым сердцем — боялся того, что его ожидало. До сих пор он только радовался счастливой семейной жизни, но радость оставила его дом.

Гарнетта встретила его в прихожей, взяла шляпу, но не выдергала, прижалась к нему и разрыдалась. Он попытался припомн-

нить, когда она плакала так в последний раз, но это было очень давно. Он вспомнил лишь, что связано это было каким-то образом с выпускными экзаменами, корсетом, непреодолимыми проблемами восемнадцатилетних. Но ей было уже не восемнадцать, восемнадцать скоро исполнится ее сыну. Проблемы сына не имели ничего общего ни с экзаменами, ни с корсетами.

— Как он? — спросил Бернс.

— Плохо.

— Что сказал Джонни?

— Он дал ему какой-то заменитель. Но Джонни всего лишь врач, Питер, а надо, чтобы мальчик сам захотел избавиться от этой привычки. Питер, как это случилось, Господи, как это могло произойти?

— Не знаю, — ответил Бернс.

— Я думала, что это возможно только с детьми из трущоб, с лишенными нормального дома, нормальной семьи, обделенными любовью. Как это могло случиться с Ларри?

— Не знаю, — повторил Бернс и мысленно проклял свою работу, оставлявшую ему так мало времени для сына. Но он был слишком честен для того, чтобы свалить все на работу. Припомнил, что не он один работает сверхурочно, что у многих других тоже ненормированный рабочий день, но у них все в порядке, их сыновья наркоманами не стали.

Он стал подниматься наверх, на второй этаж, где была комната Ларри, чувствуя себя вдруг ужасно постаревшим; к чувству собственной вины примешивалось давящее чувство отвращения. Его сын был наркоманом. Это слово мигало перед глазами, словно неоновая реклама: НАРКОМАН, наркоман, НАРКОМАН, наркоман.

Он постучал в дверь.

— Ларри?

— Папа? Открой, пожалуйста. Ради Бога, открой дверь.

Бернс вынул из кармана ключи. Если память ему не изменяла, он запирал Ларри в комнате только один раз. Мальчик разбил витрину бейсбольным мячом и наотрез отказался оплатить ее стоимость из выдававшихся ему на карманные расходы денег. Тогда Бернс сказал, что деньги будут вычтены из стоимости его питания, и с этого момента он лишается пищи. Он отвел сына в его комнату и запер дверь снаружи. Ларри капитулировал в тот же вечер, вскоре после несостоявшегося ужина. Но случай этот в то время не казался из ряда вон выходящим — просто один из методов наказания, и, разумеется, если бы мальчик стоял на своем, Бернс все равно бы его накормил. Бернс считал тогда, что учит сына уважению к чужой собственности и деньгам. Но сейчас, оглядываясь назад, он думал о том, правильно ли тогда поступил, не убил ли таким образом любовь мальчика к себе? Не решил ли Ларри, что в семье его не любят? Не подумал ли, что отец принял сторону владельца магазина, а не сына, плоти от плоти его?

Но что в таком случае остается делать? Каждый раз, прежде чем сказать или сделать что-либо, заглядывать в справочник по психологии? А сколько было других незначительных инцидентов

за все годы, самих по себе несущественных, но накапливавшихся, набиравших силу, приведших наконец мальчика к наркомании? Сколько их было, и в скольких из них можно винить его отца? Был ли он плохим отцом? Разве не любил он своего сына искренне и честно, разве не заботился о нем, разве не старался вырастить из Ларри порядочного человека? Что же еще можно сделать, что еще можно сделать?

Он отпер дверь и вошел в комнату.

Сын стоял у кровати, скав кулаки.

— Я что — заключенный? — выкрикнул Ларри.

— Ты не заключенный, — спокойно ответил Бернс.

— Нет? А как это тогда называется, если дверь заперта?

Я что, черт побери, преступник какой, что ли?

— Если говорить формально — да, преступник.

— Послушай, пап, не надо мне сегодня этих штучек, понял?

Не до них.

— Представитель закона обнаружил при тебе медицинский шприц. Это — нарушение закона. Кроме того, у тебя одна восьмая унции героина — в ящике твоего бельевого шкафа. Это тоже нарушение закона. Поэтому ты фактически являешься преступником, а я покрываю тебя и пытаюсь помочь, так что лучше помолчи.

— Нечего мне молчать, еще чего! Что это за дермо дал мне твой приятель?

— Кто?

— Пrijатель твой. Этот важный доктор. Он, наверное, настоящего наркомана в жизни не видел. Какого черта ты притащил его сюда? С чего это ты решил, что он мне нужен? Я же сказал, что могу бросить, когда захочу, сказал? Так зачем было звать его сюда? Ненавижу его, сукна сына.

— Он помог тебе появиться на свет, Ларри.

— Так что мне теперь делать? Медалью его наградить? За его работу ему заплатили, не так ли?

— Он наш друг, Ларри.

— Тогда зачем он посоветовал тебе запереть меня?

— Затем, что не хочет, чтобы ты выходил из дома. Ты болен.

— О Боже, «болен»! Мне плохо! Да, мне плохо! От вас мне плохо. Я же сказал, что я не зацепился. Так что же мне сделать, чтобы доказать это?

— Ты зацепился, Ларри, — спокойно сказал Бернс.

— Зацепился, зацепился, зацепился — ты что, других песен не знаешь? Вы что, со своим приятелем-врачом только ее одну и разучили? Господи Иисусе, и достался же мне такой тупой отец!

— Очень сожалею, что разочаровал тебя.

— Ну, вот, пожалуйста. Теперь песня о приносящем себя в жертву отце! Я видел все это в кино с восьми лет. Оставь, меня это не трогает.

— На это я и не рассчитывал. Я пытаюсь вылечить тебя.

— Каким образом? Тем дермом, что твой приятель подсунул мне? Как, кстати, оно называется?

— Какой-то заменитель наркотика.

— Да? Так это самая настоящая дрянь. Я чувствую себя так же, как и до него. Мог бы быть поэкономнее, папа. Послушай, хочешь действительно помочь? Хочешь вылечить меня?

— Хочу, ты это знаешь.

— Так сходи и притащи мне этой дури, у вас в участке ее должно быть достаточно. Или еще лучше: верни мне ту восьмушку.

— Нет.

— Почему? Ты же только что сказал, что хочешь помочь мне, черт побери. Так почему же не помогаешь?

— Я действительно хочу помочь тебе.

— Так отдай порошок.

— Нет.

— Сукин ты сын! — выкрикнул Ларри, и по щекам его потекли слезы. — Почему ты не хочешь помочь мне? Убирайся! Убирайся отсюда! Убирайся, паршивая...

Слова его потонули в рыданиях.

— Ларри...

— Вон!

— Сынок...

— Не называй меня сыном! Не называй меня своим сыном! Какое тебе дело до меня? Ты просто боишься потерять свою доходную должность, потому что твой сын — наркоман, вот и все!

— Это неправда, Ларри.

— Это правда! Ты тренишь, как бы кто-нибудь не узнал о моей привычке и об отпечатках пальцев на шприце! Хорошо, скотина, хорошо, подожди, дай мне только добраться до телефона.

— К телефону ты не подойдешь до полного излечения, Ларри.

— Это ты так думаешь! Дай мне только добраться до телефона, я позвоню в газету и все им расскажу. Ну как? Как тебе это нравится, папочка? КАК ТЕБЕ ЭТО НРАВИТСЯ? Ты вернешь восьмушку?

— Ты не получишь от меня героин, ты не подойдешь к телефону. Успокойся, пожалуйста.

— Я НЕ ХОЧУ УСПОКАИВАТЬСЯ! — закричал Ларри. — Я НЕ МОГУ успокоиться! Послушай, ты! Послушай меня, ты! Послушай! — Он стоял перед отцом, глядя ему прямо в глаза; по щекам его текли слезы, глаза покраснели, указательным пальцем он тыкал отцу в лицо. — Послушай, ты! Мне нужен порошок! Принеси мне порошок, слышишь?

— Слыши. Больше ты его никогда не получишь. Если хочешь, я опять позову Джонни.

— Не нужен мне твой курносик!

— Он будет лечить тебя до полного выздоровления, Ларри.

— Лечить от чего? Как ты не можешь понять своей башкой, что я здоров? Что он будет лечить?

— Если ты здоров, почему ты хочешь уколоться?

— Чтобы отойти, болван, будь ты проклят!

— Отойти от чего?

— Прийти в себя. Да что, я все должен тебе объяснять? В чем

дело? Ты дурак? А я думал, что ты коп, а копы должны быть сообразительными.

— Я позову Джонни.— Бернс направился к двери.

— Нет! — закричал Ларри.— Я не хочу его больше видеть! И все! Не хочу!

— Он может облегчить твои страдания.

— Какие страдания? О чём ты говоришь? Что ты знаешь о страданиях? Ты прожил свою глупую жизнь, а не знаешь и половины того, что знаю я. Мне всего восемнадцать, а я познал страданий больше, чем ты узнаешь за всю свою жизнь. Так что не говори мне о страданиях. ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ СТРАДАНИЙ, УБЛЮДОК!

— Ларри, ты что хочешь, чтобы я тебе врезал?

— Что? Что? Ты собираешься меня бить? Давай, валуй. Ты же сильный мужчина, что тебе стоит? Ты хочешь выбить это из меня?

— Выбить что?

— Что, что, откуда я знаю, что! Ох, и хитрая же ты скотина! Ты хочешь заставить меня сказать, что я болен, так? Ты хочешь заставить меня сказать, что я зацепился, прочно сел на иглу, я знаю. Я знаю. Так вот, я не болен!

— Ничего я не пытался заставить тебя говорить.

— Так-таки и ничего? Ну так давай, бей меня, что же ты не бьешь! Давай считать, что ты у себя в участке, бей, начинай, поработай кулаками, ну! Со мной это не так просто. Можешь...— Он вдруг замолчал и схватился за живот.

— Ларри...

— Шшиш,— тихо выдохнул Ларри.

— Ларри, что...

Он стоял согнувшись, покачиваясь взад-вперед, скрестив руки на животе. Наконец поднял голову, глаза были мокрыми, слезы снова текли по щекам.

— Папа, мне плохо, мне очень плохо.

Бернс подошел к нему, обнял за плечи. Ему хотелось сказать сыну что-то успокаивающее, но в голову ничего не приходило.

— Папа, я прошу тебя, я умоляю тебя, папа, дай мне что-нибудь, пожалуйста. Пожалуйста, папа, мне очень плохо, мне очень-очень плохо, дай мне что-нибудь, умоляю тебя. Что-нибудь, хоть немного, мне надо, пойми, я больше ни о чём никогда тебя просить не буду, я уйду из дома, сделаю все, что скажешь, только дай мне что-нибудь, я прошу тебя, папа, если ты меня любишь — дай мне что-нибудь.

— Я позову Джонни,— сказал Бернс.

— Нет, папа, не надо, прошу тебя, его лекарство абсолютно бесполезное, оно мне совершенно не помогло.

— Он даст тебе что-нибудь другое.

— Не надо, прошу тебя, пожалуйста...

— Ларри, Ларри...

— Если ты меня только любишь...

— Я люблю тебя, Ларри.— Бернс обнял сына, на лице его появились слезы.

Ларри вздрогнул и сказал:

— Мне надо в ванную. Мне надо... Помоги мне, папа, помоги мне.

Бернс отвел сына в ванную. Ларри вырвало.

Внизу, у лестницы, стояла Гариетта, она видела, как муж с сыном прошли в ванную комнату, через некоторое время вернулись, потом муж вышел из спальни один, запер дверь и спустился к ней.

— Пригласи Джонни еще раз,— сказал он.— И попроси его приехать немедленно.

Гариетта не уходила, смотрела ему в глаза, и он добавил:

— Ему очень плохо, Гариетта, очень плохо.

Материнское чувство подсказывало ей, что сказал он вовсе не то, что хотел сказать. Она кивнула и пошла к телефону.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Перо.

Всего лишь перо, но оно, пожалуй, было самой важной уликой, обнаруженной в комнате, где пострадала Мария Эрнандес.

Перья бывают разные — куриные, утиные, перепелиные, гусиные, перья фламинго, встречается даже фамилия Перо.

Перо (скорее пушинку), найденное в той комнате, вымочили в мыльном растворе, затем промыли чистой водой, потом спиртом и лишь после всех этих операций поместили под микроскоп.

Узелки этого перышка были удлиненными и состояли из нескольких выступающих кончиков.

Узелки воробышьих перьев расположены плотно и имеют коническую форму.

Узелки перьев птиц побережий и болот — заостренные, конической формы.

У водоплавающих птиц узелки перьев крепкие и тупые.

Перья куриные похожи на перья прибрежных птиц.

Перья голубиные... ага, голубиные.

Узелки голубиных перьев удлиненные и имеют несколько торчащих кончиков.

Перо, найденное в комнате, где произошла трагедия, оказалось голубиным.

Подушка в этой комнате была набита утиным пухом. Следовательно, найденное перо не из подушки. Оно прилипло к одному из пятен крови и поэтому было оставлено убийцей, а не кем-то из тех, кто побывал в этой комнате раньше него. А если его оставил убийца, значит, оно прежде пристало к его одежде, а из этого можно сделать вывод, что он, вероятно, держал голубей.

Полицейским оставалось лишь проверить всех голубеводов города.

Работа для дураков.

— А что же ваши «голуби»? — кричал Бернс в микрофон внутренней связи.— У вас же есть осведомители, почему, черт побери, вы их не используете?

На другом конце провода тяжело вздохнул Карелла. Он никак не мог понять, что случилось с Бернсом, почему тот последние дни находится в таком раздраженном состоянии.

— Пит, я их ИСПОЛЬЗУЮ. Но никто из них, похоже, не знает Гонсо. Только что позвонил Дэнни Гимп, и я...

— Я не могу поверить, что никто на территории этого проклятого участка никогда не слышал о Гонсо! Я не могу поверить, что шестнадцать сыщиков не могут определить, где находится несчастный торговище наркотиками, когда он мне нужен! Извини, Стив, но мне очень трудно во все это поверить!

— Вы интересовались в соседних участках? Не может же человек материализоваться из ничего. Такого не бывает, Стив. Если он толкач, на него должно быть дело.

— Он может быть новичком.

— Тогда на него может быть заведено дело несовершеннолетнего преступника.

— Нет, мы проверили. Пит, может быть, Гонсо — это кличка. Может...

— Для чего нам тогда картотека кличек?

— Пит, успокойтесь, пожалуйста. Он ведь может быть новичком, одним из тех молодых панков, что только начинают встречать в этот бизнес. Поэтому и досье на него нет, и...

— Молодой подонок вдруг становится толкачом, а вы говорите, что на него не заведено дело?

— Это вполне возможно, Пит. Может быть, он ни разу не попадался. Сколько таких на улицах...

— О чём вы говорите? Вы пытаетесь убедить меня в том, что не можете найти этого подонка? Ему досталось дело Эрнандеса, а это возможный мотив для убийства, вы не считаете?

— Да. Если бы дело было действительно большое, прибыльное, тогда — да. Но, Пит...

— У вас есть лучшие версии?

— Нет, пока нет.

— Так найдите мне Гонсо!

— Пит, вы говорите со мной так, будто я...

— Я пока еще начальник отряда, Карелла, — сердито отрезал Бернс.

— Хорошо, хорошо, я знаю, но послушайте меня. Вчера я встретил одного парня, он собирался купить у Гонсо наркотик. Я запомнил, как он выглядит, и постараюсь его сегодня найти. Но сначала я хотел бы узнать, что там у Дэнни Гимпа.

— Вы думаете, что этот парень знает Гонсо?

— Вчера он это отрицал и страшно перепугался, когда появился патрульный. Но прошел день, он мог уже встретиться с Гонсо и тогда выведет на него меня. Посмотрим. Дэнни будет звонить приблизительно через полчаса.

— Хорошо, — согласился Бернс.

— Я не понимаю, почему это дело так на вас подействовало, — решил Карелла. — В общем-то...

— На меня все дела так действуют, — оборвал его Бернс и выключил связь.

Он сел за стол и посмотрел в окно. За окном был парк. Бернс устал, ему было тяжело, он ненавидел себя за то, что резко

говорил со своими людьми, он ненавидел себя за то, что утаивал от них важные сведения — сведения, которые, возможно, очень бы помогли такому замечательному сыщику, как Карелла. Но вновь и вновь задавал себе один и тот же вопрос и не находил на него ответа: что можно ожидать от человека, что может он сделать? Поймет ли Карелла? Или сам, будучи великолепным сыщиком, найдет того, кому принадлежат отпечатки пальцев на шприце, найдет убийцу, которым окажется Ларри Бернс?

«Чего я опасаюсь?» — спрашивал он самого себя.

Он знал ответ. Ответ не приносил утешения. В эти дни он узнал нового Ларри Бернса. Новую личность, загримированную под его сына, неприятную личность. Он вообще не знал эту личность. Эта личность могла совершить убийство.

«Мой сын мог убить Эрнандеса», — думал Бернс.

Зазвонил телефон на его столе. Он не сразу поднял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, лейтенант Бернс.

— Говорит дежурный Кассиди.

— В чем дело, Майк?

— Вам звонят.

— Кто?

— В том-то и дело. Не говорит.

Бернс вдруг почувствовал острую боль в спине: она кругами пошла от поясницы, охватывая все тело, теряя остроту и превращаясь в жжение.

— Он... он хочет говорить со мной?

— Да, сэр.

— Хорошо, соедините.

Бернс ждал. Его ладони вспотели. Трубка стала скользкой, и он вытер правую ладонь о штанину.

— Алло? — спросил голос в трубке — тот самый, что и в прошлый раз, Бернс узнал его сразу.

— Лейтенант Бернс слушает.

— А, добрый день, лейтенант, — произнес голос. — Как дела?

— Прекрасно, — ответил Бернс. — Кто говорит?

— Ну, не очень умный вопрос, а, лейтенант?

— Что вам надо?

— Нас никто не слушает? Мне бы очень не хотелось, чтобы нашу частную беседу услыхали ваши сотрудники.

— Мои разговоры никто никогда не прослушивает.

— Вы совершенно уверены в этом, лейтенант?

— Короче. Что вы хотели сказать?

— Вы уже говорили с сыном, лейтенант?

— Да, — ответил Бернс, переложил трубку в правую руку, вытер левую ладонь о штанину и снова вложил в нее трубку.

— Он подтвердил все, что я вам сказал в прошлый раз?

— Он принимает наркотики, это оказалось правдой.

— Какая жалость, да? Такой хороший парень. — Голос вдруг переменился и стал деловым. — А отпечатки пальцев вы провели?

— Да.

— Совпали?

— Да.

- Плохи дела, а, лейтенант?
- Мой сын не ссорился с Эрнандесом.
- У меня есть свидетель.
- Кто?
- Вы будете удивлены.
- Кто?
- Мария Эрнандес.
- Что?
- Именно. А это ухудшает положение, не так ли? Единственный свидетель ссоры неожиданно умирает. Совсем плохо, лейтенант.

— В ту ночь, когда была убита Мария Эрнандес, мой сын находился дома и никуда не выходил.

— Расскажите это суду присяжных. Особенное впечатление ваш рассказ произведет на них после того, как они узнают, что папочка прятал улики.— Человек на противоположном конце немного помолчал.— Или вы рассказали вашим коллегам об отпечатках на шприце?

— Нет...— Бернс запнулся.— Не рассказал. Послушайте, что вам все-таки надо?

- Я вам скажу. Вы там на хорошем счету, так, лейтенант?
- Да что вам, черт побери, надо? Деньги?
- Нет, лейтенант, вы меня недооцениваете. Я...
- Алло? — раздался в трубке новый голос.
- Кто это? — спросил Бернс.
- О, извините, лейтенант, это Кассиди. Не туда ткнул штекер. Ищу Кареллу. Ему звонит Дэнни Гимп. Извините.
- Ладно, Кассиди, отключайтесь.
- Да, сэр.

Бернс подождал щелчка, означавшего, что Кассиди отключился.

— Все,— сказал он.— Отключился.

Трубка молчала.

— Алло! — крикнул Бернс.— Алло!

Ответа не было. Бернс швырнул трубку на рычаг, откинулся на спинку стула и задумался. Он все тщательно обдумал, принял решение и, когда пять минут спустя в дверь к нему постучали, был совершенно спокоен.

— Войдите.

Вошел Карелла.

— Я только что говорил с Дэнни,— доложил он и мотнул головой.— Опять неудача. Гимп тоже не знает Гонсо.

— Так,— устало произнес Бернс.

— Я хочу еще раз прогуляться по парку. Возможно, снова встречу того парня. Если нет — поищу вокруг.

— Хорошо,— кивнул Бернс.— Удачи.

— Спасибо.

Карелла повернулся к двери.

— Стив,— сказал Бернс.— Пока вы не ушли...

— Да?

— Вы должны это знать. Вы многое должны знать.

— Что, Пит?

— Отпечатки пальцев на том шприце... — начал Берис, но передумал и решил быть кратким. — Они принадлежат моему сыну.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Мама!

Гарриетта стояла у основания лестницы. Сын жалобным голосом звал ее из своей спальни, из-за закрытой двери.

— Мама! Поднимись ко мне! Открой меня, мама!

Она стояла молча, недвижно, сцепив руки, в глазах ее сквозило беспокойство.

— Мам!

— Что, Ларри?

— Поднимись, ты что, не можешь подняться?

Она кивнула, понимая, что сын все равно не может этого видеть, и медленно пошла наверх. Полногрудая, зеленоглазая, рыжеволосая, в свои школьные годы она считалась красавицей. Глаза ее не потускнели и сейчас, но в волосах появились седые пряди, в некоторых местах она потяжелела несколько больше, чем ей бы того хотелось. Ноги были все еще красивыми, не такими крепкими, как раньше, но стройными и гладкими. Они подняли ее на второй этаж, к двери спальни Ларри.

Очень спокойно и тихо она спросила:

— Что ты хочешь, Ларри?

— Отопри двери.

— Зачем?

— Я хочу выйти.

— Папа сказал, что ты не должен выходить из своей комнаты, Ларри. Врач...

— Да, да, мамочка, — елейным тоном заговорил Ларри. — Но это было раньше. Теперь все прошло, я прекрасно себя чувствую, все нормально. Ну же, мама, отопри дверь.

— Нет, — твердо сказала Гарриетта.

— Мам, — продолжал уговаривать он, — разве ты не видишь, что у меня все прошло? Разве стал бы я тебя дурачить? Со мной все в порядке. Но сколько же можно здесь торчать! Я бы погулял по двору, размял ноги.

— Нет.

— Мам...

— Нет, Ларри.

— Ради Бога, мама, какого черта я должен торчать в запертой комнате?! Вы решили замучить меня? Послушай, мама, послушай, пойди позови этого проклинутого докторишку, пусть принесет мне что-нибудь, и поскорее, слышишь?

— Ларри...

— Замолчи! Меня тошнит от ваших нежностей! Хорошо, пусть я наркоман! Наркоман, да, И Я ХОЧУ УКОЛОТЬСЯ! Дайте мне возможность уколоться.

— Я позову Джонни, если ты хочешь, но героин он не принесет.

— Сговорились, да? Заодно, да? Ты со своим стариком. Два

сапога пара. Отопри дверь! ОТОПРИ ЭТУ ПРОКЛЯТУЮ ДВЕРЬ! Или я выпрыгну в окно, слышишь? Если ты не отрешь дверь, я выпрыгну в окно.

— Хорошо, Ларри,— спокойно сказала Гарнетта.— Я отопру дверь.

— Вот это другой разговор. Давно бы так. Отпирай же.

— Одну минуту.

Она повернулась и пошла в свою спальню, расположенную напротив. Ларри снова позвал ее, но она не ответила. Подойдя к комоду, она выдвинула верхний ящик, достала из него кожаный футляр, смахнула пыль — футляр не трогали с того дня, когда Питер подарил его ей,— и раскрыла. Внутри, на бархатной подушечке, лежал дамский пистолет двадцать второго калибра с перламутровой рукояткой. Она взяла его, проверила, заряжен ли он, и вернулась к двери в спальню Ларри.

— Мама?

— Да, да, сейчас.

Она вынула ключ из кармана передника, вставила его в замочную скважину, повернула, толкнула дверь внутрь, подняла пистолет и отступила на шаг назад.

Ларри тут же бросился к выходу, но увидел мать с оружием в руке и замер, глядя на нее недоверчиво.

— Что... что это значит?

— Вернись в комнату,— сказала она, направляя пистолет на сына.

— Что...

Гарнетта сделала шаг вперед, он попятился, она следом за ним вошла в комнату. Прикрыла за собой дверь, поставила перед ней стул с прямой спинкой и села.

— Зачем... зачем пистолет?

Ее взгляд смущал его, такого взгляда у нее он не помнил. Взгляд был строгий, осуждающий и твердый, не допускающий возражений. Да, да, он видел этот взгляд — давно, в детстве, тогда он пытался возражать...

— Ты сказал, Ларри, что выпрыгнешь в окно. Высота здесь не менее сорока футов, и если ты выпрыгнешь, то разобьешься, Ларри. Затем и пистолет.

— Я... не понимаю тебя.

— Ты не выйдешь из этой комнаты, Ларри, ни через дверь, ни через окно. А если ты только попробуешь, я выстрлю в тебя.

— Ты?!

— Да, я. И, чтоб ты знал, я хороший стрелок. Твой отец обучил меня этому, а он был лучшим стрелком в академии. Теперь присядь, давай поговорим.

— Ты... ты шутишь, конечно.

— Было бы глупо с твоей стороны испытывать судьбу, Ларри, ведь пистолет у меня.

Ларри еще раз взглянул на оружие и моргнул.

— Присядь, Ларри,— сказала Гарнетта, ласково улыбнувшись.— Нам нужно о многом поговорить. Ты уже решил, что подаришь отцу на Рождество?

Убийство опасно.

Убийство опасно во многих отношениях, но есть в нем одна особая опасность.

Убийство входит в привычку.

Никто, разумеется, не утверждает, что в привычку входит только убийство. Это было бы неверно и даже глупо. Чистить зубы по утрам тоже формируется в привычку. Или купание. Неверность. Просмотр кинофильмов. Сама жизнь — для мрачных характером — тоже становится в некоторой степени привычкой.

Убийство непременно и безусловно входит в привычку. И в этом его основная опасность.

У того, кто убил Анибала Эрнандеса, были на то свои причины, и, с его точки зрения, причины веские. Любой поступок может быть оправданным и неоправданным. Многие полагают, что оправданных мотивов для убийства не существует. Что же, с твердолобыми не спорят.

Убийца Эрнандеса считал, что имел на то веские основания. После убийства основания эти стали казаться ему еще более вескими, а преступление оправданным, потому что виноватая совесть всегда ищет себе оправдание.

Оправданно, по его разумению, было и убийство Марии. Разве не ясно, что она бы его заложила? И вообще, как можно спорить с мужчиной, когда он... в общем, так ей и надо. Правда, толком она ничего не знала, разве что о Гонсо, но и этого было достаточно. Стоило ей только ляпнуть в полиции о том, что Гонсо уговаривал ее солгать, пацана бы тут же сцепали и «раскололи». Нет, риск был слишком велик.

Стоя в просторной голубятне на крыше дома, он думал о том, как опасен был бы арест Гонсо. Его страшно встревожило, что телефон Бернса прослушивался. Слишком смело с его стороны, смело до безрассудства, а так не поступают, когда речь идет о родном сыне, если на руках нет туза. Так что это за туз?

Какой здесь ветер! Хорошо, что сетку голубятни он покрыл толем. Конечно, птицы засиделись — не гонять же их над парком целую зиму! — но жаль было потерять хоть одну из них. Вон та голубка, с хвостом веером, уже несколько дней ничего не ест, и выражение глаз у нее, если вообще можно говорить о выражении голубиных глаз, какое-то странное. Надо закапать их лекарством и присмотреть за ней. Ну а остальные вроде хорошо выглядят.

Он любил своих голубей, мог любоваться ими до бесконечности. Какие венчики вокруг головок! А этот — как он кувыркается в полете! Великолепная птица.

Так что же у него на руках?

Как этот коп сел на хвост Гонсо?

Может быть, девчонка наболтала? Успела до смерти? Нет, это невозможно. Если бы она заговорила, полиция давно была бы тут. Стали бы они терять время на поиски Гонсо!

Тогда как? Может, кто-нибудь видел ее с Гонсо перед смертью Аннабеля? Возможно.

Откуда возникли эти сложности?

Все казалось так просто, когда планировалось, а теперь план не срабатывал. Позвонить Бернсу еще раз, предупредить, чтобы их не подслушивали, выложить ему все начистоту, раскрыть карты? Но кто мог видеть девчонку с Гонсо? Интересно, где состоялся их разговор? В той же комнате? Как имя хозяйки? Долорес? Так она сказала? Да, точно, Долорес. Знала она что-нибудь об их разговоре? Может быть, это она опознала Гонсо, даже не зная его имени, но... нет. Нет, просто полиция держит всех известных ей толкачей под постоянным наблюдением, наверное. Однако Гонсо в число известных полиции толкачей не входит!

Это подонок, которому посчастливилось получить ценную информацию и передать ее человеку, сумевшему понять открывающиеся в связи с этим возможности,— ему.

На Гонсо нет досье, Гонсо как толкача никто не знает, его вообще в их районе никто не знает, во всяком случае — как Гонсо. Но как же полиция в таком случае вышла на него?

Это женщина.

Долорес.

Нет, не она, кто-то другой, должно быть, видел Марию с Гонсо в тот день, узнал об их сговоре, видел те двадцать пять долларов...

Что, интересно, Мария рассказала Долорес?

И вообще, стоит ли так волноваться за Гонсо? Что Мария могла рассказать той старухе? Не назвала ли она его имя? Как она сказала? «Я с приятелем, он хочет переспать со мной, нам нужна комната»? Назвала она приятеля? Неужели она могла быть такой дурой?

Что знает Долорес?

Он еще раз взглянул на загрустившую голубку, вышел из клетки, запер дверь, спустился по лестнице на улицу и отправился к месту последнего свидания с Марией. Шел он быстро, пружинистым шагом; подойдя к дому, оглянулся по сторонам, благодаря мысленно Бога за то, что улица была пустынна и была зима, иначе перед дверью непременно сидели бы и чесали языками досужие старухи.

В подъезде он глянул на почтовые ящики, увидел на одном из них имя Долорес Форед — ее квартира находилась на втором этаже — и со спокойным сердцем пересек вестибюль, уже отмытый от крови Марии. Убийство входит в привычку.

Поднявшись, он постучал в дверь.

— Quen es? — спросили из квартиры.

— Un amigo*, — ответил он.

За дверью послышались шаги, потом она отворилась — перед ним стояла старуха, худая и слабая, ведьма, ему ничего не стоило просто взять ее в руки и переломить пополам. Он вдруг подумал, что попал в безвыходное положение. Вот он пришел, «нарисовался», и если эта женщина ничего не знает, если Мария ничего ей не сказала — что тогда? И как это выяснить, не вызывая ее подозрений?

* Друг (испанск.).

— Кто вы? — спросила женщина.

— Можно мне войти?

— Что вам надо?

Ясно, что она не впустит его, пока не узнает, кто он такой. Но стоит ему упомянуть имя Марии Эрнандес — и, считай, он наверняка привязан к этой старой карте. Где гарантии, что она ничего не заподозрит? И разве даже маленькое подозрение с ее стороны не опасно? Как все осложнилось...

— Я из полиции, — солгал он. — Мне надо задать вам несколько вопросов.

— Входите, входите. Опять вопросы, столько вопросов, одни вопросы.

Обшарпанным коридорчиком он прошел за ней в грязную, вонючую комнату.

— Что вам надо на этот раз?

— В ту ночь, когда погибла Мария Эрнандес, она называла вам имя своего партнера? С кем она была?

Старуха пристально посмотрела на него.

— Я вас знаю?

— Нет, если не заходили в восемьдесят седьмой участок, — быстро ответил он.

— А на улице я вас не встречала?

— Я же рядом работаю, могли и встретиться, ничего удивительного.

— Я считала, что знаю всех сыщиков восемьдесят седьмого, — задумчиво произнесла Долорес и пожала плечами.

— Итак?

— Si. А вы что, друг от друга отдельно работаете?

— Почему вы так решили?

— Я ведь уже отвечала на этот вопрос. Тем двоим, что приходили раньше. Майеру и... этому, как его?

— Не помню.

— Хенгелью. Да, Хенгелью.

— Ну да, конечно. Хенгелью и Майеру. Так вы им уже сказали об этом?

— Конечно, на следующий же день. Полицейских здесь было — тьма. Майер и... — Она вдруг замолчала. — Темпл. — Глаза ее сузились. — Фамилия второго была Темпл.

— Да. И что вы им сказали?

— Хенгель. Вы назвали его Хенгелем.

— Нет, вы ошибаетесь.

— Я сказала «Хенгель», и вы повторили — «Хенгель».

— Хенгель у нас в участке тоже есть, — проговорил он, раздражаясь. — Так что вы им сказали?

Долорес смотрела на него тяжело и долго. Потом тихо произнесла:

— Покажите мне ваш жетон.

«Итак, в эфире программа «Львиный дом», — подумал Карелла. — А вот и Стив Карелла, уважаемые слушатели, он спускается к нам из своего номера в фешенебельном «Гровер-отеле». Я слышу, как музыканты настраивают свои инструменты, так

что, вероятно, мы скоро сможем послушать чудесную музыку. Радиопередачи отсюда мы ведем ежедневно в одно и то же время, финансируются они Национальным фондом по двустороннему воспалению легких. Здесь веет приятный ветерок, особенно пронизывающий у углов львиного дома. Не выключайте свои радиоприемники, слушайте нашу веселую программу, полностью неожиданных поворотов.

Одним из таких неожиданных поворотов оказалось заявление лейтенанта Питера Бернса, моего непосредственного начальника, который пожелал сообщить, что его сына только что избрали Наркоманом года и Подозреваемым в убийстве. Как вам это нравится, дорогие наши слушатели? У вас перехватило дыхание? Я сам чуть-чуть не упал на задницу, когда услыхал об этом, так что не удивлюсь вашей реакции. Что-что? Извините, уважаемые слушатели, мне делает какие-то знаки Хай Ауэргласс из-за пульта управления. Что случилось, Хай? Нас отключили? Мы не идем в эфир? Из-за «задницы»? Ну, да ладно, я всегда могу вернуться в полицейские.

Нет, скажите, каков сукин сын, а? Знаю, знаю, не всем копам он по душе, а мне другого шкипера не надо, даже золотом инкрустированного. Можно представить, каково ему сейчас, когда эта скотина болтает морковкой у его носа...»

А вот и он.

Карелла пошел за парнем.

Тот, похоже, куда-то торопился. Миновав львиный домик, он поднялся по дорожке на горку и нерешительно остановился у развилки. Три стрелки показывали в разные стороны: «Тюлени», «Терраиум» и «Детский зоопарк». Парень кивнул и направился к рептилиям.

Карелла хотел было догнать его и задать пару-тройку вопросов напрямик, но передумал. Зачем останавливать, если он, возможно, торопится на встречу с Гонсо? Важнее взять толкача, который мог иметь какое-то отношение к смерти Анибала Эрнандеса, а простых наркош можно брать корзинами. Поэтому Карелла решил пожертвовать временем и дождаться крупной сделки, подобно тому, как биржевой маклер ждет слияния «Форда» и «Крайслера».

Неожиданно он заметил, что парень больше никуда не торопится. Казалось, кроме зверей, его никто и ничто не интересует. Он останавливался у каждой клетки и подолгу рассматривал ее обитателей. Иногда, правда, оглядывался по сторонам, один раз посмотрел на часы на стене обезьянника, снова кивнул и двинулся дальше.

По-видимому, было еще рано. По-видимому, встреча была назначена на — который сейчас час? Четверть четвертого. На полчетвертого? Поэтому приятель и не торопится?

Парень зашел в туалет. Карелла, не останавливаясь, обошел его кругом, убедившись, что второго выхода из него нет, сел на скамью и стал ждать.

Минут пять спустя парень вышел из туалета и быстрым шагом направился в сторону терраиума. Именно там, среди змей, он явно рассчитывал встретиться с толкачом. Карелла

ухмыльнулся и последовал за ним. На душе у него стало веселей. Он ждал момента ареста, как хороший охотничий пес ждет выстрела, чтобы подхватить упавшего с дерева енота.

Словно специально для того, чтобы еще больше повысить ему настроение, на дорожке, как по волшебству, появились люди. То были ученики младших классов в сопровождении учителя — мужчины со смущенным выражением лица. Классный руководитель, очевидно, решил, что дети слишком много времени проводят в школе за учебниками, и отправил посмотреть, так сказать, жизнь в ее естественном виде. Вероятнее всего, сводить детишек в зоопарк предложили учителю естествознания: он походил сейчас на человека, сидящего в вагоне метро рядом с пьяницами, готового каждому, кто глянет на него, тут же пояснить: «Я не с ними!»

Однако, что бы он там ни изображал, а пришли они с ним, и более шумных детей Карелла в жизни не видел, но на базар этот внимания не обращал и, весь поглощенный охотой, быстро шагал в сторону террариума.

Позади него один из мальчиков сказал:

- У них там есть змея, которая может целиком заглотить поросенка.
- Таких змей не бывает,— ответил ему другой.
- Не бывает? Что ты знаешь! Мой папа смотрел кинушку с Фрэнком Баком, там змея проглотила целую свинью. Вот эта змея у них там и есть.
- Та самая, из кинушки?
- Да нет, дурак, не та! А такая же.
- Тогда откуда ты знаешь, что ихняя змея тоже может заглотить свинью?

Все внимание Кареллы было сосредоточено на дичи. А дичь вошла в домик, где людям показывали рептилий, и Карелла не хотел терять ее из виду. Приостановившись на мгновение, он провел пальцем под носом — не отклеился ли ус — и, успокоившись, вошел следом за светловолосым. Тот, видимо, хорошо знал, куда шел. На змей он не смотрел вовсе, хотя работники зоопарка потратили немало денег и трудов на отлов, транспортировку и содержание этих тварей. Парень же направлялся прямо к стеклянному кубу с двумя кобрами. Там он остановился, уставившись на гадов, изредка постукивая по стеклу.

Карелла стоял неподалеку, перед гремучей змеей из Скалистых гор. Змея либо спала, либо сдохла, либо еще что. Она лежала совершенно неподвижно, свернувшись кольцом, и казалось, что потревожить ее не может даже землетрясение. Но она не интересовала Кареллу. Он выбрал это место потому, что стекло в глубине ящика было окрашено в зеленый цвет и в сочетании с прозрачным впереди давало хороший зеркальный эффект. Прикинувшись, что любуется этой явно дохлой гремучкой, он мог, не привлекая к себе внимания, наблюдать за парнем.

Парень, наверное, был большим любителем змей. Он производил какие-то звуки, постукивал по стеклу и походил на одуревшего папашу, которому разрешили взглянуть через стеклянную

дверь на своего первенца. Однако дурачился он недолго, как недолго и оставался в одиночестве. Минуту спустя Карелла уже не слышал ни звука с той стороны, где были кобры,— все поглотил невообразимый гвалт, поднятый толпой ворвавшихся в террариум школьников. А рядом с его подопечным стоял гривастый черноволосый молодой человек в черной кожаной куртке, черных, зауженных книзу и свободных в бедрах штанах и черных штиблетах.

Карелла взглянул на него и сразу подумал: «Гонсо!»

Гонсо, не Гонсо, но это был тот, кого ждал светловолосый. Слов, сказанных ими, Карелла из-за шума разобрать не мог, зато видел, как парни обменялись рукопожатием. Потом они одновременно сунули руки в карманы и опять обменялись рукопожатием. Карелла знал, что в этот момент состоялся и другой обмен: денег на наркотик.

Блондин улыбнулся, развернулся и отошел; пусть идет. Брюнет постоял немного, поправил поднятый воротник и пошел в другую сторону. Заветным желанием Кареллы было схватить его сейчас за этот воротник, доставить в участок и порасспросить о покойном Эрнандесе.

Но ему помешала система среднего образования.

Только успел он сделать шаг от ящика с неподвижной гадиной, как помещение взорвалось душераздирающим воплем, от которого, казалось, застыла в жилах кровь:

— Вон он!

Подобного крика где-нибудь в лесу вполне хватило бы, чтобы обратить в паническое бегство самого храброго охотника. У Кареллы с испугу чуть не встали дыбом наклеенные усы.

Наконец он понял, что произошло. Просто мальчик — один из тех, свидетелем разговора которых он случайно стал на улице, — увидел питона и мчался теперь к нему со всех ног, дабы проверить, не кормят ли его сегодня целой свиньей. За ним неслись одноклассники. В следующий миг Карелла увидел, что находится у них на пути и, если немедленно не отступит в сторону, толпа поглотит целиком его самого. Он быстро подался назад, и дикая орда пронеслась мимо. Следом за детьми брел их пастью все с тем же выражением лица, говорящим: «Я не с ними!»

Гам у ящика с питоном стоял нечеловеческий. Карелла обернулся к двери. Черной куртки не было.

Он бросился к выходу, проклиная классных руководителей, уроки естествознания, Френка Бака, и выбежал на улицу, щеками, зубами ощущив ее холод. Куртки не было.

Он заметался, забегал в одну сторону, в другую, не зная, куда свернул парень, — напрасно. Он готов был возобновить свои проклятия, но в этот момент опять увидел светловолосого.

Конечно, это не то, что ему нужно, но на безрыбье... Малый только что купил у Гонсо наркотик, так? Значит, он где-то узнал о времени и месте встречи, возможно, знает, где этого Гонсо можно найти. Во всяком случае, времени терять нельзя было. Тем более, что система образования действовала, и никто не гарантировал, что в следующую минуту он не наткнется на

группу детсадовцев, вышедших поохотиться на бекасов. Поэтому Карелла ускорил шаг.

К парню он приблизился сзади почти бесшумно. Вот он уже рядом, трогает его за рукав.

— Послушай...

В первые мгновения парень ничего не понимает, но потом вглядывается, глаза его расширяются, он вдруг отталкивает Кареллу и бросается прочь. Возможно, звездой легкой атлетики он и не был, но бегал чертовски быстро. Не успел Карелла глазом моргнуть, а белобрысый был уже у поворота дорожки, убегая туда, где росли молодые деревца. Карелла кинулся за ним. Надо было действовать, причем большие ногами, чем головой. Пора действовать и оружием, но Карелла этого еще не знал, поэтому револьвер его остался лежать в кармане. Взять за шиворот молокососа-наркомана — разве это опасно? И он тоже побежал туда, где росли молодые деревца.

Парень притаился за валуном. Из-за камня виднелась его голова. Карелла ускорил шаг; он запыхался и с грустью отметил, что уже не так молод и вынослив. Аллейка осталась далеко позади, они забрались в настоящий лес со множеством больших и маленьких камней среди деревьев. Белобрысый маячил впереди, потом вдруг исчез, и Карелла испугался, что потерял и этого, но увидел его макушку, обогнул валун и остановился как вкопанный.

На него смотрело дуло пистолета тридцать второго калибра.

— Не вздумай раскрыть рот, коп,— предупредил парень.

Карелла моргнул. Такого поворота он не ожидал, теперь же проклинал свою глупость и думал о том, как будет выкручиваться. Он посмотрел парню в глаза — похоже, спокоен. Возможно, его удастся уговорить, возможно, он еще не окончательно рехнулся. Но пистолет держит уверенно, а здравый смысл в глазах что-то проглядывает.

— Послушай... — начал Карелла.

— Я велел тебе помалкивать, коп. А то пристрелю.

Ни тени угрозы не прозвучало в его словах, фраза казалась безобидной. Но безобидным не был его взгляд, и Карелла настороженно следил за его глазами. Он не в первый раз попадал в подобный переплет и знал, что, нажимая на спусковой крючок, стреляющий выдает себя прищуром глаз.

— Подними руки в стороны, — сказал парень. — Где он?

— Что?

— Твой револьвер. За поясом?

— Почему ты решил, что я полицейский?

— Кобура тебя выдала, я видел кобуру. Давай его сюда.

Карелла начал опускать руку.

— Нет! — крикнул парень. — Скажи, где он, я возьму сам.

— Послушай, приятель, зачем тебе неприятности? Ты еще ничего особого не совершил. Подними пистолет, я вообще забуду, что видел его у тебя.

— Что случилось, коп? Тебе страшно?

— Чего мне бояться? Не думаю, что ты окажешься настолько глуп, чтобы убить меня здесь, в парке.

— Не думаешь? А знаешь, сколько людей убивают в этом парке каждый день?

— Сколько?

Карелла старался затянуть разговор, выиграть время, отвлечь каким-то образом внимание парня, ухитриться выхватить револьвер и выстрелить раньше его.

— Много. Почему следишь за мной?

— Ты не поверил...

— Так не старайся. Скажи правду.

— Мне нужен был твой приятель.

— Да? Который? У меня их много.

— Тот, с которым ты встретился сегодня в террариуме.

— Почему именно он?

— У меня есть к нему вопросы.

— Какие?

— Это мое дело.

— Где твоя пушка? Давай сначала покончим с этим.

Карелла не отвечал. Глаза парня сузились, превратились в щелки, и тогда Карелла быстро произнес:

— В правом кармане плаща.

— Повернишь.

Карелла повиновался.

— Подними руки. И без шуток, предупреждаю. Чувствуешь?

Это ствол моего пистолета. Он будет прижат к твоему позвоночнику, пока я не достану револьвер. Только дернись, только шевельнись, только попробуй вздохнуть резко — и я стреляю.

— Понял, — ответил Карелла.

Он почувствовал, как парень сунул руку в карман его плаща, и карман стал легче.

— Вот так, — сказал белобрысый. — Поворачивайся.

Карелла повернулся. До этого момента он как-то не верил в серьезность своего положения. Ему уже удавалось отговориться в аналогичных ситуациях. И на этот раз — до этой минуты — он надеялся либо отговориться, либо ухитриться выхватить револьвер. Но теперь выхватывать было нечего, а взгляд у парня был жесткий, и ему показалось, что он смотрит в лицо своей смерти.

— Ты делаешь глупость, — услышал он собственные слова, но они звучали тихо и неестественно. — Ты хочешь застрелить меня без всякой на то причины. Я же сказал тебе, что мне нужен был не ты.

Они стояли на разбросанных камнях в тени большого валуна. Карелла прикинул, сможет ли он неожиданно броситься на парня, сбить его на этих непрочно лежащих камнях с ног и отобрать пистолет? Нет, удача маловероятна.

— Не я, да? Послушай, коп, не рассказывай мне сказки, мне их рассказывали лучшие сказочники. Вы хотите повесить на меня какое-нибудь крупное дело, так? Ты надеешься привести меня в свой уютный участок и выбить признание в том, что я изнасиловал собственную мать. Ну что ж, этого ты не дождешься и не надейся, коп.

— Боже мой, да на что мне сдался какой-то несчастный наркоша?

— Я? Наркоша? Кончай, коп, что ты мне тут плетешь?

— Послушай, я тебя не пойму. Чего ты боишься? Подумаешь, попался с наркотиками. Что тебе будет? Мне нужен тот, второй, с которым ты сегодня встретился, соображаешь? Не ты мне нужен, а он.

— А мне показалось, что тебя не интересуют какие-то несчастные наркоши.

— Не интересуют.

— Так на что он тебе? Ему восемнадцать, он колется с четырнадцати. Он спать ложится с героином. Ты непоследователен.

— Разве он не толкач? — удивился Карелла.

— Он? — Парень рассмеялся. — Ну ты даешь!

— А что...

— Ладно, слушай. Ты следил за мной сегодня. На мне столько этого добра сейчас, что мой арест стал бы для тебя большой удачей. Я также нарушил закон Салливана, поскольку разрешения на эту игрушку у меня нет. Кроме того, я оказываю сопротивление представителю власти, а на это тоже, наверное, есть какой-нибудь закон. И еще я отобрал у тебя оружие. И если я отпущу тебя сегодня, ты возьмешь меня завтра, и тогда мое слово против твоего не потянет.

— Послушай, уходи. Подними пистолет и уходи. Я не хочу получить пулю, мне вовсе не интересно ссориться с тобой. Я сказал тебе: ты мне не нужен. Я ищу твоего приятеля. Я ищу Гонсо.

— Знаю, — ответил парень, и глаза его сузились. — Гонсо — это я.

Предупреждением был прищур его глаз. Карелла попытался броситься в сторону, но не успел. Он не видел, как пистолет дергался в руке Гонсо, лишь почувствовал острую боль в груди, услышал три выстрела; потом он падал, и по телу разливалось тепло; странно, что ноги не слушались его, не держали, как глупо, а в груди жгло, небо клонилось к земле... Карелла ткнулся лицом в камни. Падая, он не выставил руки, они тоже его не слушались. Он ткнулся лицом в камни и почувствовал под собой что-то теплое и липкое, попытался шевельнуться и понял, что лежит в луже собственной крови. Ему хотелось смеяться и плакать одновременно. Он раскрыл рот, но не издал ни звука. Затем на него покатили темные волны, он пытался бороться с ними, не зная, что Гонсо бежит, продираясь сквозь ветви деревьев, зная только, что его поглощает тьма, и вдруг подумал, что умирает.

Надо сказать, что сотрудники 87-го работали оперативнее, чем их коллеги из двух других участков, между которыми была разделена территория парка. Кареллу обнаружили лишь через полчаса, когда кровь, в которой он лежал, напоминала уже небольшой плавательный бассейн.

Приблизительно в то самое время, когда стреляли в Кареллу, на территории 87-го участка было совершено другое преступление. Сообщение о нем поступило в участок минут десять спустя.

— Старуха, — говорил патрульный. — Соседи называют ее Долорес Форед.

— Что с ней случилось? — спросил дежурный сержант.

— Сломала шею. Упала или сброшена в воздуховод со второго этажа.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Это Дэнни Гимп,— услышал дежурный сержант в трубке.— Мне надо переговорить с детективом Кареллом.

Сержант не любил разговаривать с осведомителями. Он знал, что Дэнни Гимп часто передавал очень ценные сведения, но относился к осведомителям, как к людям нечистоплотным, и разговаривать с ними ему было отвратительно.

— Кареллы нет.

— Где я могу найти его?

Дэнни был осведомителем, сколько себя помнил. Он знал, что уважением, если можно так выразиться, у представителей подпольного мира не пользуется, но остракизм, которому он подвергался с их стороны, его не трогал. Доносами Дэнни зарабатывал на жизнь, и, как это ни странно, ему нравилось помогать полиции. В детстве он перенес полиомиелит и теперь слегка прихрамывал на одну ногу. Его настоящая фамилия была Нелсон, но этого почти никто не знал, и даже почта, адресованная ему, приходила на имя Дэнни Гимпа. Ему было пятьдесят четыре года, но он был маленьким и выглядел скорее истощенным подростком, чем пожилым мужчиной. Голосок у него был тонким, а лицо гладким, без морщин, выдававших бы его возраст. Он не мог сказать, что любил копов, но он любил помогать им. Один коп ему все же нравился. Им был Стив Карелла.

— Зачем он тебе нужен? — спросил сержант.

— У меня есть кое-что для него.

— Что именно?

— Когда это тебя перевели в детективы?

— Не умничай, голубок, или положи трубку.

— Мне нужен Карелла. Передай ему, что я звонил.

— Карелла не принимает сообщений, — ответил сержант.

— Это еще почему?

— В него сегодня стреляли. Он умирает.

— Что?!

— Что слышал.

— Не может быть! — Дэнни был ошеломлен.— Стив... Ты шутишь?

— Какие тут могут быть шутки!

— Кто в него стрелял?

— Это мы и сами хотели бы знать.

— Где он?

— В госпитале. Можешь неходить туда. Он в критическом состоянии, и я сомневаюсь, чтобы ему позволили разговаривать с «голубями».

— Но он же не умирает, — возразил Дэнни скорее для того, чтобы успокоить самого себя.— Послушай, он же не умирает?

— Его нашли наполовину замерзшим и почти полностью обескровленным. Ему вливают плазму, но у него в груди три пули.

— Ах ты, Господи, — запричитал Дэнни.— Ах ты, Боже мой.

- У тебя все? — спросил сержант.
- Нет, я... Он в госпитале?
- Да, но я же сказал, что ты можешь не беспокоиться и туда не ходить. Тебе самому будет неудобно. Там половина наших парней.
- Да-а, — протянул Дэнни. — Какой удар, а?
- Он хороший полицейский, — сказал сержант.
- Хороший, — подтвердил Дэнни и снова помолчал. — Ну ладно, до свидания.
- Пока.

Помня предупреждение сержанта, Дэнни в тот день в госпиталь не пошел. Всю ночь напролет он думал о том, как отнесутся к его появлению, узнает ли его Карелла. И даже если он будет в состоянии сказать «хэлло», то захочет ли. Отношения у них были поставлены на деловую основу, но Дэнни хорошо знал, что осведомители к наиболее уважаемым гражданам не относились. Карелла мог подумать о нем так же, как и все остальные.

С этими мыслями он и заснул уже под самое утро. С ними же и проснулся. Он не знал почему, но ему очень хотелось увидеть Кареллу, пока тот не умер. Очень хотелось увидеть его, поздороваться с ним, может быть, даже пожать его руку. Возможно, причиной тому — Рождество. Как бы то ни было, он позавтракал пышкой с кофе и аккуратно оделся: в свежую белую рубашку и лучший костюм, повязав тщательно подобранный в тон галстук и желая выглядеть респектабельно. Он собирался в госпиталь с респектабельным визитом, и вся нереспектабельность его жизни вдруг проявилась особенно резко. Ему казалось очень важным проявить свое участие, свою озабоченность состоянием Кареллы и не менее важным, чтобы тот это понял и оценил.

По дороге в госпиталь Дэнни купил коробку конфет. И тут же засомневался, правильно ли поступил. В госпитале непременно будут полицейские, как и сержант сказал. Не глупо ли он будет выглядеть с конфетами? Он чуть было не выбросил их, но передумал. Если человек идет в больницу навестить больного, он всегда берет что-нибудь с собой, что означает: «Ты с нами, ты выздоровеешь». Дэнни Гимп входил в мир учтивый и респектабельный, и он будет следовать правилам этого мира.

В ту субботу, 23 декабря, небо над госпиталем было серым. Должно быть, к снегу. Дэнни подумал о сотнях людей, мечтавших о белом Рождестве. Ему стало совсем грустно, он толкнул вращающуюся дверь и вошел в белый вестибюль.

На стене вестибюля были нарисованы рождественские сугробы, но обстановка все равно была не праздничная. За стойкой регистратуры девушка делала себе маникюр. На скамье напротив регистратуры сидел пожилой человек, он держал в руках шляпу и поминутно оглядывался на дверь палаты скорой помощи дальше по коридору.

Дэнни снял шляпу и подошел к стойке. Девушка на него даже не взглянула. Она красила ногти с тщанием и искусством японской мастерицы-кукольницы.

Дэнни прокашлялся.

- Мисс?
— Я вас слушаю,— ответила девушка, продолжая работать кисточкой.
— Я бы хотел навестить Стива Кареллу. Стивена Кареллу.
— Ваше имя, сэр.
— Данель Нелсон.

Девушка подняла руку с накрашенными ногтями, растопырив пальцы, другой рукой взяла какой-то листок, положила его перед собой, прочла и сказала:

- Ваше имя в списке не значится.
— В каком списке?
— Мистер Карелла находится в критическом состоянии. К нему допускаются только близкие родственники и, учитывая обстоятельства, некоторые лица из полицейского управления. Извините, сэр.

— Как он себя чувствует?
Девушка равнодушно взглянула на него.

- Мы не вносим имя человека в критический список, если не считаем, что он находится в критическом состоянии.

— Когда... когда будет ясно?
— Ничего не могу сказать, сэр. Ему может стать лучше, может — нет. Боюсь, что это от нас не зависит.

— Ничего, если я подожду?
— Конечно, сэр. Можете присесть вон на ту скамью, если хотите. Но вы понимаете, что ждать, возможно, придется долго.

— Я понимаю,— ответил Дэнни.— Благодарю вас.
Почему, подумал он, столь редким честным намерениям не суждено осуществиться лишь оттого, что на пути оказалась какая-то девчонка, которую ногти интересовали больше вопроса жизни и смерти? Он пожал плечами, проклял бюрократизм и присел рядом с пожилым человеком на скамью. Тот немедленно повернулся к нему.

— У меня дочь порезала руку.
— А?

— Дочь открывала консервную банку и порезала руку. Это опасно? Я имею в виду — порезать руку банкой?

— Не знаю,— ответил Дэнни.
— Я слышал, что опасно. Сейчас ее перевязывают. Она потеряла столько крови! Только бы все обошлось.

— Все будет хорошо,— успокоил его Дэнни.— Не волнуйтесь.
— Ох, надеюсь. Вы пришли навестить кого-то?

— Да.
— Друга?
— Так...

Дэнни неопределенно пожал плечами и принялся изучать список ингредиентов, из которых были приготовлены конфеты. Интересно, что такое «лецитин»?

Вскоре из операционной вышла девочка с перевязанной рукой.

— Все в порядке? — спросил ее папаша.
— Да,— ответила девочка.— Мне дали леденец.
Они вышли на улицу.

Дэнни Гимп остался один.

Лейтенант Питер Бернс вышел в вестибюль в шесть пятнадцать. Целый день он просидел в коридоре у двери палаты Кареллы, надеясь, что Стив еще придет в сознание. Перед этим он один раз на короткое время уже приходил в себя. И шепнул одно слово: «Гонсо».

Но больше он ничего не мог сказать. В распоряжении Бернса было лишь расплывчатое описание этого Гонсо. Никто о Гонсо не слышал, так как же его задержать? Если Карелла умрет...

Он отбросил эту мысль. Каждые полчаса он звонил в участок. И домой. Из участка ничего нового ему сообщить не могли. Смерть Долорес Форед оставалась загадкой. Ничего нового не было и по делам Анибала и Марии Эрнандесов. Ничего нового не сообщали и о Гонсо.

Дома было не лучше. Ларри ломало. Снова приходил врач, но Ларри становилось от этого только хуже. Бернс думал о том, удастся ли вообще вылечить сына, удастся ли поймать убийцу или убийц, действовавших на территории его участка. До Рождества оставалось всего лишь два дня, но Рождество это обещало быть безрадостным.

В шесть пятнадцать он спустился в вестибюль. Подошел к регистратуре и спросил, где поблизости можно нормально поесть. Девушка назвала адрес.

Его окликнули на пути к врачающим дверям выхода. Бернс обернулся. Вначале он не узнал маленького, худого человечка с коробкой конфет под мышкой, выглядевшего так неопрятно, как и выглядят неопрятные люди, пытающиеся это скрыть хорошим костюмом. А когда узнал, спросил грубо:

- Что ты здесь делаешь, Дэнни?
- Я пришел проведать Кареллу.
- Да? — равнодушно переспросил Бернс.
- Да. Как он?
- Плохо, — ответил Бернс и добавил: — Извини, Дэнни, но я сегодня еще не обедал и поэтому немного тороплюсь.
- Да, да, конечно, — закивал Дэнни.

Бернс взглянул на него еще раз и вдруг сказал (может быть, потому что приближалось Рождество):

- Ну ты же понимаешь, как это все... Какой-то Гонсо ранит...
- Кто? Вы сказали — Гонсо? Это он стрелял в Сти... в детектива Кареллу?
- Похоже, что он.
- Что вы говорите? Такой подонок? Стрелял в Кареллу?
- А что? Почему ты так удивлен?
- Насколько я знаю, этому панку и двадцати еще нет.
- Что ты о нем знаешь, Дэнни?
- Ну, Сти... Карелла просил меня разузнать, кто такой Гонсо, но у меня ничего не получилось. Я, конечно, старался, потому что об этом меня просил Сти...
- Ради Бога, называй его Стивом.
- Знаете, некоторые копы обижаются...
- Продолжай же, Дэнни, черт побери!

— Даже Стив не любит, когда я называю его Стивом, — закончил свою мысль Дэнни, но тут же быстро продолжил, увидев, какое сделалось у Бернса лицо. — Никто не знал Гонсо, понимаете? Для меня это было чем-то вроде математической шарады. Как это может быть, чтобы трое парней покупали у Гонсо порошок, и в то же время его никто не знал. Значит, он пришлый, правильно?

— Дальше. — Бернс слушал его с интересом.

— Тогда я спросил себя: если он не местный, как же ему удалось наследовать дело Эрнандеса? Непонятно. В этом случае он должен был хотя бы знать Эрнандеса, верно? А если он знал Эрнандеса, то мог знать и его сестру. Вот так я думал, лейтенант, сопоставляя все, что узнал от Стива.

— И к чему ты пришел?

— А пришел я к тому, что это мог быть кто-то со стороны, но знаяший Эрнандесов. Тогда я навестил миссис Эрнандес. Поговорил с ней, порасспрашивал — может, этот Гонсо родственник им какой или еще там что, знаете, как у этих пуэрториканцев: крепкие семейные узы...

— Они оказались родственниками?

— Она не припомнила ни одного родственника по имени Гонсо. От меня она ничего не скрывала — мы же соседи. Имя Гонсо ни о чем ей не говорило.

— Я могу тебе сказать то же самое, Дэнни. Мои люди тоже беседовали с ней.

— Но она сказала мне, что у ее сына был приятель. Он состоял членом клуба «Морских разведчиков» в Риверхеде. Я навел справки и узнал, что это был клуб «Молодые матросы». Его организовал какой-то болван из бывших военных моряков — собрал кучку пацанов и предоставил им возможность раз в неделю помаршировать. Только Эрнандес ходил туда не маршировать. Он толкал там наркотики. А приятеля его зовут Дики Коллинз.

— Какое это имеет отношение к Гонсо?

— Слушайте дальше. Начинаю я интересоваться этим Дики Коллинзом. Оказывается, он жил здесь неподалеку, но не так давно они переехали: его отец чем-то приторговывает, вот финансы и позволили им сменить район. Но у Дики остались связи, так что иной раз он заглядывает сюда, встречается со старыми знакомыми, в том числе и с Эрнандесом встречался. И с сестричкой его пару раз. Так вот, однажды вечером они играли в карты. Так, на гроши, ничего серьезного. Но случилось это всего две недели назад, потому-то никто Гонсо и не знает, кроме четверки игравших, да и их-то оставалось уже трое. Вот с одним из игроков я и повстречался.

— Продолжай.

— Играли четверо: Сэм ди Люка, Дики Коллинз, Мария Эрнандес и еще один парень постарше, он тоже живет где-то неподалеку.

— Так кто же он?

— Ди Люка не помнит, а Мария Эрнандес сказать уже не может. Как я понял, они в тот вечер укололись, а ди Люке всего

шестнадцать, что он там может помнить? Он зовет себя Бэтманом*, у них у всех клички, потому и «Гонсо», наверное, прилипло.

— Ближе к делу, Дэнни.

— Да. Так вот, сидят они, значит, играют, и в разговоре тот парень постарше сообщает, что, мол, у них в районе есть один дешевый «gunsel» **. Слово это уже умерло; если кто и знает его, так только люди постарше, из молодых его немногие и слышали то. Ну, как «торпедо» ***, например, понимаете? Из моды вышло. Ясное дело, этот Дики Коллинз, «мальчик из добродорядочной семьи», его и не знает. Вот в этом все и дело. Он переспрашивает: «Гонсо?» Что это еще за «Гонсо»? Что там было! Мария упала со стула, парень постарше катался по полу, а Бэтман чуть не упался.

— Понятно.

— Ну вот, весь вечер они звали его «Гонсо». Так, во всяком случае, рассказал мне Бэтман. Но и знали об этом всего четверо: Бэтман, Мария, тот парень и сам Дики. Мария вдруг погибает...

— Гонсо — Дики Коллинз, — ничего не выражаящим тоном произнес Бернс.

— Да. Бэтман уже и забыл эту историю. Да он и накачался тогда. Но, когда я стал расспрашивать про Гонсо, он вспомнил. А кто был тот парень постарше, одному Богу известно.

— Дики Коллинз, — повторил Бернс.

— Именно. Живет теперь в Риверхеде. Недорогой район. Вы будете его брат?

— Он же стрелял в Кареллу, — ответил Бернс. Затем достал бумажник, вынул из него десятидолларовую бумажку и протянул Дэнни. — Это тебе.

— Не надо, лейтенант, благодарю вас.

Бернс недоуменно посмотрел на него.

— Но вы можете отблагодарить меня, — сказал Дэнни немного смущенно.

— Каким образом?

— Я хотел бы подняться наверх. Взглянуть на Стива.

Бернс колебался только мгновение. Затем подошел к стойке.

— Я — лейтенант Бернс. Этот человек работает на нас. Я бы хотел, чтобы он поднялся.

— Да, сэр, конечно, — ответила девушка.

Лицо Дэнни расплылось в широчайшей улыбке.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дики Коллинза взяли в самый канун Рождества.

Его взяли при выходе из церкви, в которой он поставил свечку своей покойной бабушке.

В участке его допрашивали четверо: Бернс, Хэвиленд, Майер и Уиллис.

* «Человек — летучая мышь», герой популярного фильма.

** Наёмный бандит, гангстер (американская жаргон, устаревш.).

*** Гангстер-телохранитель (американская жаргон, устаревш.).

- Назовите свое имя, — сказал Уиллис.
- Дики Коллинз. Ричард.
- Под какими именами вас знают еще? — спросил Хэвиленд.
- Ни под какими.
- У вас есть оружие? — спросил Майер.
- Нет и не было.
- Вы знали Анибала Эрнандеса? — задал вопрос Бернс.
- Что-то знакомое.
- Знали или нет?
- Да, по-моему, знал. Он жил где-то по соседству.
- Когда вы переехали?
- Пару месяцев назад.
- Почему?
- Мой старикан получил новую работу. Я переехал с ним.
- Вы хотели переезжать?
- Мне все равно. Я — свободный агент. Езжу, куда хочу, независимо от того, где живу. Почему вы меня допрашиваете?
- Что я сделал?
- Что вы делали ночью семнадцатого декабря?
- Откуда я знаю? Когда это было?
- Ровно неделю назад.
- Не помню.
- Вы были вместе с Эрнандесом?
- Не помню.
- Попытайтесь вспомнить.
- Нет, я не был с Эрнандесом. Что это было, ночь на воскресенье?
- Ночь на понедельник.
- Нет, я не был с ним.
- Где вы были?
- В церкви.
- Где?
- В воскресенье вечером я всегда хожу в церковь. Ставлю свечку бабушке.
- Сколько времени вы провели в церкви?
- Около часа. Я еще и молюсь.
- Уточните время.
- Приблизительно... приблизительно... с десяти до одиннадцати.
- Что вы делали затем?
- Побродил по городу.
- Кто вас видел?
- Никто. Зачем мне свидетели? Вы хотите повесить на меня убийство Эрнандеса?
- Почему вы считаете, что он убит?
- Он повесился, — сказал Коллинз.
- Так, но почему вы назвали это убийством?
- Ну, самоубийство ведь тоже убийство?
- А зачем мне вешать на вас самоубийство?
- Откуда я знаю? Зачем же вы меня сюда тогда притянули? Задаете вопросы о той ночи. Спрашиваете, знал ли я его.

- Вы знали его.
- Да, знал.
- Как жившего по соседству или по «Морским разведчикам»?
- Какие «Морские разведчики»?
- В Риверхеде.
- А, вы имеете в виду «Молодых матросов». Да, да.
- Как вы познакомились?
- Встречались на улице, когда я еще жил здесь, здоровались.
- А когда встретились в «Матросах», сошлись поближе.
- Почему вы вначале сказали неуверенно, что знаете его?
- Если вы «сошлись поближе», то должны были знать.
- Хорошо, я знал его. Это преступление?
- Зачем вы посещали клуб?
- Я не посещал его. Просто ходил смотреть, как они маршировали.
- Намаршируешься там, куда тебя отправят, — сказал Хэвиленд.
- Сначала отправьте. Я еще не слышал, в чем меня обвиняют. У вас что-то есть, или вы на понт берете?
- Ты толкач, Коллинз.
- Вам это приснилось.
- Мы задержали троих парней, которые покупали у тебя наркотики. Один из них готов тебя опознать.
- Вот как? Его имя?
- Хемингуэй.
- А остальных как зовут? Синклер Льюис и Уильям Фолкнер?
- Ты начитан, Коллинз?
- Читаю.
- А вот парень этот, Хемингуэй, не читает. Он наркоман. Днем двадцать второго декабря он купил у тебя одну шестнадцатую унции героина. Его взяли сразу после этой покупки.
- А, так вот почему за мной сле... — Дики спохватился и замолк.
- Что?
- Я ничего не сказал. Если ваш Хемингуэй и купил у кого-то наркотик, так только не у меня.
- А он говорит — у тебя.
- Я даже не знаю, как она выглядит, эта одна шестнадцатая.
- Ты знал, что Эрнандес был наркоманом?
- Да.
- Он кололся при тебе?
- Нет.
- Откуда же ты знаешь, что он был наркоманом?
- Говорили.
- Видел его с другими наркоманами?
- Конечно.
- С кем?
- Не знаю их имен.
- Когда-нибудь видел его с наркоманом по имени Ларри Бернс? — спросил Бернс.
- Коллинз сначала широко раскрыл глаза, потом моргнул.
- Я сказал — Ларри Бернс, — повторил лейтенант.

- Никогда о таком не слышал.
- Подумай хорошенько. Это мой сын.
- Кроме шуток? Не думал, что у копов сыновья бывают наркоманами.
- Ты случайно не видел моего сына ночью семнадцатого декабря?
- Я не отличил бы его от дыры в стене.
- А утром восемнадцатого?
- При чем тут утро или вечер, если я его не знаю?
- Он знал Эрнандеса.
- Многие его знали. Эрнандес был толкачом, вам разве неизвестно? — Коллинз помолчал.— Он толкал даже «матросам».
- Нам это известно. А ты откуда об этом знаешь?
- Видел пару раз.
- Кому он толкал?
- Не помню. Послушайте, вы что думаете, я знаю поименно всех наркоманов района? Я никогда с этим не связывался.
- Ты занимался этим двадцатого декабря, Коллинз. Два дня спустя после смерти Эрнандеса ты уже занимался этим. Этот самый Хемингуэй был клиентом Эрнандеса.
- Да? Тогда он купил героин у призрака Эрнандеса.
- Он купил его у тебя.
- Вам потребуется много времени, чтобы доказать это.
- А может, и нет. Два последних дня за тобой следил наш сотрудник.
- Да?
- Да.
- А почему же он тогда не взял меня? Послушайте, вы чтонибудь нашли у меня? За что вы меня взяли? Я требую адвоката.
- Ты здесь находишься по подозрению в убийстве,— сказал Бернс.
- Вы имеете в виду... — Дики снова осекся.
- Что, Коллинз?
- Ничего. Эрнандес повесился сам. Попробуйте повесить это на меня.
- Эрнандес умер от слишком большой дозы наркотика.
- Вот как? Значит, был неосторожен.
- Кто надел ему петлю на шею?
- Может быть, ваш сын, лейтенант?
- Откуда ты знаешь мое звание?
- Что?
- Если ты не знаешь моего сына, если ты ничего не знаешь о моем сыне, то откуда же ты знаешь мое звание?
- Кто-то сейчас назвал вас лейтенантом. А вы что подумали?
- С тех пор, как ты находишься здесь, Коллинз, никто из присутствующих никак меня не называл. Так что?
- Я догадался. Вы похожи на начальника, вот я и подумал, что вы начальник и есть. Нормально?
- А Ларри говорит, что он тебя знает.
- Какой Ларри?

- Мой сын.
- Да? Меня многие знают, кого не знаю я. Я пользуюсь популярностью.
- Почему? Потому, что толкаешь наркотики?
- Единственное, что я толкал в своей жизни, так это детскую коляску моей сестренки. Бросьте, ничего вам все это не даст.
- Попробуем другое. Например, карты.
- А что карты? Хотите сыграть?
- А ты играешь в карты?
- Конечно.
- Ты играл когда-нибудь с Бэтменом ди Люкой?
- Играл.
- А кто еще играл с вами?
- Когда?
- В тот вечер.
- В какой? Мы часто играли с Бэтменом. Игрок из него никудышный, он всегда мне проигрывал.
- Что такое «a gunsel», Коллинз?
- А?
- «A gunsel».
- А.— Коллинз моргнул.— Ну, это парень, которого нанимают, чтобы проучить кого-нибудь.
- Произнеси это слово.
- Gunsel. Послушайте, это что, урок английского?
- Когда ты узнал, что это слово означает?
- Всегда знал.
- Ты узнал это во время игры в карты, так, Дики?
- Нет. Я и раньше знал.
- Раньше чего, Дики?
- А?
- Ты сказал, что знал значение слова «gunsel» раньше, до игры в карты. Какой игры, Дики, о каком вечере ты говоришь?
- Ну... О последней игре, наверное.
- И когда это было?
- Недели... недели две назад.
- Кто играл?
- Я, Бэтман и еще один парень.
- Кто именно?
- Не помню.
- А Бэтман говорит, что это ты привел его.
- Я? Нет, это он сам привел его. Я думал, что это его приятель.
- Не был и не является. Почему ты прикрываешь его, Коллинз?
- Никого я не прикрываю. Я вообще его не знаю. И не понимаю, что вам нужно. Вы что думаете...
- Закройся!
- Я имею право...
- Что произошло в тот вечер, когда вы играли в карты?
- Ничего.
- Кто первый произнес слово «gunsel»?
- Не помню, чтобы его вообще произносили.

- Почему же ты тогда произнес его неправильно?
- Такого не было.
- Ты произнес его верно?
- Конечно.
- Как ты его произнес?
- Gunsel.
- Когда?
- Когда мы... — Опять он осекся. — Я всегда его так произносил.
- Ты сказал, что его упомянули во время карточной игры.
- Я сказал, что не слышал его. Может, кто и произносил, откуда мне знать?
- Если его не произносили, откуда у тебя появилась кличка «Гонсо»?
- «Гонсо»? У кого это такая кличка? Меня все зовут Дики.
- Кроме тех троих парней, которые покупали у тебя наркотик.
- Ах, вот оно что. Все понятно. Вы не того взяли. Вы ищете Гонсо. А меня зовут Дики. Коллинз. Коллинз и Гонсо немного соз...
- Ну ладно, хватит, — резко сказал Хэвиленд.
- Что...
- Мы знаем обо всем, что произошло в тот вечер. Как не понял ты слова «gunsel», как неправильно его произнес, как хотели над тобой твои приятели, как называли тебя весь вечер «Гонсо»; Бэтман все это рассказал нам и подтвердит под присягой. Ну а дальше было так: ты воспользовался этой кличкой, когда наследовал дело Эрнандеса, потому что толкать наркотики под своим настоящим именем посчитал неразумным. Поэтому те трое, которых мы задержали, искали Гонсо и нашли его; один из них купил у тебя порцию героина, и он тоже подтвердит это под присягой. Дальше сам будешь рассказывать?
- О чём?
- О том, как ты стрелял в полицейского.
- Что?
- О том, как ты надел петлю на шею Эрнандесу.
- Что?
- О том, как ты изрезал Марию.
- Послушайте, послушайте, я не...
- О том, как ты сбросил старуху в воздуховод.
- Я? Что вы такое говорите?! Я никогда...
- А что «когда»?
- Ничего! Я никогда ничего подобного не делал! За кого вы меня принимаете?
- Нет, Гонсо, это ты стрелял в полицейского.
- Нет, не я.
- Мы знаем это. Он сам нам сказал.
- Ничего он вам не говорил.
- Кто?
- Этот коп, о котором вы говорите. Он не мог вам этого сказать, потому что я здесь ни при чем.
- При чем, Гонсо, еще как при чем.

- Перестаньте называть меня Гонсо. Меня зовут Дики.
- Хорошо, Дики. Зачем ты убил Эрнандеса? Чтобы получить его грошовое дело?
- Глупости!
- Тогда зачем?! — крикнул Бернс. — Чтобы впутать моего сына? Как оказались отпечатки пальцев Ларри на шприце?
- Откуда мне знать? Какой шприц?
- Шприц, который был найден рядом с телом Эрнандеса.
- Я ничего этого не знал.
- Там был шприц. Как его подменили?
- Не знаю.
- Ты хотел засадить моего сына?
- Да перестань ты петь про своего сына. Плевать мне на него.
- Кто мне звонит, Гонсо?
- Я не понимаю, о чём идет речь.
- Кто-то неизвестный позвонил мне и рассказал о сыне и о шприце. У этого «кто-то» что-то на уме. Кто он, Гонсо? Тот третий, что играл с вами в карты?
- Я его не знаю.
- Но это тот же, кто звонил мне, так?
- Я не знаю, кто звонил.
- Тот же, кто помог тебе убить Эрнандеса, так?
- Я не убивал Эрнандеса.
- И Марию, и старушку...
- Я никого не убивал.
- Ты убил полицейского, — неожиданно и резко произнес Уиллис.

- Он умер? — спросил Коллинз.
- В комнате вдруг наступила тишина.
- Что случилось? — продолжил Коллинз.
- Это ты нам расскажи, что случилось.
- Вы говорили, что в полицейского стреляли. Но вы не говорили, что он умер.
- Не говорили.
- Ну так как я мог знать, что там с вашим сыщиком? Вы же не говорили, что он убит, вы сказали только, что в него стреляли.
- Но мы не говорили, что он — сыщик, — сказал Бернс.
- Что?
- Мы говорили — полицейский. Почему ты решил, что он — детектив?
- Не знаю, просто подумал. Вы как-то так говорили...
- Его зовут Стив Карелла, — перебил Уиллис. — Ты стрелял в него в пятницу, и врачи все еще борются за его жизнь. Он сказал нам, что это ты стрелял в него. Почему бы тебе не рассказать и обо всем остальном, облегчить свое положение?
- Мне нечего рассказывать. Я чист. Если ваш коп окочурится, вам вообще нечего будет на меня повесить. У меня нет оружия, на мне не было наркотиков. Так что вы мне сделаете?
- Многое, парень, — сказал Хэвиленд. — Мне понадобится всего около трех секунд, чтобы выбить из тебя все твоё дерьмо.

— Начинай. Посмотрим, что это тебе даст. Я ни в чем не виновен, а коп ваш сумасшедший. Спятил. Я в него не стрелял и к делу Эрнандеса тоже не имею никакого отношения. Вы собираетесь использовать наше с ним знакомство, чтобы сотоврить федеральное дело?

— Нет, мы собираемся использовать отпечаток твоего ботинка в деле о покушении на убийство, — сказал Уиллис.

— Моего ЧЕГО?

— Рядом с Кареллой был обнаружен отпечаток ботинка, — соглашал Уиллис. — Мы сравним его с отпечатками твоей обуви, и если они совпадут...

— Мы стояли на камнях! — выкрикнул Коллинз.

И все.

Все замолчали.

Коллинз часто заморгал, понимая, что выдал себя с головой, что возврата уже нет.

— Хорошо, я скажу. Да, я стрелял в него. Но только потому, что он хотел арестовать меня. И повесить на меня все остальное. Я этого не хотел. Я не убивал ни Эрнандеса, ни Марию и не имею к этому никакого отношения. Никакого. А старуху я вообще не знаю.

— Кто убил их? — спросил Бернс.

Коллинз некоторое время молчал, потом прошептал:

— Дуглас Пэтт.

Уиллис рванулся к вешалке.

— Нет, — остановил его Бернс. — Я возьму его сам. Его адрес, Коллинз?

277

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На крыше было очень холодно — холоднее, пожалуй, чем в любой другой точке огромного города. Ветер метался между горшками труб и пронизывал человека до костей. С крыши просматривался чуть ли не весь город с его мерцающими огньками — город тайн, город маленьких тайн.

Он приостановился на минуту, посмотрел вдаль и подумал о том, как все пошло наперекосяк. Такой хороший был план, и так все вышло криво. Слишком много людей, а где слишком много людей, там все идет наперекосяк.

Он вздохнул и повернулся спиной к ветру, чувствуя себя одиноким и уставшим. Почему у него не получилось? Такой хороший план должен был сработать.

На крышу поднялся человек, огляделся вокруг и направился к тому месту, где сидел он.

— Дуглас Пэтт? — спросил человек.

— Да, — ответил он и посмотрел подошедшему в глаза. Взгляд их был тяжелым.

— Я лейтенант Бернс.

— О! Как вы нашли меня?

— Дики Коллинз, — ответил Бернс.

— Ммм, — промычал Пэтт. Его, казалось, все это мало волновало. Его, казалось, почти не интересовало, каким образом поли-

ция вышла на него.— Я так и думал, что он окажется слабым звеном, если вы возьмете его. Слишком много людей.

— На что ты надеялся, Пэтт? — спросил Бернс.

— Я? На что надеялся? На шанс, лейтенант. На большие времена.

— Каким образом?

— Этот парень, Гонсо. Вы знаете о Гонсо все, да? Глупо, правда? Но немного таинственно. Так вот, приходит ко мне однажды этот Гонсо и говорит: «Как тебе это нравится? Аннабель сказал мне, что у него есть приятель наркоман, чей папаша командует всеми сыщиками восемьдесят седьмого участка». Вот как он мне сказал. Я подумал, что это — мой шанс, лейтенант. Я решил запутать вашего сына покрепче, а потом уж добраться до вас, выложить мои карты на стол: «Вот так обстоят дела, лейтенант. Либо история с вашим сыном становится достоянием прессы, либо мы будем сотрудничать». Я повесил на вашего сына убийство и был уверен, что вы пойдете на сотрудничество.

— Какого сотрудничества ты ждал?

— Я толкаю, — продолжил Пэтт. — Но боюсь. Если бы не страх, я мог бы действительно развернуться. Не хотел попадаться. И мне нужна была ваша помощь. Я хотел, чтобы меня не трогали — ни вы, ни ваши подчиненные. Хотел свободно передвигаться по району и толкать, когда, где и кому хочу, и при этом не бояться, что меня заметят. Вот чего я хотел, лейтенант.

— Ты бы никогда такой свободы не получил, — ответил Бернс. — Ни от меня, ни от моих сотрудников.

— Может быть, и нет, — согласился Пэтт. — Но как это было заманчиво! Я толкнул Аннабелю запасец товара и сказал, что мне нужен шприц с отпечатками пальцев вашего сына. Он затащил Ларри к себе, дал ему бесплатно уколоться и подменил его иглу на свою. Когда ваш сын ушел, зашел я. Аннабель клевал носом. Я зарядил шприц таким количеством героина, что им можно было оторвать ему голову. А он даже не почувствовал, как я ввел его. Потом я достал шприц вашего сына из кармана куртки Аннабеля и положил его рядом с ним на койку.

— А зачем было возиться с веревкой?

Пэтт продолжал бить то, что осталось от голубки.

— Вначале я этого не планировал. Но мне вдруг пришло в голову: а что, если подумают, что это самоубийство? Или несчастный случай? Зачем тогда все это было? Поэтому я и надел ему петлю на шею. Подумал, что полицейские достаточно умны, чтобы заметить, что петля надета уже на мертвого. Я хотел, чтобы они знали, что это убийство, потому что я вешал это преступление на вашего сына. Ваш сын был моим козырем, лейтенант, козырем в игре на свободный район.

— Свободный район, — повторил Бернс.

— Ммм, да, — протянул Пэтт. — Но не сработало. А потом еще Мария и старуха — как все осложнилось, а? — Он разрыдался.

— Пойдемте-ка со мной, — тихо сказал Бернс.

Арест оформили в 87-м. Ему предъявили обвинение в убийстве троих человек. После этого Бернс прошел в свой кабинет,

долго стоял у окна, глядя на ночной парк, потом его взгляд упал на освещенные башенные часы, и он увидел, что до полуночи оставалось пять минут.

Пять минут до Рождества.

Бернс подошел к столу и поднял телефонную трубку.

- Да? — услышал он голос дежурного сержанта.
- Это лейтенант, — сказал Бернс. — Линия у нас свободна?
- Да, сэр.

Бернс дождался длинного гудка и набрал номер. К телефону подошла Гарнетта.

- Хелло, Гарнетта.
- Хелло, Питер.
- Как он?
- Я думаю, все будет хорошо.
- Ему лучше?
- Лучше, чем было. Его не тошнит, он успокоился. По-моему, физически он это пережил. Теперь все зависит от него самого.

- Да, — ответил Бернс. — Он не спит?
- Нет.
- Я хотел бы переговорить с ним.
- Да, конечно, дорогой.
- Гарнетта?
- Да?
- Ты знаешь, я был чересчур занят, но хотел, чтобы ты знала... Я имею в виду последние дни...

— Питер, — мягко произнесла Гарнетта, — я вышла замуж за полицейского.

- Да, Гарнетта, и я благодарен тебе. С Рождеством, Гарнетта.
- Возвращайся домой поскорее, Питер, как только закончишь дела. Я передаю трубку Ларри.

Через некоторое время он услышал в трубке голос сына.

- Папа?
- Хелло, Ларри. Как ты себя чувствуешь?
- Гораздо лучше, папа.
- Хорошо, хорошо.

Они долго молчали.

- Папа!
- Да?
- Папа, извини меня, пожалуйста, за то... Ну, что я себя так вел. Все изменится, папа.

- Многое изменится, — пообещал Бернс.
- Ты скоро придешь?
- Я хотел проветриться... — Бернс остановился. — Да, я скоро приду. Зайду только в госпиталь — и сразу домой.

- Мы будем ждать, папа.
- Прекрасно. — Бернс помолчал. — Ты действительно хорошо себя чувствуешь, Ларри?
- Скоро буду, — ответил сын, и Бернсу показалось, что он уловил в голосе Ларри улыбку.
- Ну и прекрасно. Веселого Рождства.
- Мы ждем тебя.

Бернс опустил трубку на аппарат и надел пальто. Настроение у него круто изменилось, на душе сделалось легко. Все было позади. Они арестовали Пэтта, взяли Коллинза, и с его сыном все будет хорошо, он знал, что с его сыном все будет хорошо; оставался Карелла, но Бернс был уверен, что и Карелла выкарабкается, где это видано, черт побери, чтобы раненый полицейский умер, такого быть не может. Во всяком случае — не с таким полицейским, как Карелла!

В госпиталь он пошел пешком. Температура на улице опустилась почти до нуля, но он все равно шел пешком и даже крикнул «Веселого Рождества!» двум попавшимся навстречу пьяницам. К госпиталю он подошел раскрасневшимся и слегка запыхавшимся от быстрой ходьбы, но еще более уверенным в том, что все будет хорошо.

На восьмой этаж Бернс поднялся лифтом. Двери раскрылись, он ступил на ковер и направился к палате Кареллы. И тут в душе его появилось новое чувство. Здесь, в этом стерильном коридоре пропахшего антисептиками госпиталя, он вдруг потерял свою уверенность в Карелле, им овладели сомнения в благополучном исходе, и он невольно замедлил шаг.

Он увидел Тедди.

Вначале это была маленькая фигурка в конце коридора. Она приближалась, и Бернс смотрел на нее как завороженный. Она шла с опущенной головой, скривив руки у пояса, и Бернсом овладел страх, ужас, от которого зазвенело в голове и похолодело в животе. Во всей ее фигуре, в опущенных плечах он увидел поражение.

«Карелла,— подумал он.— О, Господи, только не это...»

Он бросился к ней, она подняла голову; лицо ее блестело от слез. Он почувствовал слабость во всем теле, слабость и озноб, ему захотелось развернуться и бежать, бежать, только бы не видеть ее, не видеть боли в ее глазах.

И тут он увидел ее губы.

Странно, но она улыбалась. Она улыбалась, и его глаза в изумлении широко раскрылись. Слезы текли по ее щекам и огибли раздвинутые в счастливой улыбке губы. Он взял ее за плечи и спросил, четко артикулируя:

— Стив? Все в порядке?

Она поняла его и кивнула, сначала легко, потом безумно сильно, и прижалась к его груди; он обнял ее, крепко прижал к себе, как прижал бы родную дочь, и очень удивился, почувствовав слезы на своих щеках.

За стенами госпиталя гудели и звенели церковные колокола. Наступило Рождество, и все в целом мире было хорошо.

Перевод с английского
СЕРГЕЯ РАЮШКИНА.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Начинаем публикацию оригинальных композиций IV международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр «Смены» (условия см. в № 12, 1994 г.).

Приводим также ответы на задачи, опубликованные в журналах №№ 1—5 за 1994 г. Успешнее других справились с задачами **М. Дерябин** (Калуга), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожакин** (Магадан), **К. Костюкович** (Могилев, Беларусь), **А. Миролюбов** (Рыбинск), **Г. Попов** (Якутск) и **В. Симонов** (Самара).

ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

1. В. ИВАНОВ
пос. Повенец, Карелия

Мат в 2 хода

2. А. БЫЛЕВСКИЙ
Ульяновск

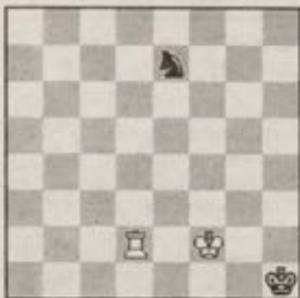
Мат в 2 хода

3. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

Мат в 2 хода

4. В. ШИЛЬНИКОВ
г. Асбест
Свердловской обл.

Мат в 3 хода

7. О. САКС
пос. Талая
Магаданской обл.

Мат в 3 хода

5. З. ГНАТ
г. Стрый, Украина

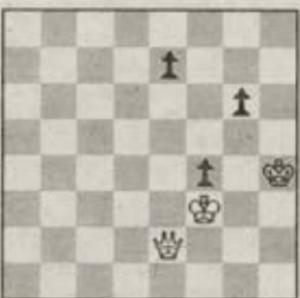
Мат в 3 хода

8. М. ЧЕРНУШКО
г. Уссурийск

Мат в 4 хода

6. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
и Н. РЕЗВОВ
Украина

Мат в 3 хода

9. Ю. СЕРЕЖКИН
г. Саранск

Мат в 5 ходов

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

«Смена» №№ 1-5, 1994

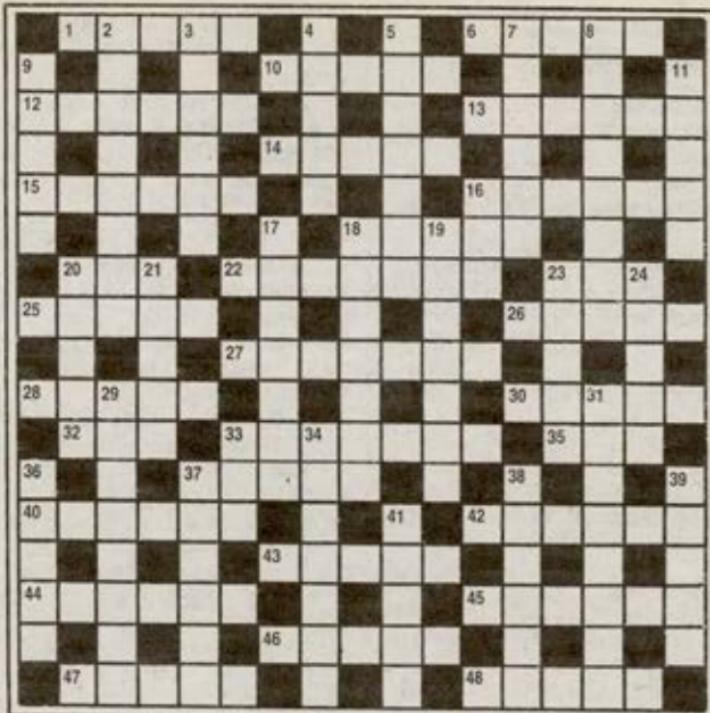
1. А. Дашковский. 1. Фd4
2. М. Чернушко. 1. Лg3. 1. Лb7? Сb6!
3. В. Марковский. 1. Лc3. 1. Лd3 f4!
4. Ю. Лубкин. 1. Сf6
5. А. Каргополов. 1. g6 Сg8 2. Лh6. 1... h6 2. Лd5
6. Н. Чистяков. 1. Сa8 c5 2. Кb3
7. В. Евстигнеев. 1. Kd6 Kph6 2. Kf7 (дуаль — 2. Kpf6). 1... c2 2. Лg5. *Побочное решение:* 1. Kg3 Kph6 2. Kpf6(?)
8. В. Морозов. 1. Лe3 g4 2. Лh3 gh 3. Сe5
9. М. Марандюк. 1. Сa3 Kpa5 2. Сc1 Kpb5 3. Сe3 Kpa5 4. Сf4 Kpb5 5. Cd6 Kpa5 6. Сb8 Kpb5 7. Ca7 Kpa5 8. Kpb3 Kpb5 9. Kc7 Kpa5 10. Kb7x

10. Д. Гургенидзе. 1. Фg2. 1. Фd3? Ka3!
11. В. Мельниченко. 1. ab! 1. La3? ba!
12. М. Власов. 1. Фd4. *Побочное решение:* 1. Фc4
13. Н. Зиновьев. а) 1. Фb8. б) 1. Фg1
14. В. Мельниченко. 1. Ff2! b2 2. Kpc3, 1... Kра3 2. Kpc4. 1. Kpc3? Kpa3! 1. Фd2? b2!
15. С. Демидюк. 1. Kpd3 b1Ф 2. Kc2, 1... Kf2 2. Krc2, 1... b1K 2. Krc2
16. В. Иванов. 1. Kpe3! h6 2. Лg4, 1... Kph5 2. Kf4, 1... h5 2. Kg5
17. Д. Гургенидзе и Р. Марцвалашвили. 1. Kpb3 Kpe2 2. Фg2 Kpd3 (Kpd1, Kpe1) 3. Фh2 (Ff2, Kpc3)
18. В. Иванов и Н. Зиновьев. 1. Cd5 Kpa4 2. Kpb6 h3 3. Ke1 h2 4. Kc2 h1Ф 5. b3x, 1... Kpb5 2. b3 h3 3. Kpb7 h2 4. Сс6 h1Ф 5. b4x

19. В. Клипачев. 1. Сb3. 1. Сb2? Kpe3!
20. В. Мельниченко. 1. Kg4
21. Д. Гургенидзе. 1. Fa8! 1. Фg2? d5! 1. Фg4? f1Ф! 1. Фd5? f1K!
22. С. Радченко. 1. Lh2 hg 2. Kf8
23. З. Гнат. 1. La6 Kraf 2. Lc7, 1... Krc8 2. Lb6
24. В. Крижановский. 1. Фd4! Фe6 2. Фd8, 1... Фg8 2. eб, 1... Kpg8 2. Фd5
25. С. Демидюк. 1. Kpd5! Kpg5 2. Kpe6 Kph4 3. Фc3, 2... Kph6 3. Kp7, 2... Kpg6 3. Фf8; 1... Kpf5 2. Фd6 Kpg5 3. Фeб; 1... Kpg3 2. Фg1 Kpf4 3. Фg4. *Побочное решение:* 1. Ce2 Kpe4 2. Ff2 Kpe5 3. Cg4, 1... Kpg3 2. Fg5 Kpf2 3. Kpd3, 2... Kph3 3. Фg1, 2... Kph2 3. Cf1

26. В. Иванов. 1. Kpc3 Kpb1 2. Kpb3 Kpa1 3. Сb2, 1. Kpd3? Kpb1!, 1. Kpc4? Kpa2!
27. Н. Зиновьев. 1. Kpc4 Kpa7 2. Kpc5 Kraf 3. Le8 Kraf 4. La8x, 2... Kpb8 3. Le8 Kpc7 4. Lc8x, 1... Kpb6 2. Kb5 Kraf 3. Le7 b6 4. La7x, 2... Kpc6 3. Le7 b6 4. Lc7x

28. Н. Зиновьев. 1. Сe8! 1. Cd3? a6!
29. В. Крижановский. 1. Сe1. *Побочное решение:* 1. Ff5
30. В. Мельниченко. 1. Фd2! 1. Kpc1? b3!, 1. Фe5? b3!, 1. Фd4? ba!
31. С. Цырулик. 1. c7
32. А. Заезжай. 1. Cf7! 1. Kpf5? b4!
33. Д. Гургенидзе. 1. Ch4 Kpg6 2. d8Ф, 1... Kreb 2. d8K. *Побочное решение:* 1. Kpf5 Kpg7 2. Cg5
34. В. Иванов и Е. Марков. 1. Fa3~ 2. b7, 1... Kpb8 2. Фd6, 1... Lc8(b8) 2. Kpb5
35. В. Кожакин и О. Сакс. 1. Cg5! Kpe3 2. Фd3, 1... Kpc3 2. Ke2, 1... Kpe4 2. Фd3
36. Ю. Калугин. 1. La5 Kpf4 2. Kpd3 Kpf3 3. Ch3 Kpf2 4. La1, 1..., Kpd4 2. Kpf3 Kpd3 3. Сb3 Kpd2 4. La1
37. Л. Грольман. а) 1. Kpf3! 1. Kpd3? Сb6! б) 1. Kpd3! 1. Kpf3? Cg5!
38. С. Цырулик. 1. Cd8! 1. Kpd6? f5!, 1. Ch4? f6!, 1. Cf6? — пат!, 1. Cf8? Kpd8!
39. Н. Зиновьев. а) 1. Фh2! 1. Фf2? Lg8!, 1. Le6? Lg8! б) 1. Lf6! в) 1. Lg7!
40. В. Клипачев. 1. Фh7!
41. В. Жуников. 1. d4 Kpd4 2. Фb6, 1... ed 2. Kpb4, 1... e4 2. fe. *Побочное решение:* 1. e4 Kpc5 2. Фab
42. В. Кожакин. 1. Фg4 Kreb 2. Фg7, 1... Kpf8 2. Kpd6, 1... Kpf6 2. Kh7
43. В. Антипов. 1. Фh4! Kph4 2. Kpg6, 1... Ch4 2. g4. *Побочные решения:* 1. Фe6, 1. Фf7, 1. Фi6, 1. Kph7.
44. Н. Чистяков. 1. Cd1! c5 2. Сb3 c4 3. Ca2 c3 4. Kb3x
45. М. Кормильцев. 1. Kb4! cb 2. Фb3 ba 3. Фc2. *Не решается после* 1... Kpb2!
46. Г. Ромберг. 1. Lg4! Kpg4 2. Kpe5 Kph4 3. Kpf5 g4 4. Kpf4 g3 5. fgx
47. В. Шильников. 1. Сe6! Kpb7 2. Сc8 Kpa8 3. Сa6 Kpb8 4. Kc6, 2... Kpb8 3. a6 Kpa8 4. Сb7, 1... Kpa5 2. b7 Kpb6 3. b8Ф Kpc5 4. b4
48. В. Антипов. 1. Сe8! Kpa5 2. Kpb7 Kraf 3. Kpb6 Kpb4 4. Ch5 Kpa4 5. Cd1 Kpb4 6. c3x. *Побочное решение:* 1. Cg4 Kpa5 2. Сc8 Kpa4 3. Kpb6 Kpb4 4. Cg4 Kpa4 5. Cd1

ЗРУДИТ**По горизонтали.**

1. Одна из обычных жертв молодого Ивана Грозного (он любил их швырять с высоких теремов). 6. Каждый из шестисот девяти объектов в числе трофеев, взятых войсками А. Суворова. 10. Буря, название которой в переводе значит «отравленная». 12. Озарение. 13. Царь, о войне с которым написал сочинение Саллюстий. 14. Представитель живущего в Дагестане народа — древнейшего населения Восточного Кавказа. 15. Инструмент, ведущий тему птички в сказке С. Прокофьева «Петя и Волк». 16. Арабский нищий, считающий позором просить подаяние. 18. Русское название ядовитого аконита. 20. Этнический облик человека. 22. Птица, чей образ пришел в русское искусство из персидских преданий. 23. Ирландия — арфа, Британия — 25. Одна из двух важнейших «жемчужин» Милана. 26. Уезд по-румынски. 27. Народ, научивший римлян зодчеству. 28. Обедня в католической церкви. 30. Французский художник, сказавший об одной из своих картин: «Совершенно в японском стиле, но сделано перуанским дикарем». 32. Продукт, каким в древности, по свидетельству Ибн Баттуты, платили жалованные воинам. 33. Композитор, на чей концерт в Манеже в Москве пришли в 1868 году двенадцать тысяч слушателей. 35. Человек, чья идеология, по В. Буковскому, идет с древнего насилия, со сбора дани. 37. «Венерины волосы» в хрустале. 40. Англичанин, руководивший самой первой альпинистской экспедицией. 42. Недуг, при котором, по К. Паустовскому, люди казались И. Левитану врагами. 43. Русский лейтенант, командир од-

ного из четырех брандеров во время разгрома турецкого флота в Чесменской бухте. 44. Французский король, сам завивавший волосы себе и королеве. 45. «Шум и ...» — роман, какой У. Фолкнер советовал читать до тех пор, пока не поймешь. 46. Название участника спортивных соревнований после 388 года до н. э. 47. Страна, поставившая осадную технику монгольским завоевателям. 48. Родовая община инков.

По вертикали.

2. Перед началом важного дела древние прыгали через пламя костра (цель обычая). 3. Часовня под храмом в средневековой европейской архитектуре. 4. Выходец из России, расписавший плафон «Гранд-опера» в Париже. 5. Полководец, жене которого в 1813 году Жермена де Стель писала: «Ваш популярный супруг повлиял на судьбу мира, как никто со времен Карла V». 7. Биндасов по отношению к Литвинову в «Дыме» И. Тургенева. 8. Зверь, самые крупные особи которого встречаются в Южной Америке. 9. Второе название оперы Л. Яначека «Ее падчерица». 11. Кожа, из которой алачи делали вышитые пояса и нарукавники. 16. Титул алжирского правителя, которого избрали янычары. 17. Каждое произведение в «музыкальной» галерее чешского художника Г. Беттингера. 18. Английский писатель, ярко изобразивший «век Джонсона». 19. Итальянская слива. 20. И веялка, и сортировка. 21. Один из двух механизмов первого печатного станка. 23. Режиссер, снявший фильм «Два бойца». 24. Время, когда чаще всего приходит сель. 29. Французский экономист, повлиявший как на Родбертуса-Ягцова, так и на его противника К. Маркса. 31. Важнейшая черта характера древних римлян, ставшая одной из причин гибели империи. 33. Человек, говоривший на языке африкаанс. 34. Город, из которого выросла «владычица морей» Венеция. 36. Зимняя буря, загоняющая все живое в укрытие. 37. Лесная прогалина. 38. Теплоноситель в ядерной энергетике. 39. Открытая полынь на болоте, от которой надо держаться подальше. 41. ...тебе на язык (типун).

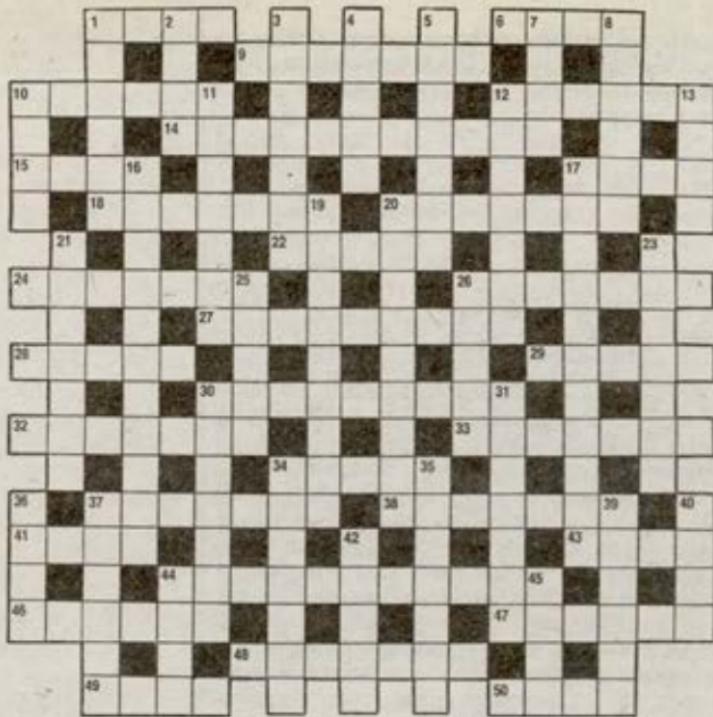
ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали.

2. Шпат. 5. Боты. 8. Туф. 10. Юнкер. 12. Цуг. 13. Кастрет. 14. Алевад. 16. Чирин. 18. ...желанье... 19. Леопард. 20. Вождь. 23. Мифунз. 27. Победа. 30. Фухтель. 31. Фраер. 32. Евеар. 33. Ординар. 34. Сезанн. 37. Опушка. 41. Ряска. 44. ...догадка... 45. Гребень. 46. Злоба. 47. Байрон. 48. Фригия. 50. Даф. 51. Огарь. 52. Нга. 53. Кейс. 54. Ясак.

По вертикали.

1. Хук. 3. Потанин. 4. Тютчев. 5. Бранль. 6. Тремо-
ло. 7. Пуд. 9. Фарлаф. 11. Кураж. 12. Царане.
15. Джем. 17. ...ядра... 21. Орхидея. 22. Дневник.
24. Иоффе. 25. Удача. 26. Эфрон. 27. Пьеро. 28. Бие-
шу. 29. Дурак. 34. Сода. 35. Зограф. 36. Нидерле.
38. ...пшеница... 39. Штелин. 40. ...альт. 41. Разнос.
42. Смола. 43. Агафья. 47. Бак. 49. Яго.

КРОССВОРД
Составил
М. СТАВРОВСКИЙ,
Тверь

По горизонтали.

- Средство связи.
- Конкурсная комиссия.
- Дорожная тара.
- Нерасторопный, неуклюжий человек.
- Элемент вольтижировки и джигитовки.
- «Спутник» ямщика.
- Десять русских чарок или две водочные бутылки.
- Административно-территориальная единица на Руси.
- Низкобортный корабль для борьбы с береговой артиллерией.
- Французский физик, обнаруживший слепое пятно в глазу.
- Горная вершина в горах св. Ильи в Канаде, вторая по высоте в Северной Америке.
- Американский драматург, выдвинувший теорию «пластического театра».
- Иллюстрация большого формата книги.
- Деревце, приносившее «египетские финики».
- Тюфяк на двух ногах.
- Пряное растение, дающее тимоловое масло.
- Блуза, какую носил великий русский писатель и которую назвали его именем.
- Морской специалист, способный днем по памяти нарисовать карту звездного неба.
- Домашняя птица древних майя.
- Не овощ, а витаминный.
- Ученик Бенвенуто Челлини в одноименном произведении А. Дюма.
- Медуза, чьи ротовые лопасти похожи на ослиные уши.
- Полоска, соединяющая верх обуви с подошвой.
- Батрак в опере Б. Сметаны «Проданная невеста».
- Вещество, обретающее способность притягивать другие вещества только под воздействием внешнего поля.
- Первый город, где остановился С. Есенин в зарубежном путешествии.
- Утолщение ствола архитектурной колонны.
- Жи-

вотное, виновное в расселении по всей Европе американского мелколепестника. 50. Мужской персонаж в «Снегурочке» Н. Римского-Корсакова, чью роль часто исполняют женщины.

По вертикали.

1. Привидение, призрак.
2. Небольшая речная лодка.
3. Делает пищу невкусной.
4. Дьяк, учитель Петра Первого.
5. Композитор, с нежностью подаривший зрителям «Фиалку Монмартра».
7. Певчая птица, охочая до букоевых орешков.
8. Другое название гормона.
10. Высокий титул в сultанской Турции.
11. Стока А. Блока: «Жизнь — без начала и конца» (размер).
12. Многоствольная флейта.
13. Ухажер, приставала на моложеном сленге.
16. Александр Афанасьев по роду занятий.
17. Виза начальника по сути.
19. Сборник стихотворений Г. Гейне.
20. Птичка, ориентирующаяся в перелетах, как полагают, по звездному треугольнику Альтаир — Вега — Денеб.
21. Удальство, храбрость.
23. Первое блюдо.
25. Периодические выставки художников в Бельгии, Франции.
26. Эстрадная певица.
30. Представитель народа, делающего из конины казалык — вяленую колбасу.
31. Горная порода, кислотоупорный материал.
34. Одно из русских названий кринолина — юбки с китовым усом.
35. Способ приготовления пищи.
36. ... с музыкой (о чем-либо, связанном с большими трудностями, неприятностями).
37. Плато в Северной Ирландии, где колонны базальта образуют «Дорогу гигантов».
39. «Теплый» самоцвет.
40. Болезненный «поступок» пчелы.
42. Марка дорогих американских автомашин.
44. Португалец, открывший мыс Доброй Надежды.
45. Боевой порядок русской дивизии в сражении при Кагуле во время русско-турецкой войны.

287

ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12

По горизонтали.

1. Слюдя.
4. Факел.
7. Хогарт.
8. Тарава.
10. Ока.
13. Магеллан.
14. Палладий.
16. Эстет.
17. Ренато.
20. Изверг.
21. Трехперстка.
22. Дьяк.
24. Венес.
25. Обедня.
26. Умбрия.
27. Баян.
30. Злак.
33. Штукмейстер.
35. Чеддер.
36. Цунами.
37. Вклад.
39. Глазочек.
40. Ирландка.
41. Чан.
43. Рылеев.
44. Иттрий.
45. Агаян.
46. Арабы.

По вертикали.

1. Смоллетт.
2. Юкатан.
3. Ауто.
4. Фата.
5. Кармат.
6. Левулеза.
9. Агония.
11. Костер.
12. Еддеде.
13. Мирид.
14. Пессимист.
15. Йагус.
18. Оркестр.
19. Эхинококк.
20. Икариец.
23. Кон.
24. Вяз.
27. Бочаг.
28. Ягдташ.
29. Регата.
31. Луанда.
32. Клика.
33. Шеромыга.
34. Рукавица.
37. Венера.
38. Жратва.
41. Чван.
42. Ниша.

эскиз и кажущаяся окончательной и совершенной, дерзновенная смелость, с которой густо, почти рельефно наложены краски,— такова последняя манера Рембрандта. Ее можно подметить в «Св. Матфея» Луврского музея, в «Лукреции» коллекции Бордена в Нью-Йорке, в «Возвращении блудного сына» петербургского Эрмитажа, в «Семейном портрете» Брауншвейгского музея. Еще никогда Рембрандта не прельщали и не опьяняли так: золото, которого у него более нет, но которым он продолжает галлюцинировать, переливы света, прекрасные, как блеск сокровищ, рассыпанных при свете факелов, целые потоки красок, среди которых он забавлялся, работая над ними всем, начиная от своих пальцев, ножа и до черенка своей кисти, и создавая таким образом рельефы и углубления из драгоценностей и богатых украшений.

У него был где-то запрятан старинный бюст Гомера. Он хорошо знал эти обезображеные черты, потухшие глаза, отпечаток драмы на лице, распутство, которое, по легенде, убило поэта. У него рождается внезапное влечение, и вот он пишет старого слепца в лучезарном одеянии, сидящим в кресле, в таком виде, как он представлял себе самого себя в будущем. Эта недавно открытая картина находится в Гаагском музее. Затем он рисует молодую девушку, наивную, чистую и невинную, в прекрасном свадебном наряде, к которой приближается он сам с видом любящего отца, чтобы говорить с ней о любви и будущем материнстве. Его руки благоговейно и с глубокой нежностью касаются юной груди, скрытой под покровом платья, и их движение воплощает один из самых целомудренных, правдивых и прекрасных жестов в живописи.

Мужчина и женщина на картине, загадочно названной «Еврейская невеста», украшены всею роскошью золота, бархата и шелка, образующей контраст с задушевным характером сцены и тем ярче подчеркивающей страсть к феерии и к химерам, не угасающей в сердце Рембрандта.

С той же свободой, доходящей до крайнего дерзновения, и тоже как безумное и великолепное видение пишет он «Давида и Саула» (Гаагский музей) и особенно «Эсфири, Артаксерса и Амана» (Бухарест, Национальная галерея). В композиции последней картины чувствуется неограниченная власть художника, мощь серебра и драгоценных камней жжет полотно, психология трех действующих лиц достойна Шекспира, краски пышны, рисунок так же уверен, как и во время наивысшего расцвета сил Рембрандта. Скипетр внезапно, как молния, выступающий из мрака, озаряет всю сцену таинственным обаянием. Можно сказать, что он управляет тремя действующими лицами этой драмы. Рембрандт умирает вслед за созданием этой картины.

mamara Гвергчимену

ИНДЕКС 70820